

**Международная академия методологии
государственного управления
МОО
Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости»
МОО**

**А.И. Подберезкин,
В.Г. Соколенко,
С.Р. Цырендоржиев**

Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты

Аналитико-прогностический подход

Вып.3.

Том 445 (487)

Москва - 2020

**Научное,
энциклопедическое многотомное издание
«Человек и общество»
(1991 -2020)**

**Основатель, научный редактор
Комарова А.И.**

*Для государственных и негосударственных органов,
общественных организаций и объединений,
государственных деятелей, политиков, ученых,
специалистов-практиков, преподавателей высших и
иных образовательных учреждений , аспирантов,
студентов ..., а также широкого круга читателей,
интересующихся вопросами утверждения правового
государства, созидания истинно человеческого общества -
общества социальной справедливости в России, Украине
и в Мире*

**Современная международная обстановка:
цивилизации, идеологии, элиты. А.И.
Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев
/ Гл. ред. А.И.Комарова. Том 445(487). Вып.3. М.,
2020.**

©Международная академия
методологии государственного управления, 2020.
© Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости»,
2020.

Настоящий Том 445(487) – это очередной выпуск 487 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

**Основной из принципов нашей активности:
«Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно-управленческого, политического, научного ... АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».**

А.Комарова

Комарова Алина Ивановна – Председатель Международного антикоррупционного комитета (МОО), ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), руководитель Международного общественного движения «Созидание общества социальной справедливости», академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, профессор, юрист

В числе 50 направлений нашей многолетней научно-практической деятельности особое место занимает проблема России как государства планетарного масштаба, как особая страна – страна особого исторического предназначения.

Россия – это пространство исторической неотъемлемой ответственности и как большого государства, и как когда-то, и более того – в будущем

великой державы, как собирательницы земель и
народов,
как особого типа цивилизации,
интегрирующей цивилизации, в отличие от
колонизирующей страны цивилизаций,
образцы чего показывает Запад.
В геополитических условиях глобальных угроз миру
современная фактическая
и футурологическая мировая роль России
постоянно возрастает.
Это обуславливает то, что Том 247(289) начал рубрику:
«Русская (славянская) цивилизация»,
Том 251(293) продолжил эту рубрику
с учетом эволюционно-исторической
закономерности
цивилизационного развития:
«Российская (русская) цивилизация:
история, реалии, перспективы».
Аналитико-прогностический аспект, а Том 320(362)
уточняет, конкретизирует эту рубрику:
«Российская (русская, многонациональная) цивилизация:
история, реалии, перспективы».
Том 445 (487) - это третий выпуск рубрики:
«Внешнеполитические реалии и
перспективы России»

* * *

Современная международная обстановка:
цивилизации, идеологии, элиты. А.И.
Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев
/ Гл. ред. А.И.Комарова. Том 445(487). Вып.3. М.,
2020.

* * *

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований

А. И. Подберезкин,
В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев

**Современная
международная обстановка:
цивилизации, идеологии, элиты**

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

П44

*Монография подготовлена в рамках проекта РГНФ
«Долгосрочное прогнозирование развития отношений между
локальными цивилизациями в Евразии» №15-37-14016*

Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.

П44

Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 464 с.

ISBN 978-5-9228-1402-7

Монография «Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты», подготовленная доктором исторических наук Алексеем Ивановичем Подберезкиным, доктором политических наук Владимиром Григорьевичем Соколенко и кандидатом военных наук Самбу Рабдановичем Цырендоржиевым, представляет собой исследование цивилизаций, идеологии, информационного противоборства и восприятия элиты как основных факторов развития современной международной обстановки. Авторы демонстрируют ключевую роль интересубъективных факторов при анализе и прогнозировании развития международной обстановки. Особое внимание авторы уделяют роли идеологии и развитию человеческого капитала, которые являются основными факторами обеспечения национальной и цивилизационной безопасности. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1402-7

© МГИМО МИД России, 2015

© А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев, 2015

Оглавление

Вступительное слово генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
--	---

Предисловие	7
--------------------------	---

Глава I

Основы анализа и прогноза современной

международной обстановки	23
---------------------------------------	----

1.1. Анализ и стратегическое прогнозирование развития международной обстановки в России	36
1.2. Основы методологии долгосрочного прогнозирования развития современной международной обстановки	55
1.3. Основы анализа и прогноза развития конкретного субъекта международной обстановки.....	67
1.4. Анализ и стратегический прогноз развития новых парадигм международной обстановки.....	85
1.5. Модели и алгоритмы реализации политической стратегии цивилизаций и государств	103
1.6. Политическая стратегия Западной цивилизации в отношении России	117
1.7. Локальные цивилизации — основные субъекты международных отношений	129
1.8. Перспектива развития российской цивилизации как основы будущей международной обстановки.....	142
1.9. Основные особенности развития и противоборства цивилизаций.....	148
1.10. Развитие международной обстановки и военная организация России.....	156

Глава II

Правящая элита цивилизаций и государств

как основной объект внешнего силового воздействия	171
--	-----

2.1. Внешнее влияние на восприятие международной обстановки российской элиты.....	183
2.2. Идеология как основное средство противодействия внешнему влиянию на правящую элиту.....	194

2.3. Способность российской правящей элиты адекватно формулировать цели и задачи	209
2.4. Сознательное искажение международной обстановки.....	220
2.5. Информационная война против правящей элиты	233
2.6. Российская правящая элита как главный объект противоборства	252
2.7. Либеральная парадигма и столкновение цивилизаций.....	268
2.8. Либеральная российская элита и развитие стратегической обстановки	280
2.9. Война как главное средство политики современного либерализма	292
2.10. Российская либеральная элита и современная война.....	305

Глава III

Идеология правящей элиты как важнейший фактор

формирования международной обстановки	317
3.1. Роль идеологии в анализе и прогнозе развития международной обстановки	325
3.2. Идеология как средство формирования реального и виртуального представления о современном состоянии международных отношений	339
3.3. Военная организация России и идеология.....	346
3.4. Значение идеологии современной России для формирования международной обстановки	355
3.5. Идеология и дезинформация при анализе и прогнозе развития международной обстановки.....	371
3.6. Национальный человеческий капитал, его институты и идеология	384
3.7. Роль идеологии в сценарии «Глобального военно-силового противоборства цивилизаций»	399
3.8. Влияние идеологической борьбы внутри правящей элиты на формирование международной обстановки.....	407
3.9. Влияние правящей элиты на формирование международной обстановки в условиях сетцентрической войны.....	416
3.10. Влияние национального человеческого капитала на субъекты международной обстановки	434
Список используемых сокращений и аббревиатур	451
Понятийный аппарат	455
Список используемой литературы	457

**Вступительное слово
генерального директора
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новикова**

Полицентричность современного мира становится все отчетливее. Проявляется она также и в ценностно-нормативном измерении мировой политики. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 г., «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития». В этих условиях на первое место выходят вопросы идеологических ценностей, основными носителями которых традиционно выступали политические элиты. Поэтому не удивительно, что политический суверенитет государства или цивилизации в современном мире во многом зависит именно от идеологического суверенитета элиты.

Новая монография Центра военно-политических исследований отражает принципиальную важность ценностно-нормативной и идеологической проблематики в анализе

современной международной обстановки. Авторский коллектив монографии позволил совместить в ней три исследовательские перспективы: дипломатическую (Соколенко В. Г.), военную (Цырендоржиев С. Р.) и научно-аналитическую (Подберезкин А. И.). В результате получилось комплексное, фактологически фундированное и концептуально целостное исследование. Оно не только ставит вопрос о необходимости укрепления национальной идеологии в России, но и о повышении качества человеческого капитала у современной российской политической элиты. Во многом именно эти факторы — идеологический суверенитет и качество политической элиты — обуславливают национальную безопасность в современном быстроменяющемся мире.

Монография представляет несомненный интерес как для широко круга читателей, интересующихся военно-политической проблематикой, так и для специалистов и ответственных работников.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

Предисловие

Анализ и долгосрочный прогноз развития международной обстановки (МО)¹ в XXI веке имеет жизненно важное значение не только для российского государства, но и будущего всей нации, более того, — всей локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) формирующейся вокруг «российского ядра» в настоящее время. Обострение междоцивилизационного и межгосударственного конфликта, начавшееся в первом десятилетии XXI века, уже привело к тому, что этот конфликт перерос в силовую фазу развития и достаточно динамично сползает к её вооруженному этапу: современная МО все больше напоминает обстановку, которая была в самый начальный период Первой и Второй мировых войн. Этот факт — так или иначе — признается все чаще и все большим количеством экспертов и политиков. По политическим причинам признать этот факт публично никто из крупных политиков в мире пока что не решается. Но это только «пока». Между тем «вползание» в войну де-факто происходит ежедневно и проявляется во множестве примеров: то поймают в Австрии американских десантников, которые едут «мелкими партиями» с оружием на Украину, то «обнаружат» концентрацию войск или военной техники, то передадут новые полномочия военному командованию НАТО.

Во многом этот процесс сползания к активным действиям имеет под собой идеологическую основу. Как справедливо заметила профессор Т. Шаклеина: «В мире стала

¹ Сокращения и аббревиатуры даны по: Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО-Университет, 2013. 239 с.

происходить (в XXI в.) «обратная идеологизация» международных отношений, которая выразилась в ужесточении либерально-моралистской догматики, абсолютизации опыта западных демократий»². Эта «идеологизация», следует напомнить, произошла после заявленной еще А. Яковлевым в конце 80-х годов XX века в СССР «деидеологизации», продолжающейся во многом в российской политике и сегодня, уже под лозунгами «прагматизма» и «разновекторности». Получается, что когда против России начата война, включающая самые крайние в т.ч. силовые формы идеологических акций, Россия продолжает «деидеологизироваться», отказываясь от собственной идеологии, т.е. фактически:

- отказывается от ресурса противодействия враждебным идеологическим акциям;
- отказывается от системного подхода к тем или иным проблемам, будь то финансы и экономика, либо социальная или военная область;
- отказывается от идеологии как эффективной системы политического управления в условиях жесточайшего управленческого кризиса.

Между тем, идеология, как система взглядов, нужна для того, чтобы, во-первых, адекватно и точно реагировать во всех областях жизнедеятельности государства всему российскому обществу, а не только властям, во-вторых, — правящей элите необходимо максимально точно представлять себе не только современное состояние МО и военно-политической обстановки (ВПО), но и иметь адекватные представления об их будущем развитии, что также невозможно без системы взглядов, т.е. идеологии.

Известный субъективизм в политике и общественных науках, который в России зашкаливает давно, должен — если

² Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. — М.: «Аспект-Пресс», 2014. С. 35.

всерьез добиваться эффективности в управлении — в минимальной степени влиять на точность и оперативность такого анализа, а тем более вести к ошибочным предположениям и выводам, которые, к сожалению, в последние десятилетия не раз приводили руководство СССР и России к неправильным действиям. Тем более что такой субъективизм может объясняться и внешним влиянием, а именно давлением, подкупом, шантажом, что очень активно используется Западом в последние годы, который даже сделал эту политику публичной, официальной, назвав её «политикой санкций».

Поэтому, в данной работе авторы попытались совместить логико-теоретический (аналитический) и политико-идеологический, а также эмпирический (конкретный), методы исследования. Кроме того, они попытались также проанализировать влияние некоторых субъективных факторов на процесс формирования МО. Прежде всего, конечно же, такого субъективного фактора, как влияние различных групп правящей российской элиты, которое в последние годы нередко пересиливало влияние объективных реалий на формирование внешней политики.

В данной работе предпринимается попытка такого адекватного политико-идеологического анализа и прогноза международной и военно-политической обстановки, который остается, конечно же, достаточно субъективным именно в силу идеологизированности. В ней развиваются, во многом, те положения, которые были разработаны в 2012–2015 годы в Центре военно-политических исследований (ЦВПИ), созданном МГИМО МИД РФ и АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“», в частности, в серии аналитических докладов, посвященных анализу МО и ВПО³, а также в нескольких теоретических публикациях — работах, посвященных стра-

³ Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] — М.: МГИМО-Университет, 2014.

тегическому прогнозированию внешней и оборонной политики⁴. Эти вопросы были рассмотрены также в отдельных специальных работах⁵, с которыми можно познакомиться на сайте ЦВПИ www.eurasian-defence.ru⁶.

Предлагаемая работа является, как хочется верить, дальнейшим шагом в развитии предпринятых Центром усилий и может быть использована не только в академических и образовательных целях, но и для решения прикладных задач. Прежде всего, речь идет об эффективном долгосрочном внешнеполитическом и оборонном прогнозе и планировании, которое необходимо для плана социально-экономического развития, государственного оборонного заказа и других целей.

Основной тезис, который отстаивается в первой части работы, заключается в том, что достаточно быстрое изменение соотношения сил не в пользу западной ЛЧЦ в XXI веке неизбежно должно привести к пересмотру всех систем (финансово-экономических, военно-политических, гуманитарно-ценностных и иных), образующих МО в начале XXI века и находящихся под контролем США. Такой контроль со стороны США предполагает огромную выгоду для одной из ЛЧЦ, а именно, — западной, и заведомо несправедливое распределение мировых богатств и возможностей, чему, безусловно, угрожает неизбежное будущее изменение соотношения сил в мире. Это — одно из основополагающих, известных положений общей теории политического процесса, которое Б. Поршнев сформулировал следующим образом: «Соци-

⁴ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

⁶ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

ально-экономические системы, наблюдаемые нами на «переднем крае» человечества, существуют и развиваются лишь благодаря высасыванию дополнительных богатств и плодов труда из всего остального мира и некоторой амортизации таким способом внутреннего антагонизма»⁷.

В предлагаемой работе такое противоборство рассматривается не столько как противоборство различных социально-экономических систем, сколько как противоборство — вполне естественное для международных отношений — локальных человеческих цивилизаций, объединяющих различные субъекты МО как на экономической, военно-политической, так и социо-культурной основе. Причем именно цивилизационная основа все более и более становится основной для стран, входящих в западную ЛЧЦ, включая не, только представителей американо-европейского, но и японского и азиатского этносов. Не случайно Б. Обама еще в самом начале своего президентства говорил об «общих ценностях, которые могли бы заложить основу нового политического соглашения»⁸. Разумеется, в интересах Запада и конкретно США.

Это положение было позже им развито и конкретизировано, в том числе, в последних важнейших нормативных документах⁹, которые, в свою очередь, стали основой для дальнейшей конкретизации политики уже отдельными министерствами и ведомствами¹⁰. В результате развития этого процесса можно констатировать, что к концу президентского срока Б. Обамы в США сформировалась стратегия военно-силового противоборства с другими ЛЧЦ за сохранение

⁷ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии): науч. ред. О. Т. Вите. СПб.: Алетей, 2007. С. 25.

⁸ Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб: «Азбука-классика», 2008. С. 14.

⁹ National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015. — P. 29.

¹⁰ The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : DOD, 2015. P. 17.

сложившихся к началу XXI века и очень выгодных для США финансово-экономических и военно-политических систем, которые к тому же времени получили окончательное международно-правовое оформление. В основе этой стратегии лежат политико-идеологические и ценностные положения западной ЛЧЦ, преимущественно США.

Иными словами неизбежное будущее перераспределение силы и влияния в мире будет встречать военно-силовое противоборство со стороны западной ЛЧЦ, представители которой не питают иллюзий и напрасных ожиданий относительно «всеобщего братства» на планете, а спокойно готовятся к вооруженному отстаиванию своих интересов. Эта — общепризнанная, даже банальная, главная закономерность мирового переустройства, о которой очень точно в свое время сказали профессора МГИМО: «Каждая система международных отношений существует до тех пор, пока закрепленное в ней соотношение (баланс) сил не противоречит новым историческим реалиям»¹¹. Она, однако, отнюдь не считается объективной и не является общепризнанной в США и других ведущих странах, представляющих западную ЛЧЦ, где полагают, что с помощью военной силы эту ситуацию можно исправить. Они, вне всякого сомнения, попытаются предотвратить изменение существующих норм и правил в мире, в том числе используя для этого весь спектр силовых и даже военных средств. Что, собственно говоря, уже подтверждается политической практикой.

Поэтому эволюция всей системы МО в XXI веке, вероятнее всего, будет развиваться по одному (или периодически сменяющих друг друга) из двух вариантов наиболее вероятного из всех возможных сценариев развития МО, который авторы называли сценарием «Глобального военно-силового

¹¹ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 21.

противоборства локальных человеческих цивилизаций» — «пессимистическому» (или «реалистическому»). Оба варианта этого сценария предусматривают неизбежное применение вооруженного насилия на различных ТВД¹² и в глобальном масштабе. Вся разница в скорости развития того или иного варианта. В одном случае — «пессимистическом варианте» — такой сценарий может развиваться очень быстро, как в 2013–2015 годы. В другом случае — медленнее, как в 2008–2013 годы. Более того, по нашему мнению, оба варианта такого сценария попеременно уже реализуется в форме системной сетецентрической войны, начиная с 2008 года¹³, в зависимости от внешних условий и внутривойсковых обстоятельств.

Очень важно сформулировать политико-идеологическое отношение к этой реальности, которое может ее признавать, либо отрицать, либо признавать с оговорками. В России и в мире сформировались различные силы и слои «относящиеся к этой реальности субъективно по-разному. Авторы полагают, что сценарий усиления военно-силового противоборства с различными ЛЧЦ не только разработан и предусмотрен, но и фактически начат реализовываться США с 2008 года. Прежде всего, по отношению к тем ЛЧЦ (как российская), которые попытались публично заявить и практически сделать пусть незначительные, некоторые (особенно публичные) шаги в политике, угрожающие сложившейся системе МО, находящейся под контролем западной ЛЧЦ. Очевидно, что такие попытки в той или иной степени предпринимались исламской, российской, китайской и латиноамериканской ЛЧЦ в разное время и с разной интенсивностью.

При этом важно подчеркнуть, что угрозы, сложившимся в XX веке и существующим в XXI веке, прозападным

¹² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 13–15.

¹³ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.

системам, а также необходимость резкого противодействия нарождающимся новым угрозам, видятся в западной ЛЧЦ во всех аспектах — от финансово-экономических и военно-политических до культурно-гуманитарных, образовательных, спортивных и пр. Легко заметить, например, немедленную реакцию Запада в любой области. Если появляются попытки оспорить право Запада контролировать ситуацию. Соответственно западная ЛЧЦ публично декларирует и готова в действительности, реально, всеми силами, защищать свое «право» контролировать ситуацию во всех областях человеческой деятельности в мире и принуждать другие ЛЧЦ и нации признавать это право — от спортивных состязаний до защиты ЛГБТ-сообществ.

На практике это выражено, прежде всего, в противодействии западной ЛЧЦ как попыткам угрожать господству доллара в качестве единой мировой расчетной единицы и сложившейся системе военно-политических союзов, так и признанию однополых браков и проведению Олимпийских игр и чемпионатов по футболу в странах, «не соблюдающих нормы международного права», т.е. отказывающихся подчиниться контролю западной ЛЧЦ в существующей системе международных отношений.

Выбор главных политических противников западной ЛЧЦ объясняется, прежде всего, их публичным политическим отказом признать право западной ЛЧЦ на такой глобальный цивилизационный контроль, попыткой публично «поставить под сомнение» само право Запада формулировать систему ценностей и международные нормы.

Именно поэтому, в первые два десятилетия XX века, в качестве основных объектов военно-силового противоборства, Соединенными Штатами, были выдвинуты мусульманские государства, представляющие наиболее самостоятельную часть мусульманской ЛЧЦ — Иран, Ирак, Египет, Ливия, Судан, Йемен, Афганистан и др., против которых была раз-

вернута системная сетецентрическая война, включающая информационную войну, экономические санкции, гуманитарные, антиправительственные выступления, наконец, прямую военную интервенцию¹⁴.

Другой приоритетный объект для военно-силового противоборства — российская ЛЧЦ, которая в конце первого десятилетия публично «посмела» поставить под сомнение, как справедливость существующего мироустройства, так и права США контролировать сложившиеся под их контролем системы. Особое беспокойство у США и их союзников вызвало то, что Россия не только практическими действиями в мире ставила под сомнение это право, но и публично, даже демонстративно, последовательно и настойчиво оспаривала его, подчеркивая приоритет национального суверенитета, что в итоге было закреплено в июле 2015 года решением Конституционного суда России.

По мере изменения соотношения сил и усиления формирующихся новых центров силы, не согласных со сложившейся однополярной моделью мироустройства, прежде всего КНР, РФ, Индии, Бразилии и ряда других стран, будет усиливаться и военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ и странами. Представляется, что это и дальше будет происходить в соответствии с определенными приоритетами и с помощью различных стратегий. Так, очевидно, что по отношению к мусульманской ЛЧЦ будет применяться стратегия «управляемого хаоса» — создание очагов внутренних и внешних конфликтов, в которых будут участвовать преимущественно сами мусульманские страны. Это позволит западной ЛЧЦ не только разобщить и противопоставить, и, в конечном счете, ослабить мусульманскую ЛЧЦ, но и сохранить на ее территории сложившуюся систему

¹⁴ Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014. 161 с.

финансово-экономических и военно-политических отношений, выгодных западной ЛЧЦ.

По отношению к другому политическому приоритету — российской ЛЧЦ — предполагается, что будет продолжено начатое в 2008 году достаточно быстрое, но постепенное усиление системного силового противоборства с включением в него «по нарастающей» степени все большего потенциала и элементов собственно военной силы. Важно понимать, что реальное фактическое применение военной силы, будет, во-первых, политически не признаваться, во-вторых, не демонстрироваться, а, в-третьих, контролироваться с тем, чтобы на каждой ступени военной эскалации инициатива развития или остановки оставалась за США. Это означает, что весь период, с 2015 по 2021 год, силовое и военное давление на РФ будет развиваться по нарастающей, включая в свою орбиту не только все элементы межгосударственных, общественных и междоцивилизационных отношений — от торговли и спорта до культурных обменов, — но и скрытые, а постепенно и явные инструменты вооруженного насилия.

При этом также важно выделить два основных стратегических направления в развитии сценария западной ЛЧЦ «Глобального военно-силового противоборства» применительно к России, которые являются не только географическими, геополитическими, социо-культурно и экономическими, но и военно-политически аргументированы. Это, во-первых, формирование крайне негативного и враждебного, регионального сценария развития МО в Европе на базе усиления конфликта на Украине и активизации деятельности союзников США по НАТО, что уже нашло свое явное подтверждение и обоснование.

Во-вторых, — о чем говорят значительно меньше и реже — создание аналогичного, враждебного, регионального сценария развития МО на базе бывших азиатских советских республик. Сначала в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане, а затем —

на втором, самом важном этапе — в Казахстане. Главная цель развития этого сценария заключается в том, чтобы создать на южной границе России угрозу не только Западной Сибири, Южному Уралу и Поволжью, но и территориальной целостности всей России, т.е. возможности, в конечном счете, «раздела» ее на европейскую и азиатскую часть, а в итоге — ликвидации самой страны и раздела нации на отдельные общности по примеру Украины и Беларуссии.

Политико-идеологические и мировоззренческо-цивилизационные аспекты анализа и прогноза развития МО и конкретных сценариев имеют очень важное значение, ибо они лежат в основе, как логико-теоретического, так и конкретно-эмпирического исследования, взаимно дополняющих друг друга. Без них, как и без логико-теоретических положений, анализ и прогноз развития МО и ВПО превращается в простой набор эмпирических данных, подобранных достаточно субъективно и нередко противоречащих друг другу. «Прагматизм», как метод, в данном случае означает простое отсутствие внятной политической, а не только идеологической концепции.

И, наоборот, достаточно точный стратегический прогноз развития МО и ВПО в мире вполне возможен при условии правильного выбора политико-идеологических, мировоззренческих и логико-теоретических основ, на базе которых можно создать динамическую модель, иллюстрирующую современное и будущее состояние развития наиболее вероятного сценария МО и её составной части — ВПО¹⁵, что лишает руководство понимания системности политического процесса, «топит» его в деталях.

Учитывая, что современные информационно-технологические возможности позволяют обрабатывать огромное количество параметров в кратчайшие сроки (одна из

¹⁵ Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014. 167 с.

действующих отечественных систем, созданных в Концерне ВКО «Алмаз-Антей», например, позволяет одновременно мониторить состояние более 50 000 объектов, находящихся в космосе и атмосфере, со скоростью 10^{15}), можно допустить возможность создания такой модели развития МО, в которой учитывались бы все основные количественные и качественные факторы и тенденции. Поэтому решение задачи эффективного прогноза развития МО зависит не столько от технических возможностей и программного обеспечения (ПО), а от построения, адекватной реалиям, логико-теоретической модели системы МО, учитывающей большинство наиболее важных тенденций, факторов и показателей.

Но такой положительный объективный анализ, следует подчеркнуть, будет полезен только в том случае, если его результаты и рекомендации будут использованы правящей элитой, а не игнорироваться ею, как случалось почти всегда в 1980-е — 1990-е годы и порой происходит сегодня. Качество принимаемых решений и их исполнение, т. е. эффективность управления (которые, как общепризнано, в России остаются на очень низком уровне) зависят не только от научной проработки экспертов, но и от личных качеств представителей самой правящей элиты.

Экспертные заключения могут играть определенную роль в повышении качества управления, но для этого необходимо, чтобы процесс принятия политических решений исходил из обязательности учета объективных данных исследований, анализа и прогноза (даже если, в конечном счете, принимаемые решения и противоречат этим рекомендациям), а не игнорирования изначально научных рекомендаций.

Процесс работы над темой анализа, прогноза и стратегического планирования развития МО происходил именно таким способом: готовилась серия докладов, затем — более детальная и объемная публикация, наконец, окончательный вариант, имеющий практическую направленность. Алгоритм

этот очень похож на алгоритм работы британского Центра по исследованию глобальных стратегических тенденций, который в последние годы выпустил пять фундаментальных докладов, включая последний «Глобальные стратегические тренды — до 2045 года»¹⁶. Этот процесс у экспертов ЦВПИ занял 4 года и вылился в серию опубликованных докладов и книг, насчитывающую почти 20 наименований. Предполагаем, что и эта работа не станет окончательной.

Авторы, как всегда, наивно надеются, что их рассуждения окажутся полезными для тех, кто принимает политические решения. Так, в конечном счете, нередко и происходит, но через длительное время, когда актуальность таких решений, к сожалению, снижается. Вот почему мы надеемся и полагаем, что эта серия работ найдет своего читателя среди той оставшейся в абсолютном меньшинстве публике, которая еще что-то читает и что-то думает.

¹⁶ Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. London, Ministry of Defence. 2015.

Глава I
Основы анализа
и прогноза современной
международной обстановки

Катастрофа, постигшая СССР и ОВД, привела к тяжелым последствиям не только в политике и экономике, но и в науке. В том числе в области теории внешней и военной политики, существовавшей в СССР, но доставшейся «по наследству» России. От этого наследства в современной России слишком срочно поспешили отказаться. Более того, не стали не только сохранять прежние, но и создавать новые собственно научные школы, а просто попытались скопировать чужие, отказавшись (на всякий случай) фактически от самостоятельной гуманитарной науки и идеологии, присягнув политике прагматизма, а по сути дела отказу от науки.

Как и в других областях жизнедеятельности нации это, в конечном счете, потребовало своего рода «импортозамещения», которое началось с начала этого века. В том числе и с создания новых институтов (например, созданного по инициативе МИД РФ, Совета по международным делам — РСМД) и постепенной реанимации старых, по мере формирования «пакета заказов» Министерством обороны, Министерством иностранных дел РФ, РГНФ и другими институтами государства.

К сожалению, пока что эти скромные усилия не привели к значительным результатам. То, очень немногое, что осталось от СССР в области теории анализа МО, и то, что было создано в России в последние десятилетия, можно объединить в несколько работ, из которых, наверное, особо выделяются, по своей практической значимости, работы

М. Хрусталева¹⁷, Т. Шаклеиной¹⁸, А. Владимирова¹⁹, А. Сидорова и Н. Клейменовой²⁰, и ряда (очень немногих) других российских авторов²¹. По большому счету, в области теории и методологии международных отношений и военно-политической проблематики работают постоянно не более трех десятков человек (речь не идет, конечно же, о великом множестве «экспертов» и «политологов» появившихся в последние годы, но не имеющих ни образования, ни школы, ни печатных работ, но мелькающих в СМИ). В задачу этой работы, однако, не входит рассмотрение и анализ их позиций и оценок.

В последние годы интерес к этой проблематике обострился в силу объективного изменения международной обстановки и появления у правящей российской элиты практической потребности в анализе, прогнозе и планировании оборонных мероприятий. Надо сказать, что ни Б. Ельцину, ни его окружению, эти вопросы были просто не интересны — вся политика строилась на настроении и стремлении удержать власть. Это постепенно привело к оживлению не только практической дискуссии, но и теоретических споров, которые до этого, ко второму десятилетию XXI века, практически были сведены в России к нулю. Не только в МИД и МО, ГД, Совете Безопасности РФ, но и в партиях, различных общественных организациях, стали периодически обсуждаться вопросы безопасности, требующие профессио-

¹⁷ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015. 208 с.

¹⁸ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: «Аспект Пресс», 2014. 256 с.

¹⁹ Владимиров А. И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. — М.: Синергия, 2013. Т. I, 832 с., Т. II, 976 с.

²⁰ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2006. 640 с.

²¹ Борешколец К. П. Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. — М.: «Аспект Пресс», 2010. 230 с.

нальных знаний и специалистов. Очевидно, что это вытекало из политического курса В. Путина по возвращению суверенитета России. В рамках этой тенденции можно считать, например, и появление серии работ Центра военно-политических исследований МГИМО–Университета и Концерна ВКО «Алмаз-Антей», среди которых хотелось бы выделить серию аналитических докладов и книг, посвященных анализу и прогнозу международной и военно-политической обстановки в России²².

Эти и другие работы экспертов в минимальной степени затрагивали субъективные факторы формирования МО, прежде всего, связанные с политико-идеологической деятельностью человека. За исключением работ О. Крыштановской и О. Гаман-Голутвиной, которые были посвящены анализу российских элит. Между тем, социально-политические действия человека — наиболее влиятельный, но и наименее предсказуемый процесс, радикально влияющий на политику, особенно военную, что резко ограничивает реальные возможности науки в этой области. Основная задача научного анализа и прогноза развития МО и ВПО, поэтому, заключается не только собственно в исследовании, но и в том, чтобы максимально постараться избежать неадекватности, субъективности и непрофессионализма в анализе и оценке МО, что, к сожалению, на практике случается очень редко. В реальности чаще всего мы сталкиваемся с ситуацией, когда важнейшие внешнеполитические решения принимаются под воздействием субъективных обстоятельств, имеющих под собой очень слабую и сомнительную основу. Так, решения о нападении на Южную Осетию М. Саакашвили или о начале применения тяжелого вооружения против оппозиции на юго-востоке Украины были именно такого порядка.

²² Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. I, 796 с., Т. II. 722 с.

Это происходит отчасти по вполне понятным и объяснимым причинам — отсутствия полноты информации, недостатка времени, эмоциональной неустойчивости и др.²³, но в немалой степени и из-за непрофессионализма политиков. А. И. Подберезкин нередко сам становился участником и свидетелем такой обстановки в 90-х годах, когда лица, принимающие решения находились порой в неадекватном состоянии: перехлестывали эмоции, поступало много ложной информации, было страшно от ответственности и т. д. Такие ситуации он наблюдал из Кремля и Белого дома в августе 1991 г., сентябре–октябре 1993 г., а также в ходе военных конфликтов в Ингушетии, Приднестровье, Югославии и др.

Оценки и решения, принимаемые в этих условиях, которые приходилось наблюдать, были, порой не просто противоречивыми, но иногда и прямо противоположными. (Именно это мы наблюдаем, чуть ли не ежедневно, на Украине). Ожидать, с другой стороны, что в условиях политического и военного кризиса, а тем более масштабной войны, все решения будут приниматься трезво, обдуманно, логично и правильно, — заведомая наивность и серьезное допущение²⁴. Более того, было бы правильно изначально исходить из невозможности точного анализа стратегической обстановки (СО) вообще, в принципе, что, естественно, неизбежно транслируется и переносится на анализ ВПО и МО.

Исторических примеров принятия таких неадекватных политических и военных решений, очень много. Еще больше тех, о которых мы просто не знаем. Тем более что мы часто

²³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

²⁴ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

не знаем подлинные мотивы принятия даже очень крупных и важных решений и реальной обстановки, которая могла существовать в то время. Хрестоматийный пример — развитие в октябре 1962 года так называемого «кубинского кризиса», который был абсолютно не просчитан ни с политической, ни стратегической, ни с военно-технической точки зрения, но чуть не привел к военному конфликту.

Существует великое множество других примеров. Так, мало кто знает, например, что крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны было не на «Курской дуге», а в самые первые дни войны, 23–25 июня 1941 года, когда механизированные советские корпуса (насчитывавшие более 3500 танков) контратаковали немецкие танковые колонны (в которых было порядка 800 танков). Это было не только крупнейшее сражение, но и первое встречное танковое сражение в мире. Более того, впервые танки стали основным средством борьбы с танками, что совершенно не соответствовало представлениям о военном искусстве тех лет. Другими словами, мы вообще оставили вне эпицентра внимания две очень важные особенности, характеризующие всю Вторую мировую войну.

Мы и сегодня даже точно не знаем, правильное ли было это решение и кто его реальный автор — Г. Жуков или И. Сталин, или кто-то другой. — Этот вопрос так до конца и не ясен, хотя масштаб этого события впечатляет и сегодня. Ясно только одно — это решение шло вопреки существовавшей в то время в СССР политической и военной доктрине, военно-техническим особенностям и военному искусству того времени, т. е. было со всех точек зрения неадекватным (Ошибочным? Преступным? Неправильным?).

В этой связи, перед современной политической наукой и аналитикой стоит задача минимизировать, по возможности, негативное влияние субъективных факторов в оценке, анализе и стратегическом прогнозе МО. Это можно сделать

несколькими способами, не только опираясь, прежде всего, на профессионализм экспертов, достоверную информацию, логику и объективный научный анализ и методы исследования²⁵, но и логические, теоретические и идеологические основы внешней и военной политики. Особенно, если все эти действия просчитаны и сделаны заранее, а процесс их контроля и актуализации не прекращается: системный логико-теоретический и политико-идеологический анализ и прогноз исключают хаотизацию обстановки случайными событиями.

Субъективность анализа МО, и особенно ВПО и СО, а также войн, хорошо известна (так, до сих пор истории расходятся во мнении, кто же победил, в конечном счете, в Бородинском сражении), но именно эта субъективность требует, чтобы в подготовительной работе максимально доминировали объективные научные методы анализа современной, а тем более будущей МО и развития её сценариев в долгосрочной перспективе. Иначе говоря, для того, чтобы заранее максимально подготовиться к возможному и даже вероятному развитию различных сценариев международной и военно-политической подготовки, их конкретизации в наиболее вероятных вариантах сценариев. Это значит, что необходимо сделать максимально полные «заготовки», «планы» действий, а национальную стратегию развития (в том числе стратегию социально-экономического развития России и даже отраслевые и региональные стратегии) планировать изначально уже с учетом таких сценариев и их вариантов²⁶. Так, например, мы убеждены, что очередную стратегию развития Дальнего Востока, Забайкалья и Курил невозможно готовить (хотя это и делается) без стратеги-

²⁵ Минимизировать — не значит не учитывать, а тем более — не использовать.

²⁶ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 27–54.

ческого прогноза развития международной и военно-политической обстановки на северо-востоке Евразии, влияния транспортных коридоров и внешней торговли между основными центрами силы.

Очень важны такие функции анализа и прогноза развития МО как идеология и системное управление, которые нередко не учитываются. Между тем, в XXI веке идеология и формирование (в т. ч. с помощью силы) системы ценностей той или иной ЛЧЦ становятся основой внешней политики. На одном из «круглых столов» в России в 2015 году немецкий политолог А. Рар даже сказал, что в ЕС происходит мучительный переход, в политике, от национальных интересов к системе ценностей. Это означает, что не только научное обоснование, сбор, обработка, систематизация информации и подготовка вариантов для принятия стратегических решений, но и идеологическая основа и теория создают реальную научную основу для современного и будущего эффективного государственного управления. Особенно, если учитывать необходимость согласования подготовки и принятия таких решений как «сверху-вниз», так и «по-горизонтали», между ведомствами и институтами государства и общества. Соответственно и участие в таком анализе и прогнозе должны принимать, не искусственно отобранный очень узкий круг лиц — что является современной практикой, — а достаточно широкое экспертное и политическое сообщество.

Наконец, объективный теоретический и идеологический анализ требуется также для того, чтобы в виртуальной реальности (сознательно формируемой и, порой, малоотличаемой от действительности) знать реальное, истинное, состояние МО и тенденции в его развитии²⁷. Война на Украине 2014–

²⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 25–75.

2015 годов продемонстрировала абсолютную полярность и необъективность оценок событий, действий, потерь, которая превзошла все предыдущие расхождения в оценках войн и конфликтов, встречавшихся прежде. Одно и то же событие (или его отсутствие) трактовалось и трактуется, одновременно, совершенно по-разному, что требует для лиц, принимающих решения, своего собственного, «личного» анализа, понимания и объяснения.

Искажение действительности в политике — невольное или сознательное — происходило и прежде, но в XXI веке оно приобрело другое качество: изначально прогнозируется, планируется и создается заведомо ложная, «виртуальная» реальность, под которую позже, с помощью самых разных средств, подгоняется действительность. Так, если в начале 1990-х годов в Европе создавалась ложная, «виртуальная» реальность «Югославия-агрессор», которую потом превратили в подлинную, реальную МО, по отношению к которой применили военную силу, то сегодня то же самое делается и по отношению к России, что иногда вводит в заблуждение не только общество, но и некоторых представителей правящей элиты страны, считающих, что эту «ошибку» можно исправить объяснениями.

Следует признать, что такую ложную, «виртуальную» реальность в условиях и при существующих возможностях XXI века можно создать практически всегда. Опыт формирования такой «виртуальной» реальности — врага в лице «чужого» русского народа и создания враждебной МО и ВПО на Украине — показывает, что наличие некоторого ресурса времени, медийных, финансовых и других ресурсов может привести к полному искажению практически любой международной реальности до неузнаваемости²⁸. Это сознатель-

²⁸ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

ное и тщательно планируемое искажение действительности бессмысленно пытаться объяснить «ошибками» политиков и СМИ, научными и информационными провалами. Их можно объяснить только с идеологической точки зрения, когда сознательно формируется ложная система взглядов в качестве принципиально новой парадигмы. Так, бессмысленно пытаться понять логику действий правящей элиты на Украине с научной и даже политической точки зрения. Она — абсурдна. Но она отнюдь не абсурдна с точки зрения идеологии, а именно создания (даже путем огромных издержек) образа врага из России.

В этих условиях методы научного исследования, как теоретические, логические, так и эмпирические, крайне необходимы, ибо предоставляют не только конкретные результаты исследований — выводы, анализы и прогнозы, — но и необходимый, конкретный контент для информационной и пропагандистской борьбы, которую можно назвать «борьбой за реальность» между ЛЧЦ. Та ЛЧЦ, которая сможет создать собственную «виртуальную реальность» и навязать ее другим ЛЧЦ, сможет, в конечном счете, и превратить эту «виртуальную реальность» в реальность политическую, экономическую, финансовую.

Именно поэтому важны объективные — теоретические, логические и идеологические — методы научного анализа МО, ВПО и СО, минимизирующие субъективное, а тем более сознательно искаженное, ощущение, восприятие правящей элитой и общественностью и неверные выводы. Последовательность этих методов может быть представлена в виде самого простого и общего плана действий в результате, которого, однако, потребуются, не только, как минимум, научное осмысление и дискуссия, но и обсуждение и критика плана дальнейших действий, на каждом из этапов. Все эти этапы неизбежно составляют некую систему взглядов, т. е. своего рода идеологию анализа и прогноза МО и ВПО, представляющую собой логическую

и обоснованную концепцию, а не искусственно придуманную идеологическую систему (как до сих пор пытаются нас в этом убедить), «навязываемую обществу».

Главное в этом подходе то, что изначально, на самом первом этапе, создается политико-идеологическая концепция как система взглядов на сущность и особенности развития МО. Естественно, что такая абстрактно-логическая работа предполагает, что занимающиеся ей эксперты «глубоко погружены» в политические реалии, а не витают в облаках умозрительных теорий.

В дальнейшем происходит уточнение и корректировка этой общей политико-идеологической концепции, наполнение ее деталями (в т. ч. противоречивыми) и развитие, актуализация до практического уровня. При этом отход от предлагаемой общей концепции (а не только ее корректировка) вполне допускается, но с обязательной заменой другой, более правомерной концепцией.

Очень важно, чтобы такая политико-идеологическая и логико-теоретическая концепция была не слепком с чужого опыта, не заимствованием, а принципиально оригинальной. Основанной на исключительно существующих в настоящее время реалиях. Так, «строить» концепцию анализа и прогноза МО в сентябре 2015 года в России (опираясь на реалии СО, экономики и пр.) означает изначальный отказ от моделей 2000, 2010 и даже 2014 года.

Как также видно из этого плана, конечный результат анализа и прогноза выражается в практических выводах и предложениях, имеющих вполне конкретный характер. Причем, ориентированных на конкретных представителей правящей элиты. Так, очевидно, что выводы и практические рекомендации для МИД РФ и конкретно С. Лаврова будут одни, а для МО РФ и С. Шойгу — другие, отличающиеся не только деталями, но и предметом анализа и конкретными особенностями, даже если речь идет о достаточно общей теме, например, безопасности России, понимаемой в МИД «широко», а в МО — более «узко» (как военная безопасность).

Тем важнее для этой работы теоретическое и логическое обоснование общей модели концепции, и ее идеологии. Мы убеждены, что описание только эмпирических событий и тенденций, происходящих в МО и ВПО, мало что дает, если оно не оформлено в рамках некой концепции, предлагающей гипотезу анализа и прогноза развития МО и ВПО в настоящее время и в будущем. Даже если эта гипотеза и модель несовершенны, они позволяют проследить логику и динамику развития многих тысяч факторов и тенденций, определяющих настоящую и будущую МО. Здесь уместна аналогия с планом военного сражения, когда лучше, если этот план (даже плохой) существует и очень важно, чтобы он (пусть даже плохо) выполнялся. Именно этому, в конечном счете, служат теоретические и идеологические основы анализа и прогноза развития МО и ВПО.

1.1. Анализ и стратегическое прогнозирование развития международной обстановки в России

Проблемы анализа и стратегического прогноза развития МО и ВПО в России являются частным случаем, проявлением накопившихся проблем в анализе и прогнозе национального развития страны и ее отдельных аспектов — социального, экономического, финансового и других, и их влияния на формирование МО. В конечном счете, прогноз развития МО и ВПО нам нужен для того, чтобы сформулировать национальную стратегию и ее отдельные части — экономическую, социальную, внешнеполитическую, военную, информационную и др., но без понимания ясной цели развития и приоритетов в распределении ресурсов нам крайне трудно адекватно оценить и спрогнозировать перспективы развития МО. «Круг» замыкается: без ясной цели, четкого образа, вытекающей из этой цели стратегии и распределения ресурсов мы не можем сформулировать своего отношения к будущей МО, а без адекватной оценки будущей МО мы, в свою очередь, не можем сформулировать свою национальную стратегию.

Ситуация осложняется тем, что всерьез задачей прогнозирования будущей МО и ВПО в России не занимались (в отличие от Запада, где подобных работ — государственных и частных — огромное количество), а те немногие работы, которые есть, — очень общие, не конкретные и откровенно слабые. Об этом свидетельствует, например, очередное поручение подготовить долгосрочную стратегию социально-экономического развития России до 2030 года, данное летом 2015 года, — символично тем, что (судя по тому, кто был участниками встречи: В. Мау и Я. Кузьминов) исполнители будут те же. Те, которые готовили соответствующие

«Концепции» и «Стратегии» социально-экономического развития до 2020 года, в 2007–2008 годах и в последующие годы. И с теми же, вероятно, результатами: о них сразу же забывали уже через месяц–два. Более того, «с момента принятия Стратегии–2020, — по откровенному признанию А. Кудрина, — у правительства нет единой программы стратегических действий», а Г. Греф (который начал свою карьеру в 2000 году с разработки долгосрочного прогноза и программы правительства), даже сказал о том, что «мы обсуждаем ситуацию, которая была вчера, но никто не обсуждает, что будет завтра»²⁹. Именно так он говорил и осенью 1999 года, т. е. более 15 лет назад.

Собственно эти факты свидетельствуют косвенно и о состоянии стратегического прогнозирования в МО и ВПО в современной России: если мы не можем профессионально прогнозировать и планировать на самом верхнем — (политико-идеологическом) и более низком (социально-экономическом) уровнях, то частные прогнозы, к которым относятся прогнозы развития МО и ВПО, вытекающие во многом из двух предыдущих, заведомо не могут быть точными³⁰. Очевидно, что и научный и экспертный уровень таких прогнозов не может быть высоким хотя в МИД РФ и Генеральном Штабе ВС РФ, безусловно, не могут всерьез не заниматься такими прогнозами³¹.

Очевидно, что подобная ситуация в общенациональной области неизбежно переносится и на теоретическую область стратегического анализа и прогноза в МО и ВПО.

²⁹ Кувшинова О., Лютова М. Для России напишут новую стратегию развития до 2020 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

³⁰ См., например: Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. — РСМД, 2013. — №10.

³¹ См., например: Подберезкин А.И. [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 105.

Характеризуя такое теоретическое состояние в области анализа и стратегического прогноза современной МО, профессор МГИМО Т. Шаклеина осторожно заметила (что, однако, позволяет понять уровень, на котором находятся наши познания в этой области): «В условиях усложняющейся структуры мировой системы, снижения ее управляемости, роста непредсказуемости и нестабильности ... снижение роли качественного систематического анализа ... уже привело к серьезным последствиям во внешнеполитическом планировании...»³².

В этой связи, важно, прежде всего, договориться о том, что мы понимаем под термином «международная обстановка», т. е. о предмете исследования, и попытаться дать ему, как минимум, общую характеристику, описать его структуру и основные современные особенности. Тогда становятся понятными и основные направления анализа и прогноза.

В нашей работе под термином международная обстановка понимается состояние системы международных отношений в определенный период времени, которое характеризуется:

- составом, уровнем развития и политикой основных суверенных субъектов МО — локальных человеческих цивилизаций, наций и государств;
- составом, влиянием и политикой основных негосударственных акторов МО — как международных, так и национальных;
- основных тенденций в развитии человечества и его ЛЧЦ, а также отдельных регионов;
- влиянием субъективных факторов, являющихся в основном производными от развития национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов;

³² Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеиной. — М.: Аспект-Пресс, МГИМО-Университет. 2014.

— наконец, отношений и взаимодействий между всеми этими факторами и тенденциями.

Таким образом, общая структура и предмет исследования (международная обстановка) — характеризуются состоянием и темпами развития нескольких групп основных факторов и тенденций, каждая из которых, в свою очередь, требует своего собственного анализа. При этом следует сделать две важные оговорки:

Во-первых, эти группы факторов, акторов и тенденций делятся до самых мелких составляющих, которые также требуют своего анализа. Так, группа факторов — «субъекты МО» — может быть не только ограничена в своем анализе великими державами, членами «двадцатки», членами ОЭСР, либо даже «только» членами ООН, но и количеством отобранных критериев, которое может варьироваться от основных 7–10 (ВВП, площадь территории, население и др.) до 90–120.

Во-вторых, МО представляет собой систему взаимоотношений этих групп факторов и тенденций, а не простой их набор (даже очень большой, пусть даже сделанный в динамике), что предполагает как выделение взаимосвязей между этими группами, так и определение их влияния. Мало, например, знать объем ВВП США в 2030 году, численность их ВС, количество и качество ВиВТ и т. д. для того, чтобы определить степень их влияния на тот или иной сценарий развития МО. Надо знать и мощь других государств, ЛЧЦ и акторов, влияние глобальных тенденций, наконец, идеологию правящей элиты США, включая частные взгляды на военную политику и стратегию³³.

Трудно предположить, что в России делается сегодня такой объем работы, где бы то ни было. Если и есть прогнозы развития отдельных стран и регионов (далеко не всех

³³ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 111–162.

и далеко не по всем основным параметрам), если и есть некоторые прогнозы развития мировых тенденций, то общего, системного прогноза развития МО, а значит, и ВПО, нет.

Чтобы попытаться нагляднее и проще представить себе всю сложность и масштаб такого анализа, необходимо попытаться понять, чем, даже в общих чертах, является МО. Для этого можно воспользоваться приемом составления диаграммы связей (рис. 1.1) (иногда называемым «картой мыслей» — «mind map», которую сделал популярной английский психолог Тони Бьюзен) — ассоциативной картой, — представляющей собой метод структуризации отдельных концепций. В ней в самом общем приближении дается представление о состоянии МО в определенный период времени. Естественно, что динамика изменений, происходящих во всех группах факторов, акторов и тенденций и между ними, превращает это состояние в «эпизод» жизни, требующей постоянной динамической корректировки.

На этой «карте мысли» только обозначены основные группы факторов и тенденций, формирующих МО³⁴ и — как ее часть и следствие — военно-политическую обстановку³⁵. Соответственно, если мы хотим проанализировать современное состояние, а тем более сделать стратегический прогноз развития МО, то мы должны в максимально полной мере учесть не только существующее состояние (как минимум, основных) факторов и тенденций, но и степень взаимовлияния и взаимодействия между ними³⁶. Очевидно, что такую огромную информационную и аналитическую работу можно

³⁴ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

³⁵ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

³⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

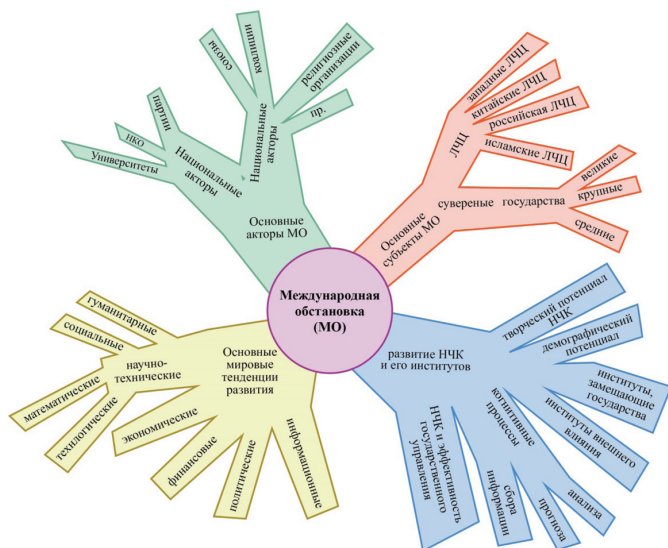

Рис. 1.1. Структура («Карта мыслей») МО в XXI веке

сделать только достаточно большому и квалифицированному коллективу, объединяющему специалистов в самых разных областях — от «региональщики» и «страноведов» до экспертов в области науки, техники, технологиях, психологии, финансах и т. д.³⁷ Очень важно, чтобы этот коллектив обладал не только соответствующими информационными возможностями и инструментами, но и разработанной достаточно глубоко теоретической базой, методологией и конкретными методиками. Так, в случае с подходами, в ЦВПИ МГИМО, в последние годы широко используется метод стратегического прогнозирования сценариев развития ЛЧЦ, МО, ВПО и СО, чему было посвящено достаточно много работ³⁸.

³⁷ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

³⁸ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.; а также серия аналитич. Докладов, опубликованных в 2014 году и книг — в 2015 году.

Исходя из этого опыта, можно сказать, что коллектив, только-только, в самом начале пути разработки теоретических и методологических основ развития МО. Также необходимо признать, что в настоящее время различные коллективы предпринимают самые разные попытки такого стратегического анализа и прогноза. В некоторых случаях (как в США, например) бывают задействованы огромные объединенные коллективы разведывательных служб, корпораций и индивидуальные усилия университетских ученых. В других примерах (как в России) — используются относительно небольшие коллективы МО и Генерального штаба, РАН, Минобразования, МИД и др. ведомств, работающие, как правило, в соответствии с выделенными грантами на среднесрочной основе.

В любом случае следует признать, что в силу кризиса в ведомственной и академической гуманитарной — международной и военной — науке качество анализа и прогноза МО резко снизилось. Яркий пример — отсутствие прогноза ухудшения отношений с Западом в 2012–2013 годах, когда авторы таких (следует признать, немногих и частных) прогнозов отмечали «благополучное развитие МО». Во многом это, а также непрофессионализм политических элит, привело к крупнейшим внешнеполитическим ошибкам, сопоставимым с преступлениями, которые были следствием внешнеполитического курса М. Горбачева, Э. Шеварднадзе, А. Яковлева и Б. Ельцина. Этот курс привел к развалу мировой социалистической системы — по сути дела локальной человеческой цивилизации во главе с «российским ядром» СССР, — а также ОВД, СЭВ и, в конечном счете, СССР.

Другим стратегическим провалом во внешней политике (теперь уже России) стала ее наивная ориентация на «западных партнеров» в ущерб своим национальным интересам и интересам оставшихся друзей и союзников в 90-е годы XX века и в начале нового столетия, отчасти сохранившаяся и сегодня.

Наконец, самой главной ошибкой, уже не только внешнеполитической, но и цивилизационной, стала односторонняя ориентация на западную систему ценностей, нормы и правила, которые изначально создавались в качестве неравноправных и несправедливых — будь-то в финансах или спорте — для других стран. Эта ошибка привела к катастрофическим последствиям для российской гуманитарной науки, фактически лишив ее теоретических и методологических основ, научных кадров, общественного и политического «интереса» (потребности). Только в самые последние годы стали реанимироваться некоторые старые и создаваться новые (Российское историческое и географическое общества, например) институты.

Таким образом, советско-российская политика и дипломатия совершила за 30 лет, как минимум, несколько стратегических ошибок глобального масштаба, некоторые из которых привели даже к «геополитической катастрофе». Во многом это было вызвано тем, что политического и научного механизма их предотвращения не существовало, как, впрочем, до конца не воссоздано, и сегодня. Более того, очень вероятно, что такие научные школы были сознательно ликвидированы в 1980-е и 1990-е годы с тем, чтобы у политики не было национальной научной опоры.

В настоящее время ситуация в анализе международной и военно-политической областях выглядит явно еще менее удовлетворительно, чем прежде, когда правящая верхушка СССР часто просто игнорировала мнение экспертов ЦК КПСС, МИД, Генштаба и части коллективов РАН. Эксперты констатируют, что за двадцать лет практической реализации американской теории обеспечения национальной безопасности, в Российской Федерации была создана достаточно разветвленная сеть сил и средств аналитического обеспечения принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности

(рис. 1.2)³⁹, которая, однако, на наш взгляд, носит самый общий, слабо развитый и взаимосвязанный между собой, бессистемный и крайне малоэффективный характер. Это, естественно, неизбежно отражается на качестве прогнозов, планировании и выполнении принятых решений. В самом общем виде эта система представляет собой следующее.

Рис. 1.2.

Практически, однако, все элементы этой системы по отдельности и взятые вместе крайне неэффективны, что вызвано, прежде всего, их недоразвитостью и слабой востребованностью у власти: аналитические структуры законодательной и исполнительной власти обладают слабым и малочисленным кадровым потенциалом, а учреждений,

³⁹ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 23.

в частности, университеты — только «зародышами» аналитических структур. Общественные организации, как правило, не обладают необходимым материальным ресурсом, а корпорации (например, ВЭБ) — качественными, узкоориентированными и малочисленными структурами. Как правило, аналитические управления (отделы, центры) даже крупных государственных структур и корпораций насчитывают не более 15–20 человек, чьи возможности весьма ограничены частными задачами и оперативными поручениями.

В конечном счете, можно сделать вывод об отсутствии в России сколько-нибудь эффективной научно-информационной системы подготовки и принятия внешнеполитических решений, которая в реальности, практически, сегодня опирается на остатки советской экспертной системы, существовавшей в МИД СССР, ЦК КПСС, МО и Генштабе, а также КГБ СССР и АН СССР. Соответственно и современное теоретическое и методологическое обеспечение анализа и прогноза развития МО и ВПО оставляет желать лучшего, что неизбежно ведет к резкому снижению эффективности государственного управления.

В настоящее время согласно Федеральному закону Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» и Положению о Совете Безопасности Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. №590) информационную и информационно-аналитическую поддержку принятия государственных решений координирует Совет Безопасности РФ, за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов государственной власти и государственных научных учреждений. Действительно, в самые последние годы стали формироваться заказы на НИР среди научного сообщества, которые, однако, как правило, не носят масштабного последовательного и долгосрочного характера, не ведут к преемственности в анализе и прогнозе.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, эта задача должна реализовываться с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия⁴⁰. Однако вплоть до 2015 года результаты этой деятельности были, мягко говоря, незаметны и не отражены в попытках стратегического прогноза, как минимум, существующих в открытой печати⁴¹.

Фактически ситуационные центры при органах государственной власти и управления должны были стать технической и интеллектуальной базой принятия решений в сфере национальной безопасности и основой формирования полноценной системы аналитического обеспечения. Следует констатировать, что эта задача пока не решена ни по количественным, ни по качественным показателям⁴², — делает справедливый вывод В. Сизов. Можно целиком согласиться с его выводом о том, что «Сегодня прогнозирование в сфере национальной безопасности, как составная часть и форма аналитической деятельности обеспечивающих структур и самих органов государственного управления страны, находится на начальной стадии своего становления... — Органы государственного управления, в основном, заняты подготовкой и реализацией оперативных решений текущих проблем национальной безопасности. Долгосрочные прогнозы развития страны отсутствуют, среднесрочные носят описательный

⁴⁰ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 24.

⁴¹ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

⁴² Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 25.

характер, отсутствуют сценарии развития обстановки с опорой на обоснованные критерии и показатели. Потенциал ситуационных центров используется слабо, а возможности современных технических средств — не полностью»⁴³.

Сегодня в стране практически не ведется (закрытые заведения вне сегодняшнего обсуждения) подготовка аналитиков-экспертов по международным отношениям, по вопросам войны и мира и других. Чуть лучше ситуация с подготовкой «аналитиков-технологов» (специалистов по методике выработке решений). Хуже того, наш опыт говорит о том, что существовавшие кадры «естественным образом» вымываются: уходят на пенсию, меняют работу, умирают, а новые приходят крайне медленно, да и качество новых кадров нередко оставляет желать лучшего. В то же самое время мы наблюдаем стремительный рост интереса и возможностей стратегического прогнозирования и планирования на Западе, в Японии, КНР, Австралии и целом ряде других стран. В Китае, например, с 1998 года вышло уже 9 изданий Белой книги, посвященной «Военной стратегии КНР», где стратегический прогноз развития МО является исходной точкой анализа. В частности, в ней достаточно оптимистично дается оценка современной МО и прогноз ее развития на будущее: «Сохранение мира, внутреннее развитие ... становятся главными тенденциями современной ситуации на планете»⁴⁴. Вместе с тем в этом прогнозе признается, что «потенциальная и вполне реальная угроза широкомасштабной войны продолжает сохраняться».

⁴³ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 27.

⁴⁴ Иванов В. Миролюбие Поднебесной. Пекин сформулировал новые военно-стратегические установки // Независимое военное обозрение. 2015. 28 июля.

В. Ю. Сизов справедливо полагает, что совершенствование системы аналитического обеспечения органов государственного управления предполагает разработку, апробацию и внедрение моделей долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности Российской Федерации предлагая, в частности, следующую сетевую модель, которая в очень упрощенном виде дополняет метод «карты мыслей», указанный выше.

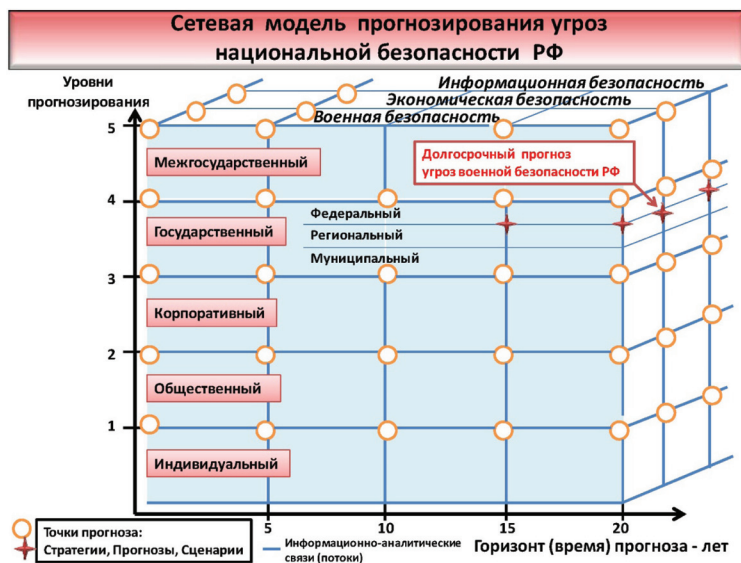

Рис. 1.3.

Одним из возможных подходов к созданию таких упрощенных моделей может быть использование сетевого метода. Подразделения (специалисты) прогнозирования в составе аналитических центров (отделов, управлений, департаментов и др.) при органах государственного управления составляют государственный уровень прогнозирования, имеющий внутреннюю структуру федерального, регионального и муниципального (локального) прогнозирования. Здесь же фун-

кционируют центры прогноза государственных организаций, академий и институтов.

На этом уровне разрабатываются стратегические, в том числе долгосрочные, прогнозы угроз безопасности страны. Они могут носить комплексный характер и могут быть изложены в документах стратегического планирования, например в стратегии национальной безопасности, со сроком действия 10–20 и более лет. Либо могут быть составлены государственные или ведомственные прогнозы по видам безопасности, например в сфере военной, информационной, экономической и другой безопасности.

Результаты такого прогноза должны быть частью Стратегии национальной безопасности (или/и Военной доктрины государства) или отдельным документом в форме долгосрочного прогноза внешних и внутренних угроз военной безопасности РФ, например до 2030 года. Дополненный прикладными сценариями развития СО, войн и вооруженных конфликтов, такой прогноз может стать аналитической базой для разработки концепций и планов строительства и применения вооруженных сил, а также для государственных программ развития других элементов военной организации государства. Важно только понимать, что сценарии развития ВПО и СО являются логическим продолжением развития сценариев и отдельных вариантов развития МО, о чем мы не раз писали в предыдущих работах, в частности, в «Военных угрозах России»⁴⁵. В самом общем виде, повторим, логика развития военных сценариев выглядит следующим образом⁴⁶ (рис. 1.4).

С точки зрения анализа и прогноза МО, ВПО и СО существует очевидная дилемма формирования институтов

⁴⁵ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

⁴⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

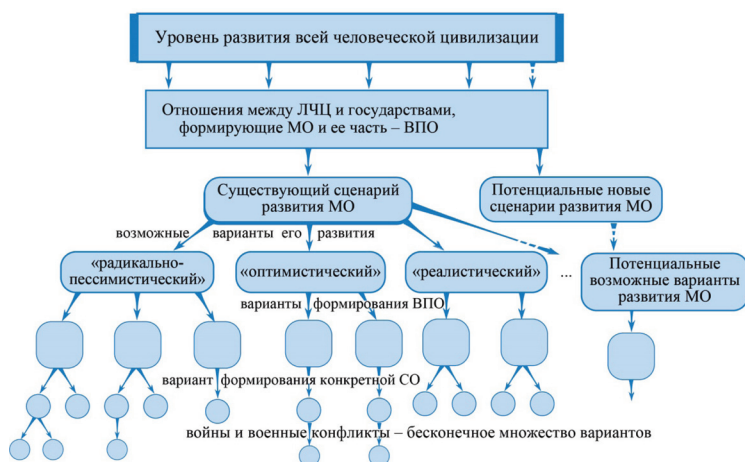

Рис. 1.4. Логика развития политических, военно-политических и стратегических сценариев

и структур, которые отвечали бы за этот вид деятельности в государстве. «Данная дилемма может быть в принципе решена в ходе совершенствования (фактически создания заново) технической и технологической базы системы обеспечения национальной безопасности, в том числе ее информационно-аналитической подсистемы»⁴⁷. На самом «верхнем» уровне этой системы должны быть объединены все национальные, интеллектуальные и информационные ресурсы — государственные, общественные, индивидуальные. В результате такого «мозгового штурма» может быть не только разработан наиболее точный стратегический прогноз развития МО, включающий важные, но выпадающие из внимания сегодняшних экспертов «детали»: отдельные технологии, открытия, модели, приемы и т. д., но и разра-

⁴⁷ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 32.

ботана общенациональная стратегия и программа развития. Грубо говоря, сегодня нужно заменить две–три слабосильные команды разработчиков (70–120 человек), которые являются преимущественно бюрократами, консолидированным интеллектом всей нации⁴⁸.

Кроме того, в этих целях может быть применен сетевый метод управления сбором, анализом и распределением информации, который успешно применялся в последние годы в США в ходе конфликтов в различных регионах мира. И который может быть применен для создания сети прогнозирования долгосрочных угроз национальной безопасности, сбора и анализа данных о текущих угрозах и выдачи информации заинтересованным органам государственного управления. Для этого необходимо развернуть полномасштабную сеть органов и средств коммуникации («решетку»), повысив в первую очередь эффективность обмена информацией между существующими ситуационными центрами»⁴⁹, — делает справедливый вывод В. Сизов, оставляя «за скобками» вопрос, однако, а «кто это все будет делать?».

В перспективе к этой сети в обязательном порядке должны быть подсоединены аналитические структуры крупных промышленных, транспортных, сырьевых, телекоммуникационных и других корпораций, а затем и негосударственных аналитических центров, — продолжает он⁵⁰. Но этого, на самом деле, мало: необходимо привлечение всего национального человеческого капитала и его ресурсов.

⁴⁸ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

⁴⁹ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 32.

⁵⁰ Там же.

Долгосрочные прогнозы должны иметь не только теоретическую, но и практическую цель. Это станет возможным, если мониторинг внешней и внутренней среды национальной безопасности РФ будет осуществляться с использованием единых критериев и показателей, в т. ч. безопасности, выход за пределы которых означает возникновение непосредственной угрозы безопасности государства. Сегодня, как уже говорилось выше, стратегические прогнозы не имеют практической ценности. Более того, как уже говорилось, даже краткосрочное социально-экономическое прогнозирование не подтверждается практикой. Так, долгосрочная стратегия социально-экономического развития России 2020 вообще никак не учитывается за исключением ритуальных ссылок в нормативных документах. Во многом потому, что к ее разработке не привлекались те, кто должен будет ее выполнять.

Приходится признать, что до сих пор не сложилось ни общего понимания, ни даже согласия относительно необходимости и важности стратегического прогнозирования в России, которые долгое время табуировались ассоциацией с «практикой Госплана». Остатки этого отношения, неизбежная теоретическая и методологическая отсталость привели к тому, что современные стратегические прогнозы в России носят компиляторный и примитивный характер. Так, военная безопасность до сих пор оценивается по двум традиционным критериям — ВиВТ и ВС, — что устарело еще, как минимум, 30–40 лет назад.

«Действующие на сегодня основные характеристики состояния национальной безопасности, предназначенные для ее оценки (ст. 112 Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года), не позволяют решать эту задачу. Оценка степени военной безопасности государства по двум показателям (по уровню ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники и уровню обеспеченности

военными и инженерно-техническими кадрами) не может быть полной и достоверной»⁵¹.

Исторически доказано, что угрозы не возникают неожиданно. В большинстве случаев им предшествуют некоторые события и процессы, которые являются их предвестниками. Будущее рождается даже не сегодня, а было рождено вчера. Выявление таких предвестников, их анализ и определение степени вероятности самой угрозы, времени ее возникновения и возможного ущерба является сутью долгосрочного прогнозирования⁵². Надо сказать, что это обстоятельство еще только стало учитываться в основополагающих нормативных документах России — Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине.

В целом система долгосрочного прогнозирования развития МО, это комплекс анализа всех факторов, тенденций и взаимосвязей МО, взаимоувязанных по времени и стратегической глубине сценариев и стратегий. В. Сизов предлагает, например, «минимальный набор» средств, для улучшения ситуации, который, на наш взгляд, абсолютно не соответствует современным потребностям. В частности, он считает, что «Невзирая на всю сложность проблемы, создание системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности РФ можно начать с решения задач, не требующих серьезных финансовых и других расходов, то есть:

- создать реестры государственных и негосударственных аналитических организаций и формирований в сфере национальной безопасности;

⁵¹ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 32.

⁵² См. подробнее: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

- уточнить понятийно-категориальный аппарат теории национальной безопасности, в том числе касающийся аналитической работы;
- издать ежегодно уточняемый словарь (сборник) терминов по национальной безопасности, который был бы обязательным к использованию органами власти и управления в законотворческой и управленческой деятельности;
- сформулировать требования к информационным и аналитическим материалам, разработать формализованные документы и определить порядок их использования;
- создать информационно-аналитический портал с собственной базой данных при одном из открытых аналитических некоммерческих общественных объединений.

Мы абсолютно уверены, что в современных условиях эти меры могут быть названы «общественной работой», которая абсолютно не соответствует современным задачам повышения качества управления государством. Эти задачи требуют совершенно иного информационно-аналитического уровня обеспечения.

Сегодня, в частности, требуется анализ и стратегический прогноз, учитывающий все основные факторы и тенденции, формирующие МО и ВПО, — от тех, которые охватывают глобальные масштабы, до самых частных, на первый взгляд, незначительных. Выявление и отслеживание в динамике изменений этих самых незначительных факторов, акторов и тенденций становится обязательным условием достоверности прогноза развития МО. Как повлияет, то, или иное частное открытие в науке на завтрашние технологии — должно контролироваться сегодня. Не случайно, в опубликованном 10 декабря 2012 г. Советом по национальной разведке США докладе «Глобальные тенденции — 2030» говорится, что в обозримом будущем в мире не будет державы-гегемона, власть перейдет к сетевым структурам и коалициям мно-

гополярного мира»⁵³. Во главе этих коалиций будут стоять ЛЧЦ, а во главе ЛЧЦ — нации-лидеры. Этот революционный вывод не укладывается в традиционные парадигмы анализа МО и ВПО, что означает только одно — необходимость анализа и прогноза новых, пока еще неизвестных, парадигм развития субъектов и акторов МО и глобальных тенденций.

1.2. Основы методологии долгосрочного прогнозирования развития современной международной обстановки

Как правило, в стратегических прогнозах избегают выделения какого-то наиболее вероятного конкретного сценария развития МО. По понятным причинам, но, прежде всего, потому, что если возможных сценариев может быть несколько десятков, вероятных — несколько штук, то конкретный вариант сценария МО будет всё-таки только один, как и сегодня, в реальности, реализуется единственный сценарий. И именно его-то и надо угадать, спрогнозировать или... запланировать. Любое из этих действий предполагает под собой колоссальную эмпирическую и теоретическую основу.

Попытки описать теорию, методологию и логику, а, главное, — методы долгосрочного прогнозирования международной обстановки и военно-политической обстановки предпринимались не раз, но без видимого успеха, который может заключаться только в конкретном и достаточно точно подтвержденном результате такого прогноза. Но как раз практически подтвержденных результатов долгосрочных прогнозов было крайне мало, что, на мой взгляд, отнюдь

⁵³ Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности. С. 33.

не означает бесполезность этих усилий. Как справедливо замечает академик РАН А. Кокошин, «... сбывшиеся прогнозы — это большая редкость в общественно-научных исследованиях»⁵⁴. К ним относятся, например, прогнозы характера Первой мировой войны Ф. Энгельса и крупного военного российского теоретика А. А. Свечина. Конкретность результата в долгосрочном прогнозе может быть оценена как вероятность появления или продолжения того или иного сценария развития МО. Поэтому значительное внимание этой проблеме уделялось, в том числе, авторами данной работы и их коллегами по Центру военно-политических исследований⁵⁵. И не только в теоретическом, но и в прикладном, военно-политическом аспекте развития современного сценария МО⁵⁶.

Самая большая трудность в анализе и прогнозе развития современной международной обстановки, на наш взгляд, — это поиск и выбор такой методологии, теории, и конкретных методов, которые могли бы практически обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих конкретную реальную МО и их конкретную реализацию в конкретном месте и в конкретное время, например, в стратегической обстановке. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной СО реализуются те или иные объективные факторы и тенденции, заложенные изначально в развитии МО и ВПО, а, с другой, — их реализация в конкретных обстоятельствах, множество переменных и появление новых факторов ведут

⁵⁴ Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. — М.: МГУ, 2013. С. 9.

⁵⁵ См., например: Подберезкин А. И. и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 105; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015 и др.

⁵⁶ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. 325 с.

к созданию и развитию совершенно уникальной СО⁵⁷. СО, военные конфликты и войны всегда будут развиваться по совершенно неожиданным сценариям, которые невозможно полностью и с точностью спрогнозировать. Это — объективный закон. Так, никто в России в декабре 2013 года не прогнозировал, например, такое стремительное изменение МО и ВПО в Европе, а тем более того, что в феврале 2014 года уже сложится абсолютно уникальная СО на Украине⁵⁸. Настолько уникальная, что «заморозится» неожиданно в форме военного конфликта более чем на 15 месяцев.

Именно поэтому нам нужна не только объективная теоретическая, логическая и фактическая основа для анализа МО и ВПО, которую мы в общих чертах описали в указанных работах, но и максимально конкретизированная методика, основанная на оригинальной теории. В данной работе мы коротко повторим основные теоретические, методологические и логические основы предлагаемого анализа и прогноза, с тем, чтобы далее, в соответствии с этой методологией анализа и прогноза МО продолжить дальнейшую, конкретную эмпирическую работу. Как показывает опыт, такое конкретное исследование может делаться по разным методикам и привести к различным и даже противоречивым результатам, но эти конкретные эмпирические результаты прогноза, в конечном счете, позволяют лучше ориентироваться лицам, принимающим решения, в возможных будущих сценариях развития МО.

Таким образом, в процессе анализа и прогноза разрабатывается как логико-теоретическая схема (модель), так и эмпирическая, причем как первая, так и вторая, взаимно дополняют друг друга и не должны (в идеале) вступать в ра-

⁵⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 560.

⁵⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 13–15.

дикальные противоречия, исключающие полностью один из двух анализов. При этом изначально выдвигается условие, что в итоге должен остаться «только один», наиболее вероятный вариант сценария развития МО, который и является рабочей гипотезой для эмпирического анализа. Так, логико-теоретическая модель развития МО в упрощенном виде (как и всякая модель) представляется следующим образом: (рис. 1.5)⁵⁹.

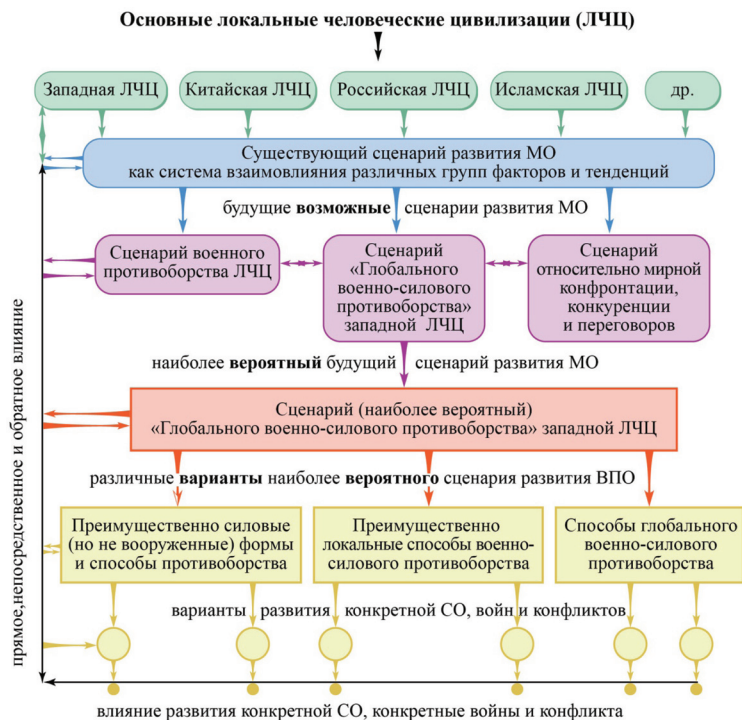

Рис. 1.5. Логико-теоретическая модель развития сценариев (и их вариантов) МО и ВПО-СО

⁵⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Таким образом, из рисунка, отображающего логическую модель МО и взаимосвязи с ней ВПО и СО, видно, что будущий сценарий развития МО предопределяется развитием и взаимоотношениями между ЛЧЦ и формируемыми ими союзами и коалициями, а конкретный (наиболее вероятный) вариант того или иного сценария развития МО и вытекающего из него вариант сценария ВПО является следствием таких взаимоотношений. Это первое и главное исходное теоретическое положение анализа и стратегического прогноза развития МО.

Другое теоретическое положение относится к структуре собственно международной обстановки, а также факторам и тенденциям, влияющим на ее развитие. В различных работах мы по-разному, иногда достаточно подробно описывали свое видение этой проблемы⁶⁰. В данном случае необходимо отметить, что рассматриваются три основные группы объективных факторов и тенденций, влияющих на формирование (в т. ч. вероятность) того или иного сценария МО:

- группа глобальных, мировых тенденций в развитии человечества — экономических, информационных, биологических, экологических, финансовых и т. д., чье влияние сказывается на всех сторонах формирования МО и ВПО;
- группа традиционных факторов — субъектов МО — государств и наций, но, прежде всего, локальных человеческих цивилизаций;
- группа относительно новых факторов — негосударственных и межгосударственных акторов, участвующих в формировании и развитии МО:
 - а) международные организации и институты, коалиции, союзы и пр.;

⁶⁰ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 32.

- б) негосударственные акторы — общественные организации, партии, сетевые сообщества и др.

Кроме этих трех групп объективных факторов огромное значение для формирования МО в XXI веке стала играть группа субъективных факторов, связанных с национальным (цивилизационным) человеческим капиталом и его институтами, а также процессом подготовки и принятия политических решений. Эта группа факторов выделилась из группы объективных глобальных тенденций и стала играть самостоятельную, все возрастающую роль только в XXI веке, хотя и в прежней истории человечества ее было невозможно полностью игнорировать.

В целом все группы в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых может иметь много характеристик и параметров. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство, — например, Российская Федерация, имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории, до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, — которые влияют на формирование существующего и будущего сценария развития МО. Как уже говорилось, до настоящего времени традиционно используются в прогнозах в основном оценки только традиционных показателей и критериев — демографические, географические, финансовые. Поэтому конкретный вероятный сценарий развития МО неизбежно должен учитывать максимально полно не только эти «физические», реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий.

Для целей анализа и прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением. Существующие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров Концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние

более 50 000 факторов, т. е. — если применить к оценке МО — тысяч факторов, формирующих МО. Проблема заключается в построении методики и алгоритма, которых до сих пор не существует. Так, судя по всему, прогноз будущей ВПО делается до сих пор на основе анализа всего лишь двух групп факторов — количества и качества ВиВТ и численности ВС.

Между тем анализ политики всего лишь одного субъекта МО — какого-то одного (из 200) государства — предполагает исследование не только изменения его количественных параметров (численности населения, ВВП и т. д.), но, прежде всего, его качественных характеристик: основных целей, формулируемых правящей элитой и соответствующих стратегий. Так, даже в основу традиционного конкретного анализа политики и стратегии субъектов МО положены, как правило, два основных исследования: анализа интересов (потребностей) этого субъекта и ценностей (нации, государства) и реальных возможностей этого субъекта МО, что очень схематично можно показать на следующем логическом рисунке (рис. 1.6)⁶¹.

На самом деле для точного анализа политики (одного!) субъекта МО этого мало, ведь кроме того, на формирование политики и стратегии этого субъекта МО влияют такие группы факторов, как:

- внешние условия и влияние внешних факторов, в т. ч. внешние вызовы и угрозы;
- субъективное восприятие правящей элитой этого субъекта МО всех групп факторов — объективных интересов и ценностей, внешнего влияния, наличия возможностей и ресурсов, что в итоге выражается как в субъективном формулировании политических целей, так и соотношения «цели-средства», лежащего в основе любой стратегии.

⁶¹ Схема составлена по работам М.А. Хрусталева, в частности: *Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. — М.: «Аспект Пресс», 2015.

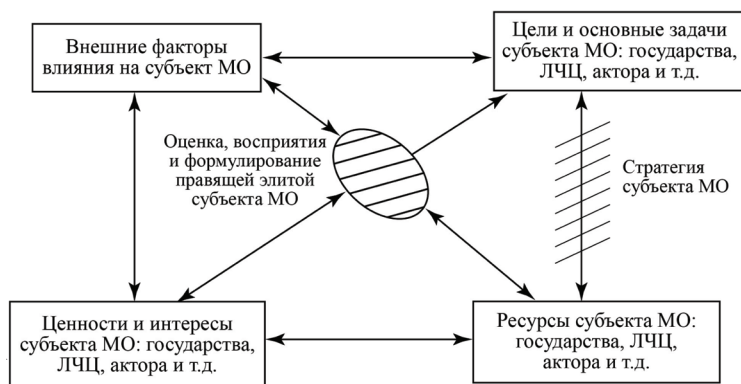

Рис. 1.6. Логический рисунок модели анализа политики одного из субъектов МО

Таким образом, для точного анализа МО и ее долгосрочного прогноза необходимо проанализировать не только «по отдельности» все группы указанных факторов, а именно:

- развитие мировых тенденций;
- субъектов МО;
- акторов МО,
- а также влияние НЧК и его институтов,

но и все эти факторы и тенденции во взаимосвязи и в динамике, в той степени влияния, которая оказывается ими друг на друга. Именно эта часть анализа и является наиболее сложной потому, что архитектура и структура МО достаточно быстро меняется. Для иллюстрации приведем самый простой пример развития архитектуры МО за последние 60 лет, как его видит известный японский политолог К. Исигоока⁶². Он, в частности, рассматривает три ситуации, которые характеризуют состояние МО в XXI веке. Это означает, что для современного анализа необходимо учитывать «ос-

⁶² Сотрудничество и соперничество в Евразии (материалы Шестой российско-японской конференции) г. Москва. 2009. 16 сентября. — М.: МГИМО–Университет, 2009. С. 29–30.

таточное» влияние (экономическое, историческое, правовое и пр.) прежних состояний МО.

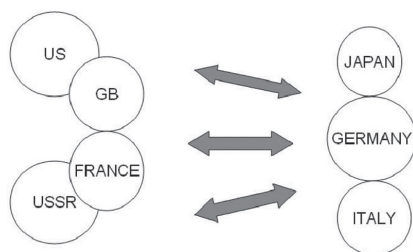
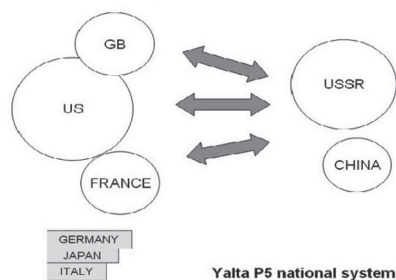

Рис. 1.7. Конфронтация Confrontation
(в период Второй мировой войны)

Yalta P5 national system

Рис. 1.8. Международный контроль после Второй мировой войны (International order of United Nations) (after the war)

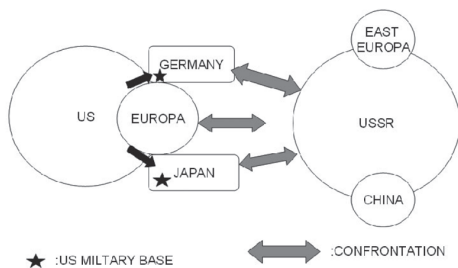

Рис. 1.9. Мировой порядок периода холодной войны
Confrontation = Cold war (Two polar system after the war)

Очевидно, что МО радикально изменилась после 1990 года, что требует положить в основу современного анализа уже новую архитектуру МО, а прогноза — возможную будущую архитектуру. Это позволяет избежать изначально искажения в анализе, которое неизбежно из-за субъективного восприятия ВПО и СО, что, к сожалению, случается. В самом простом виде эту новую (однополярную) архитектуру можно представить следующим образом (рис. 1.10).

МО в 90-х гг. XX века

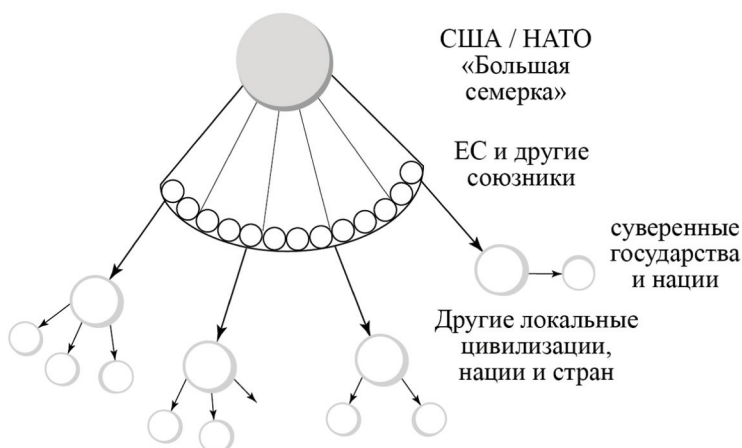

Рис. 1.10. Новая (однополярная) архитектура МО после 1990 года (характеризуется увеличением основных субъектов и негосударственных акторов МО и ВПО)

Как видно из модели новой архитектуры МО, сложившейся после 1990 года, основную роль играют страны, представленные в западной ЛЧЦ во главе с США. Вплоть до середины второго десятилетия XXI века эта архитектура не оспаривалась публично. Война на Украине, создание БРИКС, ШОС и ЕАЭС привело, однако, к тому, что в 2012–2015 годах произошло резкое «переформатирование» архитектуры

МО в публично-международном пространстве. Фактически было заявлено о появлении политически и экономически альтернативных центров силы, способных претендовать на изменение сложившихся в предыдущие годы под эгидой и контролем США систем.

Естественно, что новая модель и структура МО, заявленная в 2015 году, еще не стала пока свершившимся фактом, но и не учитывать этой очевидной тенденции в развитии МО (а, следовательно, и ВПО, и неизбежно СО, что уже было продемонстрировано в Сирии и на Украине) невозможно. Так, «на полях» заседания Генассамблеи ООН в сентябре 2015 года уже была запланирована встреча лидеров стран-членов БРИКС, а США немедленно отреагировали на изменение МО в том же 2015 году появлением нового варианта «Стратегии национальной безопасности»⁶³ и «национальной военной стратегии США»⁶⁴.

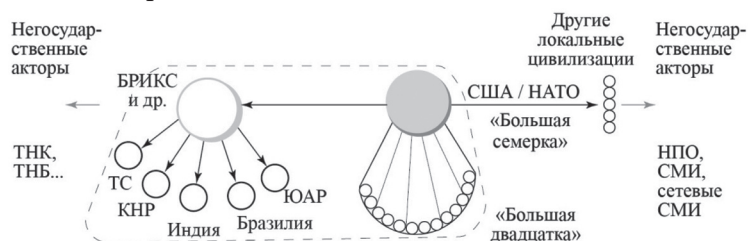

Рис. 1.11. Новая архитектура МО в 2015 г. XXI века

Еще сложнее представляется прогноз будущей структуры и модели МО на 2030–2040 годы XXI века, когда новые центры силы наберут свою мощь и смогут претендовать на военно-силовое изменение существующих международных норм и правил в свою пользу. Очень многое после 2030 года, например, будет зависеть:

⁶³ National Security Strategy / Wash.: The White House. 2015. February.

⁶⁴ The National Military Strategy of the United States of America / Wash. : DOD, June. 2015.

- от того, насколько успешно США смогут силовыми средствами нейтрализовать изменение соотношения сил в пользу новых центров силы;
- насколько успешно смогут развиваться новые центры силы относительно западной ЛЧЦ и друг друга;
- насколько успешно будет развиваться западная ЛЧЦ и многих других факторов.

Как видно из рисунка, будущая МО и ВПО (как ее составная часть) будут формироваться под влиянием, прежде всего, противоборства ЛЧЦ, которое будет определяющим по отношению к двум другим основным группам — мировым тенденциям и негосударственным акторам. Потому, что ЛЧЦ во многом смогут интегрировать в свое развитие, как общемировые закономерности развития, так и роль негосударственных акторов. Во многом потому, что сами ЛЧЦ являются синтезом развития как объективных факторов — субъектов государств-лидеров ЛЧЦ, цивилизационных тенденций, так и акторов — религиозных, общественных, международных и иных организаций, а также субъективных тенденций развития НЧК локальных цивилизаций и наций.

Таким образом, стратегический прогноз развития модели будущей архитектуры МО, в котором реализуется конкретный сценарий развития, лишь задает самые «общие рамки» долгосрочного прогноза, которые очень важны, но не несут в себе конкретного содержания. Такое конкретное содержание предоставляет прогноз развития субъектов МО — ЛЧЦ, государств и акторов, а также глобальных тенденций, — которые должны рассматриваться в единой системе, во всей своей взаимосвязи, а не по отдельности. Такой конкретный прогноз предполагает, что необходимо двигаться от частного (анализа и прогноза отдельного фактора) к общему (сумме этих факторов). В частности, необходим прогноз если не всех 200 государств, то ведущих стран мира — «Большой двадцатки» (25–30 государств), которые будут формировать

будущий облик МО, а также, безусловно, всех ЛЧЦ и основных акторов.

Но, этот же, конкретный прогноз развития отдельных субъектов и акторов МО должен интегрироваться изначально в одну из теоретически обоснованных моделей развития сценариев МО. В противном случае даже наличие огромного числа систематизированных фактов и данных не обеспечит условий для прогноза конкретного варианта развития МО.

1.3. Основы анализа и прогноза развития конкретного субъекта международной обстановки

Продолжением логики исследования «от общего» (концепции развития МО и ее структуры) «к частному» является анализ и прогноз развития отдельного субъекта МО–ЛЧЦ, государства и нации, — который является традиционной внешнеполитической и дипломатической практикой. Более того, нередко в прежние годы единственной практикой внешнеполитического анализа. И, действительно, анализ, и прогноз политики наполеоновской Франции и даже гитлеровской Германии во многом предопределял развитие МО в XIX и XX веках. Однако ситуация резко изменилась во второй половине XX века, а тем более в XXI веке, когда другие факторы формирования МО стали играть не только более сильную роль, но и сами влиять на политику ведущего субъекта МО. Для нас важно, чтобы появилась возможность оценить влияние совокупности многих факторов формирования МО для чего изначально необходим анализ и прогноз каждого из этих факторов (субъектов МО) в отдельности по целому ряду показателей и критериев, способных характеризовать максимально полно роль этого фактора в будущем. При этом нельзя ограничиться только количественными

показателями, характеризующими этот субъект МО, — для целей исследований важнее не абсолютные, а относительные значения и политические (международные) последствия такого развития субъекта. Так, для нас не очень важно, сколько стали будет произведено субъектом в будущем, но важно, во-первых, что из этой стали будет сделано (танки или тракторы), как это будет использовано и как это повлияет на МО.

Иными словами в качестве теоретической основы анализа и прогноза развития одного из субъектов МО выступает на первом этапе многофакторный анализ самого этого субъекта, на втором этапе — факторный анализ этого субъекта среди всей группы этих субъектов, а на третьем — многофакторный анализ всех групп, формирующих МО. Сказанное означает, что достаточно полный анализ, а тем более прогноз развития одного субъекта МО можно делать только поэтапно, как серию многофакторных анализов. Например, чтобы сделать анализ и прогноз развития такого субъекта МО как Россия, нужно:

- на первом этапе — сделать факторный и многофакторный анализ самого субъекта — Российской Федерации — по максимально полному набору отобранных показателей — демографических, экономических, социальных и пр.;
- на втором этапе — анализ положения России во всей группе других субъектов, формирующих МО, т. е. среди всех (или большинства) государств: Россия–США; Россия–КНР; Россия–Македония и т. д.;
- на третьем этапе — анализ положения России во всей МО среди всех других факторов, которые формируют эту систему, т. е. среди международных акторов, влияния глобальных тенденций и т. д., так как все эти переменные величины будут влиять на состояние России.

Естественно, что на пути продвижения по всем этим трем этапам будет встречаться много трудностей, связанных, прежде всего, с социальным характером МО и влия-

нием множества субъективных факторов на развитие этого субъекта.

Факторный анализ⁶⁵ позволяет решить одновременно две проблемы: описать объект изменения, всесторонне и компактно, в целях определения взаимосвязей между переменными. Обязательные условия факторного анализа:

- все признаки должны быть количественными;
- число наблюдений должно быть, как минимум, в два раз больше числа переменных;
- выборка должна быть однородна;
- исходные переменные должны быть распределены симметрично;
- факторный анализ осуществляется по коррелирующим переменным.

В нашем понимании, жестко детерминированная модель, имеющая более двух факторов, называется многофакторной. Именно такой многофакторной моделью является каждый из указанных выше трех этапов исследования — собственно субъект МО; группа отобранных (или всех) субъектов МО, вся система, образующая МО.

В качестве очень упрощенной модели анализа конкретного субъекта МО предлагается модель анализа и стратегического прогноза, в которой учитываются основные элементы политики субъекта МО и формирования МО, предложенная еще в 80-е годы XX века профессором М. Хрустальевым.

Как видно из этой модели (рис. 1.12), каждый из ее элементов является лишь условным обозначением целой группы факторов, подлежащих систематизации, анализу и конкретизации. Это означает, что даже один субъект МО может и должен анализироваться под самыми разными

⁶⁵ Факторный анализ — эд. метод, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями переменных. Предполагается, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки.

Схема состояния и стратегического прогноза развития конкретного субъекта МО до 2030 г.

Рис. 1.12.

углами зрения и под влиянием сотен и тысяч факторов. Достаточно сказать, например, что количество факторов внешнего влияния на политические цели одного субъекта МО измеряется сотнями и тысячами, а на всю группу субъектов МО, — соответственно — тысячами акторов и тысячами различных международных тенденций, а также прочих переменных. Естественно, что эти факторы можно и нужно как-то систематизировать, укрупнить и сгруппировать по степени их влияния.

Рассмотрим в качестве примера один конкретный субъект МО — «государство» — по состоянию на 2015 и 2030 годы⁶⁶.

⁶⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Как видно из этого примера, для многофакторного анализа современного состояния одного субъекта МО («государства X») на первом этапе требуется, как минимум⁶⁷:

1. Анализ всей совокупности его национальных интересов и ценностей, которые в самой простой форме делятся на:
 - личные;
 - групповые;
 - социально-классовые;
 - государственные;
 - национальные;
 - цивилизационные, а также разбиваются на:
 - краткосрочные;
 - среднесрочные;
 - долгосрочные.

Кроме того эти интересы могут быть:

- социальными;
 - экономическими;
 - финансовыми;
 - культурными и т. д.;
2. Другой минимум анализа требуется для исследования национальных ресурсов и возможностей, в том числе:
 - природных;
 - материальных активов (ВВП, зарубежные активы и пр.);
 - национального человеческого капитала;
 - общественных;
 - культурных и др.;
 3. Третья группа факторов, подлежащих анализу, представляет собой влияние внешних сил — прежде всего, государств, международных институтов, коалиций и т. д., а также таких факторов, как:

⁶⁷ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 553–582.

- природные ресурсы;
 - транспортные коридоры;
 - климатические и др.
4. Наконец, четвертая и пятая группы факторов, подлежащих анализу, представляют собой правящие элиты и общество и понимаемые ими цели и задачи, стоящие перед данным субъектом МО.

Только после изучения всех этих факторов, в их взаимосвязи, характеризующих состояние субъекта МО, можно попытаться прогнозировать развитие этого субъекта на перспективу:

- краткосрочную;
- среднесрочную;
- долгосрочную.

Исходя, прежде всего, из развития уже проанализированных факторов этого субъекта — интересов и ценностей; ресурсов и возможностей; влияния внешних сил; качества элиты и общества; развития целеполагания и возможных задач.

Как показано на рисунке, в зависимости от субъективного фактора — адекватности правящей элиты, ее профессионализма, амбициозности и пр. — возможно развитие этого субъекта МО по нескольким сценариям, учитывающим особенности международной обстановки и национального развития (варианты «а», «б» и «в» в нашем примере). Применительно к СССР в 30-е годы XX века споры между «сталинистами, или троцкистами» и «правыми», в конечном счете, привели к выбору варианта «в». С долей условности можно сказать, что в 2014–2015 годах также был сделан выбор в пользу этого варианта, хотя споры ведутся, и будут вестись еще долго.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стратегический прогноз развития субъекта МО, на первом этапе исследования, должен основываться на многофакторном анализе базовых факторов, а именно:

▪ **Стратегический прогноз должен быть построен:**

- **Во-первых, на основе анализа долгосрочных национальных интересов и ценностей и их государственных оформлений в представлении правящих элит в виде целей и задач.**
- **Во-вторых, на основе анализа и прогноза реальных возможностей (ресурсов) — прежде всего потенциалов, а также и способностей использовать существующие условия (искусственно их формировать).**

Но все эти действия относятся только к первому этапу исследования, конечной целью которого является определение состояния и прогноз его развития именно как одного из субъектов МО. Это означает, что, как минимум, на втором этапе многофакторного анализа требуется рассмотреть состояние этого субъекта МО среди всех остальных субъектов МО (ЛЧЦ, наций и государства), а также сделать стратегический прогноз их развития относительно друг друга. Это можно продемонстрировать на простой матрице (табл. 1.1).

Этот анализ состояния всей группы субъектов МО (порядка 200 государств) и перспективы их развития в абсолютных величинах важно дополнить оценками относительно одних государств к другим, что имеет важнейшее значение для оценки соотношения сил. В конечном счете, мы должны получить оценку состояния и прогноз развития субъекта МО относительно всех других субъектов МО.

Наконец, на третьем этапе для нас важно выяснить влияние других групп внешних факторов на состояние и перспективу развития этого субъекта МО. Прежде всего, международных акторов, глобальных тенденций и человеческого капитала. Именно взятые вместе все эти группы факторов и создают в основных чертах МО и определяют перспективу ее развития.

Таблица 1.1. Состояние и прогноз развития всей группы субъектов МО до 2030 г.

Субъекты МО	Область сопоставления	Состояние в 2015 г.	Прогноз до 2030 г.
«Государство «ж»	численность населения	300 млн	350 млн
«Государство «а»	ВВП	15 трлн долл.	25 трлн долл.
«Государство «б»	ВС и ВиВТ	1,5 млн чел. — 100 самолетов	0,7 млн — 1000 самолетов
«Государство «...»	качество НЧК (индекс)	0,75	0,82
и т. д.			

Главное в методологии анализа развития отдельного субъекта МО и ВПО заключается не только в том, что такому анализу подвергается огромное число факторов, влияющих на этого субъекта, но и других факторов, формирующих МО в мире и в регионе, а также десятки наиболее важных отдельных тенденций, существующих в мире⁶⁸.

Анализ интересов, целей, задач и ресурсов каждого субъекта и актора МО требует, естественно, огромных затрат — только больших субъектов МО насчитывается несколько сотен, а акторов — несколько тысяч. Если каждый из таких субъектов МО рассматривать только по основным параметрам, то даже это может составить в итоге десятки тысяч показателей, причем большинство из них будут переменными, а еще большее количество — неточными, динамично-меняющимися, приблизительными, а иногда и сознательно искаженными.

⁶⁸ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Таким образом, в отличие от прежних методов анализа того или иного субъекта МО, когда изучались в лучшем случае десятки факторов (ВВП, численность населения, территория, качество и количество ВС, ВиВТ), современный анализ предполагает, исследование большинства субъектов МО по тысячам параметров и критериев. В частности, один из тысяч субъектов и акторов МО — государство или организация, — должен быть проанализирован по тысячам параметров, включая переменные величины. Кроме того (что не менее важно) должны быть:

- рассмотрены взаимосвязи этого субъекта с другими субъектами ВПО и акторами, включая международные организации, коалиции, союзы;
- проанализировано влияние основных мировых тенденций, например, в области замещения углеводородов другими источниками топлива;
- рассмотрены возможности будущих качественных изменений и новых парадигм в развитии МО и ВПО.

Но задача анализа субъекта или МО значительно осложняется, при необходимости анализа конкретной МО в отдельном регионе планеты (даже если в их формировании участвуют не тысячи и сотни субъектов и акторов, а десятки). Прежде всего, потому, что «региональный срез» (или театр) — очень субъективен и подвержен влиянию множества внешне незаметных переменных, которые не всегда учитываются в большой политике. В качестве примера можно привести сложившуюся летом 2015 года МО вокруг Арктики, в которой непосредственно участвуют не только арктические государства и претендующие на освоение Арктики страны, но фактически, в той или иной степени, все члены ООН (рис. 1.13).

Очевидно, что подход к анализу МО и ВПО в этом регионе будет определяться во многом имеющимися у субъектов МО возможностями — временем, информацией, вычислительными мощностями, ПО и т. д.

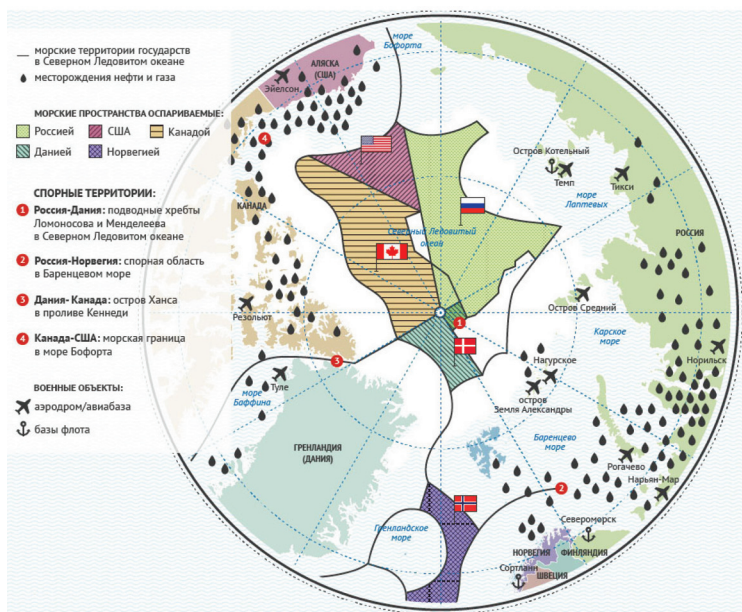

Рис. 1.13.

В несколько упрощенном виде это показано в следующей матрице, иллюстрирующей сравнение прогноза простых и сложных систем (табл. 1.2).

В настоящее время считается, что практически возможно создание таких моделей, где учитывались бы все эти десятки тысяч факторов и тенденции их развития в динамике, а также делались предположения относительно характера будущих парадигм. Это позволяет во многом преодолеть трудности анализа МО и ВПО, связанные с их развитием, прежде всего непредсказуемостью и уникальностью.

Огромное влияние субъективных факторов, прежде всего качества принимаемых решений, на развитие конкретных ситуаций, в первую очередь конкретной ВПО и СО, предопределяет вывод о том, что в таких конкретных при-

Таблица 1.2.

Простые системы	Сложные системы	Пример ВПО
Незначительное число агентов	Множество агентов (для ВПО и СО – десятки тысяч субъектов)	Все государства, международные правительственные и неправительственные организации и институты, частные военные компании, социальные сети и т.д.
Незначительное число взаимодействий	Множество взаимодействий (десятки тысяч)	Постоянно увеличивающееся количество взаимодействий
Централизованное принятие решений	Децентрализованное принятие решений	При отсутствии глобального государства ВПО децентрализовано
Возможна декомпозиция	Несводимость к отдельным компонентам	Состояние ВПО не сводится к политике отдельных агентов ВПО
Замкнутые системы	Открытые системы	ВПО – открытая система, т.к. обменивается информацией и ресурсами со своей средой (ЧЦ, МО и т.д.)
Статические системы	Динамические системы	ВПО – динамическая система
Стремление к устойчивости	Неустойчивые	Силовое равновесие в ВПО часто меняется

мерах невозможно предусмотреть развитие всех конкретных сценариев. Другими словами качество непредсказуемости развития конкретных ситуаций должно быть обязательно учтено.

Вместе с тем правильная модель и добросовестный подбор всех факторов позволяют, на наш взгляд, создать некий набор предполагаемых вариантов развития того или иного сценария МО и ВПО.

Особенно важна эта методика в связи с тем, что в XXI веке уже не существует одного центра силы, предопределяющего ход развития МО и будущей ВПО в своих основных чертах. Ликвидация этой заданности, неизбежно, ведет к умножению возможных вариантов развития МО и ВПО и по сути к их бесконечной мультипликации в развитии многочисленных, и непредсказуемых вариантов СО⁶⁹. На практике это означает, что с высокой степенью вероятности можно прогнозировать

⁶⁹ Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич. — М.: МГИМО, 2014. С. 37–39.

развитие, того или иного, будущего сценария МО (если будет выбрана адекватная методика и сделаны расчеты по десяткам тысяч параметров), но значительно труднее предположить развитие того или иного варианта ВПО, а СО или войны — практически по-прежнему остается невозможным. Поэтому их влияние на развитие того или иного субъекта — ЛЧЦ, нации, государства — или актора МО можно только предполагать в самых общих чертах в качестве некой тенденции.

Так, формирование новых центров силы в мире — БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ТАП или ТТП и др. — можно прогнозировать в качестве долгосрочной тенденций, но оценить их влияние на конкретные субъекты МО — уже становится гипотетической задачей, которая требует множества допущений. Например, влияние БРИКС можно оценивать не только по будущей совокупной мощи стран-участниц этого клуба, но и по потенциальной мощи созданного ими и другими странами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, где доли учредителей существенно отличаются друг от друга.

Для прогноза будущего развития того или иного субъекта МО огромное значение имеет не только оценка его будущего потенциала (о чем все, как правило, помнят), но и анализ его долгосрочных интересов и систем ценностей, который можно формализовать в подробной матрице.

Следует изначально отметить, что «заполнение» каждого из этих элементов матрицы может быть очень разным по своей глубине. Так, интересы (и их анализ) можно ограничить, например, только:

- цивилизационными;
- национальными;
- государственными.

Но можно также их расширить, добавив:

- интересы локальной цивилизации;
- коалиционные;
- классовые;

Фундаментальный анализ интересов субъекта (актора) МО и ВПО

Наименование интереса / в порядке приоритетности (потребность субъекта МО)	Конкретизация по специфике	Определение интереса (потребности) по времени		
		н/вр.	Средне-срочная перспектива	Долго-срочная перспектива
	— глобальный интерес;			
	— экономический;			
	— ресурсный;			
	— общечеловеческий;			
	и т. п.			
	— интерес ЛЧЦ;			
	— национальный интерес;			
	— государственный интерес;			
	— классовый (социальный) интерес;			
	— интерес специальной группы;			
— интерес корпорации (группы)				
— личный				

- групповые, личные и т. д., что, естественно делает анализ интересов, влияющих на формирование ВПО и СО более полным и точным.

Анализ интересов можно еще больше уточнить, если конкретизировать его по времени («до настоящего времени», «современные», «краткосрочные», «среднесрочные»,

«долгосрочные» и т. д.), или по какой-то области: политические, экономические, военно-стратегические и т. д.⁷⁰

Очевидно, что чем подробнее происходит разделение в матрице различных интересов, тем более точным видится доминирующий интерес. К сожалению, в России часто такой анализ упрощается до двух–трех «интересов» («республиканцев-демократов» — в США, например), что фактически дискредитирует весь анализ и прогноз.

В конечном счете, конкретизация и детализация этого метода будет зависеть не столько от теоретических трудностей сколько от имеющихся ресурсов — прежде всего, времени, информации, качества и количества людей и др. факторов. При этом важно понимать, что прогнозирование развития субъекта МО может быть, разделено по времени, но не разорвано в своем едином процессе.

- ❖ **Краткосрочное** прогнозирование может быть основано на линейной экстраполяции трендов и положения субъектов и акторов МО–ВПО.
- ❖ **Среднесрочное** прогнозирование может быть основано на статистическом анализе и, отчасти, на экстраполяции существующих глобальных тенденций и субъектов МО–ВПО.
- ❖ **Долгосрочное** прогнозирование должно быть основано на нелинейном системном анализе, воображении и предположении о появлении новых парадигм в развитии субъекта или всей МО.

В действительности можно предположить, что не только долгосрочное прогнозирование, но и среднесрочное и даже краткосрочное должно строиться на основе нелинейного системного анализа и постоянного мониторинга всех факторов и тенденций, влияющих на формирование МО и ВПО

⁷⁰ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 66–76.

(а также при необходимости конкретную реализацию СО). Так, невозможно экстраполировать будущее качество и количество ВиВТ, исходя только из имеющихся сегодняшних данных, которые свидетельствуют о быстрой смене поколений ВиВТ, с одной стороны, и удлинением их срока службы, — с другой. Экстраполяция в развитии военных потенциалов может привести к серьезным, даже радикальным ошибкам. Поэтому ее использование в стратегическом прогнозе развития ВиВТ — очень ограничено. Это хорошо видно на примере развития основных военных систем в США (рис. 1.14)⁷¹.

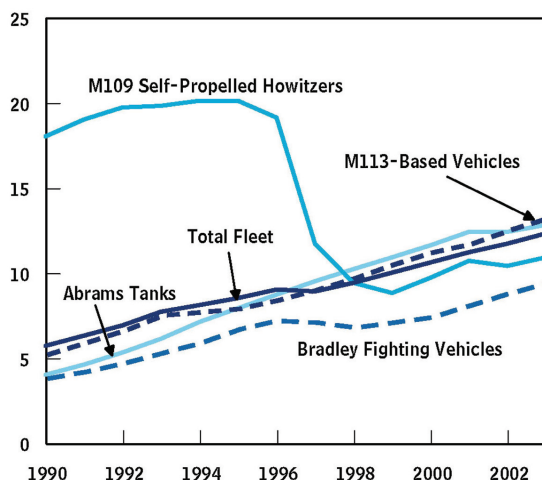

Рис. 1.14. Средний возраст (в годах) боевых средств Армии США (Average Age of the Army's Armored Combat Vehicles, 1990 to 2003)

Как видно из графика, средний срок службы (за исключением САУ) увеличился с 5 лет в 1990 г. до 15 лет в 2005 г., а некоторые виды и системы ВиВТ, находящиеся на вооружении сегодня, в 2015 году, будут на службе еще и в 2050-е и даже

⁷¹ Congressional Budget Office based on data from the Department of the Army // «The Congress of the United States, Congressional Budget Office. The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives». С. 10.

2060-е годы. Более того, создаваемые сегодня некоторые образы ВиВТ — вплоть до конца XXI века. В то же время некоторые виды и системы оружия могут вообще неожиданно «исчезнуть» в короткие периоды, а некоторые, — наоборот, «вдруг» появиться. Поэтому к экстраполяции в развитии ВиВТ следует относиться очень осторожно.

Это говорит в пользу того, что необходимость выбора логической и теоретической основы для анализа, а тем более стратегического прогноза развития субъекта МО, не вызывает сомнений. Одним эмпирическим анализом не обойдешься. Более того, известные долгосрочные прогнозы развития МО, в которых отсутствует логическая, избранная для анализа концепция и модель, оказываются, в конечном счете, бесполезными. Их авторов спасает только забывчивость читателей.

Выбор той или иной концепции и модели анализа и прогноза развития субъекта МО означает для исследователя полный (или, как минимум, частичный) отказ от других концепций и моделей, а кроме того вызывает немедленную критику со стороны «теоретиков» и «методологов». Это — главная причина, почему в долгосрочных моделях и концепциях, как правило, отсутствуют определенные логические и теоретические основы, либо они представлены настолько абстрактно, что становятся, очевидно, бесполезными для практических нужд.

Вместе с тем для практических, политических целей нужна именно прикладная модель и прогноз сценария или варианта развития МО или ВПО. В конечном счете, такой сценарий (и его вариант) может быть и даже наверняка будет единственным. И этот единственный вариант должен быть максимально близок к реальному, потому, что именно на него ориентируются при стратегическом планировании. Этот вывод важно подчеркнуть особо: реальность развивается параллельно только в фантастических романах, либо в еще не осознанной нами действительности. Для практики, «жизни»,

существует один, реальный, реализуемый сценарий, который (в крайнем случае) может предполагать развитие по двум вариантам в действительности. Поэтому ценность прогноза заключается в определении не только возможных сценариев, но и их наиболее вероятного конкретного варианта⁷².

Отдельно следует сказать об информационно-когнитивном влиянии на развитие субъекта МО и прогнозе его роли в будущем. Практическое значение, в этом случае, «правильной теории» и выбора конкретного, прагматически определенного сценария развития МО, крайне велико из-за усиления политики искусственного создания «виртуальной реальности» в политической области, в частности в формировании МО, с помощью мощных средств западной ЛЧЦ, которая ведет к сознательной дезинформации и попыткам дезориентации лиц, принимающих политические решения. Представляется, что дело тут не в простой субъективности оценок, свойственных, когда речь идет о международных отношениях, войнах и конфликтах (а также рыбалке, охоте, любви и т. д.), а в сознательном искажении действительности, политике дезинформации, создании искаженной реальности, которая генералами сетецентрической войны и выдается за саму реальность. Иначе говоря, нужный сценарий МО, и роль того или иного субъекта МО–ВПО, сначала придумывается, «прописывается», создается искусственно в информационном пространстве, а потом под него «подгоняется» действительность⁷³. Так, например, в прогнозе американской компании «Стратфот» до 2050 года, сделанном недавно, Польше отводится роль мировой сверхдержавы «От Балтики до Черного моря», Украина — перестает существовать, а Россия делится на отдельные регионы.

⁷² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

⁷³ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 27–54.

Роль СМИ и институтов НЧК в таком сценарии МО совершенно изменилась. Из средств информации они сознательно превращаются в инструмент дезинформации и создания ложной реальности, т. е. средства войны. Более того, СМИ превращались, в случае реализации такого сценария СО по «созданию ложной реальности», в «прикладное» средство вооруженной борьбы. Даже более важное и эффективное, чем артиллерия, танки и авиация⁷⁴.

Эта тенденция в основном осталась незамеченной в России, где к ним (СМИ) по-прежнему относились как к «средствам объективного информирования общественности». Более того, такая недооценка привела к искажению восприятия реалий в российской правящей элите. Так, вплоть до второго десятилетия XXI века не только в высказываниях официальных лиц, но и в основополагающих нормативных документах — Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине России и др. — говорилось о «благоприятной» и даже «уникально благоприятной» внешнеполитической обстановке. То, что эта МО и ВПО радикально изменилась не в пользу России еще в 1990-е годы, — не признавалось потому, что интересы не позволяли признавать реальность, а трансформация безопасности России в абсолютную уязвимость — сознательно не замечалась. Вплоть до конца 2014 года оценки и прогнозы ученых РАН, например, отличались благозвучием. Соответственно и оценка, и анализ России, как субъекта МО, была неверной. Более того, трагично ошибочной.

Противодействовать такому информационно-политическому, искажающему влиянию обязательно и необходимо, в информационном поле, немедленно, но отнюдь не старыми информационными методами. Опыт бесконечных

⁷⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

дискуссий по поводу России и Украины как субъектов МО показал, что «чистая» информация и журналистика уже не могут достичь поставленных целей, если нет теоретической, логической и концептуальной моделей, объясняющих суть происходящих событий. Нагромождение фактов, даже самых убедительных, отнюдь не означает получение убедительного результата. Нужна теоретически обоснованная, аргументированная концепция, объясняющая всю цель событий, последствий и возможных негативных событий в будущем для того или иного субъекта МО.

1.4. Анализ и стратегический прогноз развития новых парадигм международной обстановки

Развитие МО предполагает неизбежную смену парадигм, однако никто не знает каких и когда. Применительно к теории международных отношений, в области прогноза развития парадигм МО, можно использовать тезис, используемый в вычислительной математике, которая «решает (в XXI веке. — *Авт.*) те задачи, которые может, а не те, решения которых от нее требуется»⁷⁵. Другими словами теория международных отношений и развития МО применительно к анализу и прогнозу парадигм выглядит не только не изученным подходом, но даже сомнительным, а иногда и антинаучным. Между тем международное сообщество — политическое, финансово-экономическое, научное и пр. — так или иначе, состоит из людей, большинство которых признает, в той или иной степени — сознательно или под давлением — определенную парадигму. Различные современные сценарии развития МО

⁷⁵ *Нариньяни А. С.* Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм / Вопросы философии. 2011. 22 февраля / <http://vphil.ru>

являются во многом следствием, результатом развития этих парадигм, которые, в свою очередь, представляют собой совокупность предпосылок — явных, скрытых и неявных — признаваемых большинством на данном этапе развития МО.

Таким образом, развитие МО во многом предопределяется признанием, большинством правящей мировой элиты, той или иной парадигмы, существующей на данном этапе. Это объясняет, например, появление и развитие таких международных клубов правящих элит, во второй половине XX века, как Бабельсбергский клуб, Трехсторонняя комиссия, «Большая семерка», «Двадцатка» и т. п. Этот же феномен усиления значения парадигм и риска качественных изменений в МО привел к укреплению прежних и созданию новых международных институтов, которые стали финансово-экономическими и военно-политическими институтами регулирования МО в условиях порождения новых парадигм.

Особенно важное (хотя далеко не всегда признаваемое) значение имеет смена политико-идеологических и социально-экономических парадигм, которая нередко ведет к революциям, качественным изменениям в МО мирового масштаба, почти всегда — к крупным войнам. Это очень наглядно демонстрирует смена парадигм развития в начале XX века, которая привела не только к революциям в России и Германии, но и другим радикальным социально-экономическим изменениям в мире, мировому социально-экономическому кризису 1929–1934 годов, закончившемуся Второй мировой войной.

Современный кризис в мире 2007–2015 годов расценивается, прежде всего, как финансово-экономический, хотя в действительности это такой же системный мировоззренческий и политико-идеологический кризис, как и два предыдущих, закончившихся войнами и сменой парадигм. С второй половины XX века, например, все более признанной становилась парадигма «мирного сосуществования» или

парадигма «приоритета норм международного права» и т. д., которая в ходе этого кризиса фактически исчезла, будучи замененной парадигмой военно-силового противостояния между локальными человеческими цивилизациями. Можно уже с уверенностью сказать, что эта парадигма развития МО с начала XXI века формирует наиболее вероятный сценарий мирового развития.

С теоретической точки зрения очень важно понимать именно современное значение парадигм, которые задают «рамки» развития МО: стратегический прогноз, как правило, делается в качестве экстраполяции в рамках уже существующих, известных парадигм, хотя его вероятность целиком зависит от смены этих парадигм.

Смена парадигм в мире ведет к неизбежным и быстрым изменениям в МО, причем нередко даже не только быстрым, но и качественным, революционным. Так, переход в 30-е годы XX века, казалось бы, от абсолютной парадигмы пацифизма к реваншизму в общественном мнении Германии, привел к приходу к власти Гитлера и закончился через несколько лет Мировой войной. Политическое уничтожение парадигмы «социалистического лагеря» привело к развалу ОВД, СЭВ и СССР в конце 80-х годов, а затем, в свою очередь, к формированию парадигмы «однополярной миросистемы» и соответствующей МО и ВПО, где откровенно господствуют США.

Смена парадигм всегда означает кроме всего прочего и радикальное изменение МО и ВПО. Причем в относительно короткие, как правило, неожиданно быстрые сроки. Прогноз вероятности такой смены в той или иной области человеческой деятельности означает обязательную, наиболее важную и ответственную часть такого стратегического прогноза. Одновременно и наиболее трудную как с теоретической, так и с практической точек зрения. Так, в настоящее время самые разные эксперты (предсказывают) прогнозируют следующие изменения парадигм в МО:

- резкое обострение противоборства между странами в мире;
- смена технологического уклада в ведущих странах мира;
- радикальное изменение структуры экономики, торговли, финансов;
- смена социально-экономической парадигмы доминирования капиталистической системы отношений;
- радикальные демографические изменения;
- смена однополярного мира на «многополярный»;
- смена национального состава ведущих мировых держав;
- превращение ядерного оружия в бесполезное;
- появление принципиально новых видов и систем ВиВТ и т. д.

Самое трудное в анализе и долгосрочном прогнозе развития МО предсказать насколько полно и как долго сохранятся старые и появятся новые парадигмы, еще труднее — адекватно оценить уже произошедшие качественные изменения в жизнедеятельности человечества (в т. ч. в таких специфических, субъективных областях, как политика или военное дело), а тем более спрогнозировать эти изменения и их последствия на будущее.

Возникновение и темпы развития (в связи с появлением новых парадигм) новых реалий и явлений, особенно качественно новых, вряд ли будет возможно, когда-нибудь, с точностью прогнозировать не только в политике и экономике, но и в технологиях. То же самое, даже в еще большей степени, относится в полной мере к появлению новых социально-политических парадигм, особенно в общественной жизни, хотя традиционно почему-то принято считать, что человек мало изменился со времен «античности». На самом деле именно история цивилизации развивается по экспоненте: именно человек и общество, его государственные и общественные институты, как уже писалось выше, развиваются наиболее динамично. Так, всего лишь за годы одного поколения, вы-

росшего уже после развала СССР на Украине, в значительной степени изменилось общественное мнение страны, которое оказалось не только антикоммунистическим и антисоветским, но и русофобским.

Вместе с тем, говоря о прогнозе смены социальных и иных парадигм, мы должны помнить, что будущее уже существует в том или ином виде сегодня, более того, будущие парадигмы формируются задолго до их проявления, что корни многих новых социальных явлений можно обнаружить уже в истории существования человечества. Особенно важно это иметь ввиду применительно к смене социально-политических парадигм, условия для которых закладываются заранее, порой задолго до самого появления такой возможности. Вот почему в XXI веке изучение истории развития человечества становится практической необходимостью. Так, то же самое «новое» явление русофобства начала XXI века, например, в Европе и на Украине существовало на самом деле еще в XIX веке в Европе, а современный украинский национализм уходит своими корнями в средневековую политику Польши, Австрии, Венгрии, а еще раньше до этого — Ватикана. Поэтому и русофобская внешнеполитическая парадигма Украины появилась не сразу и «не вдруг», а антироссийская военная доктрина, принятая в августе 2015 года, — как идеологическая, официальная система взглядов, была заложена давно.

Применительно к анализу современной и прогнозу будущей МО, например, в Европе, можно сказать, что те новые парадигмы, которые «неожиданно» возникли в XXI веке, имели свою историю, более того, именно опираясь на эту историю произошло возникновение в целом ряде случаев этих парадигм. Так, русофобство на Украине, в Прибалтике, Польше и в ряде стран Скандинавии — отнюдь не феномен второго десятилетия XXI века. Оно существовало отчетливо уже в XIX веке, когда Н. Данилевский писал известную

статью о том, почему в Европе не любят Россию — немотивированно, безосновательно и грубо⁷⁶.

Другое дело, что в силу разного рода соображений политического характера многие предпосылки для возникновения и смены парадигм сознательно не хотят замечать и учитывать. Так, кампания против пакта «Молотов–Рибентроп», инициированная и поддержанная в СССР, получила свое развитие позже в России, создав фактически предпосылки для возникновения уже не просто антисоветской, но и антироссийской внешнеполитической парадигмы, которая, в свою очередь, может стать в будущем политическим обоснованием для территориальных или имущественных претензий по отношению к России. Вот почему анализ и прогноз парадигм должен исходить из необходимости безусловного анализа существующих предпосылок. Даже если такой анализ и противоречит политической конъюнктуре и идеологическому мейнстриму.

Анализ и прогноз возможной смены парадигм также сталкивается не только с объективными трудностями (недостаток информации, научного осмысления, привыкания к реалиям и т. д.), но и с субъективными препятствиями — прежде всего с сознательным отрицанием этих реалий, по политическим и идеологическим мотивам, нежеланием их признавать, инерцией мышления, а иногда даже обычной человеческой ленью и привычкой. Но, тем не менее, вероятность объективного прогноза формирования и появления новых парадигм не просто существует, но и обязательно должна использоваться максимально при анализе и прогнозе развития того или иного субъекта, актора, тенденции или даже всей МО в целом. Успех в итоге зависит от полноты исторического анализа и способности прогноза. Как справедливо отметил бывший вице-премьер по промышленной

⁷⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

политике России Б. Алешин, «... анализ процессов развития отечественного оборонно-промышленного комплекса подчеркивает его историческую преемственность. Отмеченные закономерности структурных преобразований позволяют прогнозировать динамику и направленность развития ОПК в среднесрочной и долгосрочной, перспективе»⁷⁷. Сказанное в полной мере относится и к другим областям человеческой деятельности.

Именно поэтому говорить категорически о невозможности стратегического прогноза смены социальных и политических парадигм нельзя. Более того, внимательный исследователь обнаружит, что будущие парадигмы не только складываются, но нередко и сознательно создаются уже сегодня. Это особенно стало заметно в XXI веке. Такое «социальное конструирование» парадигм сегодня стало практикой, следствием развития стратегического прогнозирования и планирования.

В начале 70-х гг. XX века, например, был начат процесс формирования политической парадигмы борьбы за права человека, которая стала формальной реальностью в 1975 году в Заключительном Акте, подписанном в Хельсинки, и основой для вето диссидентского движения в соцлагере.

Идея получила развитие в XXI веке: растущая роль НЧК и институтов его развития привели к тому, что в начале XXI века творческий («креативный») класс стал ведущей силой современности. И не только экономической, но и социально-политической⁷⁸. Сознательное развитие этого класса и его институтов может иметь решающее значение для будущего сценария развития МО и ВПО, если, конечно

⁷⁷ Алешин Б. С. Вступительное слово / Алексашиин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М. Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. — М.: МГУ, 2011. С. 5.

⁷⁸ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

же, это осознается правящим классом сегодня. Это даст не только самый мощный инструмент развития экономики, но и самое эффективное средство внешнего влияния («мягкой силы»), а также наиболее быстрое развитие военной силы (ВС и ВиВТ). Собственно «всплески» антиправительственных выступлений в России в 2011–2015 годах имеют под собой именно эту основу.

Кроме того очень важно понимать, что:

- развитие парадигм может происходить не только последовательно, но и параллельно, одновременно могут существовать и даже развиваться сразу несколько парадигм. Так, в России в XXI веке в экономике существует одновременно несколько укладов — от феодального, социалистического и капиталистического до постиндустриального. Парадокс их существования одновременно с развитием — объективная реальность;
- появление новых парадигм далеко не всегда отменяет старые парадигмы: простой закон смены парадигм в действительности не работает «в чистом виде». Как и прежние уклады, формации и технологии, старые парадигмы остаются в новых реалиях, также как и новые парадигмы, вытесняя старые, не всегда революционно и быстро их заменяют. Этот процесс подробно рассматривался марксистской наукой, в т. ч. когда речь шла о приоритетах политики над экономикой в новых развивающихся государствах, о чем писал еще в советское время академик Н. Симония⁷⁹.

Все это говорит о необходимости специального системного и цивилизационного анализа развития МО в области зарождения, существования и будущего принципиально важных парадигм — политических, идеологических, социальных,

⁷⁹ Симония Н. А. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер. — М.: Восточная лит-ра, 1984 г. С. 194–402.

технологических и пр., — без которых стратегический прогноз, основанный на экстраполяции развития субъектов МО, становится очень приблизительным и механическим (хотя и наиболее часто практически востребованным).

В качестве хорошей иллюстрации мысли о логике смены парадигм мироустройства в XXI веке можно привести пример из области программирования, где в XX веке происходила эволюционная смена парадигм. На этой диаграмме показано, что разные направления развития языков являются результатом разных парадигм (подходов), развивающихся независимо друг от друга. В частности, на рисунке изображены четыре направления, представляющие функциональную, объектно-ориентированную, императивную и декларативную парадигмы. Языки, относящиеся к каждой парадигме, расположены на временной шкале, показанной внизу (но из этого не следует, что один язык развивался из другого).

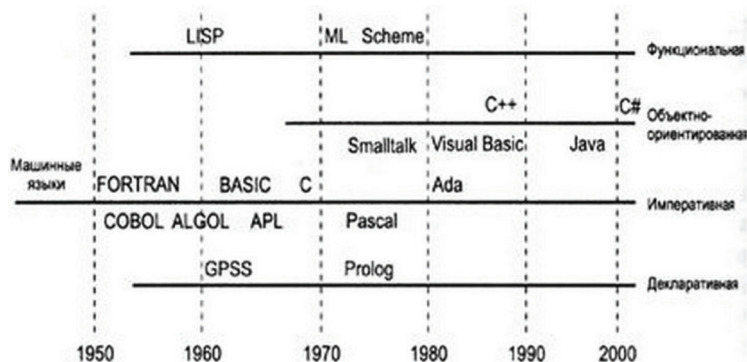

Рис. 1.15. Эволюция парадигм программирования

По аналогии с эволюцией парадигм программирования можно допустить, что существующие основные парадигмы развития ЛЧЦ, стран в системе МО будут также эволюционизировать. Более того, могут появляться одновременно

качественно новые парадигмы МО, которые в стратегической перспективе радикально повлияют на сценарии развития международной и военно-политической обстановки. Предсказать их появление не только можно, но и нужно. Для этого часто нужны не способности к анализу и прогнозу, а восприимчивость правящей элиты, которая, как правило, всегда и во всех странах консервативна, плохо воспринимает что-то качественно новое. Так, в начале 80-х годов А. Подберезкиным была написана работа, суть которой сводилась к двум простым выводам: будущая ВПО будет определяться в основном появлением в конце 90-х годов высокоточного оружия (ВТО) и новых систем боевого управления, связи и разведки (СЗ1). Эта работа решением руководства ИМЭМО АН СССР была запрещена к публикации. Как пояснили — потому, что «стимулировала гонку вооружений, противоречащую политике партии». Известно, что стало в этой области к началу XXI века, то что не захотели увидеть заранее.

«Социальное конструирование» парадигм развития МО в XXI веке стало широкой практикой. В частности, важнейшее значение имеет парадигма «международной безопасности», сформировавшаяся на Западе в конце XX века, которая воспринимается в XXI веке как «абсолютная безопасность» для США и допустимая опасность, даже угроза — для других государств и наций, что признается, например, в современной национальной военной стратегии США. В новом (июнь 2015 г.) варианте, например, прямо указано, что важнейшим приоритетом является «обеспечение безопасности США, граждан, союзников и партнеров»⁸⁰. Есть все основания полагать, что эта парадигма будет развиваться и дальше в XXI веке, что должно в будущем привести к ситуации «абсолютной опасности» для всех прочих ЛЧЦ и «абсолют-

⁸⁰ The National Military Strategy of the United States of America. 2015 (June). P. 5.

ной безопасности» для западной ЛЧЦ. Из этой парадигмы, в частности, развивается вся логика военно-силового противоборства западной ЛЧЦ в начале XXI века, включая «абсолютную безопасность» в форме военно-технических гарантий развертывания широкомасштабной системы ПРО, или развертывания по периметру России десятков тысяч стратегических КРМБ в неядерном оснащении, создающих «абсолютную опасность» для России.

В целом можно в качестве примера рассмотреть безопасность в развитии следующих важнейших парадигм МО, а также гипотетическую возможность появления новых парадигм в XXI веке (табл. 1.3).

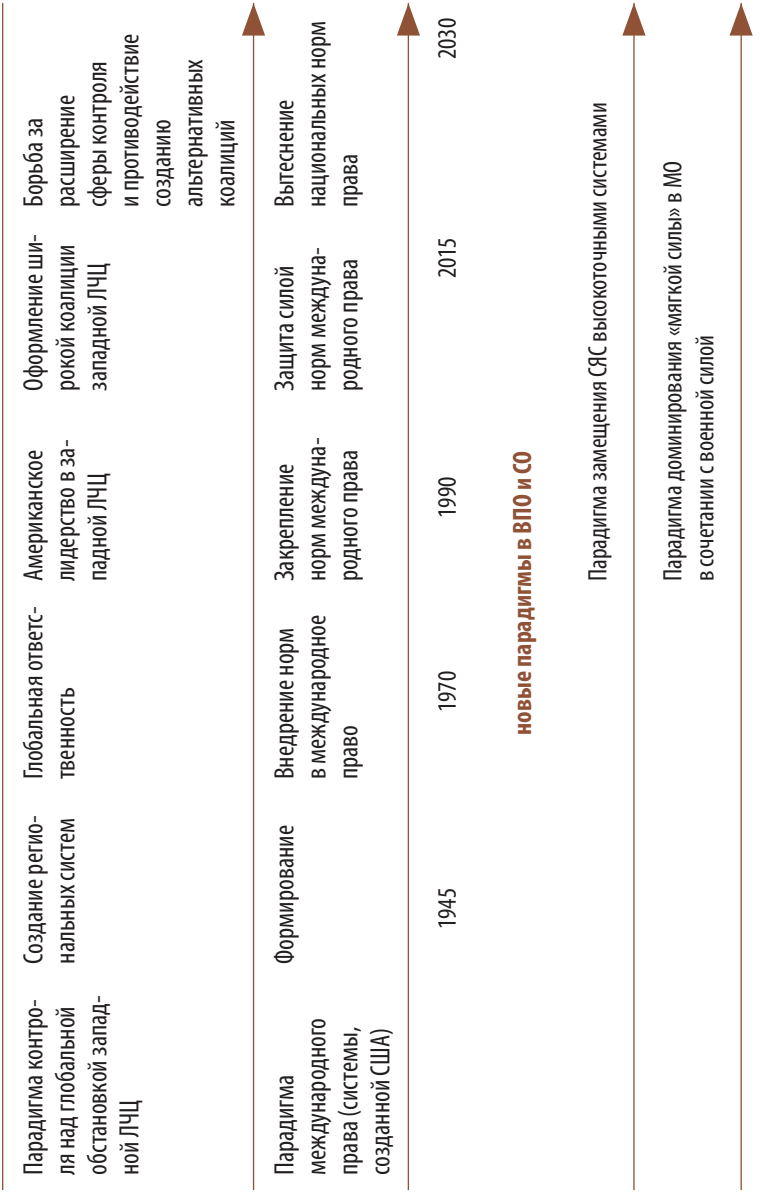
Можно констатировать, что области безопасности в начале XXI века произошла революция не только в средствах ведения войны (ВиВТ), связанная с новым этапом информационной революции, но и способами их применения, что, к сожалению, далеко не всегда нашло свое отражение в понимании большинства представителей политической и военной элиты России⁸¹. Фактически в конце XX века произошли две революционные смены военно-политических парадигм, которые во многом изменили характер войны. Новый характер войны неизбежно меняет и ее политическую парадигму, которая в XXI веке превращается в военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ за сохранение контроля над сложившимися в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире. Это означает неизбежную замену системы международной безопасности, как систему договоренностей, на систему военно-технического и иного силового противоборства.

С точки зрения теоретической и методологической, анализ и стратегический прогноз развития МО в XXI веке

⁸¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. С. 175–264.

Таблица 1.3. Эволюция основных существующих парадигм и возможность появления новых парадигм МО в XXI веке

Парадигма безопасности	Формирование	Соглашение с СССР	Одностороннее понимание	Сохранение одностороннего понимания	Борьба за удержание одностороннего понимания вместе с союзниками по ЛЧЦ
Парадигма доминирования США в финансово-экономической системе	Создание системы доминирования	Укрепление системы доминирования	Развитие системы доминирования	Противодействие попыткам подменить систему доминирования	Борьба за контроль
Парадигма военно-технического превосходства	Создание в/т. превосходства	Стратегического равенства	Глобального в/т. превосходства	Сохранение превосходства	Ставки на в/т. превосходства как компенсации изменения соотношения сил
Парадигма доминирования универсальной (американской системы ценностей)	Формирование «американской мечты»	Утверждение	«Победа» американской системы ценностей	Оформление победы в нормы международного права	Сохранение за нормами обязательности к исполнению

предполагает обязательное и тщательное исследование современного состояния и развития, как основных парадигм безопасности, так и условий для появления новых парадигм в долгосрочной перспективе. Этот метод качественного анализа парадигм во многом альтернативен экстраполяции, широко применяемой в настоящее время. Так, если говорить о сопоставлении этих методов на примере развития ВМФ РФ, например, то вплоть до 2060 года выстраивается достаточно точный план и прогноз строительства и модернизации основных судов. Вместе с тем возможные (и даже неизбежные) изменения в военно-технической области — развитие средств ВКО, ВТО и пр. — могут привести к необходимости радикального пересмотра таких планов, что не предусмотрено в ГОЗ. Полностью проваленная ГПВ-2005 и ее полностью выполненные другие программы говорят о том, что перечень проблем (о которых говорил еще в 2013 году заместитель министра обороны Ю. Борисов) сохраняется:

- неправильная оценка ассигнований;
- высокая инфляция;
- низкий уровень авансирования;
- заниженные цены;
- опережающий рост стоимости ВиВТ⁸².

Думается, что менять надо не общие подходы к решению проблем, а всю политику в этой области, всю парадигму строительства ВМФ РФ.

Изменение в соотношении сил в начале века привело к резкому усилению роли военного фактора в качестве политического инструмента Запада, что, к сожалению, только в 2014 году стало осознаться правящей элитой в России, в связи с событиями на Украине. Другими словами, во втором десятилетии XXI века произошла смена парадигмы роли

⁸² Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. — ЦАСС, 2015. С. 8.

военной силы во внешней политике: все теоретические построения в МО и практические выводы «нового мышления» оказались устаревшими, более того вредными, даже не войдя в практическую реальность, но их носители в правящей элите страны — остались в основном те же.

Аналогичную трансформацию в результате смены парадигм претерпевают и государственные, и даже международные институты, которые в условиях реализации сценария сетецентрической войны превращаются из политических инструментов развития экономики и общества в средства вооруженной борьбы, которые уже, как правило, становятся малопригодны для реализации политических функций. Это, также еще, только предстоит осознать и сделать соответствующие выводы в отношении этих институтов. Признание Конституционным судом летом 2015 года приоритетности национальных норм права над международными — первый шаг в эволюции парадигмы, сложившейся в 90-е гг. XX века. Конфликт на Украине в этом смысле был очень показателен: не только госсекретарь США, но и его пресс-секретари (вспомним «псакизмы») и даже ООН, ОБСЕ и другие международные институты, «вдруг» претерпели мгновенную трансформацию, превратившись в средства ведения не политики, а войны.

Другая сторона проблемы — рост влияния частных парадигм. Так, например, конкретность развития сценариев СО, войн и конфликтов, — политическая, экономическая, социальная, военная и иная, — отнюдь не означает, что их развитие принципиально отличается от закономерностей развития сценариев человеческой цивилизации, международной обстановки или военно-политической обстановки, но, вот, сила этого влияния, безусловно, нарастает. Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО, в том или ином месте (времени, с участием и т. п.), является одним из частных случаев, частностью реализации более общего сценария, о чем

подробнее писалось выше⁸³. И, что очень важно, не может ему принципиально противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014–2015 годах происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как информационный, социально-культурный и цивилизационный. В частности, языкового фактора, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с границей преобладающего населения, говорящего на русском языке. А СО на Украине в 2015 году определялась во многом результатами конкретных боевых действий зимы 2015 года. В конечном счете, как оказалось, военные парадигмы решительно повлияли не только на переговорный процесс в Минске, но и на все международные отношения и формирование МО в 2015 году. Именно поэтому в стратегическом прогнозе необходимо уделять внимание появлению новых и смене «частных» парадигм — экономических, научных, политических и военных, — их влиянию друг на друга.

В частности, формирование «русофобской политико-идеологической парадигмы» в украинском обществе привело не только к войне на Юго-востоке страны, но и фактическому, политическому расколу: выборы в Верховную Раду Украины, состоявшиеся в октябре 2014 года подтвердили эту закономерность. Даже в находящихся под контролем украинской армии регионах (Днепропетровске, Мариуполе и др.) большинство получил «Оппозиционный блок», который ассоциировался у многих с сепаратистами. Но, одновременно, мы наблюдаем, как стремительно политико-идеологическая русофобская парадигма реализуется в военной парадигме (Военная доктрина Украины, принятая в августе 2015 г.), внешнеполитической доктрины Украины (ассоциации с ЕС), социо-культурной политикой, информационной и прочей деятельностью украинской элиты.

⁸³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Сказанное также означает, что при формировании современной МО и ВПО значение невоенных факторов возрастает параллельно с усилением значения военной силы. Получается парадокс, требующий объяснения: одновременно в политике происходит усиление фактора военной силы и политических (невоенных) средств. Происходит труднообъяснимое — усиливают свое влияние обе составляющие политики. Это можно объяснить только тем, что «невооруженные» (невоенные) средства насилия начинают выполнять функции военных средств, сами становятся оружием. В частности, если речь идет об информационных, кибероперациях, политических диверсиях и пр. средствах, которые многие российские военные теоретики по-прежнему относят к традиционно невоенным средствам борьбы. Но не только. Меняется и военная организация государства, в структуру которой, например, в США уже включен бизнес и общественные организации в мирное время (в СССР это было только в период деятельности ГКО во время войны).

В условиях системной сетецентрической войны, это также значит, что средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные, отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны. Так, в рамках старой парадигмы этнополитического развития Украины, например, проблема взаимоотношений разных наций и культурных архетипов будет сохраняться еще долго, но решаться она будет силовыми и даже вооруженными средствами в рамках внутренней политики (рис. 1.16)⁸⁴.

Очевидно, что в этом случае стратегический прогноз не только для Украины, но и для России будет во многом определяться прогнозом этнополитической парадигмы развития. Если силовые и даже военные средства будут использоваться

⁸⁴ Зеркалов Д. В. США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>. С. 703.

Рис. 1.16. Разделение Украины по этнополитической парадигме развития

против русскоязычной части граждан Украины, то Россия просто не сможет остаться в стороне от такой политики. Пока что, к сожалению, вектор развития парадигмы силовой политики в отношении русскоязычных граждан только набирает обороты, а в отношении России — превратился в откровенно враждебный.

Другими словами не только на Украине, но и во всей западной ЛЧЦ произошел серьезный пересмотр значения политических и военных средств, в том числе и в целях ведения войны, в пользу силовых, превратившихся в военные средства политики.

Представляется, что в анализе и стратегических прогнозах развития МО требуется делать акцент на феномене парадигм, внимательно анализируя:

- развитие существующих парадигм и прогнозируя их состояние на будущее;
- возможность появления принципиально новых парадигм;

- взаимодействие и «сосуществование» старых и новых парадигм;
- последствия развития старых и появления новых парадигм для факторов, акторов и тенденций формирования МО и ВПО.

Такой многофакторный анализ и прогноз должны стать обязательной частью анализа и прогноза развития МО в целях повышения эффективности практической деятельности исполнительных и законодательных органов власти в России. За последние 30 лет существования СССР и ОВД, России и СНГ происходила быстрая смена основных парадигм, которую не могли прогнозировать или предсказывать. Во многом, как представляется, не только потому, что не умели, но и потому, что не было «социального заказа», а правящая элита и органы власти категорически боялись таких прогнозов и предсказаний, не допуская их подготовки.

С точки зрения развития теории и методологии анализа и прогноза развития МО такая ситуация абсолютно не допустима. Правящей российской элите необходимы не только анализы и прогнозы, основанные на богатом и качественном эмпирическом материале, но и оценки и прогнозы развития парадигм политико-философского, абстрактно-логического порядка и технократического характера.

1.5. Модели и алгоритмы реализации политической стратегии цивилизаций и государств

Необходимость создания и совершенствования моделей и алгоритмов стратегий и программ обеспечения национальной безопасности стала очевидной уже в начальный период информационной революции. В XXI веке уже существуют все возможности того, чтобы эти модели и алгоритмы в полной

мере использовались не только при технических решениях (например, выполнении команды по использованию СНВ, которая уже фактически строится только на алгоритмах), но и при подготовке и принятии политических решений⁸⁵.

Традиционные простые модели и алгоритмы политической стратегии определяют ее эффективность, как наиболее оптимальное соотношение между сформулированной политической целью и конкретными задачами, с одной стороны, и затраченными национальными ресурсами, с другой. Иначе говоря, в традиционной политике заявленные цели и задачи должны максимально точно соответствовать имеющимся возможностям государства. То есть взаимосвязь между этими группами факторов можно отобразить на простом рисунке, в котором содержится (очень коротко) и суть стратегии.

Естественно, что на формулирование таких целей и распределение ресурсов влияют конкретные внешние и внутренние условия, которые сформировали МО в конкретный период времени. Они могут быть как благоприятными (в этом случае достижение целей возможно при наименьших затратах ресурсов), либо неблагоприятными, когда нужно принимать решение либо отказываться от поставленных целей, либо идти на большие ресурсные затраты, либо (когда лицо, принимающее решение гениально) менять стратегию достижения целей⁸⁶. Так, гениальный русский полководец А. В. Суворов не раз менял стратегию и добивался поставленных военных и политических целей в самых неблагоприятных внешних условиях при минимальных затратах ресурсов.

⁸⁵ Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н. [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

⁸⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Не случайно, его Итальянский поход до сих пор считается эталоном военной стратегии, а один из наполеоновских маршалов был готов «отдать за него все свои военные победы».

Оценка и адекватный прогноз развития МО имеют в этой связи огромное значение для формирования не только политических целей, но и стратегии и распределения ресурсов. Так, излишне благодушная оценка М. Горбачевым МО во второй половине 80-х годов XX века привела к недооценке угроз безопасности ОВД и СССР и их развалу, а принятая накануне роспуска ОВД Военная доктрина — осталась пустой и ненужной декларацией, что свидетельствует только об одном: у М. Горбачева и его окружения, как минимум, не было реальной стратегии, а, как максимум, была стратегия развала ОВД и СССР⁸⁷.

Изменения мирового порядка и международной обстановки, как следствие эволюции развития основных парадигм МО, требуют, таким образом, изменения, от ЛЧЦ и государств, моделей политических стратегий и соответствующих алгоритмов⁸⁸. Эти изменения, в свою очередь, оказывают обратное влияние на формирование МО. Круг замыкается: внешние изменения требуют все более радикальных изменений в стратегиях, а те — влияют на внешний мир. И первое, и второе необходимо учитывать при анализе и стратегическом прогнозе развития МО в XXI веке, ибо без них модель МО превращается в абстракцию, которая мало полезна для практической политики.

Для того чтобы нагляднее представить себе эту взаимозависимость предлагается рассмотреть еще раз абстрактную модель политического процесса с точки зрения формирования стратегии государства и ЛЧЦ, изменений в МО и обратного воздействия в стратегиях государств на формирование

⁸⁷ Подберезкин А. И. Русский Путь. — М.: РАУ-корпорация, 1999.

⁸⁸ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

МО⁸⁹. Естественно, что такая модель стратегии будет более сложная, чем предыдущая.

Как видно из рисунка, описывающего классическую модель, на стратегию государства оказывают влияние самые разные группы факторов (кроме основных групп, указанных выше, — целей и ресурсов), включая и субъективные факторы — политика правящей элиты, которая формируется, прежде всего, под влиянием самых различных интересов (потребностей) и ценностей. Соответственно изменения в этих интересах и системах ценностей в XXI веке, прежде всего, (через элиту) транслируются на политические цели и распределение ресурсов (как непосредственно, так и через элиту).

Проблема заключается не столько в том, чтобы выделить сами эти факторы влияния на стратегию в XXI веке (они были так или иначе известны), сколько выяснить степень их силы и влияния в конкретной МО–ВПО–СО. Так, например, принципиально важно насколько интересы ЕС сильнее национальных интересов отдельных стран в августе 2015 года при массовом наплыве эмигрантов, насколько это угрожает самому существованию ЕС?

Думается, можно сказать, что во втором — десятилетии произошли существенные корректировки принципиальных, самых общих моделей политических стратегий, которые могут быть определены следующим образом:

- модель стратегии государства вытесняется постепенно моделью стратегии ЛЧЦ и коалиций;
- система национальных интересов замещается системой интересов ЛЧЦ, а система национальных ценностей вытесняется (иногда насильственно) чужой системой ценностей;

⁸⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

- ресурсы и возможности, увеличиваясь абсолютно, становятся все больше предметом силового спора;
- решения правящих элит, во все возрастающей степени, подвержены влиянию доминирующей ЛЧЦ.

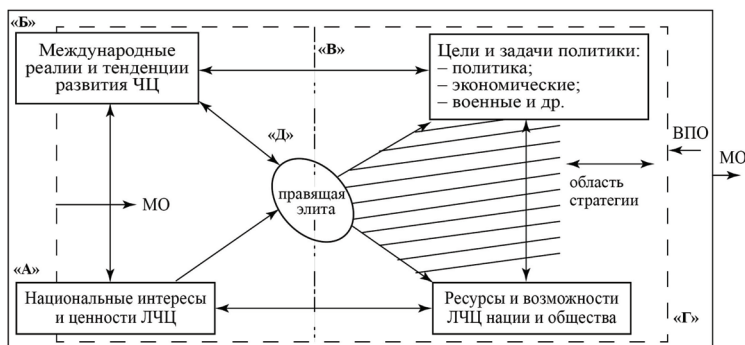

Рис. 1.17⁹⁰. Абстрактная логическая модель политического процесса формирования стратегии государства в МО

Главный вопрос, который в международной политике стоит в XXI веке не менее остро, чем в вычислительной математике, — модель или алгоритм? До сего дня в международной жизни — дипломатии, политике, экономике и пр. областях — абсолютно доминировал алгоритм, т. е. «организация процесса», когда процедура доминировала над его функциональной реализацией. Типичный пример — доминирование международного права. Ситуация в XXI веке фактически (но не формально) изменилась: процедура уступила место функции, а право — политической целесообразности, которую формулирует доминирующая ЛЧЦ.

Произошло резкое усиление влияния внешних факторов на формирование стратегий субъектов МО до степени

⁹⁰ Эта модель составлена по лекциям М. А. Хрусталева в МГИМО еще в 70-е и 80-е гг. XX века и его работам. См., например: *Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза.* — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

доминирования. Вместе с этим резко усилились и технические возможности внешнего влияния, прежде всего, за счет создания США глобальной системы контроля за передачей информации во всех областях человеческой деятельности, включая, естественно, политическую, экономическую и военную область. Как видно из рисунка, представленного выше, группа факторов «Б» (международные реалии, внешние вызовы и угрозы) оказывает непосредственное влияние на все три базовые группы факторов — интересы и ценности ЛЧЦ и государств (группа факторов «А»), правящие элиты (группа «Д») и формулируемые ими политические цели и задачи (группа «В»), а косвенно — через искажение целей, стратегии и национальных интересов — и на перераспределение ресурсов. В 1990–2010 годы, например, МО претерпела радикальные изменения, когда «Группа восьми» во главе с США фактически стала контролировать всю ситуацию в мире, включая внешнюю и внутреннюю политику большинства государств, суверенитет и системы национальных ценностей которых были фактически ликвидированы. Произошло постепенное замещение и вытеснение национальных систем ценностей и норм «универсальными» ценностями и международными нормами. А итогом такой эволюции МО стало публичное заявление США о готовности силой «защищать эти ценности и нормы», сделанное Б. Обама в 2015 году.

Иными словами в начале XXI века завершилось формирование новой модели МО, которая стала не просто однополярной, но доминирующей, навязывающей внутриполитические ценности и нормы — от норм валютного регулирования и торговли до нравственных, образовательных и культурно-духовных норм. В абстрактной модели политического процесса и МО группа факторов «Б» стала недопустимо доминировать над группой факторов «В» (политические цели), группой факторов «А» (национальные интересы и ценности), группой факторов «Д» (поведение

правлящих элит), а также опосредовано на политические стратегии (область взаимоотношений групп факторов «В» и «Г»)⁹¹. Для абсолютного большинства стран в мире это означало фактическую потерю национального и государственного суверенитета и отчетливую угрозу национальной идентичности. Если в прежние годы внешнее влияние ограничивалось влиянием на внешнюю политику государств, то в XXI веке новая модель МО предполагает недвусмысленное влияние на все области деятельности другого государства — от семейного права, нравственных и религиозных основ до внутривнутриполитических решений.

В практическом плане это означает, что формирование политического курса (и не только внешней политики) государств стало предопределяться внешним влиянием через группы «Д», «В» и отчасти даже деформированную группу факторов «А». Для России, например, это выразилось в «деидеологизацию» политики, дискредитации идеи национальных интересов, стратегических прогнозов и планирования, что, в конечном счете, привело к появлению не просто очень слабых, но и ошибочных решений и документов в области национальной безопасности в 1990-е годы: Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики и др.

Достаточно радикальным изменениям в XXI веке подверглись и алгоритмы реализаций политических стратегий государств, права которых в возрастающей степени делегировались на уровень стран-лидеров ЛЧЦ. Это очень хорошо видно на примере западной ЛЧЦ, внешняя и военная политика, которой, по сути, превратилась в коалиционную поддержку политики США в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, на Украине и в других странах. «Оговорка» заместителя государственного секретаря В. Нуланд на киевс-

⁹¹ Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / Подберезкин А.И. [и др.]. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

ком майдане относительно роли ЕС в украинском кризисе — очень иллюстративна.

Эти изменения в модели и алгоритме принятия решений западной ЛЧЦ пока что слабо отразились на практике принятия политических решений в РФ и ее внешнеполитической стратегии. К сожалению, эта концептуальная и нормативная слабость отчасти сохранилась вплоть до наших дней, что заставило, например, В. Путина в июне 2015 года даже говорить о корректировке Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины, варианты которых были относительно недавно им же только приняты. «Разновекторность», «прагматичность» внешней политики России в XXI веке не могут быть политическими принципами и нормами. Это — идеологемы, направленные вовне, но не несущие серьезной смысловой нагрузки.

Таким образом, ко второму десятилетию XXI века фактически сложилась такая модель МО, при которой произошло резкое усиление влияния внешних факторов на все основные элементы модели формирования политической стратегии государства, но прежде всего:

- на формулирование политических целей и задач правящими элитами практически всех ЛЧЦ и государств, что привело их в итоге к фактической утрате суверенитета, подчинению внешней воли лидера западной ЛЧЦ;
- превращению внешнего влияния на правящие элиты в доминирование и контроль над этими элитами через систему навязываемых «демократических норм и процедур», международных институтов, а также посредством технических средств;
- деформацию систем национальных ценностей и интересов в «универсальные», «общепринятые» нормы и правила;
- на прямое распределение национальных ресурсов и возможностей того или иного государства.

Важно в этой связи попытаться проанализировать структуру и степень влияния тех факторов и тенденций, которые входят в «группу Б» (международные реалии и тенденции развития ЧЦ) и могут ассоциироваться с факторами формирования МО, о которых говорилось выше, а именно:

- субъекты МО (ЛЧЦ, нации и государства);
- акторы МО (политические и иные организации);
- глобальные тенденции развития ЧЦ;
- человеческий капитал и его институты.

Ниже мы попытаемся оценить количественное изменение влияния этих групп факторов. По сути, эти изменения означали полную деформацию всей существовавшей модели МО, сложившейся к ХХI веку в которой решающая роль принадлежала суверенным государствам, как основным факторам формирования МО. Их роль была насильственно перераспределена в пользу лидеров ЛЧЦ, которые во многом формировали глобальные мировые тенденции, создавали и контролировали международные акторы и институты НЧК. Если попытаться количественно оценить это «перераспределение внешнего влияния» в разных моделях, среди всех четырех групп факторов, то можно проиллюстрировать этот процесс следующим образом.

Таблица 1.4. Перераспределение внешнего влияния между основными группами факторов формирования МО в ХХI веке

Группы факторов	до 1990 г.	2015 г.
Нации и государства	60%	10%
Международные акторы	5%	10%
Глобальные тенденции	10%	15%
НЧК и институты влияния	10%	15%
ЛЧЦ во главе с лидером	15%	50%

Как видно из таблицы, произошло радикальное изменение влияния между различными факторами, которое выразилось, прежде всего, в том, что основная роль в формировании МО, ВПО и СО, соответственно перешла от наций-государств к ЛЧЦ. Но не только. Резко усилилось влияние и других факторов, в частности, общественных акторов (яркими примерами чего является деятельность «ХАМАЗ», «Правого сектора» и ИГИЛ).

В этой связи представляется, что требуется принципиальная переоценка моделей и алгоритмов политической стратегии России, которая в XXI веке пока что отражает реалии XX века и не может уже называться эффективной. Такая переоценка, например, требуется для изменения пропорций среди вооруженных и невооруженных средств политического насилия (рис. 1.18)⁹².

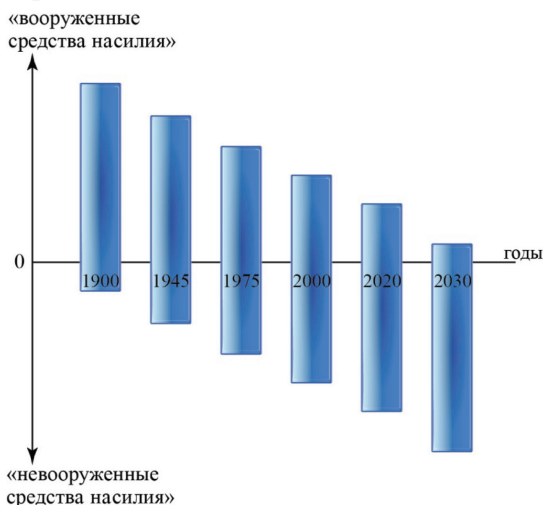

Рис. 1.18. Изменение пропорций среди вооруженных и невооруженных средств насилия в XX и XXI веке

⁹² Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Как видно из рисунка, роль собственно военных средств, являющихся атрибутом силовой политики государств, в XXI веке снижается. Яркой иллюстрацией такой модели в прошлом была танковая мощь СССР, которая, в конечном счете, закончилась развалом ОВД и СССР и ликвидацией танковых армий.

Действительно, в XXI веке странно, как минимум, использовать устаревшие и традиционные силовые инструменты, в то время как их значение в эффективной стратегии объективно снизилось. Так, например, в июле 2015 года было принято решение о формировании Первой танковой армии, т. е. фактическому возврату к модели обеспечения безопасности СССР второй половины XX века, основанной на крупных танковых соединениях.

В то же самое время все эксперты констатируют, что традиционные силовые (вооруженные) средства уступают свою роль нетрадиционным силовым инструментам политики.

Из этого, однако, отнюдь не следует, что «невооруженные средства насилия» менее опасны для жизни человека. Просто в отличие от «вооруженных» средств насилия в сетецентрических войнах важнее содержание, а не форма — важнее подчинить волю и сознание человека, а не его жизнь. Победа достигается не за счет максимальной численности уничтоженных врагов, а за счет максимального числа обманутых (введенных в заблуждение, дезинформированных и т. п.) противников. Так, миллионы граждан Украины, которых превратили в русофобов и противников России, это — безусловная победа в сетецентрической войне против нашей страны. Не случайно стало известно о закрытой информации, в соответствии с которой министерство обороны Украины в 2014–2015 годах неоднократно просило министерство обороны США (и потом благодарило) оказать помощь, прежде всего, именно средствами информационно-психологического

воздействия (радиостанциями, мобильными типографиями, серверами и т. д.).

Война, как известно, силовой политический инструмент. Она нужна не сама по себе, а в качестве средства для достижений вполне конкретных политических целей, которые являются, в конечном счете, осознанными интересами правящих элит. Поэтому очень важно максимально точно знать конкретные, в т. ч. субъективные политические цели сетецентрической войны против России, которые основываются на неких объективных интересах. Подобная субъективная конкретизация объективных интересов происходит в умах и институтах управления правящей элиты и может иногда существенно отличаться в зависимости от многих обстоятельств. Так, если объективный интерес западной ЛЧЦ и США в отношении России заключается в ослаблении ее влияния, утрате контроля над территорией и ресурсами, то субъективно в разные периоды времени, этот интерес реализовывался в разных внешнеполитических стратегиях — от стратегии партнерства и союза во Второй мировой войне 1941–1945 годов, — до стратегии массированного ядерного уничтожения в 1950-х годах, угрозы эскалации ядерного конфликта в 1960-х годах и создания потенциала «разоружающего» удара в 1980-х годах.

Новая модель политической стратегии западной ЛЧЦ и США, которая стала реальностью во втором десятилетии XXI века, предполагает необходимость осуществления по отношению к России силовой политики, включая возможность использования для этого военной силы на разных ступенях эскалации военного конфликта и в разных районах мира. Эта новая модель стратегий западной ЛЧЦ предполагает:

- компенсацию изменений в соотношении мировых сил (экономических, демографических и др.) силовыми инструментами политики, включая военную силу;

- отказ от равноправных переговоров и модели обеспечения равной безопасности, «для всех» в пользу модели безопасности «для себя»;
- сохранения военно-политической и финансово-экономической системы выгодной и подконтрольной со стороны западной ЛЧЦ;
- создание и реализацию соответствующей политической и военной стратегии, основанной на принципах системного и сетецентрического использования силы, включая вооруженное насилие.

Применительно к войне на Украине, например, эти конкретные конечные цели — дезинтеграция и дестабилизация России, снижение ее влияния, — где собственно военные инструменты играют незначительную роль. Очевидно, что военной победы Украине над Россией не одержать, а прямая война США и НАТО чревата излишними рисками. Поэтому остаются многочисленные средства системной сетецентрической войны, в т. ч. радикальные, вооруженные, а также экономические санкции, дипломатическая изоляция, даже торгово-экономический карантин и т. п. средства, которые смогут либо заставить Россию принять политические условия Запада (т. е. капитулировать), либо разрушить ее.

Формально эти положения зафиксированы в целом ряде документов, принятых в США, НАТО, Японии и других странах, входящих в военно-политическую коалицию западной ЛЧЦ. Так, в частности, в «Национальной военной стратегии США», принятой в июне 2015 года, говорится прямо: «Успех во все возрастающей степени будет зависеть от того, насколько наши военные средства (политики. — *Авт.*) смогут поддержать другие инструменты мощи и укрепить нашу сеть союзников и партнеров»⁹³.

⁹³ The National Military Strategy of the United States of America. Wash. : DOD, 2015. June. P. 1.

Проблема анализа новой модели стратегии Запада сохраняется также в том, что конкретные политические задачи в отношении России могут достаточно быстро меняться (а в XXI веке можно констатировать радикальное изменение в политических целях основных держав) в зависимости от международной и военно-политической обстановки. Это означает, что могут меняться и конкретные цели и средства сетецентрической войны против России, т. е. планировать изменения характера современной и будущей СО, войны и конфликта. Так, например, в отношении СССР в конце 1930-х годов СО менялась несколько раз в зависимости от намерений и результатов политики Японии, Англии, Финляндии и Германии. Менялось и представление об угрозе со стороны СССР — от «коммунистической угрозы» до «русского союзника». Поэтому очень важно отслеживать динамику изменения конкретной СО. Это легче делать при помощи модели, где могут быть исследованы тысячи факторов, влияющих на сценарий формирования МО, ВПО и СО.

Если вернуться к известному рисунку логической схемы модели политического процесса, то область анализа модели стратегии — характера международных и внутренних войн и военных конфликтов — можно обозначить как заштрихованную часть, включающую часть факторов группы «Д», «В» и «Г». При этом важнейшее значение для анализа стратегии имеют цели в отношении того или иного субъекта МО и ВПО, т. е. группа факторов «В». Эти политические цели являются ключом к пониманию целей и стратегии современной системной сетецентрической войны, где создание «ложного образа» для оппонента является важнейшей частной задачей⁹⁴.

⁹⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 64–72.

1.6. Политическая стратегия Западной цивилизации в отношении России

Изменение и перераспределение влияния в моделях стратегий и моделей МО–ВПО–СО в начале XXI века привело к необходимости переоценки существующих внешнеполитических стратегий ЛЧЦ, прежде всего западной, претендующей на сохранение мирового лидерства. Так как в этой стратегии особенно сильное влияние приобрел силовой, даже военный, компонент, то соответственно и возрастает влияние военно-политической и военно-стратегической обстановки на формирование МО, происходит своего рода «силовая милитаризация» политики. Это, в свою очередь, требует, как справедливо заметил цитируемый выше А. Цыганков, «интеграции современных показателей силы», а также неизбежна переоценка классической формулы войны, данной К. Клаузевицем (как минимум, в отношении двух субъектов» и «организованной военной силы»).

Исходя из предложенного выше определения стратегической обстановки, как конкретной военно-политической и международной обстановки, в которой реализуются принципы системной и сетевой стратегии западной ЛЧЦ⁹⁵, можно также предположить, что анализ и прогноз возможных сценариев развития СО в XXI веке (в силу своей сугубой конкретности и субъективизма), требует особенно скрупулезного внимания и подходов, которые исключают простую экстраполяцию существующих тенденций в развитии МО и ВПО, а тем более привычный, традиционный анализ и прогноз, опирающийся исключительно на исследование перспектив развития ВиВТ. Это означает переоценку традиционных моделей ВПО и СО.

⁹⁵ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 12.

Такой анализ также предполагает максимальный учет субъективных факторов, в т. ч. личных представлений наиболее влиятельных лидеров правящей элиты западной ЛЧЦ. В этом случае, например, неизбежен вывод о том, что характер СО и современных войн уже изменился настолько, что позволяет говорить об отсутствии ясной границы между войной и миром, а тем более о фиксированном международно-правовом определении и признании такого состояния. Другими словами об изменении сущности и характера войны, когда «мир» может быть «войной» (и наоборот), а международно-правовые оценки войны и конфликтов — результатом обычной политики дезинформации, в которой участвуют лидеры государств.

Важно, что противостоящая западной ЛЧЦ правящая элита, против которой направлена такая политика, должна понимать и признавать эти реалии. Что отнюдь не является очевидной реальностью. Так, значительная часть российской правящей элиты, представленной либеральным лагерем, не признает этих реалий просто по политико-идеологическим соображениями, боясь оборвать свои групповые и личные связи с Западом. Но, не признавая этих реалий, эта часть правящей элиты отнюдь не перестает влиять на политический курс страны, что превращает такую политику в откровенно кричащее противоречие.

Как видно из рисунка ниже, любая политическая стратегия включает в себя участие в формировании МО, ВПО и СО, но совершенно в разной степени, в зависимости от конкретных акцентов и задач поставленных политической элитой. В одних случаях, когда роль военной силы незначительна, влияние ВПО–СО на формирование МО оказывается небольшим, либо вообще незаметным. Так было, например, во внешней политике США в период изоляционизма, а СССР — в период индустриализации и коллективизации.

В других случаях, когда военная сила превращается в основной политический инструмент, влияние СО и ВПО

на формирование МО становится доминирующим. Так, накануне войны СССР с Финляндией неблагоприятная СО (угроза Ленинграду и всему северо-западному промышленному району) резко и неблагоприятно повлияла не только на европейскую ВПО, но и на всю МО. Маленький военный конфликт, в котором участвовало несколько дивизий, чуть не привел к военной интервенции в СССР Великобритании и резкому изменению логики развития отношений между двумя военно-политическими коалициями.

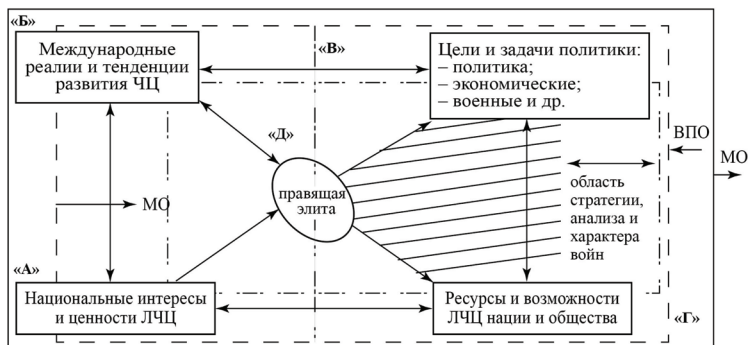

Рис. 1.19. Абстрактная модель политической стратегии и формирования МО, ВПО и СО в XXI веке

Из этого рисунка (рис. 1.19), абстрактной модели стратегии западной ЛЧЦ, видно, что более общая часть, относительно СО, военно-политическая обстановка, охватывает и значительно более широкую область всего политического процесса взаимоотношений субъектов и акторов МО в мире (обозначена на рисунке пунктиром), а еще более общая — международная обстановка включает дополнительно международные реалии и ведущие тренды (группа факторов «Б») и часть системы национальных ценностей и интересов. Наконец, самая общая — отношения локальных ЧЦ, точнее совокупность всех локальных ЧЦ, — представляет собой общую основу, фундамент для понимания характера и будущих сценариев

развития не только МО и ВПО, но и СО. Иными словами всю МО можно представить в виде одной из фигур своего рода «матрешки», где более крупной является «матрешка» междивиллизационных отношений, а более мелкие — военно-политическая и военно-стратегическая. Этот образ можно проиллюстрировать на примере Ливии и войны против нее западной ЛЧЦ и ее сателлитов 2011 года, когда МО, ВПО и СО характеризовались следующими обстоятельствами:

- стабильная Ливия и МО в Северной Африке, находящиеся вне полного контроля западной ЛЧЦ, не устраивали Запад. Ливия выступала в той или иной форме в качестве суверенного субъекта МО, претендуя одновременно на роль одного из лидеров исламской ЛЧЦ, что и явилось главной причиной конфликта, имевшего, прежде всего, междивиллизационную форму;
- стабильные МО, ВПО и СО не позволяли западной ЛЧЦ изменить ситуацию политико-дипломатическими или финансово-экономическими средствами, поэтому было принято решение силовым образом дестабилизировать СО с помощью исламских радикалов и управляемой оппозиции. Дестабилизация СО в короткие сроки привела к дестабилизации ВПО и МО, которые сохраняются с 2011 года;
- дестабилизация СО привела к достижению главной цели — смене политического режима и публичному наказанию лидера, что явилось уже своего рода традицией после падения Наджибуллы — в Афганистане; Чаушеску — в Румынии; Хусейна — в Ираке; Милошевича — в Югославии и т. д.

Таким образом, новая модель политической стратегии западной ЛЧЦ предполагает:

- во-первых, дестабилизацию СО вокруг субъекта МО;
- во-вторых, создание враждебной ВПО в регионе;
- в-третьих, ликвидацию правящего режима;
- в-четвертых, публичное уничтожение лидера.

Именно этот алгоритм попытались использовать на Украине в 2013–2014 годах, когда спасение В. Януковича оказалось случайностью, не имеющей политических последствий.

Изменения в стратегиях ЛЧЦ и государств, а также в сценариях развития МО–ВПО являются «конечным продуктом», более того, — частным конкретным случаем — развития более общего сценария развития человеческой цивилизаций и взаимоотношений между локальными цивилизациями. Это подтверждает, в частности, война на Украине 2014–2015 годов, которая может быть понята, прежде всего, как вооруженный конфликт между двумя локальными цивилизациями и их представителями в элите страны проживающими на Украине. Первая из них — «западноевропейская» — хотела ассоциировать себя максимально быстро с Западом, в том числе через противопоставление с «восточноевропейской» (российской) локальной цивилизацией. Вопрос только в том, насколько этот процесс полностью совпадал с интересами Запада, а также насколько он был им инспирирован и искусственно обострен. Без ответа на этот вопрос невозможно дать точную оценку МО, сложившейся в 2014–2015 годах на Украине⁹⁶.

Думается, есть все основания считать, что, как и в случае с Ираком и Ливией, сценарий развития и обострения СО на Украине был не просто использован, но и заранее точно разработан и выполнялся с помощью Запада в рамках начатой им еще в 90-е годы XX века системной и сетевцентрической войны. Налицо ясный план, чётко сформулированные цели, последовательность в их достижении (несмотря на то, какая администрация находилась в Вашингтоне), выделение необходимых ресурсов и многое другое, что свидетельствует о тщательно разработанной и последовательно реализуемой

⁹⁶ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 43–47.

стратегии. При этом алгоритм принятия решений в отношении такой стратегии остается достаточно простым. Он представляет к началу второго десятилетия XXI века следующий набор принципов и действий, объединенных в систему:

- создание и утверждение в общественном сознании неких «универсальных» общих принципов и международных норм, автором и защитником которых выступает западная ЛЧЦ;
- обеспечение информационной поддержкой таких принципов и норм как «единой» системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ;
- формирование военно-политической глобальной коалиции западной ЛЧЦ;
- создание системы международной безопасности, опирающейся на эту коалицию западной ЛЧЦ;
- консолидацию правящих элит западной ЛЧЦ на основе общей системы ценностей и при помощи военно-политической коалиции;
- единые силовые (и вооруженные) действия западной ЛЧЦ по продвижению своей системы ценностей и интересов в мире, провоцирующие резкое обострение СО и дестабилизацию всей ВПО и МО не только в стране, но и в регионе, когда последствия приобретают глобальный характер.

В этой связи возникает множество вопросов, среди которых наиболее важный, можно сформулировать следующим образом: как, зная о планах дестабилизации СО и ВПО, помешать искусственному развитию конфликта? И, связанного с этим другого вопроса, прямо касающегося сегодняшней внешнеполитической стратегии России: если не удалось предотвратить обострения СО и военного конфликта, каким образом его закончить (выйти)?

По сути дела ответ на эти вопросы касается не только позиции России на переговорах в Минске, которая может

быть расценена как единственная реальная возможность предотвратить развитие конфликта и глобализации негативного развития СО на Украине, но и в принципе более широкого подхода по нейтрализации усиления военно-силового сценария развития МО. Проблема — создания эффективного алгоритма противодействия такой стратегии западной ЛЧЦ⁹⁷.

Если рассмотреть эту новую системную сетецентрическую стратегию западной ЛЧЦ и существующий алгоритм принимаемых ею решений в отношении частных внешне-политических примеров, то оказывается, что ее практическая «применимость» подтверждается полностью не только в отношении Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии, Йемена и Украины, но и в глобальном масштабе в XXI веке. Другой вопрос заключается в том, насколько перспективны эти сценарии развития ВПО в мире в будущем? Как представляется, с точки зрения интересов западной локальной цивилизации, эти сценарии стратегически, в долгосрочной перспективе, полностью адекватны существующим на Западе стратегиям мирового лидерства, а значит при прогнозе будущих сценариев развития ВПО и СО в мире вообще и на Украине, в частности, следует исходить именно из этой предпосылки. Другими словами модель и алгоритм действий, вероятно будет следующим:

- обострение СО с помощью «третьих сил» (ЧВК, «оппозиции», радикалов, провокаций и т. п.) до уровня странового и регионально конфликта;
- превращение этого конфликта в локальную или региональную войну и формирование на этой основе соответствующей ВПО;
- развитие МО в нужном направлении, угрожая эскалацией конфликта, сменой режима и уничтожением лидера.

⁹⁷ Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 17–44.

Именно такие сценарии, как уже говорилось, разыгрывались повсеместно и реализуются в 2015 году на Украине, в Сирии, Йемене и ряде других стран. Противодействие развитию этого сценария смогли оказать в Египте и частично в Сирии, где удалось консолидировать значительную часть правящих элит.

Очень важно понимать в этой связи последовательность и приоритетность различных систем ценностей в представлении различных частей правящих элит для того, чтобы правильно оценить будущий характер СО и характер войн и конфликтов в XXI веке. И не только за рубежом, но и в России. В данном случае в системе ценностей одной части российской элиты заложено старое представление о неизбежном глобальном характере войны, которое автоматически означает ее «недопустимость», «немыслимость», что одновременно означает готовность к смене национальных систем. В частности, и сегодня у значительной части российской правящей элиты и общества сохраняется миф о том, что война это такой вооруженный конфликт, который сопровождается неизбежно массированным использованием ядерного оружия. Другими словами, если нет ядерной войны или, по крайней мере, крупномасштабной войны, то и нет войны вообще. Граница между «войной» и «невойной» — массированное использование ВС, ВиВТ, в т. ч. ядерного. До тех пор пока этого нет, нет и войны.

Это — опасное заблуждение, которое вызвано старым, инерционным и очень субъективно-ошибочным мышлением, при котором только массированные боевые действия с крупными потерями означают войну. На самом деле войны, (причем крупномасштабные и даже с еще большими потерями), которые сознательно игнорируются, с Россией и другими странами уже идут не первый год. В Ираке в результате этой войны погибло почти 1 млн граждан, в Афганистане — сотни тысяч, но и в России (если сложить все потери в локальных

конфликтах за 1989–2015 годы) такие потери могут быть не меньше. Фактически конфликт на Украине унес жизни тысяч бывших советских граждан, проживавших на этой территории в едином государстве до 1991 года.

Это — полномасштабная война, преследующая и достигающая определенных политических результатов. И дело даже не в том, что есть немалые жертвы и огромные экономические потери, а в том, что некоторые политические цели такой войны уже вполне реализованы и будут реализовываться. В частности:

- развален ОВД и СЭВ, а лидеры стран-союзниц СССР уничтожены или репрессированы;
- развален СССР и разделен на государства, часть которых вошла во враждебную военно-политическую коалицию;
- развалена экономика России, а ее влияние в мире и возможность противодействовать контролю США сведено к минимуму;
- по периметру России создается союз враждебных государств и очагов напряженности;
- в Евразии создана серия постоянно существующих конфликтов и очагов нестабильности⁹⁸.

Если справедливо подсчитать эти экономические и демографические потери (русских, оставшихся за рубежом, погибших от эпидемий, в т. ч. эпидемии самоубийств и т. д.), то окажется, что они составляют десятки миллионов жизней граждан бывшего единого государства, которое на протяжении столетий называлось Российской империя, СССР, Россия⁹⁹.

В этой связи возникает вопрос о политической адекватности некоторых представителей современной российской

⁹⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 11–25.

⁹⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

правлящей элиты, с которой ими по-разному описывается глобальная МО и ВПО. Важно, чтобы такие оценки были максимально реальными, хотя именно этой адекватности и реалистичности у российской элиты сегодня и не хватает. Так, например, де-факто значительная часть правящей российской элиты готова согласиться на контроль со стороны западной локальной цивилизации. Другая — не хочет признавать, что этот контроль уже существует. Третья — реалисты — называют вещи своими именами. Так, например, можно согласиться с бывшим советником НГШ ВС РФ И. Поповым, который описывает современную СО следующим образом (причем его субъективность имеет вполне серьезные основания), акцентируя внимание на субъективном восприятии новой модели стратегии западной ЛЧЦ:

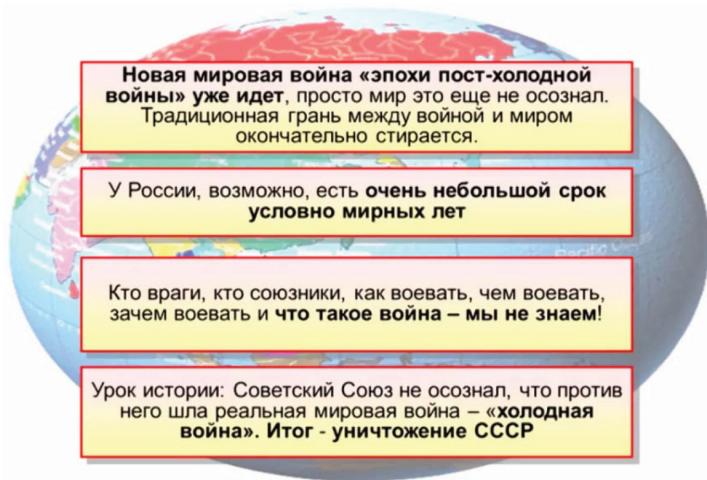

Рис. 1.20¹⁰⁰. Геополитическая ситуация в мире

¹⁰⁰ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И.М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

Думается, что эти категоричные выводы И. Попова совершенно оправданы, хотя и требуют уточнений. Порой, весьма серьезных. И таких же субъективных, к сожалению, но неизбежных.

Прежде всего, относительно того, идет ли уже новая война или у России все-таки есть «небольшой срок условно мирных лет». На мой взгляд, есть все основания утверждать, что «холодная война» с СССР–Россией не прекращалась. Просто в 1990-е годы, когда СССР и Россия шли на запредельные уступки, сравнимые с капитуляцией, они приобрели другую, более «мягкую форму», когда очевидные средства и приемы психологической и сетецентрической войны использовались редко. Просто потому, что и без их применения можно было добиться заявленных политических целей, не имело смысла использование крупнокалиберной артиллерии по отступающему россыпью и не оказывающему сопротивление врагу. Они (эти силовые средства) не отменялись и не запрещались, просто их применение не афишировалось и даже — когда это происходило — не признавалось.

Но по мере того как «отступающие» замедляли свой бег, начинали организовываться и пытаться оказывать сопротивление, все инструменты сетецентрической войны, включая самые грубые, — шантаж, провокации, санкции и др. — вновь становились используемыми. Более того, происходила их модернизация, накапливание, разрабатывались новые, более эффективные способы применения. В 2013–2015 годах, таким образом, мы стали свидетелями того, как прежняя «холодная война» не просто вернулась, но и приобрела новое силовое качество: в отличие от периода 1970-х — 1980-х годов, уже не было военно-стратегического, политического и экономического равновесия. Соотношение сил однозначно стало в пользу США.

Другой тезис И. Попова о том, что «мы не знаем своих врагов», «своих союзников» вполне может быть оспорен, хотя действительно наша внешнеполитическая пассивность

1990-х годов привела к тому, что мы потеряли даже тех немногих союзников, которые оставались с нами после кризиса начала 1990-х. Другое дело, что мы нечетко представляем себе ответы на вполне конкретные вопросы, формулируемые в нашей собственной военной доктрине. И в этом И. Попов совершенно прав: что такое война? — Мы имеем очень смутное представление, которое сформировалось еще во времена СССР, но которое требует радикального пересмотра¹⁰¹.

Справедливо и утверждение И. Попова о том, что «незнание» в СССР много о современной войне привело к его поражению. Но здесь требуется сделать существенную оговорку. Говоря «мы», надо точно понимать, кого мы имеем ввиду. «Мы» при М. Горбачеве и Б. Ельцине — это та часть правящей элиты, которая не хотела не только признавать существование войны, но и понимала и принимала западные правила, т. е. готова была изначально к поражению.

Только понимая роль правящей элиты в осознании объективных интересов, можно адекватно оценить политическую часть СО и, можно говорить о научном, долгосрочном прогнозе развития различных сценариев военно-политической и стратегической обстановки. Только правильный политический анализ, т. е. анализ объективных интересов и ценностей (в т. ч. правящей элиты), может объяснить глубинные основы формирования современной СО западной ЛЧЦ. В данном случае, если речь идет об объективной оценке СО у И. Попова, необходимо исходить не из наших субъективных представлений (или еще хуже намерений и пристрастий), а из интересов и конкретных целей и задач локальных цивилизаций, наций и государств. Международная, военная и стратегическая обстановки, в конечном счете — лишь производные от тех обстоятельств, которые формируют тенденции в развитии

¹⁰¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 175–304.

человеческой цивилизации. Эти же обстоятельства в развитии МО в XXI веке приобретают решающее влияние на формирование стратегий ЛЧЦ, наций и государств, моделей поведения и алгоритмов принятия решений. В настолько значительной степени, что уже можно говорить, что в XXI веке только некоторые из ЛЧЦ, нации и государства сохранили свой суверенитет — полностью или частично — в том числе в области формирования своей внешней и военной политики. Но — следует также четко отдавать отчет и в том, что они будут всеми силами пытаться вернуть себе не только остатки суверенитета, но и пересмотреть структуру сложившейся МО в будущем. С. Лавров неоднократно и не случайно подчеркивал в 2015 году мысль о том, что США и западная ЛЧЦ не вполне адекватно реагируют на сложившиеся реалии изменения в соотношении сил и готовность других ЛЧЦ и стран пересмотреть те нормы и правила, которые регулировали финансово-экономические и военно-политические отношения в мире. Этот процесс очевидно направлен против новой стратегии западной ЛЧЦ. Ни Россию, ни другие страны не может, в принципе, удовлетворять положение, когда новые модели и алгоритмы поведения при реализации политических стратегий становятся не только «общим шаблоном», сделанным по заказу западной ЛЧЦ и стран-лидеров, но и превращаются с помощью силы в международную норму, которая приобретает неизбежно глобальное международно-правовое значение.

1.7. Локальные цивилизации — основные субъекты международных отношений

Среди четырех основных групп факторов, влияющих на формирование МО, традиционно главную роль играла группа, в которой представлены субъекты международных отношений — суверенные государства (как признанные, так

и не признанные), нации и локальные человеческие цивилизации. ЛЧЦ представляют собой более чем один субъект МО и, как правило, в той или иной степени политически и юридически оформленную коалицию, объединяющую более чем одно государство.

Локальная человеческая цивилизация — как социо-культурная общность¹⁰² — не имеет абсолютно четких границ потому, что культурная самоидентификация не только отдельных стран, но и социальных групп и даже людей может меняться. В каждый исторический отрезок времени отдельные нации, социальные группы и даже конкретные личности могут меняться под воздействием внешних и внутренних причин. Так, самоидентификация значительной части граждан Украины, по принадлежности к современной западной ЛЧЦ¹⁰³, произошла в последние 25–30 лет под влиянием внешних сил и внутренних процессов, имевших в значительной степени инспирированный и организованный западной ЛЧЦ характер.

В современной литературе существует много достаточно расплывчатых определений ЛЧЦ. В частности, один из авторов описывает их следующим образом: «В современной науке существуют два основных подхода к локальной цивилизации. Один из них восходит к немецким романтикам, славянофилам, О. Шпенглеру, К. Леонтьеву и др., которые рассматривали локальную цивилизацию, прежде всего, с точки зрения порождаемых ею духовных ценностей и придавали особое значение религии. Другой разрабатывался Данилевским, Ми-

¹⁰² **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — зд.: уровень развития духовной, социальной и материальной культуры определенного общества, проживающего на конкретной территории, объединенного общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

¹⁰³ **Современная локальная человеческая цивилизация** — зд.: уровень развития духовной, социальной и материальной культуры конкретной части общества, проживающего на определенной территории в современный период.

люковым, евразийцами, школой «Анналов». Сторонники этого подхода усматривают в локальной цивилизации систему, состоящую из множества различных компонентов (в их число входят и религиозно-этические ценности), которые в той или иной степени взаимодействуют, влияют друг на друга, создавая в итоге единое целое. Так, Данилевский писал о совмещении в культурно-историческом типе разнообразных «планов развития»: религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического... Сходных позиций придерживаются и представители школы «Анналов» — не только старшего поколения, но и наши современники. Преимущество второго подхода состоит в комплексном, объемном видении цивилизации, кроме того, он имеет богатые традиции в отечественной цивилиографии.

Локальная цивилизация обычно определяется как большая социокультурная общность (во многих случаях надгосударственная, наднациональная и надконфессиональная), которая существует длительное время, имеет относительно устойчивые пространственные границы, вырабатывает специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни и осуществляет свой, индивидуальный путь исторического развития.

Такое определение можно упрекнуть в описательности, но оно гораздо конкретнее других. Приведем для сравнения цитату из Тойнби, который характеризовал локальные цивилизации как образования «более широкие, чем отдельная нация, но менее широкие, чем все человечество». Тем не менее, и такое определение нуждается в дополнительных объяснениях на уроке.

Обратимся, прежде всего, к довольно расплывчатому понятию «социокультурная общность». Непосредственный его смысл достаточно ясен: речь идет о социальной целостности, т. е. совокупности исторически сложившихся форм

совместной деятельности людей, и целостности культурной. Но по каким принципам мы относим ту или иную социокультурную общность к цивилизации? Ведь социокультурной общностью является, например, и национальное государство. К сожалению, в науке пока не разработаны четкие, универсальные критерии выделения цивилизаций. Поэтому их списки, созданные «классиками» теории локальных цивилизаций, не совпадают друг с другом полностью.

Данилевский — на основании языковых групп — выявил 15 культурно-исторических типов, среди которых три (кельтский, мексиканский и перуанский) погибли насильственной смертью, не завершив цикла своего развития, и еще два — Россия и США (новоамериканский) — только начинают формироваться. К остальным относятся: египетский культурно-исторический тип, ассиро-вавилонно-финикийско-халдейский, китайский, индийский, иранский, иудейский, греческий, римский, аравийский и западноевропейский (романо-германский).

Шпенглер насчитал восемь «высоких культур». Это египетская, вавилонская, индийская, китайская, греко-римская (аполлоновская), арабская (магическая), западноевропейская (фаустовская) и мексиканская. Кроме того, немецкий философ указывал на возможность приобщения к этому списку великой русской культуры. Тойнби предложил свою классификацию. Его перечень сначала включал 23 локальные цивилизации, а к концу работы над «Исследованием истории» их число возросло до 37. Локальные цивилизации в окончательном варианте были распределены следующим образом»¹⁰⁴:

Перенос акцентов в конкурентной борьбе в мире на уровень ЛЧЦ в XXI веке привел к резкому усилению значения

¹⁰⁴ Миртисен/<http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43638702710/Lokalnyietcivilizatsii>

культурно-цивилизационных факторов влияния на формирование МО и постепенное оформление мировых центров силы в качестве центров современных ЛЧЦ, имеющих, как правило, форму военно-политических, экономических и иных союзов и объединений.

Понятно, что определение достаточно широко описывает такое явление как ЛЧЦ, предоставляя определенное право для различных толкований и включения в ту или иную ЛЧЦ различных субъектов МО. Так, западная ЛЧЦ в 2015 году включает как страны ЕС и США, с одной стороны, так и Японию, Австралию и Н. Зеландию, — с другой. В это же объединение входят и такие страны, которые по этническим, религиозным, историческим и пр. основаниям традиционно не ассоциируются с западной ЛЧЦ — Болгария, Израиль, Сербия, т.е. граница, разделяющая членов одной ЛЧЦ от другой, — условна и может двигаться.

То же самое в полной мере можно сказать о китайской, исламской, латиноамериканской, российской и др. ЛЧЦ, состав которых может также меняться. Тем не менее, можно говорить о том, что поляризация отдельных ЛЧЦ и связанных с ними стран в XXI веке становится уже не просто фактом, а доминирующим процессом, определяющим влияние всей группы факторов, в которую входят субъекты формирования МО. В фундаменте этого процесса находятся не только традиционная система ценностей и доминирующие национальные интересы, но и политический расчет на выживание и существование того или иного субъекта МО в XXI веке.

Огромное значение для понимания характера современной МО имеет также представление о роли отдельных локальных цивилизаций и существующими между этими ЛЧЦ противоречиями. Особенно важно понимать приоритетное значение этих противоречий для формирования МО и современного характера международных отношений с точки

зрения выбора лидерами этих ЛЧЦ наиболее эффективных средств борьбы и противодействия враждебным стратегиям других ЛЧЦ. Так, очевидно, например, что усиление роли локальных человеческих цивилизаций: Китая, Индии, стран АТР в мировой политике, неизбежно вытекает из роста численности населения этих ЛЧЦ и входящих в них стран и соответствующего увеличения их НЧК, а тем более, когда его относительно огромное преобладание над другими ЛЧЦ¹⁰⁵ достигает критических величин. Понимание этой особенности развития человеческой цивилизации и формирования МО объясняет, например, почему в 2012–2015 годы именно эти ЛЧЦ и их страны-лидеры — Индия, Китай, государства Юго-Восточной Азии обеспечили наиболее высокие темпы роста ВВП (5–6 и даже 7%) на фоне стагнации государств западной ЛЧЦ.

Признание значения этой особенности развития НЧК, для формирования МО, ведет к объяснению, например, причин усиления внешнего давления на Россию в последние годы. Санкции, снижение цен на сырье, эмбарго и пр. действия политического, финансово-экономического и даже гуманитарного характера, привели Россию к кризису, в 2013–2015 годы, в том числе и в отношениях с Западом. Причем развитие этого кризиса сопровождалось консолидацией тех или иных формально независимых, суверенных субъектов МО, вокруг стран-лидеров ЛЧЦ — США и России — по самым разным, порой незначительным, поводам (вроде закрытия воздушного пространства для России, при оказании гуманитарной помощи Сирии, Болгарией — в сентябре 2015 года). Очевидно, что для западной ЛЧЦ Россия является не просто одним из субъектов МО, а нацией — носителем определен-

¹⁰⁵ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

ных цивилизационных признаков, обладающей огромным НЧК, который в случае его полного использования, может привести к появлению в МО полноценной и суверенной ЛЧЦ (опирающейся на «российское ядро»), не контролируемой западной ЛЧЦ.

Примеры последних лет свидетельствуют о том, что даже в условиях растущей изоляции и кризиса Россию продолжают бояться. Прежде всего, из-за ее огромного природного и духовного ресурсного потенциала¹⁰⁶. Огромный политический и экономический потенциал кроется в развитии российской ЛЧЦ, концентрирующей вокруг «российского ядра» евразийскую цивилизацию. Н. Трубецкой еще в 20-е годы прошлого века писал по этому поводу, что, кстати, легло в основу современного беспокойства Запада: «Наша задача — создать полностью новую культуру..., которая не будет походить на европейскую цивилизацию..., когда Россия перестанет быть искаженным отражением европейской цивилизации... когда она снова станет собой: Россией–Евразией...»¹⁰⁷

Именно человеческий и, в частности, демографический потенциал, прежде всего проявляющийся в росте НЧК локальных цивилизаций и отдельных стран, станет основной причиной изменения соотношения сил в мире и последующих перемен. И дело даже не в том, что рост населения Земли прогнозируется западными экспертами к 2045 году до 10,4 млрд человек, а в том, что этот рост на 97% будет обеспечен развивающимися странами даже при снижении уровня рождаемости в этих странах¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 97–105.

¹⁰⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 134.

¹⁰⁸ Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. 3.

Другими словами в новых центрах силы у ЛЧЦ будет обеспечен практически весь демографический прирост населения, что (одновременно со скачком в качестве НЧК: уровне душевого дохода, образовании, здоровье) обеспечит этим центрам силы опережающие темпы роста по сравнению со старым центром силы, прежде всего, западной ЛЧЦ. Так, только за последние 25 лет в КНР было подготовлено более 300 млн человек с высшим образованием, что уже радикально повлияло не только на экономику, социальную структуру, но и военную мощь Китая. Новое качество НЧК немедленно отражается на качестве личного состава вооруженных сил, военном искусстве и управлении, на качестве ВиВТ. Это же обстоятельство стало главной причиной быстрых и устойчивых темпов роста ВВП не только КНР. По этому пути идут ЛЧЦ Индии, Бразилии, Индонезии.

И, наоборот, НЧК старых цивилизаций, прежде всего, западной ЛЧЦ, фактически не развивается или как минимум отстает в своем развитии. Более того, даже деградирует. Представление о будущих перспективах ЛЧЦ, вытекающих из неравномерности развития НЧК отдельных ЛЧЦ, дают следующие данные: рис. 1.21¹⁰⁹.

Как видно из этой карты, к 2040–2043 годам, по мнению российских и английских экспертов, произойдет радикальное изменение сил в области НЧК отдельных ЛЧЦ. Причем не только количественно, демографически, но и, прежде всего, качественно. Индия и Китай будут не только крупнейшими по численности странами мира, но и странами, обладающими самым большим НЧК, его эффективными институтами, средним и креативным классом и другими качественными характеристиками, которые неизбежно приведут к измене-

¹⁰⁹ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. — М.: 2014 / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 8.

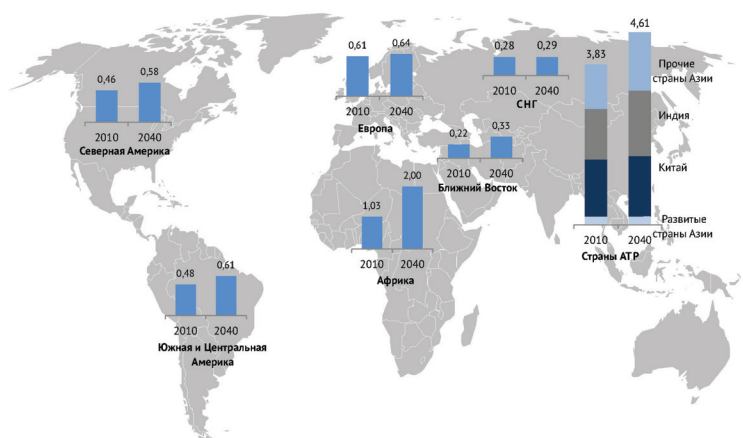

Рис. 1.21. Численность населения мира в 2010 и 2040 годах, млрд чел.

нию их роли в мире. Не случайно, говоря о трех фундаментальных факторах изменения МО, министр обороны США летом 2015 года называл¹¹⁰:

- глобализацию;
- распространение технологий;
- демографические изменения.

Эти факторы совершенно по-разному влияют на развитие МО и роль ЛЧЦ. Если глобализацию и распространение технологий можно отнести к мировым процессам, которые не могут быть взяты под контроль какой-то одной ЛЧЦ (даже борьба США и всей западной ЛЧЦ с КНДР и Ираном не привели к существенным результатам), то лидерство в развитии НЧК, безусловно, станет решающим фактором будущей МО. В этом процессе формирования качественно новой МО ключевая роль переходит от национальных государств к локальным человеческим цивилизациям по следующим причинам.

¹¹⁰ The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: DOD, 2015. June. P. 3.

Во-первых, основное противоборство в МО переносится из традиционных областей (контроль над государствами) в нетрадиционные, прежде всего, контроль над элитами и обществами, их системами ценностей, которые являются цивилизационными, а не государственными атрибутами. Последние кризисы и войны конца XX — начала XXI века отчетливо это показали. Именно политика западной ЛЧЦ навязать другим странам и ЛЧЦ свою систему ценностей (прежде всего, в области прав человека и способах организации власти в стране) стало не только поводом, но и содержательной основой использования военной силы.

Во-вторых, происходит перераспределение влияния между разными группами факторов, формирующих МО, в пользу международных акторов, глобальных тенденций и НЧК, о чем говорилось уже выше, что автоматически усиливает значение ЛЧК в группе международных факторов. Общее падение значения субъектов МО — государств, — как факторов формирования МО в пользу других факторов сопровождается и перераспределением влияния внутри этой группы. Это означает, что традиционное восприятие международных отношений, прежде всего, как отношений между субъектами МО — государствами — в XXI веке уступило свое место отношениям между ЛЧЦ, представляющими их коалициями, мировыми трендами и отношениями между акторами формирования МО.

В-третьих, цивилизационное «ядро» в эпоху глобализации продолжает оставаться существенно шире национально-государственных границ, заметно влияя на государственную политику. Примеров такого влияния в конце XX — начале XXI века — великое множество. Применительно к России это, в частности, до сих пор по достоинству не оцененное цивилизационное влияние русских в искусственно разваленном государстве (когда русские, по словам Зб. Бжезинского,

испытали «исторический шок»)¹¹¹, ежечасно проявляющееся в бывших республиках Прибалтики, Молдавии, на Украине и на Кавказе и в Закавказье, а также Средней Азии. Но в еще большей степени это влияние можно рассматривать как фундамент, основу будущих новых отношений в рамках единой ЛЧЦ. Естественно, что в том случае, если этот потенциал используется. Очевидно, что эта тенденция «поиска совпадения интересов» усиливается глобализацией и обострением борьбы ЛЧЦ и стран за контроль над природными ресурсами, транспортными коридорами, космическим, медийным, кибер и пр. пространствами. В реальной политике она выливается в создание «политических кнотов» — ТПП и ТАП, с одной стороны, и БРИКС, ШОС, — с другой.

Развитие ЛЧЦ, в демографической и экономической области НЧК неизбежно ведет к росту потребления. Прежде всего, в тех странах, где потребление — промышленное и личное — не соответствовало нормальным потребностям населения и экономики. Переход сотен миллионов граждан из категории «голодающих» в категорию «сытых» и даже «среднего класса» означает рост потребления в разы, на сотни процентов. Это, в свою очередь, ведет к обострению борьбы соответствующих стран за природные ресурсы, потребление которых (в отличие от финансовых ресурсов) будет более точно характеризовать будущее соотношение сил в мире. Прежде всего, между ЛЧЦ. Представление об усилении роли этих ЛЧЦ, например, дают данные о потреблении энерго-ресурсов в мире по регионам и видам топлива (рис. 1.22)¹¹²

¹¹¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 111.

¹¹² Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. — М.: 2014 / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 21.

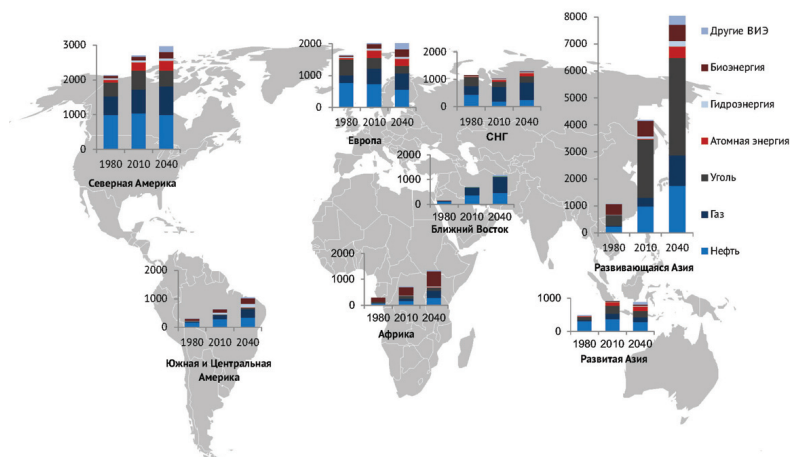

Рис. 1.22. Потребление первичной энергии по регионам и видам топлива, Базовый сценарий, млн т н.э.

Как видно из этих данных, американская ЛЧЦ, потреблявшая почти половину мировых энергоресурсов весь XX век, становится по объемам потребления вполне сопоставима с европейской и перестает доминировать на мировом рынке.

Однако, еще более полное ощущение от повышения роли некоторых ЛЧЦ можно получить, если представить себе, что наравне с этим количественным демографическим ростом (хотя бы пропорционально) будет расти и главный фактор развития — национальный человеческий капитал Китая, Индии, Японии, Индонезии, Вьетнама и др. стран, а, значит, соответственно и их технологическая, промышленная и военная мощь, которые даже в начале XXI века уже на 90–95% определяются количеством и качеством НЧК. Так, если в самом конце XX века национальный человеческий капитал Индии привел к тому, что она стала крупнейшим экспортером программного обеспечения в мире, а в соци-

альном плане — «самой большой демократией в мире», то уже к 2035–2040 годам Индия будет обладать:

- современной экономической структурой и социальными институтами, вполне сопоставимыми с развитыми странами;
- современными институтами НЧК;
- наиболее мощной экономикой, ВиВТ, а также вооруженными силами в мире.

В этом случае традиционное сравнение ВВП ЛЧЦ и центров силы уже не имеет значения потому, что рост человеческого капитала будет многократно увеличивать рост ВВП, военную и политическую мощь конкретной ЛЧЦ.

Из этих рассуждений следует неизбежный вывод: качество и количество ВиВТ, личного состава ВС некоторых локальных цивилизаций уже в недалеком будущем будет намного превосходить существующие характеристики наиболее развитых стран. Пока что эта тенденция подтверждается в деталях.

В частности, если рассматривать войну на Украине как столкновение двух локальных цивилизаций и их представителей, то становится ясно, что:

- эта борьба имеет стратегическое, цивилизационное значение для народа Украины;
- она отражает остроту назревших противоречий между двумя локальными цивилизациями: западной и российской в силу нежелания России терять свой суверенитет;
- выбор средств такой борьбы определяется их значением, прежде всего, для идеологического, цивилизационного и мировоззренческого противоборства;
- приоритетность использования таких средств борьбы зависит от того, насколько они соответствуют характеру (цивилизационному) противостояния.

Сказанное выше, требует особенного внимания, при анализе и прогнозе развития МО, на анализе собственно ЛЧЦ

и их специфических особенностей в современном мире¹¹³. Более того, только анализ традиционных факторов формирования МО представляется уже очевидно недостаточным. Даже если этот анализ и учитывает влияние на МО других, в т. ч. новых факторов формирования в XXI веке.

1.8. Перспектива развития российской цивилизации как основы будущей международной обстановки

Смещение акцентов влияния в формировании МО в XXI веке от наций-государств к ЛЧЦ неизбежно ставит вопрос о том, какое место и какую роль мы сами отводим России, «русскому миру» и близким нам нациям и цивилизациям в этом процессе. Тем более что не только основоположники цивилизационного подхода — Н. Данилевский, А. Тойнби и наши современные авторы относят Россию и русскую ЛЧЦ к основному типу ЛЧЦ, отделяя ее как от западной ЛЧЦ, так и других ЛЧЦ.

Развитие этой глобальной тенденции в XXI веке, таким образом, неизбежно ставит вопрос перед Россией о ее месте в новом мироустройстве более того, о месте всего русского мира и российской цивилизации. В этой связи необходимо выделить несколько самых общих положений, которые могут помочь нам лучше понять возможное место и роль России в формировании нового мироустройства.

Во-первых, представляется, что проблема единой системы ценностей как основы любой цивилизационной евразийской интеграции сегодня очевидно пока недооценивается. Прежде всего, в военно-политической области. Забывается,

¹¹³ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 205–249.

что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода — вторичны в этом процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции, которые являются следствием именно недооценки общих систем ценностей для тех наций и ЛЧЦ, которые развиваются в Евразии сегодня.

Прежде всего, нельзя игнорировать то, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве — от Центральной Европы до Сибири и Казахстана — такая общая система ценностей и безопасности формировалась. Прежде всего, потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и в другие союзы. Исследованиями в этой области не занимались целенаправленно, хотя археологические, исторические, генетические и многие другие факты свидетельствуют о некой евразийской общности населявших Евразию народов.

Славяне и кипчакская ветвь тюрских народов — татары, башкиры, казахи, киргизы и другие — тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточной Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских — более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков — примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков — примерно 20%). Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих

от Сибири до Центральной Европы. Не случайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря» написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

Во-вторых, культурно-историческая общность также совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии, а тем более пространства безопасности, пока что не стали приоритетом интеграционного процесса в Евразии.

Между тем объективно общий «центр безопасности» в Евразии уже формируется. Его развитие подталкивают две набирающие силу тенденции: стремление США создать максимально большое количество очагов нестабильности в Евразии — от Ю.-В. Азии до Ближнего Востока — как гарантию сохранения своих военно-политических позиций и развитие региональных связей не только в области экономики, но и в области безопасности, подталкивающее к формированию региональных институтов обеспечения безопасности на основе сотрудничества незападных ЛЧЦ.

В-третьих, необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, — в Евросоюзе и на постсоветском пространстве — принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть, при желании, объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока.

Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Вместе с тем реализация общей для всей Евразии концепции безопасности становится все менее реальной из-за стратегического курса, избранного западной ЛЧЦ на конфронтацию с другими ЛЧЦ Евразии. Это обстоятельство, вероятно, будет доминировать при формировании МО в XXI веке.

Но это же обстоятельство позволяет предположить, что систему безопасности Евразии можно будет формировать и без участия западной ЛЧЦ силами российской, исламской, китайской, индийской и буддийской ЛЧЦ, т. е. коалицией ЛЧЦ, имеющей объективно антизападный оборонительный характер.

В-четвертых, для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии, Казахстана и представителей исламской ЛЧЦ будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь, так же огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий интеграционных и кооперационных связей в промышленности, — всё это говорит о фундаментальной культурно- исторической, общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах,

производящихся в Белоруссии, которые могут обеспечить потребности всех ЛЧЦ.

В-пятых, сегодня, очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транс-тихоокеанского партнерства, из которых сознательно исключены не только постсоветские государства, но и другие страны и ЛЧЦ. По сути дела речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. В этих условиях просто сожалеть о распаде ОВД и СССР — бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и, в конечном счете, о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает, прежде всего, продвижение ценностной системы своей ЛЧЦ и союзных ЛЧЦ, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т. е. уничтожение нации.

В этих условиях «альтернативная» евразийская интеграция ЛЧЦ означает, не больше и не меньше, как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности этих ЛЧЦ перед угрозой агрессии. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации.

В-шестых, в этой связи, принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции российской ЛЧЦ,

в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но, прежде всего, сохранение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, включая тех, которые входят в другие ЛЧЦ, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Собственно гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом.

Общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую цивилизационную, экономическую и социальную модель развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской. Другими словами, мы должны предложить, прежде всего, привлекательную систему взглядов, т. е. идеологию евразийской, которая стала бы основой интеграционной политики — внешней, военной, экономической, социальной.

В-седьмых, следует откровенно признать, что идеология развития «русского ядра» ЛЧЦ должна стать основой процесса формирования евразийской цивилизации и интеграции, более того, политико-идеологическим фундаментом внешнеполитической стратегии России, даже ее нормативной внешнеполитической доктриной! Прежде всего, потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии, демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность

учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а так же противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

Российская локальная цивилизация кроме того обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомним в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и системы ценностей.

1.9. Основные особенности развития и противоборства цивилизаций

Анализу основных цивилизационных особенностей противоречий в мире посвящено уже немало работ, авторы которых признают смещение основных противоречий с уровня наций-государств на уровень локальных человеческих цивилизаций. При этом степень влияния всех основных ЛЧЦ (за исключением западной ЛЧЦ, обладающей наивысшим влиянием сегодня) к 2050 году будет достаточно динамично нарастать¹¹⁴, объективно вытесняя монополизм Запада. Так как таких субъектов МО становится больше, а их совокупная мощь — сильнее, то этот процесс может привести в итоге не

¹¹⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 29–31.

только к потере монопольного права западной ЛЧЦ устанавливать нормы поведения в мире, но и к тому, что Запад сам, в свою очередь, со временем, может превратиться из ведущего в ведомого.

Но для того, чтобы эта возможность была реализована, нужно время и, главное, чтобы западная ЛЧЦ согласилась на это. Чего она, естественно, не хочет. С точки зрения этого главного фактора — фактора обеспечения безопасности, — определяющего характер современного противоборства локальных цивилизаций в мире, основные особенности развития западной ЛЧЦ и современной международной обстановки, а также вытекающие из них реалии военно-политической и стратегической обстановки, являются следующими:

- ❖ **а) «Завершение однополярности»:** изменение соотношения экономических, финансовых, политических сил в мире не в пользу западной цивилизации (ЛЧЦ).
- ❖ **б) Усиление значения НЧК для ЛЧЦ, соотношения сил между ЛЧЦ.**
- ❖ **в) Усиление военного фактора в политике Запада как способ остановить процесс изменения соотношения сил между ЛЧЦ и практическая стратегия в отношении других локальных цивилизаций:**
 - формирование военно-политических коалиций и союзов на основе западной ЛЧЦ (ТАП и ТТП), а также многочисленных «партнерских» и «союзнических» отношений, т.е. «политических сетей» вокруг «ядра» западной ЛЧЦ—США;
 - Ускорение развития военных технологий, ВиВТ, сохранение опережения в качестве, технологиях, профессиональной подготовке л/с;
 - Опережающие темпы развития военного искусства и управления, которое распространяется «по вертикали» до отдельного человека, а «по горизонтали», — на всю систему государственного управления.

Эти особенности развития западной ЛЧЦ ведут к радикальным изменениям парадигмы ее внешнеполитической и военной стратегии, которые в целом могут быть охарактеризованы следующим образом: рис. 1.23.

Эти перемены в МО и стратегии западной ЛЧЦ происходят на общем фоне смены основных парадигм мирового развития, что дестабилизирует МО по объективным и субъективным причинам. Происходит классическое «забегание

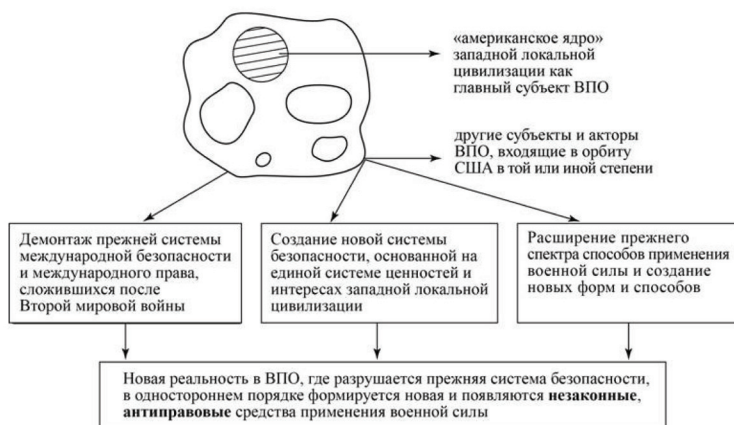

Рис. 1.23.

вперед» в развитии техники (технологий), экономики и социальной области, которое по самой своей сути является революционным, а, значит, и дестабилизирующим. Об этом очень хорошо написал еще в советское время академик Н. Симония, обращая внимание на очень существенные детали такого «забегания вперед», а именно¹¹⁵:

- революционном, качественном характере;
- неизбежности впоследствии определенного «отката»;
- фиксации будущих отношений и положения на качественно новом уровне и др.

Другими словами, будущая МО будет характеризоваться главной особенностью — она будет качественно иная, принципиально отличная от МО «образца 2015». Задачи заключаются в том, чтобы:

- попытаться определить временные границы этого будущего;
- попытаться выделить новые парадигмы, которые будут характеризовать новую МО.

¹¹⁵ Симония Н. А. Избранное. — М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 116–132.

Так, в частности, для переходного периода XXI века характерно изменение качества всей МО, т. е. «фазовый переход», а также невозможность «полного отката», реставрации старой ситуации, т. е. возврату к ситуации конца XX — начала XXI века.. Это означает, что отношения между ЛЧЦ в XXI веке, достигшие определенной, даже острой фазы и кризисной МО во втором десятилетии нашего века, уже не могут вернуться к тому уровню сотрудничества, взаимопонимания и качеству той системы международной безопасности, которые были до этого. В частности, до 90-х годов XX века, когда США и их союзники напали на Ирак и Югославию. Поэтому мечтать сегодня о периоде «разрядки» или даже «холодной войны», а тем более романтике начала 90-х годов, — бессмысленно. Мы, в 2015 году, находимся в начале «фазового перехода», т. е. мы уже отошли от всей традиционной системы, характерной для прошлого столетия, МО, но еще не достигли нового уровня. Это предполагает, что в XXI веке мы будем испытывать влияние двух групп факторов, характерных для «фазового перехода»:

❖ **а) «Фазовый переход» человеческой цивилизации на новый этап развития:**

- в экономике,
- политике,
- военной области,
- социальной области.

❖ **б) Революционные изменения («фазовый переход») в стратегиях развития и росте ЛЧЦ в ближайшие 15-30 лет:**

- экономики и финансов,
- технологий,
- военной политике.

Сказанное, в том числе, означает, что неизбежное появление новых центров силы в мире в форме коалиций вокруг ЛЧЦ неизбежно приведет к обострению МО и переходу

силового конфликта между ними в его вооруженную фазу. Более того, в отношении российской ЛЧЦ можно констатировать, что такой переход, начавшийся в 2008 году, уже окончательно произошел в конце 2014 года и уверенно развивался в 2015 году (что только символически совпадает с событиями на Украине и в Крыму). Пространственно — силовое развитие ЛЧЦ в XXI веке будет характеризоваться, прежде всего:

❖ **а) Возникновением новых экономических и военно-политических центров силы на базе ЛЧЦ:**

- Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, России, Мексики и др.

❖ **б) Неизбежным ростом амбиции и претензии на перераспределение власти и влияния в мире:**

- Новые центры силы и ЛЧЦ будут пытаться изменить сложившиеся военно-политические и финансово-экономические системы, возникшие в XX в. Под контролем западной ЛЧЦ;
- Новые центры силы и ЛЧЦ неизбежно реанимируют старые конфликты и споры, которые были заморожены т.к. фиксировались прежним соотношением сил.

Период отступления российской ЛЧЦ закончился. И не потому, что появился В. Путин и новые представители элит, а, потому, что дальнейшее отступление означало уже даже не только потерю остатков суверенитета, но и всей национальной и цивилизационной идентичности. Коротко, генезис развития отношений между российской и западной ЛЧЦ представляется следующим: началом нового этапа в отношениях между Западом и Востоком, но не двумя локальными цивилизациями, стало завершение «холодной войны», которое стало следствием решений правящей в то время части элиты в России, когда значительная часть правящих элит в СССР и других социалистических странах оказалась не способной и не готовой продолжать «холодную войну» с Западом, посчитав, что политическая капитуляция ока-

жется безболезненное и выгоднее. И это политическое решение в корне изменило, не только для российской, но и всей восточной локальной цивилизации, МО и ВПО в крайне невыгодном для них ракурсе. Она была принуждена, в конечном счете, к постоянным уступкам, которые вели за собой лишь новые национальные, государственные, социальные уступки западной локальной цивилизации, вплоть до угрозы цивилизационной — потере суверенитета и национальной идентичности. Целью западной ЛЧЦ в 90-е гг. XX в. и в начале XXI века было ассимилировать на своих условиях, нормах и правилах поведения большую часть восточной локальной цивилизации, а другую — дезинтегрировать и взять под контроль, когда территория, ресурсы, само поведение уцелевших государств будут определяться западной локальной цивилизацией.

Надо сказать, что подобные цели требовали и смены инструментов воздействия. Прекращение «холодной войны» в этой связи отнюдь не означало наступления всеобщего мира и благоденствия (как рассчитывали некоторые наивные политики), но и прекращения войны. Просто форма войны была заменена — с «холодной войны» на «сетевую», «контрценностную», в основе, которой лежит не борьба против государства, а борьба против нации — ее системы ценностей и национальных интересов и против ее носителей — элиты и общества. При такой смене основополагающей цели война становится:

- во-первых, бескомпромиссной, без перемирий и промежуточных результатов (замена или подмена систем ценностей не может быть добровольной);
- во-вторых, глобальной и более жесткой, направленной на уничтожение нации с точки зрения ее национальной самоидентификации.

Логика исследования влияния процессов в локальных цивилизациях на формирование СО неизбежно ведет к по-

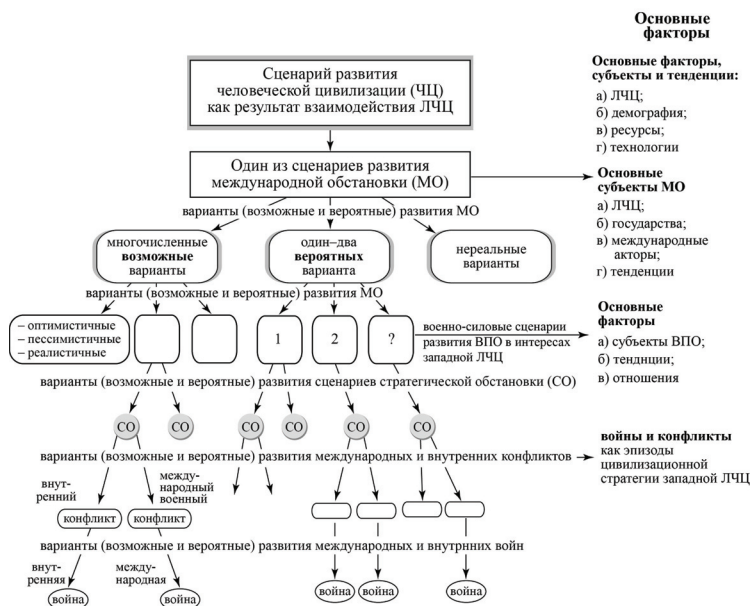

Рис. 1.24¹¹⁶. Логика анализа и долгосрочного прогноза международной обстановки, будущего характера международных и внутренних войн и военных конфликтов

явлению многочисленных сценариев развития МО, ВПО и, как следствие, СО, войн и конфликтов, которые можно отнести к категории «возможных» сценариев (рис. 1.24).

Применительно к прогнозу развития основных особенностей в отношениях между ЛЧЦ и наиболее вероятному сценарию развития МО, можно сделать следующие выводы:

Первый вывод заключается в том, что в основе развития всех возможных (и, впоследствии, вероятных) сценариев

¹¹⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

ев МО и ВПО, а также СО, войн и конфликтов в XXI веке, находятся основные, фундаментальные отношения между ЛЧЦ, которые, в свою очередь, характеризуются, следующими особенностями:

- соотношением и антагонистичностью систем ценностей, и интересов отдельных ЛЧЦ, которые могут быть сильнее, либо слабее общечеловеческих, биологических интересов;
- противоречиями между основными интересами (потребностями) отдельных ЛЧЦ в понимании их правящих элит;
- противоречиями между конкретными целями и задачами ЛЧЦ, как их формулируют правящие элиты ЛЧЦ;
- антагонизмом (сочетаемостью) отношений между общественными и элитными отношениями;
- совпадением (сочетаемостью) отношения к имеющимся у ЛЧЦ ресурсам и возможностям.

Второй вывод можно сформулировать следующим образом:

- в XXI веке будет доминировать неизбежность нарастания конфликтности в отношениях между всеми ЛЧЦ;
- по мере развития опасных тенденций, вытекающих из «фазового перехода» человечества, эта конфликтность приведет к вооруженному противостоянию между ЛЧЦ, причем это противостояние будет инспирировано западной ЛЧЦ не только в отношении исламской ЛЧЦ, но и российской и других ЛЧЦ;
- этому процессу можно противопоставить единственную альтернативу в форме создания системы международной безопасности и договоренностей, не основанных на экономических интересах и военной силе, которая в условиях нарастания противоречий между ЛЧЦ выглядит наивной и нереальной.

1.10. Развитие международной обстановки и военная организация России

Противодействие негативным последствиям развития международной и военно-политической обстановки в будущем предполагает изначально наличие у России, во-первых, эффективной политики, которая формируется и реализуется, во-вторых, соответствующими некими институтами государства. Важно подчеркнуть, что неблагоприятные внешние условия и очевидное несоответствие в соотношении сил со стороны России и Запада в XXI веке требуют от ее правящей элиты проведения не просто эффективной, а очень эффективной политики и обладание очень эффективными механизмами ее проведения, способными компенсировать это объективное, существующее, неблагоприятное развитие МО и ВПО. Что возможно при сочетании таких факторов, как научный подход, политическое и военное искусство, патриотизм и нравственность.

В настоящее время приходится констатировать — ни эффективной политики, ни таких эффективных органов по ее управлению в России не существует. Это является не только следствием уничтожения и дезорганизации государственных, политических и общественных институтов в предыдущие десятилетия, но и их медленным восстановлением, постоянными реорганизациями, другими ошибками в области государственного и военного управления, а, главное, отсутствием долгосрочной стратегии национального развития и соответствующих национальных институтов ее реализации. Как совершенно справедливо заметил советник Президента РФ С. Глазьев, «... наша страна должна исходить из жестких реалий международной конкуренции и соответствующих вызовов безопасности. Россия сможет их преодолеть, если обретет собственную

стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион...»¹¹⁷

Другой принципиальной причиной недостаточно эффективной политики и механизмов ее реализации является то, что и политика, и институты должны в современный период выйти за рамки только государства, охватив все общество и нацию. Более того, вовлечь в свою орбиту все «русское ядро» российской цивилизации, как в ближнем, так и в дальнем зарубежье.

По оценкам экспертов Минобороны Великобритании, чья группа уже давно занимается долгосрочными прогнозами, вероятность такого прогноза становится незначительной по мере увеличения его срока из-за допусков в экстраполяции и воображении¹¹⁸.

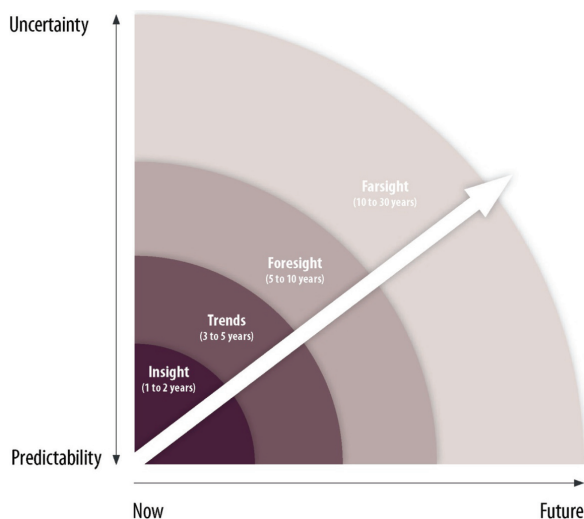

Рис. 1.25.

¹¹⁷ Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

¹¹⁸ Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. XXIV.

Тем не менее, применительно к развитию военной организации, ВиВТ, такие стратегические прогнозы не только требуются, но и необходимы обязательно. Без них стратегическое планирование на сколько-нибудь долгосрочную перспективу в принципе невозможно.

Таким образом, эффективная долгосрочная стратегия и соответствующие институты нации и общества (а не только государства) являются двумя важнейшими условиями того, что Россия сможет эффективно противодействовать негативным сценариям развития МО и ВПО. Причем эта политика и институты ее реализации должны быть ориентированы, не только, на решение краткосрочных, текущих задач, но и стратегические, долгосрочные цели развития всей нации и локальной человеческой цивилизации. Только в этом случае может быть обеспечено эффективное противодействие Западу, который сегодня представляет коалицию всей западной ЛЧЦ и обеспечивает соответствующее управление на всех уровнях, — коалиционном (НАТО–ЕС–ТТП–ТАП), государственном (двусторонние договоры), национальном (общество–бизнес–институты государства), на долгосрочную перспективу.

Важнейшая роль в таком противоборстве заключается в формировании будущего образа, будущей реальности, в которой Россия находится в системе взаимоотношений с другими ЛЧЦ. Этот «виртуальный образ», модель, должны быть привлекательными и достаточно реальными для других ЛЧЦ и наций.

Абстрактно-идеальная модель такого эффективного противодействия, переходящего в участие в создании будущей реальности, можно представить следующим образом: рис. 1.26.

Таким образом, если говорить о долгосрочной стратегии развития России, то в ней не решены до настоящего времени следующие принципиальные вопросы, непосредственно

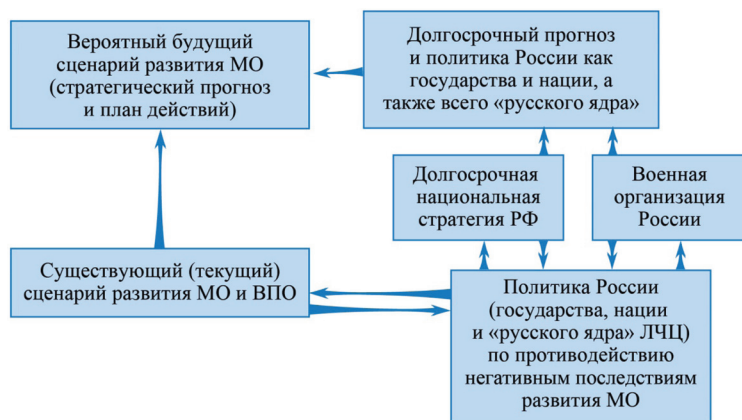

Рис. 1.26. Модель эффективного противодействия и участия в формировании (программировании) будущего сценария развития МО

влияющие на эффективность внешней политики и безопасности страны:

- не сформулирован привлекательный образ России — реальный и будущий — и её ЛЧЦ на внешнеполитической арене;
- отсутствует понятная модель развития нации, общества и государства и его институтов понятная и поддерживаемая большинством граждан страны и за рубежом;
- не определены внешнеполитические приоритеты и принципы;
- не сформулированы, ясно и последовательно, основные правовые и нормативные положения Стратегии национального развития, Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности.

Иными словами, идеологический ресурс российской ЛЧЦ (интеллект, нравственность, эмоции и энергия) не мобилизован, как не используется такой идеологический ресурс и с точки зрения повышения эффективности управления.

Кроме того, как уже коротко говорилось, современная военная организация России не соответствует новым реалиям МО и ВПО и будет еще более не соответствовать будущим реалиям по двум основным причинам¹¹⁹, т. е. не мобилизованы и другие ресурсы:

Во-первых, современная военная организация развитого государства (например, США) фактически является военной организацией всей нации, а не только политических и силовых институтов государства, как в России. Кроме институтов государства, в нее входят и сознательно развиваются (имеющие самодостаточный силовой потенциал) институты общества и бизнеса, т. е. два «негосударственных блока», чье влияние как самостоятельных акторов в формировании МО в XXI веке резко усиливается.

Во-вторых, современная военная организация должна включать все цивилизационные, союзнические партнерские ресурсы, а не только те, которые находятся в пределах национальных границ или объединены союзными договорами. Так, военная организация России в XXI веке должна представлять собой своего рода аналог Коминтерна — «Русский мир», — с одной стороны, и «российское ядро» евразийской интеграции — с другой.

Если военная организация России будет (как сегодня) включать только институты государства и только союзные государства ОДКБ, то это будет означать заведомое поражение уже на самой начальной стадии формирования будущего сценария развития МО. Ресурсы противостоящих ЛЧЦ, прежде всего западной, будут в десятки раз превышать материальные и духовные ресурсы России, что неизбежно ведет к проигрышу уже на начальной стадии конфликта.

¹¹⁹ См. подробнее: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад / А. М. Шмелев, А. И. Подберезкин. М.: МГИМО, ЦВПИ, 2014.

Другими словами необходимо срочно формулировать долгосрочную и привлекательную стратегию развития российской ЛЧЦ, ориентированную на объединение всех видов ресурсов, а также фактически заново создать собственно военную организацию России из военной организации одного государства в военную организацию всей нации и широкой коалиции, представляющую интересы и систему ценностей российской ЛЧЦ. Условно это можно показать на следующем рисунке (рис. 1.27).

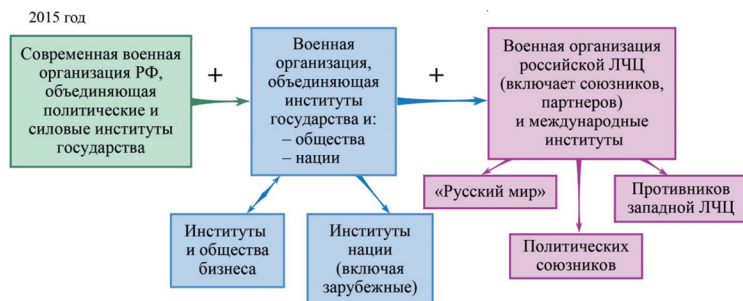

Рис. 1.27. Эволюция превращения военной организации России в военную организацию, представляющую интересы российской ЛЧЦ и других ЛЧЦ

Логика трансформации военной организации (кроме естественной консолидации ресурсов против оппонентов) предполагает, что будут задействованы максимально широко все группы факторов, формирующих МО в XXI веке, включая и новые — международные акторы, глобальные тенденции и НЧК и его институты. Иными словами военная организация страны развивается в направлении общей эволюции структуры МО, о которой говорилось выше, включая и соответствующую эволюцию ВПО и СО.

Очень важно, чтобы трансформация военной организации РФ в военную организацию российской ЛЧЦ шла не только параллельно с развитием научных и организационных

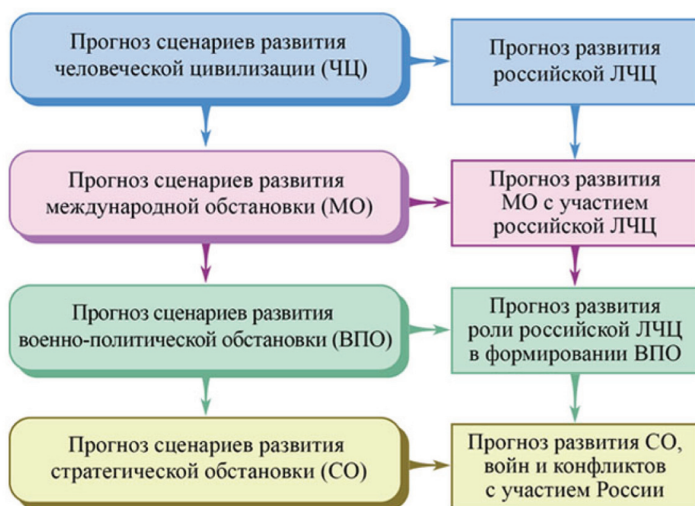

Рис. 1.28. Логическая схема последовательности разработки стратегических прогнозов сценариев развития ВПО и СО

решений, но и во взаимосвязи с прогнозом развития основных, возможных сценариев развития ЛЧЦ, МО, ВПО и СО.

Как видно из рисунка 1.28, сценарий развития СО находится в самом «низу» всей схемы, т. е. является следствием и производным от множества факторов, включая переменные величины и субъективные факторы влияния. Наиболее важные — цивилизационные факторы — остаются наиболее приоритетными на «самом верху» (рисунка), определяя общее количество возможных сценариев и вариантов их развития. Причем наиболее важные факторы — политические, экономические, цивилизационные и ряд других, формируются не только «на самом верху», но и прямо транслируются на сценарий развития МО, ВПО и СО. Поэтому сам анализ будущей СО, особенно если его делают военные эксперты, должен исходить из предварительного анализа более высокого уровня:

- мировоззренческого, цивилизационного, характеризующего общий уровень развития цивилизации на данном этапе. Совершенно очевидно, например, что характеристика экономических, социальных, научно-технических и военных особенностей развития цивилизации накануне 1914 года будет одна, а накануне 1939 года — другая;
- отношений между локальными цивилизациями и государствами, как главными субъектами формирования МО, что неизбежно будет включать (как уже говорилось выше) влияние других групп факторов, в том числе международных акторов, НЧК и глобальных тенденций;
- влияние глобальных — политических, экономических, технологических, военных и иных — тенденций и особенностей.

Только после учета этих факторов можно говорить об анализе особенностей развития МО в XXI веке, в т. ч. в ВПО и СО.

Таким образом, стратегия национального развития и механизм управления ею — военная организация — становятся во многом следствием, производными от тех объективных закономерностей и особенностей, которые проявляются в развитии и отношениях между ЛЧЦ в XXI веке.

Этот вывод, очевидно, противоречит существующей сегодня в России практике, когда вместо национальной стратегии развития существует несколько автономных частных стратегий, концепций и доктрин, а вместо инструмента управления ими — бюрократический и малоэффективный инструмент управления институтами государства. Один из важнейших элементов понятийного мышления — формирование представления о реалиях современной и будущей системы МО — фактически отсутствует.

Проблема также заключается в том, что анализом именно этих, наиболее приоритетных сценариев развития ЛЧЦ и МО, в России постоянно и профессионально практически никто не занимается, а те немногие эксперты, которые гото-

вят свои оценки и прогнозы, очевидно, не могут похвастаться тем, что эти оценки учитываются в правящей российской элите. Неразвитость в правящей элите понятийного мышления пытаются компенсировать «менеджеризмом».

Всю сложность осознания этой задачи можно представить себе рассмотрев упрощенную модель развития человеческой цивилизации (в ее отдельных, военно-политических аспектах) на следующем рисунке (рис. 1.29¹²⁰).

Не трудно увидеть, что никто из экспертов всерьез не готовит рекомендаций для власти и не занимается анализом проблем 1-го и 2-го уровня; очень немногие пытаются (как правило, — научно) анализировать проблемы на 3-м уровне; и еще меньше — проблемы 4-го и 5-го уровня. Причины, как правило, разные, но можно выделить и общие для всех:

- отрицание правящей элитой идеологии, как системы общественно-политических взглядов, философско-политического осмысления и понятийного мышления, как такового;
- низкая научная и профессиональная подготовка правящей элиты, которая не компенсируется влиянием экспертного сообщества;

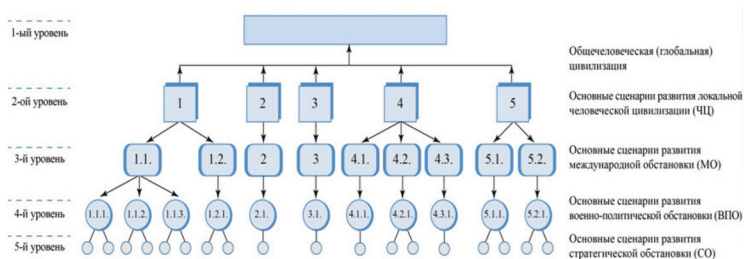

Рис. 1.29. Порядок формирования сценариев развития глобальной человеческой цивилизации (ЧЦ), ее локальных и МО, ВПО и СО

¹²⁰ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. безопасность: аналитич. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

- отсутствием достаточного количества научных школ и экспертов, включая теоретиков и методологов, чье место замещают менеджеры-управленцы.

В конечном счете, даже прикладной анализ развития МО предполагает анализ цивилизационных интересов и их трансформацию в цели и задачи конкретной политики, оставляя «за скобками» анализ средств и способов их достижения. Эта область относится к области конкретной национальной стратегии и военной стратегии отдельной страны, которую необходимо исследовать предметно во вторую очередь. Другими словами реальный анализ и прогноз МО может делаться либо крупными политиками при помощи экспертов (в т. ч. военных), либо учеными, имеющими солидный опыт практической работы.

Таким анализом не должны заниматься «по должности» разного рода начальники в силу их очевидной профессиональной непригодности, — включая высших руководителей государства. Таким анализом и оценками не должны заниматься (как это странным ни покажется) и военные руководители потому, что они не могут в должной мере учесть решающее значение невоенных факторов, формирующих МО и ВПО.

Охватить мысленно всю картину взаимозависимости развития локальных цивилизаций и наций, взаимовлияния различных факторов и их значение для СО — задача огромной сложности даже для гениальных руководителей, которая в современную эпоху может быть облегчена развитием информатики и ростом качества отдельных экспертов. Один из вариантов предлагался ЦВПИ¹²¹. Но и в этом случае требуется особая подготовка, профессиональные (политические, экономические, военные правовые и иные) знания.

¹²¹ См. подробнее: Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н. [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

Так, в частности, для развития институтов всей военной организации государства, контроля за их функционированием и необходимыми политико-организационными шагами требуется ориентироваться, как минимум, не только в компетенциях всех этих институтов государства, но и в их задачах, решаемых в интересах нации и локальной цивилизации.

Эти компетенции определяются в настоящее время только структурой военной организации страны, сложившейся к определенному времени, а также отчасти новыми задачами, стоящими перед ними. Так, в результате «революционных» изменений в России все организации и институты, входящие в военную организацию России, претерпели радикальные изменения, которые далеко не всегда контролировались политическим руководством, а тем более не были изначально сформулированы с точки зрения интересов локальной цивилизации и нации. Некоторые институты (можно сказать, даже их большинство) — постоянно находятся в режиме реорганизации, который затрагивает бюрократический, в лучшем случае, — государственно-институциональный уровень. И это относится не только к МО или ГШ ВС РФ, но и Совету Федерации, Государственной Думе ФС РФ, Совету Безопасности и т. д. Достаточно сказать, что за 20 лет правила формирования ФС РФ менялись почти 10 раз.

К сожалению, многие ключевые участники военной организации страны и процесса оценки ВПО не обладают даже минимумом знаний в этой области. Причем речь идет не только, о «политических назначенцах», но и их заместителях, высших руководителей министерств и ведомств. Традицию «заложил» еще М. Горбачев. Профессиональный уровень и компетенция политиков и чиновников за последние 25 лет резко снизилась, понятийное мышление исчезло, а образование, в т. ч. базовое, стало намного хуже. Нравственные качества — существенно ниже. Это — очевидная угроза для качества принимаемых правящей элитой

решений, изначально предполагающая многочисленные ошибки, даже преступления. Субъективизм и непрофессионализм принимаемых решений в настоящее время угрожает самой функциональной способности этих государственных институтов.

Совершенно естественно, что руководство России должно выбрать один из наиболее вероятных сценариев развития ВПО, который может в тот или иной период времени трансформироваться в конкретный сценарий СО. Это необходимо, как минимум, для основ социально-экономического прогноза и планирования, которые должны оценивать необходимость затрачиваемых национальных ресурсов. Очевидно, например, что бюджетное планирование достаточно жестко ограничено (госрасходы — порядка 20% от ВВП, а военные расходы — 4,5% ВВП). Для того, чтобы оно отвечало требованиям национальной безопасности, это планирование должно адекватно учитывать прогноз возможных реальных угроз, которые, в свою очередь, вытекают из того или иного конкретного сценария развития ВПО. В частности, анализ, проделанный в Центре военно-политических исследований МГИМО в 2013–2014 годы, показал, что наиболее вероятным сценарием ВПО является следующий: рис. 1.30.

Таким образом, конечные характеристики стратегической обстановки зависят во многом не только от состояния ВПО, а также состояния МО и трендов в развитии ЧЦ (т. е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий делать адекватный анализ и долгосрочный прогноз), но и субъективных факторов — прежде всего, способности правящей элиты адекватно оценить МО, спрогнозировать ее развитие и спланировать меры по нейтрализации возможных угроз. Успешный анализ МО и стратегический прогноз зависит от умения исследовать объективные тенденции и факторы самого широкого спектра, т. е. системного анализа, — а не только традиционного анализа военной обстановки, а также

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки				
	Группы и подгруппы сценариев МО	Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	настоящее время	прогноз до 2035 г.	прогноз до 2050 г.
Российская Федерация	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСР МО)	Сценарии формирования военно-политического союзов Сценарии создания политических коалиций Сценарии военно- политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+ 1	+ 1	+ 1
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСР МО)	Сценарий формирования враждебной коалиции Сценарий геополитической, экономической и военной изоляции и инфраструктур Сценарий создания «облачного противника в СНГ» Сценарий военной провокации в СНГ	+ 3 + 4	+ 5 + 5 + 3	+ 5 + 5 + 4
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСНР МО)	Сценарий фактической военно-политической изоляции			
Следствие конфронта- ционного сценария развития отношений локальных цивилизаций Запада и Востока	подгруппа сценариев изоляции	Сценарий противодействия любимой активности РФ в ВТС и военно-политической области			
	подгруппа сценариев изоляции				

область
вероятных
сценариев в

Рис. 1.30.

субъективных факторов, влияющих на формирование одного из сценариев развития ВПО. Так, адекватный анализ ВПО на Украине осенью 2014 года, прежде всего, как минимум, предполагал:

- анализ взаимоотношений различных локальных цивилизаций, прежде всего, российской и западной, состояния и особенностей международной обстановки, в особенности, позиций России, США, ЕС и даже других стран-членов ООН и ОБСЕ;
- анализ мировой и региональной ВПО, в особенности в Европе, взаимоотношений внутри ЕС и НАТО, а также позиции РФ и ОДКБ;
- анализ внутривнутриполитической обстановки на Украине после выборов в Верховную Раду, социально-экономическую и финансовую ситуацию в стране;

- анализ ситуации в юго-восточных регионах Украины в ее самом широком социально-политическом и экономическом контексте.
- наконец, анализ ВПО на Украине предполагал исследование собственно военных потенциалов — количество и качество ВС, ВиВТ, их моральный дух, эффективность управления и т. д.

Как видно из перечисленных задач, собственно анализ военных аспектов СО на Украине занимает относительно небольшое, даже второстепенное место. Ясно, что и дальнейший прогноз развития СО на Украине в наименьшей степени будет зависеть собственно от военных факторов, а в большей — от стратегии западной ЛЧЦ. Ясно и другое. Перспективы эволюции развития ВПО на Украине будут во многом предопределены будущим российско-американских отношений, а в более широком плане, — будущим уровнем взаимоотношений и характером противоборства двух локальных цивилизаций: западной и восточной.

Наконец, ясно и то, что стратегией такого противоборства является уже не продолжающаяся «холодная война», а реальное системное силовое противоборство, которое в последние десятилетия приобрело форму сетецентрической войны. Характер этой войны, к сожалению, не только до конца не изучен в России, но и сам факт ее наличия не признается большинством правящей элиты. Еще меньше изучены средства и способы ее ведения, которые, собственно говоря, и формируют современную ВПО и СО. Поэтому необходимо, во-первых, признать сам факт ведущейся сетецентрической войны против России, что поведет к осознанной разработке средств и способов участия в ней, мобилизации общества, элиты и экономики. Во-вторых, признание этого факта будет означать необходимость завершения начатых и новых организационно-политических и экономических мероприятий — от завершения реформы военной организации

страны до принятия соответствующих стратегий и планов в области социально-экономического развития и стратегического планирования.

В заключении предлагаются следующие выводы: в самом общем виде точность прогноза развития ВПО–СО в мире будет находиться под влиянием следующих основных факторов:

- **Долгосрочное прогнозирование возможно благодаря иерархической взаимосвязи и разноскоростной динамики развития сценариев разного уровня.**
- **При долгосрочном прогнозировании необходимо учитывать системную взаимозависимость между сценариями.**
- **Планирование государственной политики должно включать в себя цели на всех уровнях системы, в том числе и на цивилизационном. Долгосрочное планирование без идеологической базы невозможно.**
- **Ослабление западной локальной цивилизации будет сопровождаться ростом насилия в мировой политике с ее стороны.**
- **Военная сила вернется в качестве определяющего фактора лидерства и самостоятельности в мировой политике.**
- **Евразийскую военно-политическую интеграцию в области ВПО и, в частности, ВКО следует рассматривать как необходимое и обязательное условие развития Евразийского экономического союза.**
- **Многополярность позволит сократить количество конфликтов идентичности внутри локальных цивилизаций, при этом масштаб и интенсивность столкновений между локальными цивилизациями увеличится.**

Глава II
Правящая элита
цивилизаций и государств
как основной объект
внешнего силового
воздействия

Анализ и стратегический прогноз развития МО во все большей степени предполагает обязательный анализ идеологического и мировоззренческого противостояния локальных человеческих цивилизаций, которому в России практически не уделяется внимания.

Это противостояние развивается стремительно и с неизбежностью ведет к силовому и даже вооруженному противоборству между ЛЧЦ из-за передела сфер влияния и контроля над сложившимися финансово-экономическими и военно-политическими системами. Эти сложившиеся в XX веке системы отражали соотношение сил между западной ЛЧЦ и другими цивилизациями и государствами, которое было подавляющим в пользу Запада уже в XIX веке.

С конца XX века геополитическая ситуация и соотношение сил между странами и ЛЧЦ стало быстро меняться, а во втором десятилетии XXI века произошло качественное событие: соотношение экономических сил между Западом и Востоком сравнялось и продолжает меняться не в пользу Запада. Совершенно очевидно, что китайская, индийская и исламская ЛЧЦ, насчитывающие в XXI веке уже более 1 млрд человек, по мере повышения качества демографического потенциала станут претендовать на равноправное участие в формировании, как минимум, новой миросистемы и изменение сложившихся норм и порядков.

Неизбежность перерастания конфликтности в отношениях между ЛЧЦ во враждебность и силовое противоборство —

Таблица 2.1. Изменение пространственной структуры мирового ВВП, 1980–2020¹²²

СТРАНЫ	Доля стран в ВВП мира, в %		
	1980 г.	2005 г.	2020 г. (прогноз)
Весь мир	100	100	100
Развитые страны	57,7	49,6	39,4
США	20,8	20,4	17,9
Япония	7,8	6,5	4,6
Германия	5,6	4,0	2,9
Развивающиеся страны	28,3	44,0	53,1
Китай	3,4	14,4	22,6
Индия	3,5	6,3	8,4
Страны с переходной экономикой	14,0	6,4	7,5
Россия	6,8	2,6	3,2

не вызывает сомнения. Вопрос только, когда силовое противостояние перерастет в вооружено-силовое? Представляется, что «сползание» к такому противостоянию уже началось по инициативе США, которые фактически начали войну против исламской и российской ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века. Расчет делается на то, что обладая военно-техническим превосходством и экономическими преимуществами, западная ЛЧЦ сможет предотвратить перерастание неизбежных сдвигов в экономике в новые политические правила. Войны в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Йемене и на

¹²² Слуга Н. Большой стране — большие проекты / ВВП, 2015. №5(94). С. 30.

Украине — начало большой войны между ЛЧЦ — в стороне от которой пока находятся другие ЛЧЦ¹²³.

В характере таких военных конфликтов и войн, в то же время, произошли существенные изменения по сравнению с конфликтами и войнами XX века. И прежде всего в главных объектах для нападения. Из того, что уже имело место, видно, что главными объектами вооруженного насилия становятся правящие элиты и режимы противостоящих ЛЧЦ, государств и наций. Примеры Румынии, Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Украины — очевидны.

Также как очевидно и то, что отсутствует такой анализ внешнего силового и военного влияния на правящую элиту и, фактически, — на общественное мнение страны. Между тем опыт последних лет показывает, что именно правящая элита и общественное мнение стали главным объектом в противоборстве ЛЧЦ, когда победа, — т. е. навязывание извне чужой воли правящей элите — означает и победу в противоборстве. Причем наиболее эффективную, чем военная.

Именно такая победа была одержана над правящей партийно-советской и хозяйственной элитой всего лишь за несколько лет «перестройки» и «демократических реформ», когда правящая элита СССР, в конечном счете, потеряла не только власть и собственность, контроль над институтами государства и общества, но и даже была вынуждена отказаться от своей идеологии, системы ценностей и государства. Развал СССР и ОВД стал, в конечном счете, следствием смены правящей элиты, которая произошла под прямым внешним политико-идеологическим давлением¹²⁴, а также тем внутрисполитическим кризисом, который искусственно создали А. Яковлев и М. Горбачев. Процесс вытеснения

¹²³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 11–24.

¹²⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

прежней элиты, начатый М. Горбачевым весной 1985 года, фактически не останавливался весь период его правления, но достиг своего апогея в 1987–1988 годах, когда критическая масса прежней номенклатуры была отстранена разными способами от власти.

Этому в немалой степени способствовали внешние факторы — объективные, в форме внешней угрозы и «мирового общественного мнения» и субъективные — роли М. Горбачева и А. Яковлева, вытеснивших старую номенклатуру (Примаков, Черняев, Шахназаров и др.).

Исключительная по значению субъективная роль правящей элиты в политике в XXI веке объясняется самим фактом ее расположения, ее центральным местом в политическом процессе — в самом прямом смысле этого слова. Надо признать, что это место правящей элиты в политическом процессе традиционно: во все века вождь (император, царь и т. п.) определял не только конечные политические цели, но и стратегию и распределение ресурсов, исходя из той системы ценностей и интересов, которые он понимал и разделял. И задача принуждения этого вождя, либо его ликвидации, стояла всегда. Ее решение обеспечивало более быструю и «дешевую» победу, чем разгром армий противника и прочие результаты ведения военных действий. Но проблема заключалась в том, что в течение всей истории было придумано множество средств физической защиты лидера, которые сделали этот наиболее эффективный способ труднодостижимым. Достаточно привести примеры с обеспечением безопасности И. Сталина, А. Гитлера или Ф. Кастро, которым десятилетиями удавалось избегать покушений. А, кроме того, смена вождя не всегда гарантировала смену политического курса.

Наконец, у правящей элиты в XX–XXI веках появились новые средства и способы влияния на все группы факторов формирования политического процесса.

Если посмотреть в очередной раз на логическую модель политического процесса, то легко увидеть, что само по себе занимаемое центральное место правящей элиты объясняет не только ее традиционно ключевую, но и ее растущую роль в XXI веке. Эта роль в настоящее время превратилось в решающий фактор политического успеха, превратив, тем самым, элиту и ее лидеров в главные цели войны. Войны последних лет полностью подтверждают этот вывод. Как правило, они заканчивались не мирными договорами, а сменой элит и смертью их лидеров.

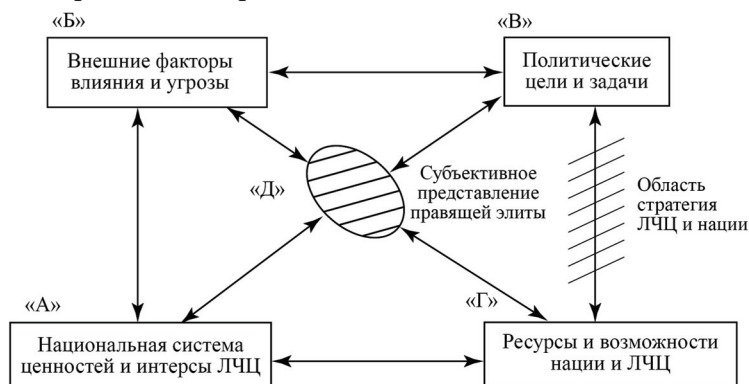

Рис. 2.1. Логическая модель политического процесса

Как видно из рисунка 2.1, современная правящая политическая элита страны оказывает прямое воздействие на все группы факторов, составляющих политический процесс¹²⁵. И если это воздействие разрушительно, то достигается радикальный, системный политический успех:

- изначально, прежде всего, деформируется представление о системе национальных ценностей и интересах (группа факторов «А»). Именно это и произошло в СССР

¹²⁵ Это влияние правящей элиты более подробно описывалось в работе: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–4. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

- в 1985–1990-е годы, а также в республиках и странах — союзниках по социалистическому лагерю (за некоторым исключением);
- происходит трансформация политических целей и задач (группа факторов «В») в нужном направлении, что также отчетливо было видно на примере СССР в 80-е и 90-е годы;
 - происходит изменение внешней политики (воздействие на группу факторов «Б») в нужном направлении, Внешняя политика СССР–России в 1985–1990-е годы стала носить отчетливо прозападный характер;
 - наконец, происходят необходимые манипуляции с национальными ресурсами. В СССР, например, произошла массовая, неорганизованная приватизация и развал ОПК и т. д.

Таким образом, с политической точки зрения, победа в противоборстве ЛЧЦ это, прежде всего, победа над правящей элитой ЛЧЦ, нации и государства — идеологическая, политическая, нравственная, а как показывают санкции против российской элиты, — и материальная, финансовая и правовая. В отличие от традиционной военной победы такая победа над элитой означает не заключение компромиссов, а полную победу, капитуляцию, когда меняется вся система ценностей, политическая система, делаются радикальные экономические и финансовые изменения, внешнеполитические и даже внутривнутриполитические уступки.

Кроме того, победа над элитой означает окончательную победу, не допускающую возвращения прежних правил, норм и порядков.

Именно такая системная — полная и окончательная — победа была достигнута над гитлеровской Германией в 1945 году антигитлеровской коалиций, когда было разрушено не только государство, но и общество и даже их институты, а нация претерпела радикальные изменения.

В начале XXI века эта тенденция уничтожения правящей элиты превратилась в ведущую, определяющую тенденцию развития стратегий противоборства и формирования МО, которая:

- во-первых, выходит по приоритетности и значению на первое место по сравнению с другими межцивилизационными и межгосударственными тенденциями и противоречиями, отодвигая на задний план даже традиционные способы влияния и воздействия — экономические, финансовые, торговые и иные. Как показали события на Украине 2011–2015 годов, именно приход к власти прозападной элиты в Киеве обеспечил не только радикальное изменение политики страны, но и еще более радикальное изменение всей МО и ВПО в Европе и в мире;
- во-вторых, межцивилизационные противоречия внутри элиты отодвигают межгосударственные и иные (включая социально-классовые) противоречия на второй план. Этот феномен не является абсолютно новым явлением в человеческой истории, но он не привлекал прежде к себе внимания. И прежде мы знаем, что стремление сохранить цивилизационную и религиозную идентичность элиты становилось нередко важнее, чем сохранить государственный суверенитет. Религиозные войны в Европе, политика А. Невского — лишь часть примеров этого явления в прошлом. Но немало и обратных примеров отказа правящей элиты от своей национальной идентичности, что вело, в конечном счете, к деформации наций и государств и даже их исчезновению.

После появления, оформления и укрепления государств в XVI–XVIII веках в Европе межгосударственные противоречия между ними постепенно уступили место межцивилизационным, хотя и не исключили их полностью. Так, война Франции и России в 1812–1814 годах была не только

продолжением соперничества Англии и Франции, но и во многом войной локальных человеческих цивилизаций, когда объединенная Европа под руководством Наполеона обеспечила своими ресурсами (материальными демографическими и идеологическими) нашествие на Россию. Именно нашествие большинства европейских стран в форме коалиции европейской ЛЧЦ под руководством Наполеона против российской цивилизации, которое позже повторила и гитлеровская Германия, также объединившая всю западную ЛЧЦ. Если война между Англией и Францией была войной в рамках одной локальной цивилизации за контроль над «периферий» в использовании ее ресурсов, то война Франции и России была войной двух локальных цивилизаций. Одной — за право контролировать. Другой — за право существовать.

Цивилизационный характер европейского «нашествия Наполеона» и Гитлера на Россию до сих пор остается в тени, уступая место межгосударственным отношениям и дипломатии XIX–XX веков. Вместе с тем, чтобы понять характер современных «российско-европейских» и «российско-украинских» противоречий необходимо вспомнить именно о борьбе за влияние на элиту мировоззрений и систем ценностей различных, локальных человеческих цивилизаций — западной и российской — проживающих в Европе. Европе, как западной части Евразии. Очень ярким примером была Польша, которая выступила активно на стороне западной ЛЧЦ.

Надо сказать, что как в период наполеоновских войн, так и последующих мировых войн, численность противостоящих России европейских народов всегда намного превосходила те немногие пророссийские силы, которые были в Европе. Так, на стороне Гитлера выступали несколько дивизий и вся промышленность западноевропейских стран, а против него — очень скромные силы сопротивления.

В этом смысле идеологическое и мировоззренческое противоборство и противостояние, и его проявление, которые сказывались на влиянии правящей элиты, начавшееся многие столетия назад (вероятно, еще до разделения церквей на католическую и православную), никогда не прекращалось. Оно, бывало, замещалось относительно мирными небольшими паузами между вооруженным противоборством. Паузами, которые неизбежно заканчивались.

Начало XXI века стало периодом завершения очередной относительно мирной паузы в отношениях между элитами, представляющими разные ЛЧЦ и переходом к традиционному, уже не только силовому, но и военному, противоборству. Если вернуться к рисунку, на котором показана логическая модель политического процесса, то следует сделать принципиальный вывод: в XXI веке центральным объектом военного противоборства стали правящие элиты ЛЧЦ и наций, через трансформацию (или смену) которых происходит изменение целей (группа факторов «В») политики, ее стратегии (вектор «В» — «Г»), перераспределение и доступ к ресурсам и транспортным коридорам (группа факторов «Г»), меняется влияние внешней политики (вектор «Д» — «Б») и трансформируется система ценностей и интересов (группа факторов «А»).

Таким образом, правящая элита становится тем главным, наиболее приоритетным, объектом, влияя на который достигается максимальный системный эффект. Соответственно и способы влияния и давления на правящую элиту в XXI веке несколько отличаются не только от традиционных способов давления, но и от способов противоборства и давления на правящую элиту государства. Они, например, во все возрастающей степени, носят и будут носить личный и идеологический характер. Существует немало примеров, иллюстрирующих приоритетность в целях и способы влияния на ЛЧЦ, нацию и государство. На мой взгляд, они выглядят следующим образом: рис. 2.2.

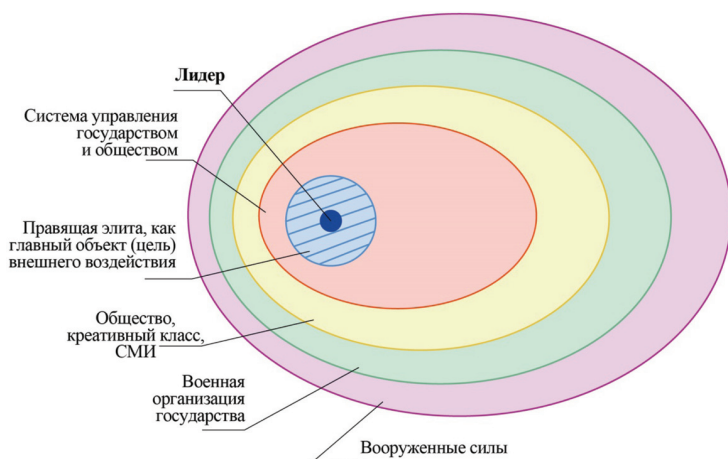

Рис. 2.2. Приоритетность объектов внешнего воздействия и влияния

Из рисунка видно, что самая приоритетная, наиболее важная цель — принудить к капитуляции правящую элиту ЛЧЦ, страны и нации. Затем — разрушить систему управления и государственно-общественные институты, с помощью которых управляются ЛЧЦ и государства. В предпоследнюю очередь — уничтожить военную организацию и собственно вооруженные силы. И совершенно особую роль в этой борьбе играет национальный лидер, от которого в наибольшей степени зависит достижение политических целей. Именно поэтому он и его окружение становятся самыми приоритетными целями. Не случайно то, что политика США, направленная против России, персонифицируется, прежде всего, с В. Путиным и его ближайшим окружением, которое подвергается открытому давлению.

Подобное распределение приоритетов означает, что при стратегическом прогнозе угроз и стратегическом планировании развития военной организации необходимо учитывать эту приоритетность в максимально полной степени. Причем

не только (и даже не столько) в военное, но и в относительно (условно) мирное время, когда правящая элита наиболее подвержена внешнему влиянию. Так, в 2014–2015 годах, когда формально военные действия против России не велись, фактически была начата широкая политико-идеологическая кампания против В. Путина и его ближайшего окружения, направленная на дискредитацию и уничтожение правящей элиты.

Ниже предлагается подробнее рассмотреть отдельные аспекты и важнейшие особенности внешнего влияния на правящую элиту ЛЧЦ, наций и государств, и возможные последствия такого влияния для формирования МО в XXI веке.

2.1. Внешнее влияние на восприятие международной обстановки российской элиты

Очень важное, даже решающее, значение имеет внешнее влияние на правящую элиту с целью искажения ее субъективного восприятия мировых реалий вообще и международной обстановки, в частности. Возможности для искажения представлений правящей элиты извне достаточно обширные, а в XXI веке они существенно, качественно увеличились, что превратило возможность внешнего влияния в инструмент управления правящей элитой, прежде всего, за счет фактического подчинения средств информации и связи западной ЛЧЦ — от финансовых расчетов и межбанковских операций, контроля за глобальным движением финансов и торговых операций до глобального контроля за компьютерными сетями и средствами связи¹²⁶.

¹²⁶ Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н. [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: ГГИМО-Университет, 2014.

Такое качественное изменение в информационно-технических средствах трансформировалось, с неизбежностью, в политический фактор влияния, который, в свою очередь, очень быстро превратился в фактор внешнего управления правящей элитой другого государства. Бесконечные скандалы 2011–2015 годов с прослушиванием переговоров представителей правящей элиты говорят о том, что в XXI веке фактически сложилась система глобального контроля со стороны США, позволяющая им уже не просто влиять, но и диктовать внешнеполитические и даже внутривнутриполитические решения, принимаемые правительствами других государств.

Если попытаться зафиксировать это влияние на известной модели политического процесса, то речь идет о векторах «Б» — «Д» и «Д» — «Б»: искажение представления о международных реалиях неизбежно приведет правящую элиту государства к неверным оценкам и действиям, что «транзитом» отражается не только на реалистичности политических целей («В») и эффективности распределения ресурсов («Г»), но и на всей политической стратегии противника¹²⁷. Поведение М. Горбачева — Б. Ельцина — пример такой сознательной внешней дезинформации СССР и России, которая явилась следствием не столько плохой информированности со стороны экспертов и спецслужб, сколько следствием отсутствия у этих руководителей и правящих элит понятийного мышления. Привыкшие действовать в рамках старой коммунистической парадигмы, М. Горбачев — Б. Ельцин и их окружение оказались не способны определить суть такого явления как современная МО, дать его объективный анализ и прогноз, увидеть развитие во всей сложности взаимосвязей. Не случайно, например, то, что ни у М. Горбачева, ни у Б. Ельцина, ни у их окружения не было вообще никаких теоретических

¹²⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

и программных работ, концепций и программ, а те немногие, которые все-таки были разработаны, даже не были начаты реализовываться.

На рисунке область внешнего влияния условно обозначена пунктиром. Это влияние существует в самых различных областях — от культуры и спорта до политики и экономики — и любая ЛЧЦ или нация и государство заинтересованы в том, чтобы сохранить и усилить это влияние на другие государства. Проблема начинает возникать в том случае, когда это влияние начинает откровенно противоречить интересам такой ЛЧЦ и превращается в средство управления правящей элитой другой ЛЧЦ и нации.

Границы между взаимовлиянием и управлением практически не существует. Эта граница находится в области соприкосновения добровольного восприятия чужого опыта и вынужденных действий. На практике, как правило, более сильные государства откровенно пытаются как можно скорее преодолеть такую границу и превратить свое влияние в инструмент политического управления. Естественно, что в обосновании этого выдвигаются многочисленные «аргументы» цивилизационного, политического, экономического и иного характера — от «универсальных», «общечеловеческих» законов и «норм международного права» до необходимости соблюдать «основные права человека» и т. п.

Главное, что такое влияние на правящую элиту и все «объективные обоснования» такого влияния являются абсолютно субъективными факторами, которые в действительности отражают интересы (ценности) и политические цели той стороны, которая оказывает это влияние на правящую элиту. Речь идет о векторах «А» — «Б» и «В» — «Б», которые характеризуют суть, содержание этого влияния, но не его субъективную форму. Так, форма внешнего влияния на СССР (после подписания Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 года) была «борьбой за права человека в со-

циалистических странах», а суть, содержание — ослабление и ликвидация социалистической системы посредством создания и поддержки оппозиции в этих странах. В этой связи, следует иметь ввиду, что субъективность в политике (и особенно международной деятельности) — является предметом самостоятельного исследования, однако, следует просто повторить, что: анализ и стратегический прогноз, целеполагание и стратегическое планирование в XXI веке (как процессы подготовки и принятия политических решений, влияющие на формирование МО и ВПО), находятся традиционно под очень сильным воздействием субъективных факторов. Прежде всего, таких как способность и готовность правящей элиты адекватно воспринимать, оценивать и прогнозировать развитие МО, ВПО и СО, а также своевременно принимать точные решения.

Не секрет, что такая способность представителей правящей элиты разная, а степень сопротивления внешнему влиянию также проявляется по-разному. В российской истории, к сожалению, бывало, что внешнее, негативное влияние на лиц, принимающих важнейшие решения, оказывалось очень сильным, что не раз в российской истории приводило к трагическим последствиям. Идеи «мировой революции», например, в начале XX века привели к целому трагическому периоду в истории России. Естественно, что это не могло не сказаться на участии и роли России в формировании МО после Первой мировой войны.

Можно, вероятно, говорить о том, что способность оказывать внешнее влияние на правящие элиты других ЛЧЦ зависит от трех основных групп факторов:

- во-первых, соотношения сил в мире между ЛЧЦ;
- во-вторых, стратегии, прежде всего, политических целей ЛЧЦ, которая оказывает такое влияние;
- в-третьих, системы ценности и качества национальной элиты, которая подвергается такому внешнему влиянию.

Учитывая, что, роль субъективных факторов в формировании МО в XXI веке будет усиливаться, дальнейшее усиление влияния на правящую российскую элиту извне можно считать неизбежным последствием развития стратегии противоборства западной ЛЧЦ. Его конкретные проявления особенно ярко стали заметны в ходе и после грузино-осетинского конфликта 2008 года, и войны на Украине 2014–2015 годов. Именно тогда беспрецедентное давление на российскую элиту — как на социальную группу, так и на конкретные личности — стало вдруг откровенно заметной отличительной чертой внешней политики западной ЛЧЦ и части подчиненных ей стран.

В фундаменте такой новой силовой политики есть две объективные предпосылки, характеризующие особенности формирования МО в XXI веке, о которых говорилось выше. Во-первых, усиление группы субъективных факторов формирования МО и даже выделение особой группы факторов, связанных с развитием НЧК и его институтами. Во-вторых, изменение в целевых приоритетах в стратегии западной ЛЧЦ (о котором также уже говорилось), которые выглядели до XXI века, напомним, в самом общем виде следующим образом¹²⁸:

Как видно из рисунка наименее важной целью войны была система национальных ценностей и органы управления государством, против которых, как правило, никогда радикально не выступали захватчики, а иногда даже помогали сохранить (как, например, монголы в отношении княжеской власти и православия на Руси). Наиболее важной целью была оккупация территории и столицы с целью их разграбления, а самой важной — разгром армии (помните у М. Кутузова: «сохраним армию, сохраним Россию»).

¹²⁸ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 148–161.

Рис. 2.3. Целевые приоритеты внешней и военной политики развитых государств и западной ЛЧЦ до XXI века

Только Вторая мировая война стала менять эти приоритеты внешней и военной политики. Причем не только у гитлеровской Германии, которая сформулировала свою идеологическую доктрину, систему ценностей и критерии для правящей элиты, но и у членов антигитлеровской коалиции, которые в той или иной степени отстаивали свои требования к будущему мироустройству. Вместе с тем важной особенностью этих перемен являлось то, что подобные сдвиги в приоритетах военных и внешнеполитических целей формулировались не до начала войны, а после ее завершения. В ходе самой войны основные приоритеты оставались теми же, что и в предыдущие века, а именно — разгром армии и флота противника, его военного потенциала, оккупация территории и столиц.

В XXI веке целевые приоритеты во внешней и военной политике радикально изменились. Прежде всего, из-за превращения западной ЛЧЦ в единственную доминирующую

силу в мире, которая не только контролировала финансово-экономическую и военно-политическую системы, но и претендовала на универсальность своей системы ценностей и норм права. Самым главным стало воздействие на систему ценностей и политическую позицию правящей элиты, а собственно ВС, ВиВТ, военный потенциал и даже контроль над территорией и столицей уже потеряли практическое значение¹²⁹. Более того, не только правящая элита, но и сам лидер и его окружение превратились в самые приоритетные цели такой политики. Опыт, который западная ЛЧЦ получила в ходе такого прямого воздействия на М. Горбачева и его окружение, а затем — на Б. Ельцина — показал, что даже в отношении великих государств смена приоритетов внешнего воздействия оказывается эффективной.

Этот же опыт внешнего управления полностью подтвердил свою эффективность в отношении практически всех государств, чьи элиты и лидеры не захотели создавать защиты от внешнего влияния — КНДР, Кубы, Венесуэлы и др. Даже такие крупные державы как Германия и Франция не оказались исключением. Не случайно то, что «шпионские скандалы» с прослушиванием А. Меркель и других лидеров, по сути, не оказались ни для кого новостью: контроль над политическим руководством субъектов и акторов МО стал глобальным и всеобъемлющим. Причем на самых разных уровнях — от личностного, до финансового и политического (рис. 2.4).

Такое изменение политических приоритетов в целях политики в XXI веке неизбежно привело к переоценке значения этих главных целей политики и войны, а также средств их достижения. Такой главной целью стала уже сама правящая элита, точнее, — ее политическое восприятие и позиция, т. е. когнитивная способность к оценке и прогнозу. Соответственно

¹²⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

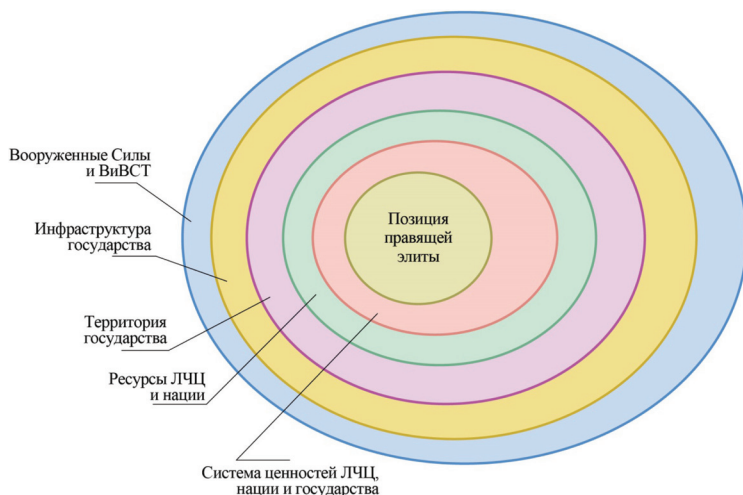

Рис. 2.4. Целевые приоритеты внешней и военной политики развитых государств в XXI веке

изменилось и значение тех или иных силовых средств политики, среди которых важнейшее значение стали играть наиболее эффективные внешние средства информационно-интеллектуального воздействия на конкретных представителей правящей элиты. «На слуху», между тем, остаются только средства финансово-экономического давления на конкретных представителей правящей элиты, которые на самом деле не являются главными и легко обходятся.

Не случайно в этой связи, что именно эти средства были использованы против правящей элиты России в 2014–2015 годах Западом. Прежде их называли бы средствами информационно-пропагандистского давления.

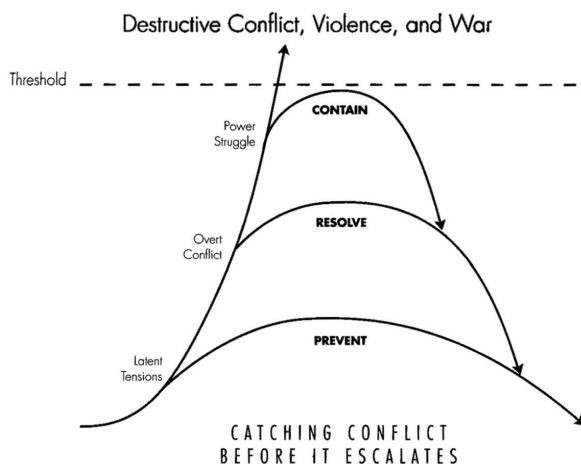
В этой связи, надо чётко отдавать себе отчёт о значении такого внешнего влияния, которое практически признается в политике, особенно после периода «перестройки» и «реформ», но до сих пор избегается в политической теории, рассматривается как антинаучная конспирологическая

концепция. Можно и нужно построить много достоверных научно обоснованных абстрактных и логических схем подготовки и принятия решений, обосновать такие решения, но их судьба будет зависеть от влияния субъективных факторов — известных и даже неизвестных, значимых и малозначимых, выраженных в воле лиц, принимающих решения. Причем эта воля может диктоваться извне.

Механизм, мотивы тех или иных решений до конца не описаны и, наверно, не известны. Для наших целей важно констатировать, что:

- эти субъективные решения всегда играли важную роль в политике, но в XXI веке эта роль еще больше возрастает;
- внешнее влияние, которое оказывалось во всей предыдущей истории человечества на лиц, принимающих решения, еще больше возросло и превратилось в политику сознательного искусственного формирования политической позиции правящей элиты противника. Это имеет особенно важное значение в кризисных ситуациях, когда принимаются принципиальные решения, которые вытекают из разных, порой полярных вариантов.

Например, на следующем рисунке (рис. 2.5), видно, как может делиться на варианты решений это внешнее вмешательство, но никто и никогда, однако, не скажет точно как, когда и почему одни конфликты остаются в латентном состоянии, и затухают, а другие развиваются, превращаясь в войны. Почему правящая элита США принимает, в сходных условиях Афганистана, Ирака и Сирии, разные решения, наконец, сам процесс подготовки и принятия таких решений становится все более автоматизированным, управляемым и программируемым, что означает не только качественное повышение его информационной вооруженности, но и возможности более эффективного внешнего воздействия (речь в данном случае не идет об автоматических алгоритмах использования СЯС или ПРО). Так, например, тотальный контроль электронных

Рис. 2.5¹³⁰.

средств со стороны АНБ США и других ведомств позволяет не только собирать огромные объемы информации, но и формировать новую, «виртуальную» политическую реальность по своему усмотрению. Иногда, отличную от представлений политиков. В особенности на предварительных, самых ранних стадиях, конфликта. Но не только: создаются системы внешнего вмешательства на всех уровнях создания глобальной системой контроля над формированием нужного сценария МО через целенаправленное и массированное воздействие на правящие элиты и общество. Именно это произошло в случае с Югославией и Ираком, когда заранее, в соответствии с «политическим заказом» была сформирована «виртуальная реальность», которая была необходима для начала военных действий США.

¹³⁰ Process Work and the Facilitation of Conflict by Stanford Siver Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy with a concentration in Psychology and specialization in the Psychology of Conflict June 6, 2006 Core Faculty Advisor: Robert McAndrews, Ph.D. Union Institute & University. Cincinnati, Ohio // http://www.processwork.org/files/Finalprojects/Process_Work-Siver-2006.pdf

Интересно, например, что нередко даже те, кто принимал участие в процессе подготовки и принятия такого решения, не всегда могут объяснить мотив и процедуру произошедшего. В наибольшей степени, почти на 100%, это относится к оценке СО, войн и конфликтов, где роль субъективных факторов и сугубо конкретных обстоятельств наиболее сильна. Но не только. В оценке МО такие расхождения также встречаются нередко.

Очевидно, что для точного политического анализа и прогноза важно, чтобы эксперты и политики в минимальной степени были подвержены внешнему влиянию, а тем более давлению, т. е., чтобы они были независимыми от внешних обстоятельств настолько это возможно. Такая независимость — политическая, финансовая, нравственная — всегда была важным условием принятия адекватных политических решений. Именно поэтому внешнее влияние нацелено в XXI веке уже не только и даже не столько на использование традиционных средств — подкупа, шантажа, насилия, — но на сознательное искусственное формирование необходимой внешней информационной среды и соответствующего «идеологического пространства». Причем как внутри страны, так и как часть МО.

Такое искусственное формирование «виртуальной МО» является уже «Большой политикой», ориентированной на создание четких рамок, за пределы которых никакой политик не может заступать без серьезного ущерба и личного риска. Она (такая политика) предполагает изначально целый комплекс мероприятий: получение соответствующего образования, воспитание, создание необходимого окружения, формирование «имиджа», наконец, получения разного рода гарантий — политических, нравственных, финансовых. Именно таким образом формируется сегодня политическая элита государств, которая с самого начала находится под контролем западной ЛЧЦ.

2.2. Идеология как основное средство противодействия внешнему влиянию на правящую элиту

Идеология, как система взглядов и средство управления, в XXI веке превращается в основное средство противодействия усилению внешнего влияния на правящую элиту страны и ЛЧЦ, прежде всего, потому, что основными задачами такого внешнего влияния являются, во-первых, деформация у правящей элиты системы ценностей и формирование ложных стереотипов национальных интересов, а, во-вторых, нарушение системы управления государственными и общественными институтами посредством их разложения и полного уничтожения. Именно это произошло в отношении СССР и его союзников: постепенная, но быстрая деформация коммунистической системы ценностей («развенчание» пороков режима, а затем и самого режима) сопровождалось разрушением институтов государства, прежде всего силовых (КГБ, МО, ВД, Генеральной прокуратуры, наконец, Советов всех уровней).

В этом внешнем влиянии и разрушении идеологии как системы взглядов ликвидируется, прежде всего, понятийное, системное мышление у общества и правящей элиты, которое заменяется набором идеологем, принадлежащих другой идеологии (в случае с СССР — либеральной), — «перестройка», «гласность», «демократизация» и т. п., которые должны быть, как правило, бессодержательны и внесистемны. Реальное содержание этих идеологем скрыто и известно только тем, кто с их помощью воздействует на общественное сознание.

Восстановление системного подхода и понятийного мышления является важнейшим шагом в формировании системы противодействия внешней идеологической агрессии. Системное и понятийное мышление исходит из того, что существуют объективные реалии, которые лежат в основе принимаемых

решений, и которые оказывают свое влияние на правящую элиту. Поэтому, наверное, речь может идти не только об изучении процесса принятия решений (decision-making), чему посвящено немало работ, но изучение, которого не имеет большого смысла, а об исследовании этих объективных реалий, что возможно только в рамках системного (идеологического) мышления. Прежде всего, анализа системы ценностей и интересов, которые даже для такой сверхсубъективной категории как представления о МО, являются относительно устойчивыми, общепринятыми и объективными¹³¹. Даже сумасшедший генерал может неадекватно оценивать детали СО, но не ее целиком, а в целом исследователи справедливо полагают, что «существует ряд вопросов, которые объединяют международных в их исследовательских усилиях»¹³².

К сожалению, далеко не всегда правящая элита принимает своевременные и адекватные решения, отражающие реальные интересы нации и государства и соответствующие их системе ценностей. Степень этой адекватности может быть очень разной, но, наверное, она будет сильно колебаться в зависимости от профессионализма, патриотичности, креативности и других качеств правящей элиты, но прежде всего от идеологии, как системного подхода, и вытекающей из этого стратегии¹³³.

В любом случае осознание объективных интересов (потребности) нации и общества и международных реалий проходит через «призму» осмысления правящей элитой и трансформируются в цели и задачи стратегии, с одной стороны, и распределение национальных ресурсов, с другой.

¹³¹ Подберезкин А.И., Макаров В.В. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 2000. С. 312.

¹³² Теория международных отношений — учебник для академического бакалавриата / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Изд-во «Юрайт», 2015. С. 31.

¹³³ Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник. — 3-е изд. стер. — М.: КНОРУС, 2014. С. 71.

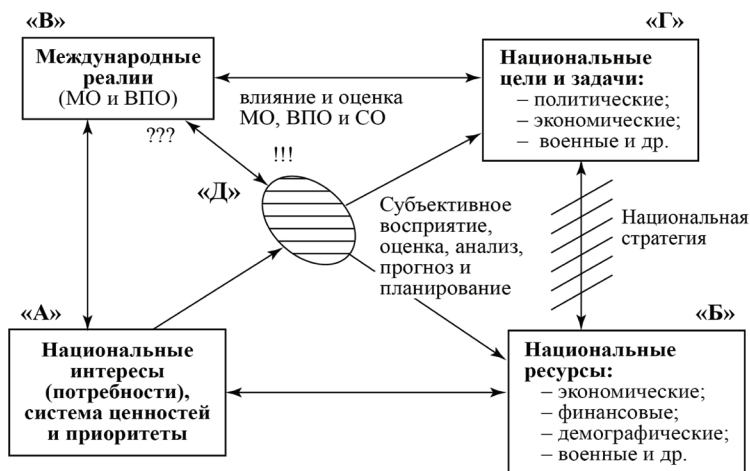

Рис. 2.6. Логическая схема субъективного восприятия, оценки и прогноза ВПО–СО правящей элитой и выбор ею национальной стратегии

На известном рисунке это будет выглядеть следующим образом применительно ко всему процессу анализа и оценки, и прогноза развития МО и, главное, — выбору конкретной национальной стратегии, что можно проиллюстрировать на примере Украины по состоянию на 2015 год.

Как видно из рисунка 2.6, правящая элита в лице своих конкретных представителей и групп (группа факторов «Д»):

1. Оценивает МО и учитывает это влияние международных факторов на формирование целей и задач национальной стратегии (в т. ч.), например, в военной области — оценка угроз и опасностей. Как показывает опыт развития МО последних лет, это внешнее влияние может быть, как минимум, абсолютным, сильным, существенным, слабым, незаметным, т. е. оно делится в зависимости от силы, на несколько категорий. Так, влияние западной ЛЧЦ на Украину в 2015 году можно назвать «абсолютным», а степень управляемости «максимальной». Это

произошло в силу абсолютной подчиненности правящей украинской элите и ее отказу от собственной системы ценностей, когда созданные ею впопыхах идеологемы выполняют не функцию идеологии (системного взгляда на мир и управления), а функцию противопоставления России. Другими словами группа внешних факторов «В» оказывает абсолютное влияние на группу факторов «Д», формируя основные положения ее идеологии и системы управления. При этом обратное влияние (правлящей украинской элиты) на формирование МО минимально.

2. Правящая элита («Д») формулирует цели и задачи («Г») с учетом оценки МО и ВПО («В») и имеющихся ресурсов («Б»), исходя из национальной системы ценностей и интересов («А»). Это абстрактное положение применительно к Украине «образца 2015 года» выглядит совершенно иначе, а именно: учитывая абсолютное влияние внешних факторов на решение правящей элиты («В» — «Д»), формулирование целей и задач (группа «Г») и распределение ресурсов (группа «Б») происходит под преимущественным влиянием этих внешних факторов, т. е. у украинской элиты нет собственной, национальной стратегии.
3. Международные реалии и национальные интересы в принципе находятся под взаимным влиянием и, в свою очередь, влияют на восприятие правящей элитой страны, однако, учитывая силу влияния внешних факторов, можно сказать, что применительно к Украине в 2015 году это внешнее влияние непосредственно оказывало воздействие на всю систему национальных ценностей и интересов, трансформируя их в нужном для западной ЛЧЦ направлении.

Таким образом, точность и адекватность оценки и прогноза правящей украинской элитой МО и ВПО зависит от многих факторов, но прежде всего, внешнего влияния на нее со стороны других участников МО.

К другим факторам относятся традиционно:

- качество и объем информации;
- научное обеспечение;
- эффективность государственного управления и др.

Кроме того, на решения правящей элиты влияют также личные качества представителей правящей элиты, прежде всего:

- профессионализм;
- образование;
- нравственность (неподкупность);
- способность к стратегическому прогнозу;
- креативность.

А также влияет внутривнутриполитическая и внутриэкономическая обстановка в обществе и государстве и множество других факторов.

Применительно к оценке качеств украинской правящей элиты 2015 года можно сказать, что они были ниже предельно допустимых, что стало предметом насмешек в самом обществе и за рубежом в 2014–2015 годах.

Таким образом, реальная объективная МО и ВПО может существенно отличаться от ее субъективного восприятия правящей элитой страны, а также конкретного состояния в определенный период времени, а принимаемые элитой решения будут в еще большей степени субъективны и зависимы от факторов, которые могут и не иметь прямого отношения к МО и ВПО, например, личной заинтересованности.

Субъективность восприятия правящей элитой МО и субъективность принимаемых ею военно-политических решений превращают правящую элиту в главный объект влияния и воздействия со стороны внешних сил в противоборстве ЛЧЦ.

Субъективность — важнейшая особенность в анализе и прогнозе СО, которая неизбежно участвует в формировании той реальности, с которой приходится иметь дело.

Другими словами субъективный фактор играет не только важную роль в анализе и прогнозе СО, но и в ее формировании. Прежде всего, за счет соответствующих субъективных сценариев развития МО, которые реализуют правящие элиты.

Если о роли субъективности в анализе МО уже говорилось, то в данном разделе необходимо сказать о субъективности как сознательно избранном методе выбора средств ведения политической — сетецентрической войны. Ее суть, в конечном счете, сводится к внешнему управлению правящей элитой страны. С этой точки зрения США, например, уже выиграли войну на Украине, правящая элита которой публично заявила о своем подчинении внешнему влиянию со стороны США. Так, в ходе войны на Украине стало общим правилом, когда некие публичные заявления, абсолютно не соответствующие реалиям, предпринимались не только в США, но и на Украине. Феномен заявлений представителей правящих кругов Украины и США («псакизмы») трудно объясним и не поддается пониманию, если не учесть, что такие заявления ценны «сами по себе». В случае с Украиной эти заявления означают простое и полное «совпадение» политики Украины с политикой США.

Другой, более масштабный пример политики сетецентрической войны по отношению к группе стран. Нередко говорят, что политике США и других стран не удалось стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в каком-то регионе или стране. В том числе утверждают, что даже успешные военные действия и применение ВТО не привели к политической победе, хотя собственно военная победа и стала достигаться быстрее и с меньшими затратами. Между тем, если предположить, что целью политики США является не мифическая военная победа, а дестабилизация, хаос в этих странах, то в таких военных действиях появляется не только реальный политический смысл, но и признание достижения конкретного политического результата,

а именно — дестабилизация политической системы и террор в отношении правящей элиты, ее замена, в конечном счете, на другую правящую элиту (или элиты), которые согласились бы на внешний контроль со стороны США. В этом смысле Ливия, Ирак, Афганистан — примеры таких политических побед США, даже если они заканчиваются войной и массовой эмиграцией в другие страны.

Сказанное выше значение внешнего влияния на правящие элиты при формировании национальной стратегии и МО, в еще большей степени характерно для формирования ВПО и СО в XXI веке, которые перестали быть исключительной компетенцией национальной политики. Так, сравнивая СО в той или иной стране в разные периоды времени, мы неизбежно по привычке оперируем такими категориями, как количество потерь в живой силе и технике, площадь оккупированной территории, численность захваченного населения и др., достаточно объективными критериями, которые традиционно используются в ходе всей истории человечества. И к которым мы исторически давно привыкли и по инерции продолжаем оценивать таким же образом, например, на Украине, где количество потерь ВиВТ и ВС со стороны Украины сравнивается с аналогичными показателями со стороны народного ополчения.

Между тем, современная ВПО и СО характеризуются сегодня преимущественно иными, прежде всего субъективными особенностями и критериями, которые имеют мало общего с традиционными. Более того, мы видим, что их роль становится даже более важной, чем объективных критериев. Так, например, война на Украине, а до этого в Ираке, Югославии и Афганистане, показала, что не так уж важны собственно прямые военные потери личного состава, вооружений и военной техники, сколько важны их субъективные оценки в СМИ, социальных сетях и официальных заявлениях. Так, огромные жертвы в Ираке (более 1 млн человек) волнуют

мировую общественность меньше, чем репрессии С. Хусейна против курдов, которые унесли в тысячи раз меньше жизней иракцев.

Можно в этой связи, например, даже сказать, что власти Киева беспокоили не столько реальные потери (их до сих пор никто точно не знает), сколько комментарии о таких потерях в ведущих СМИ. Поэтому была запущена массированная политико-идеологическая компания, целью которой было сознательно и грубо исказить реальное положение дел. Если в прежних конфликтах и войнах собственные потери и потери противника искажались в неких пропорциях, то Киев в 2014–2015 годах продемонстрировал, что информацию о потерях можно просто придумывать. Так, долгое время говорилось о десятках погибших в АТО, когда уже были тысячи смертей. Реальность отрицалась грубо и сознательно, формируя искусственное восприятие ВПО и СО на Украине у мирового сообщества и внутри страны.

Другая возросшая роль субъективного фактора — идеологическая поддержка населения, — стала решающей, как показали примеры войн на Украине, в Афганистане, Югославии, Ираке и Ливии. Особенно хорошо эта возросшая роль видна на примере исламских государств и политики негосударственных акторов, прежде всего, общественных и политических организаций, которые стали реальными факторами формирования ВПО — СО, не имея нередко изначально никаких иных ресурсов, кроме идеологии. Яркий пример этому стремительный рост влияния ИГИЛ, которое за 7–9 месяцев 2014 года превратилась во влиятельную политическую и военную силу, признанную не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке, и даже в Юго-Восточной Азии. Огромные финансовые ресурсы появились у ИГИЛ далеко не сразу, а «под идеологию».

Идеология, как субъективный фактор формирования МО, до сих пор недооценивается в России. Так, говоря о МО

на Донбассе в 2014 году, важно оценивать не только физические потери и соотношения в ВС и ВиВТ, а то число сторонников, которое сегодня реально существует на Украине. В этой связи примечательно, что на выборах в октябре 2014 года на занятых Киевом территориях большинство проголосовало за «сепаратистов». Таким образом, получается, что подавляющее военно-экономическое превосходство Киева ... проиграло идеологическому превосходству сил сопротивления, которое обладало существенно меньшими материальными ресурсами.

Идеология, как средство системного противодействия внешнему влиянию, усиливает свое значение потому, что крайне субъективный характер любой стратегической обстановки (и, соответственно, еще более субъективный характер ее анализа и стратегического прогноза) вытекает естественным путем из огромного числа субъективных, переменных и частных, порой кажущихся незначительных факторов, влияющих на ее формирование¹³⁴. Понимание характера этой субъективности и максимальное использование этих субъективных факторов становится решающим в современной стратегии и достижении победы, естественно отражаясь на формировании СО и влиянии на правящую элиту. Это означает, что именно в периоды резкого обострения ситуации резко усиливается не только внешнее воздействие на правящую элиту, но и особенно остро встает вопрос о противодействии такому влиянию. История знает немало примеров того, как в кризисных ситуациях отдельные личности извлекали для себя максимальную пользу и наносили максимальный ущерб противнику. Ярким примером этого является военное искусство А. Суворова, который в самых невыгодных и экстремальных ситуациях достигал 100% положительного результата.

¹³⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

В отличие от анализа ВПО, который во многом детерминирован политическими, экономическими и иными реалиями, СО является настолько динамичным явлением, что субъективные факторы играют гораздо более важную, нередко решающую роль. Это надо иметь в виду политикам и экспертам, анализирующим СО. Получается, что тот, кто лучше знает особенности и возможности субъективных факторов и умеет управлять ими, тот получает существенные преимущества в формировании СО и, в конечном счете, в силовой борьбе. Особенно, если речь идет о прямом влиянии на правящую элиту страны. Заметим, кстати, что именно руководство страны, ее лидеры, стали основными объектами для сетецентрической войны после окончания «холодной войны»: Чаушеску, Хоннекер, Павлов, Крючков и Янаев, Наджибулла, Каддафи и др. К сожалению, этот вывод означает, что сознательный перевод силовой борьбы в ее вооруженную фазу может дать определенные преимущества тому, кто заранее готовится к такому развитию событий. Представляется, что в современный период это в полной мере относится к США¹³⁵.

Важнейшим аспектом, характеризующим СО, например, является эмоциональная степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу, что невозможно без тщательной идеологической подготовки. Это происходит потому, что даже незначительное участие страны в военных действиях, так или иначе, отражается на всех областях жизни общества и государства. «Всплеск» патриотизма или, наоборот, негативная реакция могут очень быстро либо ускорить, усилить масштаб военных действий, либо остановить их. Пример с Украиной показателен: массовое дезертирство, с одной стороны, и массовый психоз в СМИ, с другой. Как

¹³⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 50–61.

справедливо отмечают российские исследователи, «Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру... В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»¹³⁶.

Характеристики современной МО–ВПО и СО, таким образом, значительно более субъективны по целому ряду параметров, чем в еще недавнем прошлом. И это используется в сетцентрической войне, прежде всего с точки зрения дезинформации элиты. Можно сказать, например, что в 1980-е и 1990-е годы правящая элита СССР и России сдалась под массированным информационным давлением со стороны Запада, которое сознательно искажало многие реалии, разрушая национальную систему ценностей и подрывая государственные интересы. Другое дело, что советская и российская элиты оказались не в состоянии сопротивляться этому давлению и искажению МО и ВПО в силу разного рода причин, в том числе и субъективных, но, прежде всего, из-за стойкой неспособности предложить привлекательную для большинства граждан идеологию. Отказ даже от попыток к ее формулированию означал не что иное, как фактическое согласие на внедрение чужой идеологии под видом «универсальной истины».

В полной мере эти свойства уязвимости от идеологического влияния используются и сегодня против российской элиты, восприятие которой сознательно искажается внешним воздействием и санкциями. Таким образом, затрудняется адекватность и своевременность оценки, анализа

¹³⁶ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 16.

и прогноза МО у правящей российской элиты. Причем вполне целенаправленно и сознательно. Именно под внешним влиянием в российской экспертной среде «вдруг» появляются и активно продвигаются неадекватные концепции и оценки ВПО–СО. Не случайно, ведь, в первой редакции «Концепции национальной безопасности России» 1996 года утверждалось, что «России никто не угрожает». (Этот тезис, кстати, в той или иной форме до сих пор сохранился в разных нормативных документах).

Сознательное субъективное и ложное влияние извне на российскую правящую элиту проявляется и в том, чтобы игнорировать новые явления в формировании ВПО и СО. В том числе таких решающих и субъективных, как способы ведения сетецентрических войн против элиты и общества противника. Это неизбежно предполагает игнорирование множества неизвестных прежде переменных и новых характеристик, составляющих суть войны, что равноценно в прежние годы тому, что «не заметили» появление новых средств и способов ведения войн. Так, в условиях развития современной ВПО и даже войны значительная часть элиты и большинство нации может вообще иметь смутное представление о реальности происходящего. В 2014 году в России, (вплоть до конца 2014 года) не осознавались реалии войны на Украине, а еще в конце 2013 года ведущие политики и эксперты «прогнозировали», что в 2014 году МО, ВПО и СО останутся прежними, «благоприятными» для России. Более того, некоторые эксперты даже писали об «исключительно благоприятных» внешних условиях существования России.

Массовая дезинформация, искажение действительности, сознательно создаваемые извне в элите и обществе, формируют иллюзию, которая воспринимается большинством как реальность. На Украине, например, никто не верил долгое время в использование тяжелого вооружения и даже баллистических ракет против гражданского населения, а в России —

что Запад поспешит отказаться от экономических санкций. Обострение ВПО и СО в 2014–2015 годах, имеющее стратегический и долгосрочный характер, воспринималось в России и в мире как «частное» мнение некоторых представителей российской элиты. Война, в которой фактически уже участвовала Россия, настойчиво не признавалась войной, а враждебная политика — «не всегда адекватными действиями партнеров».

В истории самое масштабное создание иллюзии неадекватной ВПО и СО происходило в процессе развала ОВД и СССР. Геополитическая реальность в виде ОВД (и его экономической основы СЭВ) Советским Союзом была практически заменена (лучше сказать подменена) на новую, искусственную, нереальную. Причем, как у ловкого фокусника эту подмену обнаружили не сразу, а только «вдруг» когда границы НАТО приблизились к Белоруссии. Тем более не сразу ее осознали. Потребовалось много лет для того, чтобы эти реальности (и то постепенно) осознали политические элиты бывших социалистических стран, которые стали объектом управления (манипуляции). К тому времени маскировочные символы «демократии», «равенства», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» и т. п. уже не требовались и от них спокойно избавились. Процесс сценарного программирования, составляющий суть сетецентрической войны, против ОВД и СЭВ, в основном завершился к началу 90-х годов XX века.

В итоге была достигнута главная политическая и геополитическая цель (равноценная победе в масштабной даже, глобальной войне) — противник был дезориентирован, дезинтегрирован и принял навязанные ему условия поведения («нормы международных правил»). Новая ВПО полностью соответствовала этим результатам политической победы. Как отмечали позже американские эксперты, — «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их

территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона»¹³⁷.

Такой итог дезинформации и дезориентации правящей элиты СССР и союзников привел к формированию в мире новой МО, когда США и западная ЛЧЦ в целом получили фактически полный контроль над мировыми процессами и созданными ими финансово-экономическими и военно-политическими системами. Признавая этот факт, мы, однако, нередко не хотим признать то, что эта новая МО («однополярный мир») опирается на навязываемое человечеству и другим ЛЧЦ «идеологическое лидерство» и систему ценностей США, а также сформированных ими международных норм и институтов, т. е. идеологию.

Существование этой доминирующей идеологии не позволяет создать в принципе эффективную систему противодействия внешнему влиянию потому, что оно сознательно дезориентирует и дезинформирует правящие элиты других ЛЧЦ и стран.

¹³⁷ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

Безусловной заслугой западных авторов сетецентрической войны является также то, что большинство элиты и общества в Восточной Европе, СССР и России так и не поняло масштабы произошедшего, а значительная часть не понимает этого и сегодня. Не считая сознательных политико-идеологических предателей, это большинство правящей элиты оказалось неадекватным воспринимать реалии МО, ВПО и СО. Между тем в результате развала ОВД и распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения». И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям, то в настоящее время — по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»¹³⁸.

Существование этого «геополитического гетто» обеспечивается монопольным идеологическим внешним влиянием на правящие элиты других стран, которые не способны противопоставить ему сколько-нибудь национально-ориентированную стратегию.

В современном мире суверенитет сохраняют лишь те государства и ЛЧЦ, которые могут обеспечить сохранение национальной идентичности и противодействие внешнему идеологическому воздействию. Это относится в первую очередь к тем странам, у которых есть традиционная система ценностей — КНР, Индия, исламские государства, либо своя новая идеология — Куба, КНДР, Вьетнам. Другие страны, пытающиеся сохранить суверенитет и идентичность, будут вынуждены, либо идти тем же путем, либо интегрироваться в чужие политико-идеологические модели развития.

¹³⁸ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

2.3. Способность российской правящей элиты адекватно формулировать цели и задачи

Россия могла на протяжении столетий довольно успешно сохранять способность противодействовать внешнему влиянию на позиции правящей элиты, что позволило сохранить ей идентичность и суверенитет. Но это было далеко не всегда. Эта способность, как и способность к адекватному и точному анализу реальной действительности, а тем более прогнозу МО, — крайне редкое качество, которое появляется у представителя элиты в результате развития нравственных качеств, профессиональной и длительной работы, а также целому набору личных качеств, включая такое редкое, как способность к аналитической работе. Особенно научной работе, формирующей понятийное сознание. Это, неизбежно, ведет к тому, что в своей массе правящая элита должна либо опираться на достаточно простые идеологемы типа «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», либо доверять анализ, оценку и прогноз тем своим представителям, которые отвечают за это направление и являются частью политико-идеологической системы общества и государства, т. е. подчиняться некой иерархии и дисциплине.

Обращаясь к известной схеме политического процесса (рис. 2.7), можно сказать, что конечный результат — точно сформулированные цели и конкретные задачи — зависят во многом не только от объективных групп факторов (группа «А» — национальные потребности и группа «Б» — национальные ресурсы), но и от влияния, которое оказывается на правящую элиту как прямо, непосредственно (вектор «В» — «Д»), так и косвенно — через учет влияния международных факторов на формирование политических целей и задач (вектор «В» — «Г») в понимании правящей элиты страны. Это эксплицитное и имплицитное влияние — норма.

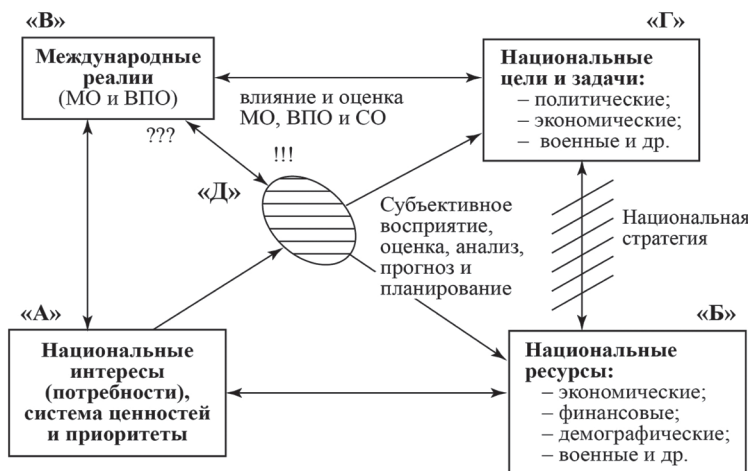

Рис. 2.7. Логическая схема субъективного восприятия, оценки и прогноза ВПО–СО правящей элитой и выбор ею национальной стратегии

Если первое, прямое влияние достаточно известно (хотя и не всегда признается) то второе, как правило, относится к способности того или иного представителя правящей элиты к научному, понятийному и системному мышлению. В качестве примера первого влияния можно привести дипломатическое давление США на Болгарию с целью не допустить пролет российских гуманитарных грузов в Сирию через воздушное пространство этой страны. Пример второго влияния — позиция России по ВТС с Сирией, когда, поддерживая Б. Асада, мы отказались от поставок систем ПВО «С-300», но продолжили поставки системы «Панцирь-С1», обладающие меньшими возможностями по дальности, высоте поражения и характеру поражаемой цели.

Очевидно, что знание и учет второй группы факторов, и умение им противодействовать во многом зависит от профессионализма того или иного представителя правящей элиты.

Сказанное предполагает, что значительная часть правящей элиты, не будучи профессионально подготовленной, должна делегировать свое право и доверие профессионалам, а те — политическому руководству, которое должно быть, как минимум, не менее профессионально. Получается «пирамида», во главе которой находится очень узкий круг людей, фактически обладающий абсолютным правом выносить свой окончательный вердикт относительно состояния МО–ВПО и прогноза их развития.

Нередко, как показывает практика, эти люди оказываются неподготовленными и, как показывает пример с М. Горбачевым — Э. Шеварднадзе — А. Яковлевым, могут радикально ошибаться даже вопреки воле экспертов.

В этой связи, возникает вопрос о том, какой видят на Западе международную обстановку, военно-политическую обстановку и военно-стратегическую обстановку в будущем в действительности, и какой хотят, чтобы ее видели в России, прежде всего, конечно, в правящей элите страны? Очевидно, что такая разница не просто существует, но и является современной реальностью, объясняющей не только бесконечные противоречия в СМИ, но и в политике Запада.

Эта разница происходит из переоценки роли России в мировой политике, к которой сегодня, как считают на Западе, можно относиться достаточно безответственно. Приходится признать, что к началу XXI века в США пришли к выводу, что Россия перестала быть для них серьезным потенциальным стратегическим партнером (или противником), превратившись в лучшем случае в региональную державу, а потому, в глобальной сетцентрической войне США за сохранение мирового лидерства ей и отводится соответствующая роль. Одним из следствий такой переоценки стал отказ от массовой и глобальной дезинформации политической элиты России, которая потеряла свою практическую значимость, а, значит, особую секретность и масштабность.

Вот почему в отношении российской элиты с конца 1990-х годов стали звучать не только трезвые, но и даже пренебрежительные оценки, лишённые, в том числе, необходимости массовой дезинформации. Такой потребности к началу XXI века уже просто не было.

Именно поэтому оценки США в отношении России и ВПО–СО в начале XXI века стали более откровенными и даже циничными. Так, главной политической целью США в отношении России в будущем объявлялось постепенное уменьшение влияния России и последующий развал страны, и раздел ее ресурсов, а в качестве программы — минимум на ближнесрочную перспективу — недопущение евразийской интеграции. Новая ВПО и ее функциональное предназначение, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве государства, аналогичного СССР в послевоенные годы¹³⁹. Это и есть «программа минимум» США по отношению к России на среднесрочную перспективу.

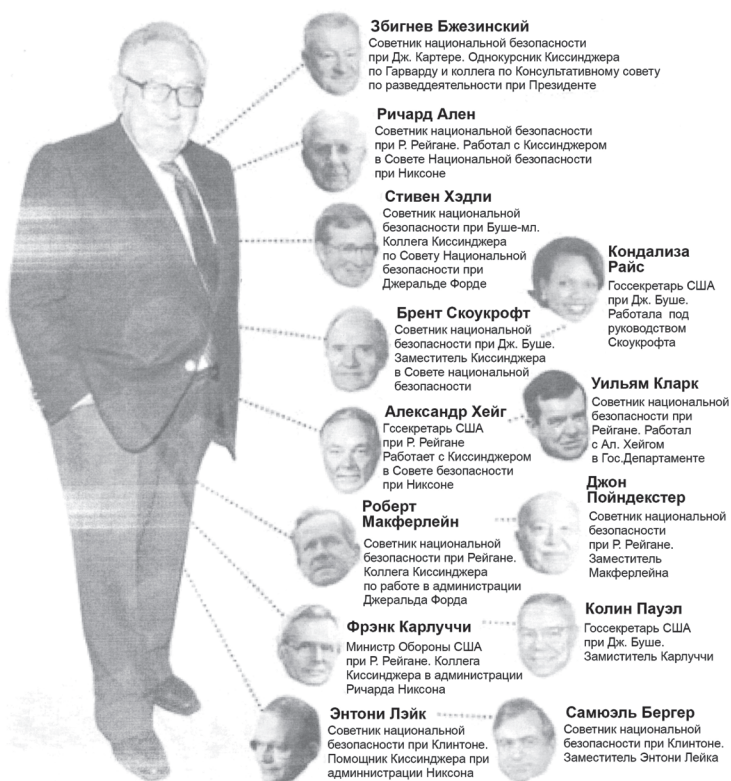
Естественно, что «программа-максимум» — развал страны, — пока официально не декларируется, хотя психологическая подготовка российской элиты к такому заявлению уже начата. Не случайно, звучат «частные» и «личные» мнения о необходимости раздела природных ресурсов России. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что долгосрочная стратегия западной ЛЧЦ в отношении России заключается в ее разделе на «европейскую» (до Урала) и «азиатскую» (восточнее Уральской гряды) части, где сосредоточены основные природные ресурсы, на «оси» Урал — северный Казахстан. В этом контексте очень понятной, например, становится политика США в отношении ИГИЛ, который мо-

¹³⁹ См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.

жет сыграть роль военной организации для суннитов (более 1 млрд человек), которые могут взять под контроль Среднюю Азию, Казахстан, Южный Урал и Поволжье.

В этой связи важно попытаться оценить адекватность правящей на Западе элиты и принимаемых ею решений. На этот счет существует немало точек зрения, представляющих собой широкий «разброс» оценок — от крайне негативных, даже уничтожающих, до восторженных. В частности, по стратегии Запада по отношению к региональным конфликтам в Африке и на Большом Ближнем Востоке, России и войне на Украине. Так, исследователь из МГИМО А. Сушенцов неоднократно писал, например, о неспособности правящей элиты США адекватно оценить региональные кризисы. Нередко СМИ, критикующие по разным поводам руководство США и других западных стран, также пытаются объяснить региональные войны «провалом» стратегии США и НАТО.

На наш взгляд, это не соответствует действительности. Наш собственный опыт и информация свидетельствуют о другом, а именно: в таких странах, как США, Великобритания, Израиль у власти находится прекрасно подготовленная профессионально, преданная национальным интересам и очень опытная элита. Кроме того, в отличие, например, от России, у этой элиты существует ясно разработанная идеология и конкретизирующая ее стратегия. Если говорить, например, о России, то у этой элиты существует ясно разработанная стратегия по отношению к нашей стране. Если говорить, например, о блоке вопросов, связанных с Россией и Украиной, то эта стратегия — последовательная, тщательно оформленная, обязательная к исполнению для всех органов власти (независимо от того, какая партия находится в Белом доме или конгрессе) — имеет еще и долгосрочный антироссийский характер, который отчетливо просматривается в последние 25–30 лет.

Наконец, правящие элиты западных государств во многом оказались «защищены от дураков» и случайных людей типа М. Горбачева, Б. Ельцина и др., оказавшихся у власти, тщательно продуманной и реализуемой стратегией кадрового отбора и роста правящей элиты. Она хорошо видна, например, на кадровом составе нескольких администраций воспитанном еще Г. Киссинджером и его учениками.

Таким образом (с точки зрения способности правящей элиты), существующая и складывающаяся для Российской Федерации в будущем стратегическая обстановка, крайне неблагоприятно влияет на обеспечение международной и во-

енной безопасности¹⁴⁰. Прежде всего, потому, что растущие в своей сложности политические проблемы, стоящие перед Россией, вынужденно решаются постоянно ухудшающейся правящей элитой, не способной, в частности, ясно формулировать цели. Неизбежно прогнозируется дальнейшее продвижение идей дезинтеграции, но теперь уже России и ее геополитического пространства, что постепенно внедряется со стороны Запада в сознание либеральной части правящей элиты России.

В этих условиях долгосрочный прогноз возможных реальных сценариев развития стратегической и международной обстановки, и их виртуальных клонов — исключительно важное исследование, имеющее трудно переоцениваемое значение для безопасности государств и наций. Но не менее важно и то, как этот анализ будет восприниматься элитой. От того, как точен будет этот прогноз и насколько адекватно он будет восприниматься, зависит, в конечном счете, само будущее государства и нации, а в условиях XXI века, — всей локальной российской цивилизации.

И адекватность восприятия реалий — обязательное условие: мы нередко встречали в истории самый замечательный анализ, а иногда и самый точный прогноз, но крайне редко сталкивались с адекватностью их восприятия правящей элитой, предусмотрительностью и способностью понять их последствия. До сего дня, например, идут споры относительно того, могло ли царское правительство избежать вступления России в Первую мировую войну, не только остановившую быстрый социально-экономический, научный и культурный прогресс России, но и приведшую ее к катастрофе, хотя для экспертов и была очевидна катастрофичность этого решения.

¹⁴⁰ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 29.

Иногда удивляешься, насколько эксперты могут точно предсказать (или спрогнозировать?) необходимость для правительства какого-то конкретного действия. И насколько субъективная реакция правящей элиты неадекватна к восприятию этих рекомендаций. Так, в 2014 году стало совсем, уж, окончательно очевидно, что важнейшим приоритетом российской национальной стратегии в условиях санкций должно быть опережающее развитие науки, наукоемких технологий и образования, а по большому счету — проведена национальная мобилизация, в том числе и с точки зрения обеспечения военной безопасности.

Писалось и говорилось об этом не раз и до 2014 года. В том числе и одним из авторов этих строк (А. И. Подберезкиным), которому удалось подготовить для первого послания Президента РФ две отдельные главы, посвященные приоритету развития науки и образования (еще в первом послании Президента ФС в 1994 году), а позже сделать серию публикаций на эту тему¹⁴¹. К сожалению, реакция правящей элиты была минимальна (точнее отсутствовала вообще) и абсолютно неадекватна реалиям не только в 1994 году, но и через 20 лет. Странно, но периодически начинались разговоры о приоритетах науки и образования, в т. ч. в очередной раз и в 2014–2015 годы, но, как правило, делалось все наоборот. России так и не удалось сконцентрироваться.

100 лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же сложной ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «После войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т. е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных иссле-

¹⁴¹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

довательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы... Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни...»¹⁴².

Этот приоритет, на котором настаивал великий ученый, в 2015 году стал крайне актуальным, даже уже неотложным, но встречных действий пока что не наблюдается.

Как известно, реакция правящей элиты, как правило, очень редко бывает адекватной объективным потребностям нации и общества, что неизбежно наводит на мысль, что субъективные факторы в политике, оценке ВПО и СО, играют решающее значение в их формировании. К сожалению, этот мудрый совет В. И. Вернадского так и не был воспринят. Россия оказалась сначала втянутой в Мировую, а затем и гражданскую войну, которые отбросили ее в развитии на десятилетия назад. Примечательно, что возвращение к идее национальной мобилизации и необходимости опережающих темпов социально-экономического и научно-технического развития произошло в 30-е годы XX века во многом благодаря субъективной оценке того же И. Сталина и части его окружения. Подтолкнула их к этому именно существовавшая тогда стратегическая обстановка вокруг СССР. Эта оценка правящей элиты СССР потребовала рывка в технологическом и экономическом развитии, который, в конечном счете, и создал основу для будущей безопасности СССР.

Примечательно и то, что противники И. Сталина — как «справа», так и «слева» — не считали СО угрожающей, а меры, требуемые для обеспечения безопасности в области науки и экономики, — чрезвычайными. Споры о необходимости коллективизации и индустриализации, таким образом, вытекали из разных субъективных оценок СО. Примечательно

¹⁴² Вернадский В. И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type=&book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.

и то, что оценка различными частями правящей элиты России СО во втором десятилетии XXI века также существенно отличается, что проявляется порой в совершенно различных политических решениях. Особенность таких оценок в том, что ни одна из этих оценок СО не является консолидированным мнением элиты, требующим быстрой мобилизации национальных ресурсов, прежде всего интеллектуальных и идеологических.

Исходя из таких различий в оценках СО, можно выделить, как минимум, три главных подхода, отличающихся как по существу оценки, так и по репрезентативности элиты.

Первый, западнический, либеральный подход, в соответствии с которым СО по-прежнему не является угрожающей для России, а ее смягчение является целиком следствием изменения курса России и лично В. Путина. Можно оценить долю приверженцев этого подхода в элите и обществе в 20–25%, учитывая в т. ч. их личные и корпоративные интересы.

Второй, государственнический подход, предполагает, что СО временно обостряется, но явной военной угрозы России нет и в ближайшие годы не будет. В силу самого разного рода причин — от всемогущества СЯС до готовности Запада к компромиссу. Этот подход предполагает постепенное естественное «смягчение» противоречий и обострения СО. Сторонниками этого подхода является большинство правящей элиты (не менее 50%) и общества.

Наконец, третий подход в оценке СО, которого придерживается меньшинство правящей элиты и общества (5% и 15% соответственно). Эта оценка говорит в пользу стремительного нарастания внешней и военной угрозы, более того, признания того, что фактически такая война против России уже начата¹⁴³.

¹⁴³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Понятно, что разница в оценках и прогнозе развития МО, ВПО и СО различными частями правящей элиты существует всегда. Можно привести в этой связи и аналогию с субъективными оценками СО в Советской правящей элите в 1980-е годы, которая определенно разделилась на два лагеря. В первом лагере остались те, кого позже будут называть «консерваторами» и «ортодоксами», кто внешне придерживался строгих марксистских догм, но в действительности справедливо полагал, что против «социализма» (стран-участниц ОВД) проводится прежняя политика «холодной войны» на уничтожение.

Вместе с тем в правящей элите СССР вырастала и команда «реформаторов», которая совершенно по-иному — наивно, преступно, глупо и т. д. — оценивала СО в начале 1980-х годов. Эта команда использовала для обоснования своих оценок СО разные идеи, концепции и идеологемы — от концепции «общечеловеческих» ценностей и глобальных проблем до идей политической и экономической конвергенции.

Современный опыт России показывает, что проблема не в том, что даже на уровне анализа современной ВПО и СО в правящей элите встречаются не просто различные, но и прямо противоположные оценки, которые в будущем еще более будут различаться. Проблема в необходимости выработки единой стратегии поведения в той или иной СО, масштабах ответных мер, т. е. в реалистичном и эффективном стратегическом планировании. Как показывает опыт СССР и России, вытекающие из таких неверных оценок, решения, носят и, неизбежно, будут носить катастрофический характер. Субъективизм в оценке СО наверное неизбежен, но он имеет катастрофические последствия, если становится неадекватной государственной политикой, а именно этого исхода мы еще только учимся избегать. Если на Западе выработан механизм адаптации к наиболее реалистичной стратегии (даже в случае частных ошибок, как это было

в 30-е годы XX века с политикой Н. Чемберлена), то в России побеждает, как правило, неверная, непрофессиональная точка зрения в последнее столетие. Этот феномен можно отнести только за счет внешнего вмешательства и даже политического давления, когда правящая элита оказалась фактически управляемой извне.

Таким образом, у задачи точного анализа и прогноза современной СО есть одно непреодолимое препятствие: наличие внешнего вмешательства множества субъективных факторов и переменных величин, которые также субъективно (сознательно и подсознательно) трактуются разными частями элиты по-разному. Это превращает прогноз развития сценариев международной и стратегической обстановки, и возможного характера будущих войн и военных конфликтов объективно в наиболее трудный предмет из всех возможных областей долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования.

2.4. Сознательное искажение международной обстановки

Развитие МО на Украине и в Сирии в 2013–2015 годы наглядно продемонстрировало тенденцию, проявившуюся еще в последней четверти XX века, — «виртуализацию» всей системы международных отношений. В соответствии с этой тенденцией, сторона, обладающая преимуществами в СМИ, центрах генерации идей и концепций, а также — главное — сознательно использующая это преимущество, добивается политических результатов быстрее и с меньшими затратами, чем с помощью «прямых» (политических, экономических, а тем более военных) действий¹⁴⁴. Это можно показать на

¹⁴⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

следующем рисунке (рис. 2.8), отображающем эту логику информационной стратегии в конце XX — начале XXI века. Так, как такое преимущество было и сохраняется только у западной ЛЧЦ, то, очевидно, что это преимущество создается и используется в качестве политического средства в интересах конкретной ЛЧЦ.

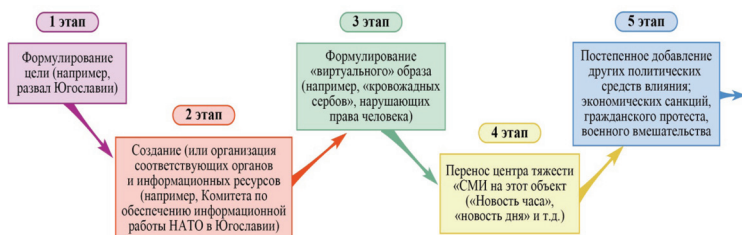

Рис. 2.8. Логика и последовательность действий (алгоритм) информационной стратегии западной ЛЧЦ в XX — начале XXI века

Эта достаточно простая логическая схема в начале XXI века получает развитие для каждого из этапов. Так, до 1 этапа, например, предполагается создание заранее «0» этапа (предварительного этапа), на котором создаются необходимые концептуальные, организационные предпосылки и информационные поводы, которые могут потребоваться для более четкого оформления задачи 1-го этапа и концептуально-организационной работы на 2-ом этапе.

Другой особенностью информационной войны XXI века стало использование цивилизационно-ценностных, религиозных и даже этнических особенностей наравне с политическими, экономическими и социальными. Во всех конфликтах XXI века в той или иной степени эти особенности не только отмечались, но и становились основными: «Украина — это Европа», «настоящий ислам» и т. д. Не случайно, что исторические оценки, в частности, итогов Второй мировой войны, превратились в политические. Это означает, что основные

противоречия переносятся из области межгосударственных в межнациональные и междоцивилизационные в XXI веке¹⁴⁵.

Матрица основных концептуальных оснований для информационного противоборства в XX и XXI вв.

Название, обозначение противоречий в качестве основания для информационного воздействия	Перечень (в порядке приоритетности) основных обоснований для идеологической войны в XXI веке	Перечень (в порядке приоритетности) основных обоснований для идеологической войны в XXI веке
Поведение того или иного государства, создающее внешнюю угрозу	— агрессор, захватчик, оккупант и т. д. в отношении государства (Германия, Япония, Италия, СССР и т. д.)	— нация, элита, нарушающие нормы международного права, основы демократии и прав человека (СССР, Россия, Югославия, Сербия, Сирия, Ливия, Ирак и т. д.)
Поведение правящей элиты, угрожающей нормам международного права	— нарушение положений Заключительного Акта (Хельсинки 01.08.1975)	— нарушение «цивилизационных» и «общедемократических норм и правил

Наконец, важнейшей особенностью развития возможностей информационного влияния западной ЛЧЦ стало обладание и управление этой цивилизацией фактически большинством СМИ, влияющих на мировое общественное мнение. Это превосходство аналогично по своим масштабам технологическому превосходству западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ: если в объемах ВВП оно измеряется «раз-

¹⁴⁵ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. Т. 1. Национальный человеческий капитал и идеология. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

ми», т. е. от 1,5 раза (по отношению к китайской ЛЧЦ) до 10 раз (в отношении российской ЛЧЦ), то в области информации, — как минимум, двумя порядками, т. е. в 100 и более раз. Количественно это легко показать на примере недельного упоминания России в мировых СМИ в 2015 году (которое в июле сократилось с 1,99% до 1,33%). При этом только 30% из этих упоминаний о России относится к ее политике, а по регионам различия составляют от 1% в США и Китае до 5% в странах Ближнего и Среднего Востока¹⁴⁶.

Эти цифры наглядно показывают место России в мировом информационном поле разных локальных ЧЦ, во-первых, и возможность — если это необходимо — увеличить объем соответствующей информации фактически мгновенно в десятки раз (например, с 1% негативной информации до 75% соответствующей информации в США, КНР или странах Западной Европы).

Из этого же следует, что западная ЛЧЦ имеет огромные возможности и резервы сознательного искажения МО как в целях внутренней, так и внешней политики, более того, использования его в качестве силового и даже вооруженного средства политики.

Более того, это огромное преимущество используется против общества и правящей элиты России, сознательно дезориентируя их в оценке важнейших мировых событий, включая МО. Несмотря на всю очевидную субъективность любых политических оценок, о которых все знают, от оценки МО российской правящей элитой и ее реакции во многом зависит будущий характер реальной МО и ВПО. Этот факт не просто известен, но и используется очень активно в современной системной и сетевцентрической войне против России. Это видно, в частности, в оценках различных экспертов и политологов. Так, очевидно, что если полагать, например, что МО харак-

¹⁴⁶ Они о нас // Коммерсант Власть. 2015. 29 июня. С. 24.

теризуется тем, что «В мире у России нет явно выраженных врагов — потенциальных агрессоров...», а «вероятность нападения — со стороны какой-то крупной державы или коалиции мала»¹⁴⁷ (как писал относительно недавно бывший сотрудник МИД и администрации Президента РФ С. Картунов, выражая позицию большинства российской либеральной элиты и экспертного сообщества), то и меры в области внешней и военной политики, стратегического планирования и военного строительства будут приниматься исходя из этой оценки. Не секрет, например, что начиная со второй половины 80-х годов в СССР, а затем и в России сознательно формировалось общественное мнение о том, что «нам никто не угрожает», что «общечеловеческие интересы» полностью совпадают с советскими и российскими» и т. д., а система ценностей «передовых стран» — универсальна и «полностью соответствует советской (российской) системе ценностей». Это массированное влияние западной ЛЧЦ отнюдь не прекратилось сегодня. Просто со второго десятилетия XXI века оно стало встречать сопротивление со стороны части правящей элиты.

Под влиянием этого сознательного искажения реальной международной действительности, в том числе МО и ВПО, в XX–XXI веках сформировалась новая система международных отношений, ориентированная исключительно на интересы западной локальной цивилизации. Причем эта система МО состояла не только из четко организованных подсистем — военно-политической, финансово-экономической и иных, — но и из средств их защиты. Прежде всего, информационных представляющих собой «первую линию обороны» этих подсистем. Именно эта «линия предназначена внушить и убедить другие ЛЧЦ, что эти подсистемы «самые лучшие» и «эффективные» (НАТО, МВФ, ВБ и т. д.),

¹⁴⁷ Картунов С. В. Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. №5 / <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225>

а что попытки их изменить являются «противозаконными действиями, нарушающими нормы международного права».

Но не только этим ограничена информационная система западной ЛЧЦ. В эти же годы продолжалось сознательное формирование враждебной России ВПО — расширялся и продвигался на восток блок НАТО, развивалась инфраструктура блока у границ России, продолжался (даже усилился) рост военных расходов США и т. д.

Все эти действия происходили под прикрытием массовой пропагандистской кампании на Западе и в нашей стране об укреплении безопасности России, которая стала «демократической страной», членом влиятельных международных клубов и организаций. Тезис о том, что «У России нет внешних врагов и угроз» стал не только главным пунктом в первой Концепции национальной безопасности России, но и в последующих нормативных документах, включая Военную доктрину России. То, что 3 июля 2015 года В. Путин на заседании Совбеза РФ потребовал скорректировать новые редакции Стратегии национальной безопасности и военной доктрины России доказывает не только их неадекватность реалиям, но и возможность информационного влияния на российскую элиту со стороны западной ЛЧЦ.

Это же свидетельствует о достаточно эффективной целевой внешнеполитической пропаганде, которая — надо признать — в конечном итоге, полностью исказила реалии МО и ВПО в сознании большинства российской правящей элиты. Начиная где-то с 1987 года, было мучительно наблюдать насколько массировано и успешно развивалась эта информационная кампания по дезинформации со стороны западной ЛЧЦ, в которой, надо признать, приняло участие большинство популярных советских политиков, ученых и журналистов. К сожалению, большинство этих представителей правящей советско-российской элиты, дожившее до наших дней, по-прежнему формируют общественное мнение.

Часть из них правда, превратилась из либералов в государственныхников (но также быстро может проделать и обратный путь), другая часть была отодвинута, а треть — все еще активно влияет на общество.

Таким образом, реальная МО в начале XXI века существенно отличалась от мнимой, сформулированной Западом. Она отражала совершенно иную точку зрения, которая до мюнхенской речи В. Путина практически полностью игнорировалась правящей элитой потому, что если бы стали считать, что МО стремительно усложняется и имеет долгосрочную тенденцию к ухудшению¹⁴⁸, — что было абсолютной правдой, — то были необходимы срочные и масштабные меры, предназначенные для укрепления национальной безопасности страны уже в первом десятилетии нового века. Но этого так и не произошло вплоть до «прозрения» связанного с войной в Южной Осетии в августе 2008 года, когда наши либералы увидели всю мощь пропаганды западной ЛЧЦ.

Меры, которые, естественно, требовались еще до 2008 года, предполагали пересмотр приоритетов не только внешней политики, но и социально-экономического развития страны, коррекцию бюджета и многие другие крайне непопулярные меры. Особенно в области ОПК. Очевидно, что такие непопулярные шаги неизбежно привели бы к неизбежным внутривластным осложнениям и другим трудностям, даже если они были бы хорошо обоснованы с точки зрения национальных интересов. Но, видимо, именно этого больше всего и боялась правящая элита страны в 2000–2010 годы. Субъективность оценок и действий — очевидна.

Субъективность правящей элиты в оценке МО, таким образом, может иметь разные причины. Нельзя исключать более того, следует изначально предполагать, что неверную

¹⁴⁸ Подберезкин А.И. Презентация доклада «Международные последствия развития ситуации в мире до 2030 года». — М.: МГИМО, 2014. Ноябрь.

субъективную оценку и ложный прогноз развития МО могут формировать сознательно извне с помощью дезинформации. Хорошо известно, например, что во время войны такие масштабные мероприятия по дезинформации в отношении реальной СО приводили к огромным потерям и даже проигранным кампаниям. Но, если согласиться с тем, что против России активизируется сетецентрическая война, в которой дезинформация играет огромную роль, так как непосредственно влияет на главный объект ведения войны — правящую элиту, — то неизбежно надо признать, что «на войне как на войне» — искажение СО становится одной из важнейших задач такой информационной войны. Иными словами, возвращаясь к самому началу этого раздела, мы находимся уже на 4–5 этапах развития информационной войны против России, когда произошла концентрация внимания на негативном обличье в СМИ России, которые, в свою очередь, стали частью средств нападения.

Субъективность в оценке МО — это ее главная особенность, что очень хорошо понимают на Западе, сформировав заранее виртуальный облик «путинской России», который сейчас тиражируется многократно, навязчиво внедряется в общественное сознание правящих элит. Целью этого является программирование политики этих правящих элит в отношении России по всему спектру возможных вопросов — от спорта до ядерной безопасности. Создается уникальный образ «мирового злодея» в лице «режима Путина».

Любая МО является уникальной со всех точек зрения, специфическим историческим явлением, которое не повторяется в точности, даже если оно совпадает по месту и по времени, составу участников, применяемым ВиВТ, политической конфигурации и т. д. Эта абсолютная уникальность проявляется в сугубо социальной, военной, политической и иной конкретности МО, а также войн и конфликтов, имеющих порой решающее значение.

Но эта же уникальность МО позволяет манипулировать толкованием образа МО, деформировать его сознательно, делать это частью ежедневной политики по формированию общественного мнения. Достаточно вспомнить ежедневно задающиеся «простые» вопросы в СМИ: кто на Вас собирается нападать? Зачем НАТО нападать на Россию?

Процесс внедрения «виртуального» искаженного образа МО и России постоянно усиливается, дезориентируя не только мировое общественное мнение, но и правящую элиту России, в особенности склонную к этому ее либеральную часть.

С другой стороны, уникальность и неповторимость таких явлений как МО и особенно ВПО и СО, военные конфликты и войны, делает попытки их систематизации, формализации, а тем более стратегического прогнозирования очень условными, достаточно общими, объективно лишенными конкретики. В этой связи изначально должно быть принято за аксиому, что не существует универсальных методов и прогнозов МО и СО, способных дать абсолютно точные предположения и рекомендации в отношении всех сценариев и вариантов развития МО. Такие прогнозы и оценки могут носить сознательно искаженный характер, сделанный в интересах части правящей элиты. Так, все 80-е годы XX века настойчиво «прогнозировалось» в СССР развитие МО в русле «общечеловеческих интересов и ценностей», «снижения роли военной силы», «доминирования глобальных интересов» и пр. заведомо идеологических бессодержательных идеологом, имевших целью сознательное или неумышленное дезинформирование.

Тем более невозможно «научно» прогнозировать будущий характер той или иной конкретной СО. Уникальность любой конкретной СО или войны (конфликта) заключается также в том, что их нельзя вырвать из общего контекста развития конкретного сценария ВПО и МО. Они не просто являются органической и составной частью ВПО и МО, но

и непосредственно, прямо и логично вытекают из их развития. Нельзя «вырвать» таким образом, из политического контекста отдельную войну и даже незначительный военный конфликт, хотя иногда это и пытаются делать, пытаясь придать вооруженной борьбе уникальность от других противоборств. Причем в XXI веке эта политическая зависимость войны еще больше увеличивается. Именно «гибридность» является в настоящее время ключевым моментом в оценке характеристики войны, конфликта и СО.

Не случайно этому на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана, который следующим образом представляет себе развитие конфликта, подчеркивая нарастающую степень политического риска по мере роста интенсивности конфликта.

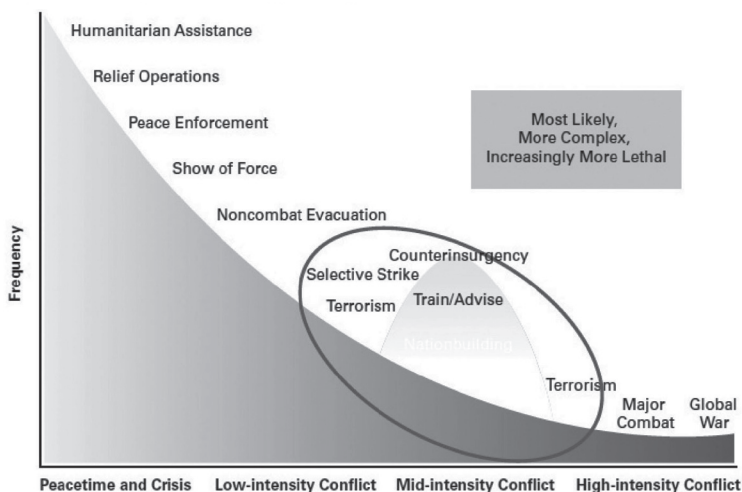

Рис. 2.9¹⁴⁹. Implied Change in Spectrum of Conflict

¹⁴⁹ Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.

Как видно сложные, «гибридные» войны и конфликты стали наиболее реальными угрозами и частыми войнами и конфликтами в XXI веке. При этом «гибридные» войны стали наиболее часто используемыми средствами США и Запада в целом, хотя именно для оправдания этого продвигается идея о их происхождении из других источников: «... гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»¹⁵⁰.

Важно понимать, что при стремительно нарастающем изменении в значении субъективных факторов формирования ВПО, решающая роль остается за объективными факторами и тенденциями, которые формируют МО. Иными словами субъективные действия в военно-технической и военно-политической области, чье значение в XXI веке возрастает в политике западной ЛЧЦ, отнюдь не становятся самозначимыми, диктующими свою логику политическим процессам. Как и прежде, политика, особенно с усиливающимися коалиционными и цивилизационными аспектами, формирует «повестку дня» для военной силы. Другое дело, что в рамках этой политической «повестки дня» военная сила используется более активно, смело и в более крупных масштабах западной ЛЧЦ для того, чтобы компенсировать изменение в соотношении политических и экономических сил.

Можно сказать, что во втором десятилетии XXI века произошел очередной диалектический сдвиг в сторону во-

¹⁵⁰ Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.

енной силы, который, как считают некоторые исследователи, регулярно повторяется в человеческой истории. В результате такого сдвига происходит, как правило, резкая активизация тех сил в обществе, которые делают ставку на вооруженную борьбу. Иногда даже говорят о том, что «каждое третье поколение в Европе получает свою войну». Активизация таких сил во втором десятилетии XXI века, безусловно, наблюдается. Прежде всего, в странах, которые сами не участвовали в последние десятилетия в крупных войнах и целые поколения которых уже забыли об этих последствиях.

Важно также отметить, что усиление влияния военно-силового фактора неизбежно будет «подталкивать» эволюцию ВПО в военном направлении, усиливая в возрастающей степени значение факторов военной силы. Не случайно в 2015 году не только в Европе активизировались мероприятия по развитию военной инфраструктуры НАТО, но и в Юго-Восточной Азии, где активизировалось японо-американское военное сотрудничество и во всех регионах планеты. Это формирует совершенно новую стратегическую реальность, с которой должен считаться российский Генеральный штаб.

«Новая» ВПО, вырастая из МО, не может не быть его продуктом и следствием. Так, новая СО в ходе Курской битвы неизбежно возникла и базировалась на той военно-политической обстановке и тех факторах, которые сложились к лету 1943 года: общем количестве бронетанковой техники, их качестве, численности авиации и используемых боеприпасах, работе тыла (в т. ч. ремонтных частей), качестве личного состава и т. д. И здесь очень важно отделить реальные изменения и факторы, и мнимые, виртуальные. В этих целях попробуем сравнить основные закономерности формирования СО и ее влияния на МО в прежние годы и в XXI веке.

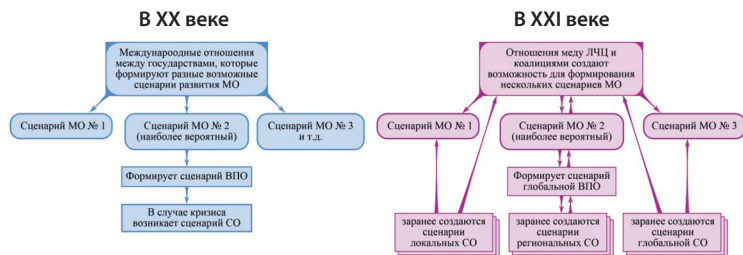

Рис. 2.10. Формирование и последовательность развития СО

Очевидно, что правящая элита должна понимать реальную картину МО и отличать ее от навязываемой, виртуальной МО, чего не смог сделать М. Горбачев и его команда, а тем более Б. Ельцин.

Как видно из рисунков, искусственно создаваемые заранее сценарии СО начинают влиять не только на развитие ВПО, но и на МО. Так, конкретные, частные военные операции на Украине в 2014–2015 годах оказали непосредственное влияние на всю ВПО и МО. Не случайно на переговорах в Минске сугубо военно-технические детали — отвод вооружений, чей калибр превысил 100 мм — занимал центральное место.

Более того, весь ход «гибридной» войны на Украине на ее ранней стадии сложился благополучно для «революционеров» потому, что ими заранее были созданы необходимые военно-технические условия и сформирована нужная СО.

С точки зрения восприятия элитой современной СО необходимо помнить, что любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — будут системным политическим явлением, сочетающим множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. При его анализе и прогнозе необходимо учесть максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых незначительных (ошибки, например, в обмундировании войск или

сроках военной кампании, приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным поражениям). Субъективные переменные факторы в области СО формируют некую систему переменных величин, значение которой в дальнейшем формировании МО возрастает и имеет крупные последствия. Причем не только положительные, но и отрицательные. Вопрос, однако, в том, каким образом учесть не только известные факторы, но и спрогнозировать появление новых, в т. ч. очень влиятельных факторов, способных изменить радикально всю ситуацию.

2.5. Информационная война против правящей элиты

Суть информационной войны в XXI веке сводится к максимальной ценностной дезориентации противостоящей правящей элиты с тем, чтобы использовать это для последующего силового давления и реализации силовой политики. Отсутствие системы ценности у общества — самое первое и главное условие поражения. Никакие материальные ресурсы не могут обеспечить победы, если для этого нет силы и желания пожертвовать очень многим, включая здоровье и жизнь.

Информационные средства в XXI веке, как известно, превратились в реальные средства вооруженной борьбы, даже если их пока что формально по разным причинам и не признают некоторые специалисты. Прежде всего, с точки зрения воздействия на главный объект вооруженной борьбы — правящую элиту и общество, их сознание и волю. Это воздействие (естественно, в разной степени) происходило и происходит всегда в отношениях между ЛЧЦ, нациями и странами, но принципиальная разница заключается в том, что степень и масштаб этого воздействия для каждой ЛЧЦ качественно (в десятки, сотни раз) отличается друг от друга.

Так, если степень воздействия российской ЛЧЦ на западную ЛЧЦ приближается к 1%, то обратное воздействие — в десятки, а при необходимости может быть и в сотни раз больше.

На логической модели (рис. 2.11), которую мы приводим ниже, видно, что абсолютное доминирование западной ЛЧЦ в информационном влиянии (ИВ) ведет к:

- созданию новой, необходимой западной ЛЧЦ виртуальной реальности, по всей иерархии — ЧЦ–МО–ВПО–СО, включая прямо воздействие на отдельных лиц и конкретные информационные поводы;
- воздействию на ИВ других ЛЧЦ, субъектов и акторов мировой политики посредством управления информационными ресурсами и персональным влиянием на представителей элиты.

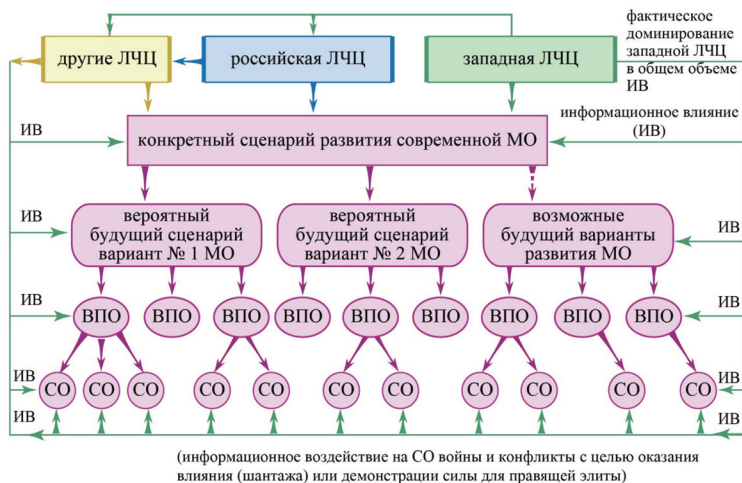

Рис. 2.11. Логическая модель информационного влияния на российскую элиту

Для начала XXI века характерно, что западная ЛЧЦ не только нагнетает информационно-пропагандистский фон МО, но и искусственно создает необходимую «виртуальную

реальность» МО, которая, безусловно, осложняет стратегическую и военно-политическую обстановку. Классические примеры сравнения Р. Рейганом СССР с «империей дьявола» или причисление России Б. Обама к трем основным мировым угрозам (эпидемии ЭБОЛы, и исламскому экстремизму) практически ежедневно обновляются «новыми угрозами», исходящими от России. Характерной чертой такой политики становится вовлечение в нее политических институтов и организаций — ПАСЕ, ОБСЕ, Генассамблеи ООН и др.

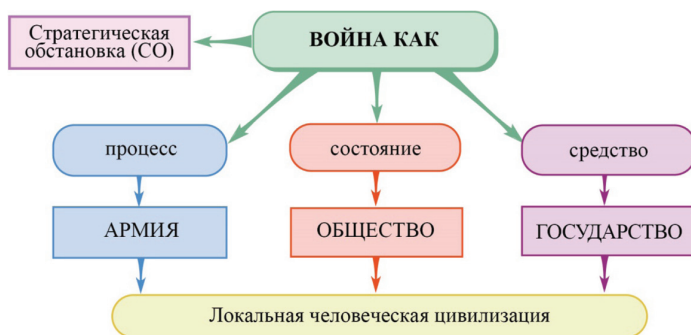
Развитие сценариев МО в долгосрочной перспективе неизбежно предполагает «смену парадигм» мирового развития, т. е. изменения качества («фазовые изменения») во всех областях человеческой деятельности: политике, экономике, военном деле. Причем не только уже упомянутых — экономических, социальных и политических, но и гуманитарных, мировоззренческих. Поэтому неизбежно, необходимый качественный анализ, тенденций в развитии МО, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов — участников МО и ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов.

В целом же обязательность системного подхода к оценке и анализу СО, её роли для МО, диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских исследователей, может быть рассмотрена, как минимум, в следующих проявлениях в XXI веке:

- как традиционное средство, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам, а также ЛЧЦ;
- как процесс взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена

- к вооруженным силам, к армии, являясь в XXI веке основным средством противоборства между ЛЧЦ;
- как определенное состояние общества, ЛЧЦ (и государства) во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способ решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу, ЛЧЦ и государствам, в целом. Соответственно и стратегическая обстановка, характеризующая военный конфликт или войну, является не просто частью ВПО и МО, т. е. конкретными условиями ведения военных действий, а (продолженным) процессом в военной политике государства, определенным (критическим) состоянием общества (ЛЧЦ) и условием для реализации силовых средств государства.

Графически это можно отразить с помощью простой схемы¹⁵¹.

Информационная война в этом случае значит гораздо больше, чем одно, даже самое важное средство ведения войны. Она становится социальным процессом в Вооруженных Силах, характеризует состояние общества и является важнейшим силовым (а не только вооруженным) средством государства.

¹⁵¹ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 31.

Сказанное означает, что формирование стратегической обстановки в современных условиях изначально ведется против важнейших целей войны, о которых мы уже говорили:

- уничтожение правящей элиты;
- дезорганизации общества и институтов управления государством;
- военного и социально-экономического потенциала и его инфраструктуры;
- вооруженных сил ЛЧЦ и страны.

Исключительно важной целью в этом перечне выступает правящая элита. Именно это объясняет ту жесткую антипутинскую риторику, санкции и попытки дестабилизации, которые пытается проводить западная ЛЧЦ особенно активно в 2013–2015 годы. Она ведет к искусственной милитаризации МО за счет нагнетания информационной истерии и попыток создать такую «виртуальную» СО, которая бы оказала давление на В. Путина и его окружение. Другими словами стратегия информационной войны ведет к формированию враждебной СО (переброска войск, складирование техники, организация штабов и т. д.), которая уже сказывается на формировании враждебного сценария МО и ВПО.

Соответственно СО, формирующая основные особенности конкретной войны, одновременно выступает отражением состояния государств и обществ, и процессов, происходящих в вооруженных силах, и средством политики государств и военно-политических коалиций. В том числе непосредственно отражается на формировании МО. Что особенно ярко проявилось в 2013–2015 годы в Европе.

Для лучшего понимания влияния СО на формирование МО необходимо учитывать также следующие ее признаки¹⁵², которые отражаются каждый раз на конкретном состоянии

¹⁵² Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 32.

СО и перспективах ее развития. Эти признаки, характеризующие СО и войны в XXI веке, естественно будут меняться и оказывать очень разное воздействие на МО:

- так, война есть не просто социальное явление и самостоятельная область общественной жизни, но и специальная, а именно: крайне обостренная социальная реальность. Создание внутривнутриполитической нестабильности, а тем более ситуации гражданской войны, радикально влияет на всю МО. Так, революции в России и Германии привели к окончанию Первой мировой войны, «оранжевые революции» — к изменению внешнеполитического курса уже в XXI веке;
- война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе, который ведет к еще более радикальному обострению социальных отношений;
- война фиксирует, как минимум, наличие не менее двух субъектов, участвующих в ней, но в действительности приводит в движение всю МО;
- цели и задачи этих субъектов участвующих в войне, как правило, противоположны;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
- война и подготовка к ней означают стремительный рост потребностей в средствах вооруженного насилия с обеих сторон. Так, в 2014–2015 году производство ВВСТ на Украине выросло в 50 раз;
- возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
- война означает, что стороны готовы к массовому и широкомасштабному применению средств вооруженного насилия с обеих сторон. Причем, как правило, неограниченному никакими формальными договоренностями. Войны в Ираке, Сирии и на Украине в 2013–

2015 годах показали, что стороны идут на нарушение любых обязательств по отношению к гражданскому населению и запретам на использование отдельных видов ВиВТ;

- война означает, что стороны не просто активно противодействуют друг другу, но используют для этого весь арсенал своих средств, в т. ч. и запрещенных, но, прежде всего, тех, которые могут вести к активизации деятельности потенциальных союзников. Это означает, что от втягивания в войну становится все труднее удержаться другим странам. Или, как минимум, в конфронтацию. Так, по вопросу войны на Украине произошел фактический водораздел в отношениях большинства государств-участниц МО. Даже тех, кто находится очень далеко и никак не заинтересован в развитии / продолжении конфликта. США и их союзники по западной ЛЧЦ в течение 2014–2015 годов провели фактически мобилизацию своих сторонников и принудили даже третьи страны к свертыванию отношений с Россией;
- война в XXI веке отнюдь не означает принятие юридического акта объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти. США вели десятки лет войны без объявления формально состояния войны. В XXI веке этот акт стал пустой формальностью: войны начинаются и ведутся даже в условиях сохранения не только дипломатических, но и торгово-экономических отношений между странами.

В этом скрывается очень большая опасность влияния враждебной СО и войны на МО. Сохранение мирного статуса МО и действия международных институтов предполагает, что они (институты) сами превращаются так или иначе в средства войны. Каждая враждующая сторона будет стремиться их использовать по-своему, но в итоге это ведет

к девальвации их значения и отмиранию, как это происходит с ОБСЕ и ПАСЕ из-за конфликта на Украине¹⁵³.

Надо сказать, что каждая из этих особенностей влияния СО на МО требует своего уточнения и конкретизации в каждой конкретной ситуации. Тем более стратегический прогноз возможного сценария развития МО предполагает, в частности, стратегический прогноз развития каждой из этих особенностей. Так, например, ведущаяся в 2014–2015 годы западной ЛЧЦ информационная война против российской правящей элиты выражается одновременно (буквально в течение одного дня) заявлениями командующих ВВС и Корпуса морской пехоты США о непосредственной военной угрозе со стороны России и заявлением представителя Государственного департамента о том, что эти высказывания являются частными замечаниями командующих ВВС и Корпуса морской пехоты. Этим достигается эффект силового давления на российскую элиту, фактическим признанием состояния войны и обострением до крайних пределов СО, с одной стороны, и формальным «успокаивающим» заявлением, отрицающим это состояние, с другой. Надо сказать, что этот прием в 2013–2015 годы США и их союзники практиковали регулярно, используя в этих целях не только военных, но и конгрессменов, вице-президента и своих союзников.

Перечень признаков войны указанный выше, отнюдь не является исчерпывающим и может быть дополнен, характеризуя влияние СО на МО и правящую элиту. Более того, он обязательно будет дополнен и расширен в интересах каждой из сторон. Причем очень важно понимать, что в условиях информационной войны та или иная сторона заинтересована в том, чтобы совершенно по-своему трактовать характер войны. Причем — «по-своему» — означает не просто опре-

¹⁵³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 25–78.

деление войны, но создание ее виртуального образа, такого образа характера стратегической обстановки, который нередко абсолютно отличен от реальной СО¹⁵⁴.

Примеров в современной истории достаточно много, но наиболее, «удачные» примеры сознательного искажения СО Соединенными Штатами в Ираке и Сирии, когда те пытались обвинить эти правительства в использовании ОМУ. Война в 2014–2015 годах на Украине дала полное основание полагать, что СО и сценарий ее развития с целью дестабилизации МО создавались задолго до собственно начала военных действий. Можно предположить, что тщательно разработанный сценарий развития СО предполагался к реализации в 2015 году, но столкнувшись с реалиями — готовностью России активно противодействовать и помогать Украине осенью 2013 года и стихийным обострением внутривосточной ситуации — был «скорректирован» в сторону более ранней реализации, т. е. перенесен на 1–1,5 года. Этим, в частности, можно объяснить неподготовленность США и их представителей на Украине к развитию событий в Крыму и в юго-восточных регионах, а, главное, — недостаток накопленных ресурсов для успешной реализации задуманного сценария развития СО в качестве очередной «цветной революции». Представляется, что в соответствии с этим сценарием развития СО и характера войны на Украине должен был произойти не просто захват власти, но и относительно мирное и быстрое превращение Украины во враждебное России государство способное к военной конфронтации и угрозе правящей российской элите. Это произошло лишь отчасти, но, основное не очень-то напугало российскую элиту.

Как показывают последние конфликты между ЛЧЦ, особенностью сознательно-субъективного искажения СО является то, что в этом процессе в качестве основного средства

¹⁵⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 32–39.

задействованы системным образом все информационные ресурсы — СМИ (электронные, печатные, сетевые) — а также противодействие — в массовом порядке, и без ограничений и каких-либо допущений — любой критики со стороны оппонентов или оппозиции. Важна конечная цель — силовое давление на правящую элиту, которое очень быстро превращается в информационный, административный и даже уголовный террор. Издержки (авторитет СМИ, гибель журналистов и т. п.) допускаются в достаточно широких границах. Так, на Украине физически пострадали от террора тысячи людей, среди которых были сотни журналистов.

Другой особенностью этого субъективного и сознательного информационного искажения СО является умышленное, без всяких ограничений и стеснений, а также ссылок на «разумность» и т. д. искажение действительности, когда не задумываясь вбрасывают любую информацию, не только не требуя подтверждений, проверки и прочих, традиционных, для СМИ действий, но и заведомо зная ее ложность. Более того, вбрасывается в массовом порядке сознательно сфабрикованная искаженная информация, изначально понимая, что срок ее жизни очень короткий и не обращая внимания на репутационные последствия.

Поэтому крайне наивными и заведомо бессмысленными являются споры и дискуссии, опровергающие эти информационные провокации. Более того, их опровержение неизбежно ведет к повторению дезинформации, что и является, в конечном счете, целью этих дезинформационных вбросов. Вот почему крайне неубедительными представляются всякого рода ток-шоу, которые ежедневно проводились на российском ТВ в 2014–2015 годах с одним и тем же кругом лиц.

Подобное сознательное искажение СО в интересах давления на правящую элиту происходит за счет фактически монопольного использования огромных потоков информации, создаваемых подконтрольно, задолго, заранее, в соот-

ветствии с планом развития СО, которые плотно «вписаны» в единую информационную политику государственных структур (в США — Государственного департамента и ЦРУ, контролирующих не только национальную информационную политику, но и информационную политику в большинстве стран-союзников).

Организуется своего рода провокация, искусственный «информационный взрыв», который исключает возможное разумное противодействие информационных ресурсов противника, либо делает его минимально ощутимым. Этот же массированный взрыв в случае необходимости давления на элиту формирует виртуальный образ СО — «народного восстания», «революции» и т. д. Для такого информационного взрыва нужны огромные массивы информации, которые создаются и резервируются заранее, либо использование в полной мере существующих СМИ (что и делается), либо создание специальных новых СМИ, что также происходит. (Так, «революция» на Украине была подготовлена, в том числе и появлением «вдруг» тысяч новых сайтов, агентств, блоггеров и т. д.) При этом, конечно же, особенный акцент делается на интернет-ресурсы, которые по своим объемам, оперативности и массовости превосходили традиционные СМИ.

Задача при формировании образа СО, чтобы большинство этого информационного потока было направлено в нужное русло, а именно на формирование общественного мнения и позиции правящей элиты.

Другой целью такой информационной политики является дезинформация правящей элиты противника и его общественного мнения, создание у них ложного «виртуального» образа действительности, в частности, международной и военно-политической обстановки. Так, на протяжении последних десятков лет создавался виртуальный образ «цивилизованных стран» (как правило, стран, входящих ОЭСР), чьему мнению противопоставляется позиция руководства

России и конкретно В. Путина. Этот «цивилизованный» мир, по замыслу авторов, представляет собой всю цивилизацию, и даже все человечество, хотя в число этих государств не входят ни КНР, ни Индия, ни Бразилия, ни Мексика, ни большинство других государств.

Создание ШОС и БРИКС, и их активизация в МО в начале XXI века имела множество отделенных политических и экономических последствий, но — если говорить о непосредственных последствиях — оно имело колоссальное информационное воздействие, включая сильнейшее влияние на формирование СО и МО. Даже саммит ШОС и БРИКС в июле, который не оформил политических, а тем более военных союзов, оказал огромное влияние на стратегическую и информационную составляющие МО.

Одним из последствий этого процесса стала «слышимость» позиции стран, не входящих в западную ЛЧЦ, ведь на фоне, такого объема враждебной информации теряется, кроме того, сообщение, которое не является для владельцев информационных потоков приоритетным, но может быть критически важным. Для этого теоретически используется армия недорогих сетевых ресурсов, генерирующих необходимую правящей элите информацию и реакцию на нее. Проблема, однако, в том, что объем, качество и скорость потоков такой информации, контролируемых в России, просто не сопоставима с показателями западной ЛЧЦ. Так, по сравнению с «мировым потоком» информации, превышающим 1 млрд сообщений, Россия всего обеспечивает¹⁵⁵:

- **30 млн** сообщений в сутки (350 сообщений в секунду);
- Активная аудитория (хотя бы 1 публичное сообщение в месяц) - **35 млн** человек.

¹⁵⁵ Крылова С. Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. С. 4.

Если попытаться подсчитать, какая доля мировой информации может контролироваться российской ЛЧЦ, то вряд ли она превысит 0,01%. Контроль над большими объемами информации, как и контроль над «сетью», является важнейшим условием эффективности сетецентрической войны, когда изначально необходимо создать ложный образ МО, ВПО и, конечно же, СО, а также ложный образ врага. Это возможно только в том случае, когда этот ложный образ будут «лепить» большинство СМИ, а также сетевые сообщества. Примеры с войной в Грузии и на Украине — очень наглядны.

Наконец, огромное значение в формировании СО приобретают специальные кибероперации и атаки, в частности, с помощью специально подготовленных заранее объектов. Само наличие такой возможности дезорганизует элиту, лишает ее нередко адекватности восприятия. Так, заявления руководства России, в т. ч. министра обороны С. Шойгу о возможности внешнего контроля киберсистем, безусловно, оказывают негативную реакцию. Так, член ВПК РФ по АСУ Игорь Шеремет, иллюстрирует эту мысль следующим образом (рис. 2.12)¹⁵⁶.

Надо понимать, что информационная война против правящей элиты России ведется самыми разными способами. В том числе (и прежде всего) в сетевом сообществе, является частью сетецентрической войны. Причем воздействие на общество и элиту, формирование виртуального, субъективно-ложного образа СО происходит на разных уровнях. Так, для правящей элиты России ложная СО формируется под влиянием таких тезисов, как «единая европейская общность», «либеральные ценности», «демократия» и т. д. Для массового потребления — «уровень жизни в Европе», «права и свободы» и т. п.

¹⁵⁶ Шеремет И. Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

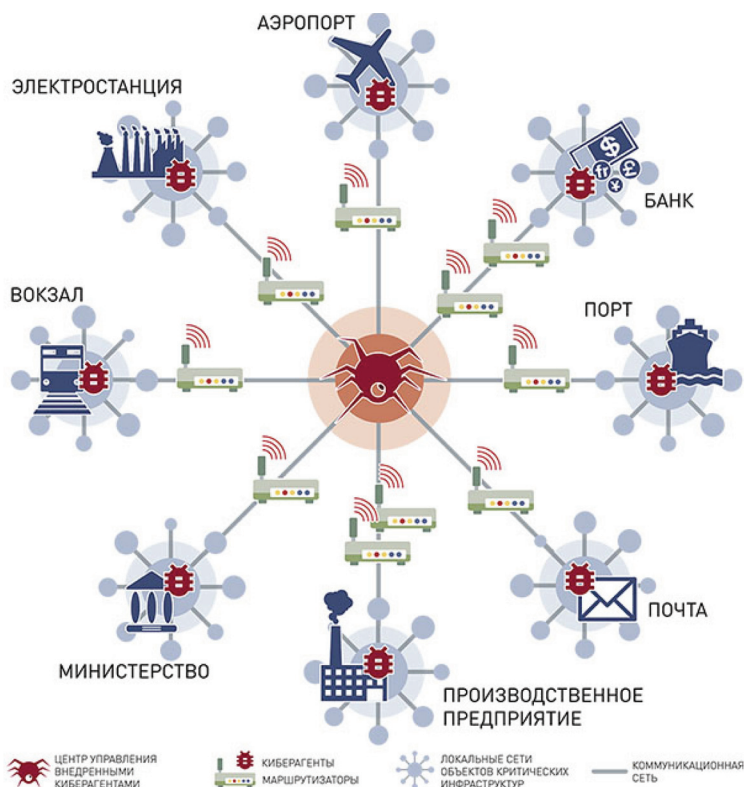

Рис. 2.12.

Особенное значение в целях ведения против элиты сетцентрической войны имеют отдельные, целевые социальные группы, отличающиеся по национальному, социальному, религиозному и иным признакам, для каждой из которых создается собственный уникальный, субъективный образ врага, СО и положения в стране.

Возрастающее значение для влияния на элиту формирования субъективно-искаженного образа СО имеют социальные сети. Прежде всего, из-за того, что они способны охватить неограниченное количество социальных групп

граждан, для каждой, из которой будет сформирован свой собственный, уникальный субъективно-искаженный образ противника и СО. Если для СМИ, особенно общедеральных, а тем более мировых, характерна универсальная информационная политика, то для социальных сетей — возможна только своя, особенная, отвечающая представлениям достаточно узкой группы граждан. Так, невозможно, например, манипулировать сознанием граждан из Бурятии, проживающих в Москве, через федеральные СМИ (это — слишком узкая группа), но, в случае необходимости, это легко сделать через сообщество в социальных сетях, которое, как хорошо известно, имеет на них большое влияние.

Только социальные сети способны сверхоперативно влиять на элиту и реагировать на меняющуюся международную обстановку, в т. ч. СО, где возможны изменения в течение суток и даже часов. Особенно в условиях, когда развивается военный или гражданский конфликт и СО меняется буквально в течение нескольких часов. Ход «цветных» революций, как показывает недавняя история нередко зависел от освещения сетевыми СМИ состояния и перспектив развития СО (кто побеждает, а кто уступает и т. д.). Как показывает статистика, реакция сетей может измеряться тысячами посещений в течение часа, если происходят знаковые события и сотнями тысяч, даже миллионами, в течение месяца.

Этим активно пользуются те силы западной ЛЧЦ, кто создает искусственно субъективно-искаженную СО, что хорошо было видно на примере Украины, когда в сети размещалась заведомо ложная информация, которая могла повлиять на изменение не только СО, но и МО. Так, неожиданная громкая «победа» украинских войск вынуждала менять дислокацию войск оппозиции, подрывала их боевой дух и т. п. И, наоборот, «позитивная» ложная информация могла изменить не только реальную СО на ТВД, но и всю международную обстановку. Так, импульс переговорам в Минске

Россия, февраль 2014

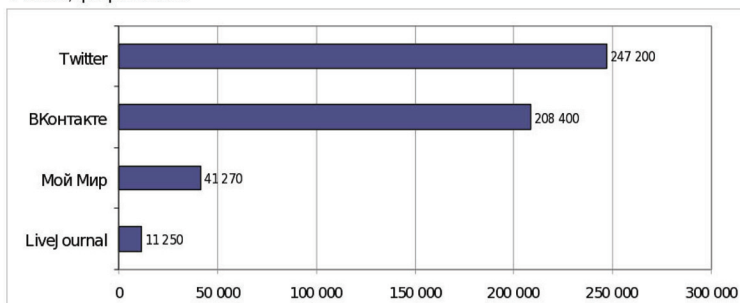

Рис. 2.13¹⁵⁷. Количество публичных сообщений за месяц (тыс. сообщений)

оба раза давало поражение украинских войск и негативное изменение для Украины СО в регионе.

Все это говорит о новом характере СО и войны и новом значении невоенных средств ведения войны для формирования и будущего развития МО. Так, в частности, некоторые военные теоретики даже считают, что война — это в первую очередь экономическая, дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооружённой силы, вооружённой борьбы отодвигается на второй план. По мнению В. Гулина, например: «Войну отличает не форма насилия, а основные её сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определённого времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге — иная их расстановка»¹⁵⁸. Таким образом, также как и в определении самой войны, выделение ее сущностных признаков является многоплановым и неоднозначным.

¹⁵⁷ Крылова С. Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. С. 5.

¹⁵⁸ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 33.

В этой связи можно допустить, что формирование и развитие будущего наиболее вероятного сценария развития МО — сценария «Глобальной системной и сетцентрической войны западной ЛЧЦ» будет происходить при дальнейшем усилении влияния информационного воздействия на правящую элиту стран-лидеров ЛЧЦ. Следует ожидать, например:

- усиление финансирования и развития тех глобальных СМИ, которые уже находятся под контролем западной ЛЧЦ;
- ужесточением государственного контроля над «независимыми» СМИ, политиками и журналистами, а также институтами гражданского общества;
- созданием явных и скрытых «силовых» СМИ и социальных сетей;
- разработкой новых методов и приемов ведения информационной войны;
- разработкой специальных информационных средств и способов давления на политические элиты, включая сбор компромата, создание баз данных и специальных ресурсов, сбор информации и т. д. (что уже стало поводом для скандала во Франции и Германии)¹⁵⁹.

По мнению многих авторов, в России по-прежнему определяющим признаком войны остается военное насилие, то есть «применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле». Это и составляет, по их мнению, сущность войны в точном смысле этого слова: «На основе анализа вышеприведенных определений войны, а также ее наиболее очевидных признаков, представляется возможным дать следующее определение войны, — пишут российские авторы. По их мнению, «В самом общем виде, ... война есть двухстороннее вооруженное

¹⁵⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

столкновение антагонистических, противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее за собой человеческие жертвы и потери»¹⁶⁰.

Другими словами, «вооруженное нападение», «массовость» конфликта и «человеческие потери», считаются по-прежнему основными характеристиками войны.

С этой характеристикой современной войны и СО совершенно нельзя согласиться по причине того, что, во-первых, сознательно субъективно-искаженные представления о СО у правящей элиты, ставшие уже нормой для сетевцентрической войны, совершенно по-иному отражают существующие реальности.

Во-вторых, войны могут готовиться, вестись и выигрываться без непосредственного массированного применения ВВТ. Их основная политическая характеристика — высшая форма социального конфликта — не сводится только к применению оружия. Поражение и развал ОВД и СССР произошли при минимальном применении вооруженного насилия, как правило, незаконными вооруженными формированиями.

В XXI веке субъективно-информационное воздействие на правящую элиту противника через формирование враждебной СО и угрозу войны следует воспринимать как очень широкий спектр угроз и сценариев развития СО и войн, где потери могут исчисляться как единицами, так и сотнями тысяч и миллионами. Разница в абсолютных цифрах — не принципиальна, так как информационный контекст может быть абсолютно ложным. На Украине официально числятся погибшими «всего лишь» несколько тысяч военнослужащих ВСУ и ВСН, а также гражданских лиц, хотя на самом деле речь может идти о 70–90 тысячах. В Иране, за все годы войны, по некоторым сведениям уже погибло более 1 млн человек,

¹⁶⁰ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. С. 33.

а в Сирии — более 500 тысяч. При всех возможностях и технологиях точных данных нет потому, что их сознательно скрывают, создавая «виртуальную» реальность относительно спокойной СО. Эту разницу между традиционной и сетцентрической войнами (если говорить о потерях) можно представить в следующем сравнении.

Сравнение основных характеристик СО в традиционной и сетцентрической войне (по потерям)

Характеристики	Традиционная война (объективные представления)	Сетцентрическая война (субъективно-искаженные представления)
— вооруженное столкновение	десятки / сотни участников	1 участник или 1000 участников
— война	сотни и тысячи участников	несколько участников или десятки тысяч участников
— массовые столкновения	десятки, сотни, тысячи	один—два, десятки тысяч
— человеческие потери	десятки, сотни, тысячи	один—два, тысячи

Еще сложнее ситуация, если попытаться разделить военные и гражданские потери, которые, как правило, составляют 1 : 8.

Наконец, никто не пытался даже подсчитать численность погибших и «пропавших без вести» в гражданских конфликтах, где формально не применялось вооруженное насилие, хотя речь идет о десятках и сотнях тысяч людей, убитых не ВС, а такими же гражданами, но заранее подготовленными в военно-спортивных лагерях.

Эти войны даже и не считаются войнами. В частности войны на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии. Очень наглядно демонстрируется эта логика на

примере военного конфликта на Украине, где военную победу в «революции» одержали формально «невооруженные формирования». Те же, что и в Тбилиси, и в Каире.

Таким образом, можно констатировать, что в XXI веке сценарии МО, в т. ч. наиболее вероятный сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», будут испытывать на себе возрастающее влияние негативных тенденций в развитии СО. Эти тенденции, в свою очередь, будут следствием массированного использования информационных средств насилия и войны, нацеленных, прежде всего, на формирование у правящей элиты противника новой «виртуальной» реальности, необходимой для западной ЛЧЦ.

2.6. Российская правящая элита как главный объект противоборства

В процессе противоборства двух субъектов (групп субъектов), а в данном случае ЛЧЦ, вполне закономерно возникает вопрос о главном предмете воздействия, его главной цели, достижение которой предопределяет конечный результат такого противоборства. Если конечная цель борьбы между ЛЧЦ формулируется Западом как сохранение контроля над сложившимися в последние десятилетия финансово-экономическими и военно-политическими системами, то от чего в первую очередь зависит достижение этой цели? Уничтожение ВС, военного потенциала? Оккупация территории? Уничтожение государства? Террор против населения? Другими словами, какой главный предмет противоборства среди наиболее важных приоритетов?

В XXI веке — и об этом, отчасти, уже говорилось, главным объектом и предметом противоборства является политика правящей элиты противника, которая может в той или иной степени соответствовать потребностям (интересам) полити-

ки правящей элиты западной ЛЧЦ, не соответствовать этим потребностям в частных деталях, либо выступать против такой политики. В конечном счете, эта политика влияния на правящие элиты сводится к достижению тех или иных политических целей и задач и противодействию их достижению. Есть основания полагать, что в XXI веке такие политические приоритеты изменились в сравнении даже с политическими приоритетами ведущих стран XX века. Это можно попытаться формализовать в матрице, в которой сравниваются приоритеты политики СССР и США, России и США в XX и XXI веке.

Матрица политических приоритетов СССР и США, России и США в XX и XXI веке

Название и порядок политического приоритета	Распространение своей идеологии, системы ценностей и интересов в мире	
СССР в первой половине XX в. и во второй XX в.	Продвижение идей коммунизма. Укрепление политической системы	Смена элиты привела к тому, что новая прозападная элита в 1990-е гг. полностью демонтировала систему защиты национальных интересов
Россия в начале XXI в.	Защита национальных интересов и системы ценностей	
США в XX в.	Продвижение системы ценностей (демократии, свободы торговли) и интересов контроля над системой безопасности в мире	
США в XXI в.	Защита созданных финансово-экономических и политических систем	

В основе всей предлагаемой работы лежит рабочая гипотеза о том, что, во-первых, современная международная обстановка определяется нарастающим конфликтом между локальными человеческими цивилизациями за передел сложившихся в интересах Запада в XIX–XX веках мировых финансово-экономической и военно-политической системах, во-вторых, что западная ЛЧЦ, стремясь сохранить контроль над этими системами, не только сознательно провоцирует этот конфликт, но и переводит его в силовую и даже в вооруженную фазу, опираясь на сохраняющееся военно-техническое превосходство, а, в-третьих, что такой конфликт ЛЧЦ приобретает, по инициативе западной ЛЧЦ уже в настоящее время, черты глобального вооруженного (а не только силового) противоборства, в основе которого лежит системное и сетцентрическое применение всех силовых инструментов, включая вооруженное насилие.

Наиболее оптимальный — быстрый, дешевый и, главное, эффективный способ достижения этих целей — изменение в политике правящих элит тех стран, которые препятствуют этому. Или, если не удастся это сделать, самих элит. Изменение политического курса или даже самой элиты является не только наиболее эффективной и быстрой, но и надежной стратегией, ведь новая элита не захочет быстро уходить в силу понятных причин.

Для этого используется системная сетцентрическая стратегия, суть которой заключается в оказании усиливающегося давления на правящую элиту во всех областях — от личной персональной деятельности до цивилизационного противоборства, включая военно-силовое. В этих целях «включаются» все инструменты внешней политики, которые координируются из одного центра и развиваются по единому сценарию. За очень редким исключением эта координация охватывает все области (в случае с США осталось, например, сотрудничество по МКС и поставки ракетных двигателей),

создавая синергетический политико-экономический и социально-гуманитарный эффект.

Если говорить конкретно о России, то таким объектом стал В. Путин и его окружение, против которых были применены точечные дополнительные санкции, демонстрируя, что давление извне имеет не только конкретную цель, но и будет нарастать. Одновременно против России используется весь комплекс мер финансового, экономического и военно-технического характера, который призван не только ослабить государство и общество, но и канализировать его недовольство против правящей элиты.

Следуя этой логике, всех возможных сценариев развития МО в XXI веке как в краткосрочной перспективе до 2021 года, так и после (в 2020–2030-е гг.), мы выделяем наиболее вероятный сценарий — «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», — который в зависимости от масштабов и интенсивности использования военной силы в конкретной военно-политической и стратегической обстановке — может реализовываться в нескольких вариантах:

- в краткосрочной перспективе до 2020–2021 годов — в варианте «оптимистическом», — когда западная ЛЧЦ будет избегать масштабного и интенсивного военного столкновения с другими, прежде всего российской, ЛЧЦ, ограничившись глобальными силовыми и локальными вооруженными действиями, стимулируя создание хаоса в регионах, где возникает угроза контролю западной ЛЧЦ;
- в среднесрочной перспективе после 2021 года — в варианте «пессимистическом», когда западная ЛЧЦ будет использовать не только все силовые инструменты своей политики в глобальном масштабе, но и широкий набор военных средств одновременно на нескольких потенциальных ТВД, развивая ситуацию нестабильности в отдельных регионах планеты;

- в долгосрочной перспективе после 2030 годов — в варианте «пессимистическом» (расширенном), когда военные действия перерастут в глобальную войну между несколькими ЛЧЦ, спровоцированную и инициированную западной ЛЧЦ с целью воссоздания своего глобального контроля над цивилизационно-ценностными, финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире.

Стратегический прогноз развития международной обстановки и — как ее части — военно-политической и вариантов конкретной стратегической обстановки базируется на анализе современного положения вещей в МО, т. е. на максимально возможном, точном анализе современной действительности, который осуществляется как на логическом и теоретическом, так и эмпирическом уровне¹⁶¹.

Но не только. Этот анализ, как показывает политическая практика, очень сильно подвержен субъективным факторам, прежде всего политико-идеологическим, из которых может вытекать искаженная оценка реальности — сознательная или случайная. Это и является сегодня главной проблемой российской элиты. Поэтому задачей научного исследования развития сценариев МО является в то же самое время и максимально объективный подход к самому анализу и выводам, которые из него вытекают. Господствующий в правящей элите политический субъективизм нередко радикально, разрушительно меняет объективную картину мира на желательную, мнимую и искажает ее действительно, в зависимости от личных способностей, пристрастий и моды.

Другая сторона проблемы — возможность реалистического стратегического прогноза, развития МО и ее конкретных сценариев — которая во многом зависит от объективного научного анализа, который предполагает не толь-

¹⁶¹ Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Долгосрочный сценарий развития международной обстановки / Вестник МГИМО-Университета, 2015. №2(45). С. 127–132.

ко использование традиционных методов экстраполяции развития основных факторов, влияющих на формирование МО: субъектов МО (государств, наций, цивилизаций), основных акторов МО (международных и иных организаций), основных тенденций мирового развития, но и возможность, даже неизбежность появления в будущем новых факторов, качественно меняющих всю мировую парадигму развития МО. Эти и другие теоретические и методологические вопросы эксперты Центра военно-политических исследований попытались рассмотреть в предыдущих работах¹⁶².

Анализ и прогноз современного состояния международной, военно-политической и стратегической обстановки в мире — как реальные, так и их интерпретация — является одновременно наиболее противоречивой и наиболее актуальной проблемой отношений России и Запада. В общественном мнении и даже в оценках правящих элит разных стран видны совершенно разные, порой полярные оценки действительности, которые не могут не вызывать обоснованной тревоги. Никогда прежде в истории эти позиции и результаты анализов не отличались так радикально по самым ключевым проблемам современности.

Сегодня ясно, что очевидных ответов нет, отнюдь не из-за недостатка информации и аналитики, а во многом из-за заранее принятой политической и нередко идеологической позиции, которую занимает тот или иной политик, журналист и исследователь. Эта полярность оценок, суждений и прогнозов поражает: никогда еще по поводу конкретных политических действий не высказывались такие абсолютно противоположные и категорические суждения. Эта же политико-идеологическая неопределенность отражается и на позиции военных руководителей и экспертов,

¹⁶² Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

которые в немалой степени были дезориентированы в СССР и в России в период правления М. Горбачева и Б. Ельцина объявленной «деидеологизацией». Идеология, как система взглядов и способ управления, была фактически запрещена в официальной России, что привело к отсутствию всех сколько-нибудь логических и последовательных концепций и хаосу в управлении. Что сохранилось до сегодняшнего дня и во многом очень удобно для правящей элиты, от которой не требуется определенных ответов.

Основных причин этому идеологическому кризису в России — две. Во-первых, абсолютная идеологизированность в последние годы со стороны Запада по отношению к России и ее политике в мире, на Украине и внутри страны. Эта идеологизированность, перешедшая в русофобию, по сути уже стала вполне соответствовать критериям психологической войны и, надо сказать, вполне соответствует задачам ведущейся сетцентрической войны против России.

Эта полярность идеологических оценок и подходов вызвана также тем, что в начале XXI века произошло (для большинства неожиданное смещение) акцентов из противоречий в межгосударственной области в межкультурную, где основными субъектами МО выступают уже не государства, а локальные человеческие цивилизации. Примечательно, что, не признавая этого, мы не видели, что такая цивилизационная борьба вышла на первый план на Западе. Как очень точно сказал в начале своего президентства Б. Обама, «Я не предлагаю стройной теории государственного устройства Америки, не выдвигаю никаких призывов к действию, не подкрепляю их для верности графиками, диаграммами, рисунками и планами из десяти пунктов. Моя задача куда скромнее: я размышляю об идеалах и ценностях...»¹⁶³

¹⁶³ Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб: «Азбука-классика». 2008. С. 15.

В конечном счете, не только В. Путин, но и остальные представители правящей элиты в России были вынуждены признать этот факт, что легализовало и придало публичность борьбе между государственниками и либералами-западниками. Произошел раскол. Единая прежде правящая элита, состоявшая в основном из тех коммунистических, советских и хозяйственных руководителей, которые сумели быстро превратиться в либералов и предать собственную партию, быстро перестроилась. Теперь уже превратившись в патриотов-государственников, отстаивающих интересы российской ЛЧЦ. Насколько искренне — покажет время, — но нельзя исключать, что избранная Западом стратегия давления на правящую элиту приведет к успеху.

Признание факта переноса противоречий в цивилизационную и идеологическую область, безусловно, многое объясняет, но главное позволяет действовать (и требует действия) соответствующим образом: «На войне как на войне». Отрицание этого факта — неизбежно ведет к проигрышу из-за неверной стратегии, неспособности своевременно мобилизовать ресурсы и вести себя адекватно развитию соответствующего сценария МО. Но как раз признавать и действовать, части элиты по разным причинам не хочется. Прежде всего, потому, что действовать придется против самих себя.

Во-вторых, хотим мы это признать или нет, но адекватный анализ и стратегической прогноз и планирование развития МО невозможен без идеологии — как господствующей в правящей элите системы взглядов и представлений на современные реалии и вытекающей из нее соответствующей стратегии развития государства¹⁶⁴. Речь идет не об отдельных отраслевых или региональных стратегиях, в массе появившихся в прошлом десятилетии в России (хотя до этого

¹⁶⁴ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО–Университет, 2012. Т. 1.

либералами долго и упорно отрицалась сама их необходимость), а о национальной стратегии, в которой концентрируются ценности, интересы, цели и средства развития всей нации. В том числе и на долгосрочную перспективу. (Речь не идет, конечно же, о сугубо нормативном документе — «Стратегия национальной безопасности», разработанном Советом Безопасности и утвержденном Президентом России).

Эти оценки и интересы имеют безусловный идеологический и политический общенациональный характер, даже если это и отрицается при помощи ссылок на Конституцию. Не случайно один из исследователей признает: «...есть убежденность, что и дальше политика государства будет строиться на мгновенных импровизациях и способности удивлять население страны и внешний мир „полицейскими“ разговорами в идеологии и геостратегическими экспромтами.

В такой обстановке будущее постепенно исчезает и как объект, и как предмет. Если там ничего хорошего не придумывается, возникает естественный импульс остановить само это придумывание, закрыть жанр как таковой. Если там ничего нет, то лучше об этом не говорить вовсе. Так, незаметно сам собой рассосался еще совсем недавно столь популярный жанр „стратегий“. Официальная позиция: нынешнее поколение российских людей будет жить ... как получится, то есть вообще неизвестно как...»¹⁶⁵.

Таким образом, стране нужна национальная стратегия, — крайне необходимая в условиях обострения МО и кризиса в России — которая должна опираться на стратегический прогноз и стратегическое планирование. Но, ни первое, ни второе не могут быть сделаны в принципе без ясной идеологии как системы взглядов. Как минимум, без осознанного формирования отношения элиты и общества к происходяще-

¹⁶⁵ Рубцов С. В. Прощание с будущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. С. 12.

му в мире и стратегии нации на долгосрочную перспективу. Но именно этого-то российская либеральная элита не может сделать и боится. Обозначить, как в США, КНР и других странах, основные принципы своей идеологии это означает отказаться от принципов либеральной идеологии в финансах и экономике, где до сих пор доминируют либералы.

Отсутствие идеологии и, как следствие, внятной политической позиции многое объясняет в такой радикальной разнице в оценках, сложившейся в российском обществе. Именно поэтому, в частности, внешняя политика России и развитие МО в мире в начале XXI века стали предметом бурной политической и научной дискуссии, вновь разделившей в 2012–2015 годах правящую элиту, общественное мнение и позицию экспертов в России на два уже ставших традиционных лагеря, — либералов и государственников, а за рубежом — на сторонников и противников силового давления на Россию. Причем если первые — либералы — очевидно готовы и дальше открыто вести дело к содействию эскалации фактически начавшейся войны Запада против России, то вторые, государственники, до сих пор еще так и не сформулировали свою национальную стратегию. Представляется, что у них, у государственников, сконцентрировавших к 2016 году большую часть власти и ресурсов, нет ясной стратегии противоборства не только с военно-силовой политикой западной ЛЧЦ, но и с отечественными либералами-сторонниками западной ЛЧЦ. В том числе оккупировавшими явно и скрытно ключевые позиции в российской финансово-экономической системе и образовании.

Иными словами, в противоборстве с западной ЛЧЦ, которое уже фактически началось, в том числе и в военно-силовой форме, российская правящая элита (как главная цель такого противоборства) оказалась:

- расколотой, как минимум, на две антагонистические части, одна из которых откровенно выступает на стороне

противника, а другая в своем большинстве состоит из конформистов и предателей;

- без идеологии как системы взглядов и самого эффективного механизма национального, государственного и общественного управления;
- без значительного кадрового и человеческого потенциала в руководстве страны и ее военной организации, выбитого тридцатилетием хаоса, и реформ в государстве;
- без сколько-нибудь значительного временного ресурса для подготовки к противоборству.

Такая ситуация имеет конкретных виновников, которые все последние 25–30 лет повторяли, что «Россия имеет как никогда благоприятные внешние условия для своего развития».

При этом споры между различными лагерями российской элиты ведутся о том, что «хуже ли нынешнее состояние отношений или еще нет, чем в годы холодной войны?». На самом деле война с Россией уже началась, а большинство (как впрочем и в первые месяцы Первой и Второй мировых войн), просто еще не отдает себе в этом отчета. Общество и элита ждет формальных заявлений и деклараций об объявлении войны, которых никогда не будет. Как их не было последние десятилетия у западных государств, которые воевали в Индокитае, бомбили Югославию, свергли Хусейна, Каддафи, Чаушеску и т. д.

Между тем наше нежелание признать хотя бы де-факто эту реальность неизбежно откладывает «на потом» самые важные и срочные решения, которые могут быть уже запоздалыми. Прежде всего, в организационно-мобилизационной и идеологической области, создавая иллюзию мирного сосуществования с «партнерами». По этому поводу одна из американских журналисток очень точно написала в самом конце 2014 года: «Неоконы, манипулирующие не особенно сведущими американскими политиками, на самом деле, не ввергли нас в холодную войну. Все значительно хуже. Длительное соперничество с Советским Союзом было „холод-

ным“, поскольку существовало „гарантированное взаимное уничтожение“. И Вашингтон, и Москва прекрасно понимали, что „горячая“ война означает обмен ядерными ударами, которые уничтожат всех»¹⁶⁶.

Действительно, «холодная война» и стратегическое равновесие ограничивали для США возможности применения военной силы. Именно в разгар «холодной войны» ярый консерватор-республиканец Р. Никсон подписал первый договор по СНВ и по ПРО. Фактически, когда в Индокитае советские специалисты участвовали в войне с американскими.

Сегодня США заинтересованы только в том, чтобы полностью уничтожить СЯС и тактическое ядерное оружие, что обеспечит им гарантированное военное превосходство. Ни о каких равноправных соглашениях по сокращению ВиВТ речи уже не идет, что было характерно для политики США в начале 50-х гг. XX века. Именно поэтому американская журналистка признает: «...что на этот раз Соединенные Штаты исходят из того, что они уже „выиграли“ холодную войну, и создается впечатление, что, опьяненные своими возможностями, они самоуверенно полагают, что могут вновь победить... Вероятность прямого военного столкновения между двумя ядерными державами сегодня, действительно, намного выше, чем во время холодной войны. Сегодня мы находимся в состоянии „замороженной войны“, потому что ничто из того, что говорят или делают русские, не имеет никакого эффекта. Те неоконны, которые определяют за кулисами американскую внешнюю политику, изобрели совершенно фиктивную историю относительно российской „агрессии“, которую президент Соединенных Штатов, а теперь и Конгресс США приняли и одобрили. Российские лидеры отвечают искренне, правдиво и руководствуются здравым смыслом,

¹⁶⁶ Джонстоун Д. Замороженная война Вашингтона против России / «Counterpunch», USA. 2014.20 December / Цит. по: <http://eurasian-defence.ru/>

они сохраняют спокойствие, несмотря на звучащие в их адрес обвинения. Ничего хорошего сложившаяся ситуация пока еще не принесла. Позиции заморожены. Когда разум терпит неудачу, его место занимает сила. Рано или поздно»¹⁶⁷.

Хотим мы признать это или нет, но влияние либералов в России, представляющих по сути враждебную (т. е. участвующую в военных действиях против нации) западную ЛЧЦ, очень сильно. И не только в таких областях как экономика, финансы, образование, но и в целом ряде других областей и отраслей, имеющих ключевое значение для безопасности нашей ЛЧЦ. Это влияние непосредственно сказывается и на искажении в СМИ картины происходящих событий. Однако для либерального лагеря в России события на Украине в 2014–2015 годах и последовавшие затем акции Запада оказались во многом неожиданными и поэтому они оказались расколотыми, даже отчасти дезориентированными. Часть из них очень быстро мимикрировала в «либералов-государственников» (что уже происходило не раз в последние 30 лет), в очередной раз быстро приспособившись к «линии партии». (Любопытно наблюдать, как их биографии начинались с партийных постов, потом превращались в «прорабов перестройки», затем — в демократов и, наконец, — в государственников. И все это за какие-то 25–30 лет карьеры!).

Другая часть — откровенно перешла в лагерь противников, напомним, уже ведущих сетецентрическую системную войну против России. Они считают, что в ней виновата Россия, что это во многом следствие поворота во внешней политике России, что в ней вина лично В. Путина, политику которого они прямо или косвенно не одобряли. И не только из-за Крыма. Они искренне полагали, что ухудшение отношений с США и ЕС во втором десятилетии XXI века было неприятным исто-

¹⁶⁷ Джонстоун Д. Замороженная война Вашингтона против России / «Counterpunch», USA. 2014.20 December / Цит. по: <http://eurasian-defence.ru/>

рическим эпизодом, связанным исключительно с личностью В. Путина, его окружением и его личной политикой, который должен вскоре пройти, а страна вернуться к внешнеполитической либеральной парадигме — «разумной», «естественной» и «единственно возможной» для России. И этих либералов, надо признать, в той или иной степени поддерживает определенная часть общества, которая уже привыкла пользоваться благами Запада, получив свою долю сырьевой ренты¹⁶⁸.

То, что Россия понесла в последние десятилетия катастрофические издержки в результате такой либеральной политики, их несколько не волновало и не волнует. Не надо сомневаться в том, что они готовы на еще большие уступки, которые неизбежно привели бы к полному контролю со стороны Запада, лишь бы вернуться к «демократической» горбачевско-ельцинской внешней политике. И в этом кроется большая опасность для России. В нарастающей борьбе локальных человеческих цивилизаций у противников России есть мощные союзники внутри страны. Те, кто уничтожал СССР и разваливал Россию, кто при любых правителях — при Л. Брежнев, М. Горбачеве, Б. Ельцине, а теперь и В. Путине удивительно цепко держатся во власти или рядом с ней, мелькают по телевидению, участвуют в ток-шоу и других мероприятиях, фактически формируя реальную «национальную» идеологию приспособленчества и конформизма, хотя публично и повторяя, что «ее нет и не может быть».

Для того чтобы убедиться в этом достаточно почитать биографии «успешных» людей, которые были в центре общественного внимания последние 30 лет¹⁶⁹. В любом случае в России сохраняются и, наверное, будут сохраняться два лагеря, существовавшие уже за несколько столетий до

¹⁶⁸ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

¹⁶⁹ См. подробнее: Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц» / <http://viperson.ru/>

сегодняшних событий. Тех, кого Н. Данилевский и Ф. Достоевский причисляли к сторонникам уникальности российской локальной человеческой цивилизации («Россия — не Европа») и тех, кто считал, что Россия — часть Европы, точнее — та часть системы ее культурных, духовных ценностей и идентичности, которая должна признать приоритеты основной части — либерально-протестантской Европы.

Столкновение представителей различных идеологий ежедневно ощущается на всем спектре политических и экономических аспектов формирования современного сценария МО и не может не сказываться непосредственно на всех «частных» внешнеполитических вопросах, возникающих ежедневно. Вот как охарактеризовал такие политико-идеологические противоречия между двумя этими лагерями, по частному вопросу «политика Приднестровья», — бывший начальник управления администрации Президента РФ М. Колеров: «Молдавия и Украина, раздав политические пощёчины «евразинтеграторам» из Москвы, вполне адекватно увидели свою политико-экономическую задачу послужить ЕС не только новым колониальным товаром, но — бери выше! — послужить ЕС надёжным каналом льготного входа на огромный потребительский рынок ТС через те дыры, что — после либерал-идеалистов из российского правительства, втащивших Россию в ВТО — открыли Молдавии и Украине зону свободной торговли СНГ ... следовательно, беспрепятственный вход в ТС. Закрыть этот фактически контрабандный вход из предбанника ЕС в ТС — теперь для России крайне трудная задача. Но, по крайней мере, высшие представители России в части экономических отношений с ближним зарубежьем вполне определённо и резко отрицательно выступили против надежд новых колоний ЕС, особенно Украины, соединить ЗСТ ЕС с ЗСТ СНГ и ТС: национальный координатор отношений с СНГ, вице-премьер Игорь Шувалов, советник президента России по евразийской интеграции Сергей Глазьев,

премьер-министр Дмитрий Медведев, президент Владимир Путин внятно и определённо заявили о категорической несовместимости европейской и евразийской интеграции»¹⁷⁰.

Таким образом, у правящей российской элиты, которая является во главе с В. Путиным главной целью стратегии «Глобального военно-силового противоборства», сохраняется теоретически два варианта действий.

Первый вариант, к которому во многом уже привыкли со времен М. Горбачева, — компромиссов, означающих, как правило, односторонние уступки. В соответствии с этим вариантом необходимо:

- продолжать финансовую политику, определяемую МВФ, не пытаясь выйти за обозначенные им «флажки»;
- легализовать либеральную прозападную оппозицию, которая, как во времена Б. Ельцина, станет гарантом политического курса России;
- убрать из правящей элиты значительную часть окружения В. Путина и, как минимум, ограничить его влияние, заставив отказаться от суверенной политики;
- отказаться от самостоятельной внешней политики, «согласовывая» все свои действия с США;
- прекратить модернизацию ОПК и ВС, провести односторонние мероприятия по разоружению и др.

Второй вариант, по которому движется пока что Россия, заключается в борьбе за национальную идентичность и суверенитет, в т. ч. формирование самостоятельного центра силы:

- предполагает оформление национальной идеологии и стратегии развития;
- подготовки и продвижения соответствующих национально-ориентированных кадров и профессионального управления;

¹⁷⁰ Колеров М. Создатели гуманитарной катастрофы: евразийская риторика Москвы и Приднестровье / Эл. ресурс «OSTKRAFT» 06.10.2013 / <http://ostkraft.ru/ru/documents/1188>

- «чистку» рядов правящей элиты от наиболее одиозных и активных либералов-проводников политики западной ЛЧЦ;
- создание коалиции на базе БРИКС–ШОС–ЕврАзЭС;
- вернуть суверенитет в финансово-экономическую политику государства.

2.7. Либеральная парадигма и столкновение цивилизаций

Развитие либеральной парадигмы в СССР и России катастрофически повлияло на положение нации и всю международную, военно-политическую и стратегическую обстановку в мире, что видели хорошо, уже не только некоторые бывшие советские руководители, но и идеологи западной ЛЧЦ. В своей известной книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинский написал: «...постсоветский кризис русского государства (так сказать, его «сущности») был осложнен тем фактом, что Россия не только внезапно лишилась своей имперской миссионерской роли, но и оказалась под давлением своих собственных модернизаторов (и их западных консультантов), которые ... требуют, чтобы Россия отказалась от своей традиционной экономической роли ментора, владельца и распорядителя социальных благ»¹⁷¹.

Возвращаясь вновь к нашей логической модели политического процесса, мы можем условно обозначить влияние российского либерализма на МО как (вектор «А» — «Д» — «Б»), хотя (и в этом с З. Бжезинским, безусловно, можно согласиться) у российских либералов были влиятельные западно-либеральные советники, покровители и спонсоры, чье значение отнюдь не ослабло и сегодня.

¹⁷¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С. 120.

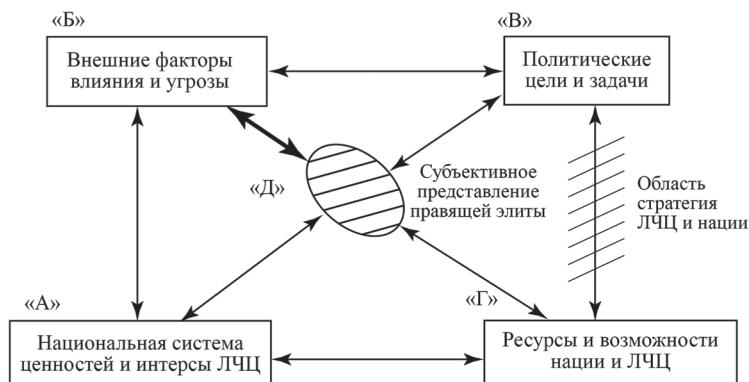

Рис. 2.14. Место факторов внешнего влияния в абстрактной модели политического процесса

Либералы-западники — отнюдь, не только явление современной российской действительности. Их влияние было очень сильно и в XX веке, как на коммунистическое, так и собственно демократическое движение. Но не только. Можно говорить, что западничество и либерализм, как политический и даже религиозный феномен, «существовал в России всегда — от «западников-бояр» и сторонников сближения с католиками до западников-дворян в XVIII и XIX веках, о которых писал достаточно подробно еще Ключевский. Примечательно, что В. Даль относит западников к слову «западать» («начать падать»), а также — «к западу относящийся», «последователь и защитник Запада»¹⁷².

В конце XX века эти «защитники Запада» стали доминирующей группой правящей элиты СССР и России, сохранив во многом свое влияние и в настоящее время. Поэтому можно определенно констатировать, что западная система ценностей и интересов (группа факторов «А» в нашей модели

¹⁷² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. А–З. — М.: Терра, 1995. С. 611.

политического процесса) оказывает по-прежнему существенное влияние как на всю правящую элиту и общество (группа факторов «Д»), так и на формирование всей международной и военно-политической обстановки.

Как видно из рисунка 2.14, либерально-западническая идеология и мировоззрение, представляющее систему определенных ценностей, в XXI веке оказывает влияние на целый комплекс факторов:

- во-первых, собственно развитие системы западно-либеральных ценностей, которые не только стремительно превращаются и силой навязываются в качестве «универсальных», но и приобретают все отчетливее антинациональный и антитрадиционный характер (поощрение наркомании, гомосексуализм, «толерантность» и пр. атрибуты новой системы ценностей), причем западная ЛЧЦ декларирует свою готовность их «силовой защиты и продвижения»;
- во-вторых, эта новая система западно-либеральных ценностей предназначена для вытеснения национальных интересов, их замены «цивилизационными» интересами, что неизбежно ведет к: а). десуверенизации государств; б). ликвидации системы международной безопасности, основанной на интересах безопасности отдельных стран, и ее институтов (в т. ч. ООН и др.);
- в-третьих, новая система западно-либеральных ценностей наносит удар по национальной идентичности правящей элиты и общества (вектор «А» — «Д»), деформируя их представления в неадекватном восприятии реалий мира и международной обстановки. Типичный пример — Россия и восприятие ее правящей элитой и обществом Запада в 80-е и 90-е годы XX века, которое позже называли «романтическим», «оптимистичным» и т. п., но суть которого, тем не менее, с политической точки зрения не изменилась и называется только как

- «неадекватная» (в мягком варианте) и «предательская» по отношению к национальным интересам (в реалистическом варианте);
- в-четвертых, западно-либеральная система ценностей и политическая практика, возникшая на её основе, привели к деформации всей системы МО из мирной двухполярной системы в остро-конфликтную многополярную систему. Последствия этого влияния настолько радикальны и многочисленны, что их можно охарактеризовать как качественные изменения международной и военно-политической обстановки, развитие которых естественным образом и привело во втором десятилетии XXI века к конфликту между несколькими ЛЧЦ и фактическому началу системной и сетецентрической войны¹⁷³.

Таким образом, можно констатировать, что развитие либерально-западной парадигмы ведет к формированию сценария военно-силового противоборства в мире¹⁷⁴. Это необходимо обязательно учитывать, понимая, что оставаясь, политико-идеологически, под влиянием либерально-западнических идей Россия неизбежно будет играть по правилам, разработанным для нее в этом сценарии, а именно — на поражение в военно-силовом противоборстве с Западом.

Рассуждая, таким образом, мы исходим из того, что с конца 80-х годов XX века до второго десятилетия XXI века в российской элите господствовали (и во многом продолжают) либерально-западнические представления о будущем России и ее ценностях, которые, по сути, являлись упрощенным заимствованием американско-европейской модели развития. При этом не отдавалось отчета в том, что эти ценности и интересы западной ЛЧЦ естественно и закономерно

¹⁷³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

¹⁷⁴ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

не соответствовали (и не могли соответствовать) российским интересам и ценностям. Более того эти ценности и интересы прямо направлены на ликвидацию российского государства и русской идентичности, т. е. на уничтожение. Это противопоставление — бескомпромиссно и не должно быть замаскировано никакими иллюзиями.

Парадокс, однако, заключался в том, что все десятилетия любые попытки попытаться представить себе собственно ценности российской ЛЧЦ и ее национальные интересы встречали яростную критику со стороны значительной части правящей элиты СССР, а потом и России. Один из авторов (А. И. Подберезкин) хорошо прочувствовал это на себе, издав в конце 1980-х и начале 1990-х годов несколько работ, посвященных этой теме, среди которых хотелось бы выделить «Национальную доктрину России»¹⁷⁵, «Русская идея и государство» и несколько изданий книги «Русский путь»¹⁷⁶.

Таким образом, идеологическое господство либерально-западнической парадигмы привело в определенный период и господству этой парадигмы не только во внешней и военной политике М. Горбачева — А. Яковлева, которая привела к катастрофическим последствиям для МО и ВПО, но и во внутренней политике и экономике, что хорошо иллюстрировал процесс повальной приватизации, о котором даже А. Чубайс сказал, что он «был сделан по идеологическим мотивам»¹⁷⁷. Соответственно и правящая элита страны (СССР, РСФСР и РФ) формировалась с установками либеральной идеологической и политической парадигмы весь конец XX и начало XXI века. Но, главное что в соответствии с этой парадигмой

¹⁷⁵ Подберезкин А. И. Национальная доктрина России. — М.: РАУ-корпорация, 1993; Современная русская идея и государство. — М.: РАУ-корпорация, 1995 и др.

¹⁷⁶ Подберезкин А. И. Русский Путь. — М.: РАУ-корпорация, 1996.

¹⁷⁷ Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А. Приватизация и приватизаторы. — М.: Книга. 1995.

трансформировалось (точнее — деформировалось) государство и его институты, в том числе и прежде всего, военная организация государства. Это привело к тому, что к 1996 году (началу, «первой чеченской» войны) вся военная организация России не могла обеспечить даже боеспособную 50-ти тысячную группировку, хотя военный округ на Северном Кавказе превышал численность в 30 000 человек. Первая «чеченская война» показала со всей очевидностью, что западно-либеральная идеология и модель развития привела:

- к международному «дефолту» России;
- развалу экономики и кризису общества;
- краху государственных институтов.

Дальнейшее последовательное следование этой либерально-западной парадигме означало полную потерю власти правящей российской элиты, которая шантажом и обманом смогла «вырвать победу» у не сопротивлявшегося Г. Зюганова на президентских выборах 1996 года. Но уже выборы губернаторов 1996–1997 года показали, что почти во всех областях побеждают не столько формальные сторонники НПСР и КПРФ, сколько противники западников-либералов, а кризис 1998 года окончательно «подвел черту» под претензиями либералов на монополию на власть.

Здесь мы наблюдаем классический пример социологического закона «забегание вперед — откат — стабилизация», о котором в своё время со ссылками на классиков марксизма очень хорошо написал Н. Симония: «Даже потерпевшая поражение непосредственно в ходе своего развития революция 1905–1907 гг. в России не закончилась полной политической реставрацией», а В. И. Ленин, говоря об итогах этой революции, подчеркивал, что «... самодержавие возникло в новую историческую эпоху»¹⁷⁸. «Либеральная революция» в России «забежала» к концу 1990-х годов настолько далеко, что

¹⁷⁸ Ленин В. И. Полн. СОБР. Соч. — М.: Политиздат, 4-е изд. 1980. Т. 19. С. 243.

«развалила общество, экономику и государство». В начале нового века, пришедший к власти В. Путин, оказался у их обломков, которые с огромным трудом он принялся собирать.

Таким образом, к первому десятилетию XXI века доминирование либеральной парадигмы в политике и общественном сознании России привело к двум фундаментальным изменениям:

- деформации значительной части политической, финансово-экономической и общественной элиты страны, чьи интересы и ценности стали не соответствовать интересам и ценностям российской ЛЧЦ, но отражать интересы и ценности основного противника — западной ЛЧЦ;
- деформации общества, экономики и государства и его институтов, в том числе силовых, в соответствии с интересами и ценностями либеральной части правящей элиты. Фактически борьба с государством и его институтами была начата еще Л. Троцким, а позже продолжена — А. Яковлевым «под флагом» «антиэтатизма», но подлинных масштабов она достигла при Б. Ельцине, когда сторонники либеральных реформ добились того, что основные институты государства фактически перестали выполнять свои функции. Это относится, прежде всего, к экономическому и социальному блоку и к МВД и МО, но также и СВР, ГРУ, МИД и др. институтам. Эту ситуацию ко второму десятилетию XXI века можно охарактеризовать следующим образом, если говорить собственно о военной организации России: к приходу В. Путина во власть, остатки этих институтов, потерявшие свои функциональные возможности, уже не могли играть сколько-нибудь эффективной роли. В 1999 году государство практически перестало существовать, разбившись на «уделы».

«Вторая чеченская война» стала, с приходом В. Путина к власти, основным мотивом для реанимации государства

и его институтов, что категорически не соответствовало интересам и ценностям западно-либеральной части правящей элиты. Именно этим, а не любовью к чеченскому народу, объясняется та либеральная атака, которая была предпринята на В. Путина в 1999–2003 годы, когда либеральная элита попыталась консолидироваться, выдвинув М. Ходорковского. Но попытавшись использовать апробированные институты захвата власти — выборы и СМИ, столкнулась с жесткой реакцией В. Путина, после чего ушла от прямых политических выступлений в активную оппозицию.

Рис. 2.15. Логическая модель «идеальной» и фактической военной организации России во втором десятилетии XXI века

Как видно из рисунка 2.15, либерально-политическая идеология и ее носители, часто из российской правящей элиты, оказывают прямое давление на все «блоки», которые должны составлять военную организацию государства и ЛЧЦ, — но по-разному. Если говорить коротко, то основной традиционный блок, составляющий институты военной организации государства (блок №2) не только находился под разрушительным давлением «либеральной» парадигмы, но и до сих пор продолжает его испытывать. Это привело к разрушению ОПК и ВС России, других государственных институтов, которые стали медленно восстанавливаться

с приходом к власти В. Путина по мере вытеснения либеральной элиты из управления.

Еще хуже ситуация с двумя другими блоками (блок №3, блок №4), которые:

- игнорировались государством, обществом и властью последние десятилетия, а поэтому были фактически исключены из военной организации. Напомню, что в США произошел обратный процесс: общество и бизнес были интегрированы в военную организацию.

Вплоть до настоящего времени в России не существует всеобъемлющей и эффективной военной организации, которая включала бы в себя все слои общества, нации и все ресурсы. Так, как это было при И. Сталине и позже в СССР, когда существовал единый общенациональный центр, управляющий всеми силами, возможностями и ресурсами нации, а также привлекающего для решения этих задач внешние ресурсы. Под влиянием политико-идеологической либеральной парадигмы все военная организация нации и общества сузилась только до военной организации собственно государства, что видно на следующей логической модели, которая представляет собой «идеальную» и «реальную» военные организации;

- эти институты, которые испытывали на себе влияние «либеральной парадигмы» в максимальной степени, были превращены в антигосударственные и антинациональные, в своем большинстве, институты.

Наконец, последний, пятый блок, только начал восстанавливаться, из остатков советского влияния и могущества, при втором сроке В. Путина — «Россотрудничество», «Россия сегодня» и другие институты «мягкой силы», активизация евразийского процесса, сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС, двусторонние связи и пр. действия России стали по сути дела ее новой политикой в мире. Именно эта активность, наравне с конкретными политическими примерами

«непослушания» России, стали истинной причиной ускорения антироссийской кампании со стороны США.

Вместе с тем следует признать, что именно из-за позиции западно-либеральной части правящей российской элиты не произошло воссоздания всей военной организации России и ее ЛЧЦ. Это привело, в конечном счете, к тому, что российская ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века до сих пор не имеет полноценной военной организации, роль которой выполняет ее единственный («второй» — на нашей схеме) блок — силовые и политические институты государства.

Кроме того, влияние «либеральной парадигмы» сохранилось на все российское общество и институты государства, что крайне опасно. Возможность повторения либерального реванша, аналогичного реваншу М. Горбачева, — А. Яковлева во второй половине 80-х годов является очевидной угрозой российской ЛЧЦ. Маловероятно, что обанкротившаяся политика снова станет ведущим трендом, но то, что она препятствует восстановлению могущества и влияния России — очевидный факт.

К середине 2015 года в российской элите сложилось хрупкое равновесие между сторонниками либеральной парадигмы развития и российского пути, но это хрупкое равновесие не может долго сохраняться: западная ЛЧЦ использует все свои возможности, чтобы реанимировать либеральный лагерь и отстранить национально ориентированную элиту от власти. Война на Украине стала для откровенных и скрытых российских либералов не борьбой локальных (российской и западной) цивилизаций не на жизнь, а на смерть, а всего лишь неприятным и достаточно неожиданным политическим эпизодом. В этой войне они увидели «угрозу демократии», а также потенциальную угрозу возвращения России на независимый внешнеполитический и национально ориентированный (т. е. антизападной) путь развития, о котором еще

в конце 40-х гг. XX в. предупреждал И. Ильин¹⁷⁹, который писал: «Или внутри России встанет русская национальная диктатура ... или же ... в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия»¹⁸⁰. По их мнению, либеральная парадигма в России оказалась под угрозой, т. е. прозападный, антинациональный курс «посмели поставить под сомнение».

Причем во всех проявлениях этого хаоса и анархии. Правящий (во многом по-прежнему) в России либеральный лагерь увидел во внешней политике В. Путина явную угрозу своим интересам и базовым ценностям, а западную политику по отношению к Москве рассматривает как «естественную», «допустимую», даже «неизбежную» и «справедливую». Это становится вполне понятно, если признать, что интересы России — коммунистической, монархической, любой — противоположны.

Представители этого западническо-либерального политического лагеря, и с этими же идеями, остаются частью правящей российской элиты и — скрыто или «из-под полы» — лоббируют интересы западной ЛЧЦ вопреки интересам российской ЛЧЦ, которую они категорически не хотят признавать за полноценную и равноправную цивилизацию. В этом смысле их позиция удивительно точно совпадает с позицией официального Киева. И не случайно: русофобство лежит в основе идеологии либерализма. Просто в Киеве это признается открыто, а в России — полуофициально. Из этого вытекает, как минимум, несколько выводов:

- находясь у власти и отрицая право российской нации на цивилизационную идентичность, либералы изначально

¹⁷⁹ Ильин И. О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 87.

¹⁸⁰ Ильин И. А. О возрождении государственности / Эл. версия: Viperson. 2005. 9 марта / <http://viperson.ru/>

обрекают ее на поражение, а государство — на потерю суверенитета в противоборстве с западной ЛЧЦ, потерю сложившейся столетиями системы культурных и духовных ценностей;

- так или иначе, но отрицается и право нации на самостоятельность политический суверенитет и государственность, «что ведет неизбежно (как заметил еще Н. Данилевский) к исчезновению нации в скором времени». Во многом это стало следствием отказа от идеологической и формационной парадигмы советского периода, когда, как признает академик А. Чубарьян, «открылись возможности плюралистического взгляда на ход мировой истории»¹⁸¹. Но именно в этих новых условиях возникает потребность развития национально-ориентированного мировоззрения и идеологии;
- отрицается сама необходимость и возможность противодействия давлению Запада, в т. ч. необходимости национальной мобилизации, обеспечения безопасности и др. мер по укреплению государства и развитию ЛЧЦ в условиях противоборства, что наглядно продемонстрировал демарш министра финансов А. Кудрина, который ушел в отставку из-за роста расходов на безопасность и оборону. Сторонники российского либерализма, как идейно-политического течения, не видят, что в XX–XXI веке «чистого либерализма» уже не существует, что с конца XX века происходит сближение этих идей с идеями консерватизма и социал-демократии¹⁸², ориентированными на систему ценностей и интересы западной ЛЧЦ.

¹⁸¹ Чубарьян А. О. Всемирная история: взгляд из XXI века / Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян, Ин-т всеобщ. ист. РАН. — М.: Наука, 2011. С. 5.

¹⁸² Краткая российская энциклопедия. — М.: БРЭ ОНИКС XXI век, 2003. Т. 2. С. 323.

Таким образом, можно констатировать, что в 2013–2015 годах произошло не только резкое, обострение международной обстановки, которое привело к радикальным изменениям в военно-политической обстановке в мире и в Евразии, но и проявились все признаки глубокого политико-идеологического кризиса в отношениях между локальными человеческими цивилизациями. Это в свою очередь означало фактическое начало первой фазы войны между двумя наиболее мощными, в военном отношении, локальными цивилизациями — западной и восточной, — вокруг которых резко ускорился процесс формирования военно-политических коалиций. Очень наглядно этот процесс проявился в обычно спокойный июльский месяц 2015 года, когда в Уфе прошел саммит ШОС и БРИКС, а в Европе — разразился финансово-политический кризис в Греции и были продлены антироссийские санкции. Другими словами, налицо — все политические признаки начавшейся войны, которая формирует сегодня конкретную современную стратегическую обстановку¹⁸³, а та — в свою очередь (и об этом будет подробнее сказано ниже) — влияет на формирование ВПО и, в конечном счете, МО.

2.8. Либеральная российская элита и развитие стратегической обстановки

Западническая, либеральная элита России продолжает оказывать влияние на все стороны процесса подготовки и принятия политических решений в интересах западной ЛЧЦ и в противовес интересам и ценностям российской ЛЧЦ. Это особенно опасно в условиях фактически начатой войны

¹⁸³ Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных, конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

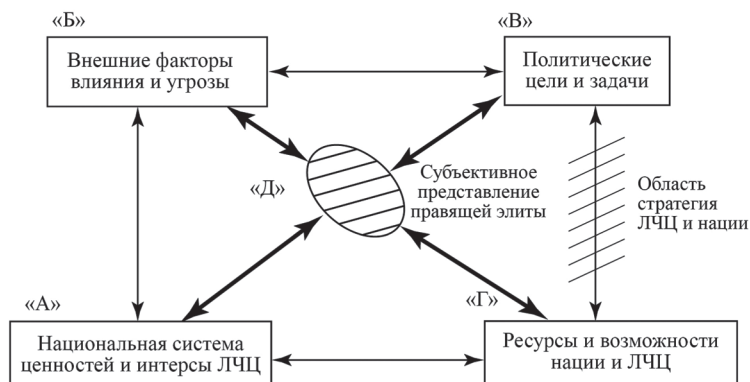

Рис. 2.16. Место факторов внешнего влияния в абстрактной модели политического процесса

между этими двумя ЛЧЦ. На известном рисунке (рис. 2.16), отображающем модель политического процесса, это достаточно наглядно видно и проявляется в следующем:

- российская, либеральная элита непосредственно влияет на формулирование политических и иных целей и задач (группа факторов «В»), пытаясь их трансформировать в интересах либеральной, и западной части общества, что, как правило, в XXI веке противоречит интересам России и российской ЛЧЦ. Это, в частности, проявляется во внешней политике в односторонней ориентации на США и Западную Европу, соответствующие компромиссы и уступки, которые со времен М. Горбачева стали нормой для советской и российской внешней политики;
- российская либерально-западническая элита влияла на формирование МО (группа факторов «Б») нередко, таким образом, как это было выгодно западной ЛЧЦ. Примеров — огромное множество от фактического соучастия в блокаде Кубы, до пособничества в агрессии против Югославии, Ирака и т. д.;

- российская, западно-либеральная элита, безусловно, негативно влияла на распределение национальных ресурсов, сформировав сырьевую, экспертно-ориентированную, экономику, проводя политику деиндустриализации и передав собственность в руки случайных и безответственных лиц¹⁸⁴.

Иными словами, российская, либеральная элита негативно влияла и продолжает влиять на все этапы формирования МО — от отношений между ЛЧЦ, до МО, ВПО и СО¹⁸⁵. При чем особенностью XXI века является то, что политическая идеология начинает непосредственно влиять на формирование СО, войн и военных конфликтов, что в предыдущей истории человечества встречалось редко. Более этого, именно либеральная идеология и ее носители становятся в XXI веке активными проводниками политики силы вообще и военной силы в частности. Если прежде это влияние снижалось по мере «опускания» на более низкие этажи развития общественных отношений (и, например, практически не ощущалось влияние той или иной идеологии, на формирование СО), то сегодня, в XXI веке, к «вертикальному» воздействию добавилось и «горизонтальное», непосредственное воздействие.

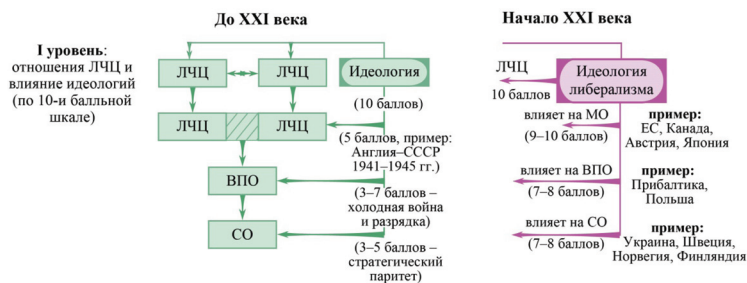

Рис. 2.17.

¹⁸⁴ См. подробнее: Мунтян М.А., Подберезкин А.И. и др. Приватизация и приватизаторы. — М.: Евразия+, 2005.

¹⁸⁵ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 27-54.

Как видно из этого рисунка, прежнее, слабое (или относительно слабое) влияние идеологии на формирование СО и ВПО в XXI веке переросло в сильное, даже «очень сильное» влияние.

В этой связи целесообразно напомнить о том, что понимается под этим термином — «стратегическая обстановка» — и как он трактуется в настоящей работе, ибо именно это понятие, наравне с международной обстановкой и военно-политической, является ключевым.

Это понимание, надо подчеркнуть, отчасти отличается от традиционного определения СО, сложившегося в послевоенные десятилетия, характеризующего, как правило, какой-то конкретный период войны или военного конфликта в неких конкретных военно-политических и прочих условиях. В том числе и по причине усиления непосредственного влияния на него невоенных, и таких несиловых факторов, как идеология, превратившихся в XXI веке уже в силовые и даже военные факторы влияния. Иначе говоря, идеология в XXI веке превратилась в оружие, участвующее в формировании как ВПО, так и СО.

Будет ли это оружие использоваться, и как оно будет использоваться — компетенция правящей элиты. Война на Украине является очень ярким и конкретным примером того, как либеральная идеология превратилась в оружие, пройдя за короткий период всего несколько этапов в своем развитии от:

- Украина — Европа;
- Украина — не Россия;
- Украина — настоящая Русь;
- Россия — азиатская страна;
- граждане России — «азиаты», «ватники»;
- граждане России — «колорады», «нелюдь»;
- граждане России — враги, подлежащие уничтожению.

Известно, что идеологическая подготовка, как часть боевой подготовки ВС страны, радикально влияет на СО. И на

Украине, где порядка 50% граждан восприняли антирусскую риторику, идеология превратилась в фактор боеспособности ВСУ и формирования СО.

В этой связи, полагаем, что в XXI веке под «стратегической обстановкой» понимается не только традиционно понимаемый вид конкретной военно-политической обстановки, представляющий собой еще более конкретное состояние противоборствующих сторон в определенный (и, опять же, конкретной) период времени в ходе такого же конкретного военного конфликта¹⁸⁶, но и такой вид международной и военно-политической обстановки, когда основные их характеристики определяются силовой и вооруженной борьбой (в, том числе, в условиях мирного времени).

Другими словами «формула» последовательного развития и взаимосвязи МО–ВПО–СО, существовавшая вплоть до начала XXI века меняется: возникает прямая взаимосвязь между международной обстановкой и конкретной войной или военным конфликтом, когда СО становится изначально составной и неизбежной частью всей МО, а военная сила стала прямо влиять на политику. Теоретически подобная взаимосвязь и непосредственное влияние возникло с появлением ядерного оружия и возможности непосредственно решать стратегические и политические задачи. Косвенно эта возможность реализовалась только в период «Суэцкого кризиса» 1956 года, когда СССР «пригрозил» Англии и Франции применением ЯО. Но практическое значение эта взаимосвязь имела только в качестве политики «ядерного сдерживания», т. е. угрозы возможного применения ЯО. В XXI веке ситуация изменилась: Такое изменение роли СО и войны произошло в результате политики стран-лидеров либерализма, создавших к началу XXI века абсолютно несправедливую систе-

¹⁸⁶ См., например: Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитический доклад [и др.] М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 13.

му перераспределения ресурсов и национальных богатств. Стремление либеральных государств сохранить контроль над этой системой сталкивается с естественным стремлением других ЛЧЦ и государств добиться равноправия, т. е. справедливо перераспределить сферы и масштабы влияния, что неизбежно приводило к войнам в человеческой истории, в т. ч. к мировым войнам в XX веке и неизбежно приведет к мировой войне западной ЛЧЦ в XXI веке с другими ЛЧЦ.

Военно-политическая система, которая была создана западной ЛЧЦ на принципах либерализма и глобализма, будет неизбежно стремиться сохранить существующий «мировой порядок» и формальные нормы международного права и его институты, охраняющие этот порядок, либо даже «улучшить» его в свою пользу. Например, реформируя ООН, ОБСЕ или вводя новые требования в отношении «прав человека» и т. д. Поэтому силовое перераспределение контроля неизбежно, но если либерально-западная ЛЧЦ, обладающая военным превосходством, будет пытаться сохранить этот контроль с помощью вооруженного насилия, то неизбежно и сопротивление других ЛЧЦ, в т. ч. вооруженное, которое будет нарастать по мере усиления этих государств и коалиций.

В качестве еще одного примера для иллюстрации такого силового противоборства ЛЧЦ можно привести ситуацию на Украине в 2014–2015 годы. Традиционно отношения между РФ и Украиной в эти годы можно охарактеризовать как напряженные, а ВПО как «стабильно-враждебную». Одновременно и повсеместно существовали и все признаки характерные для относительно мирного развития МО, — экспорт российского угля, газа, торговля, движение граждан через границы, транзит пассажиров и грузов. В то же время существовали параллельно и все признаки для определения военной характеристики развития МО: участие добровольцев в вооруженной борьбе, враждебные действия украинского правительства и информационно-пропагандистская война.

Это «враждебно-стабильное» состояние ВПО по целому ряду своих параметров характеризовалось одновременно всеми признаками ведения вооруженной борьбы, т. е. в полной мере относилось к характеристике СО¹⁸⁷. Причем именно западная ЛЧЦ, а не группа европейских стран, выступили на стороне украинских властей по одной — единственной глобальной причине: правящая украинская элита, захватившая власть в стране, выступила на стороне западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ, которая попыталась публично поставить под сомнение право Запада контролировать ситуацию в мире и конкретно в этом регионе.

Украина в этом случае — не единственный пример новой взаимосвязи МО и СО. В той или иной форме к этому феномену можно отнести и сложившуюся МО в начале второго десятилетия XXI века в Ираке, Сирии, Йемене, а также вокруг целого ряда других формально невоюющих государств, которая изначально и сознательно создавалась западной ЛЧЦ с учетом и неизбежным впоследствии ее развитием, и превращением в СО в этих странах и регионах. Эта практика не была случайной. Отчетливо просматриваются такие тенденции, как:

- превращение специальных сил Армии США в диверсионные образы;
- «военизация» ЦРУ;
- легализация ЧВК и т. д.

Аналогичную ситуацию в настоящее время мы можем наблюдать и в отношении России, когда МО в Европе сознательно и искусственно развивается в соответствии с задачами будущей СО, т. е. военными задачами. Примеров множество, но самое интересное то, что такая практика становится формальной нормой в Уставах ВС. Это и предварительное

¹⁸⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

складирование военной техники и вооружений в Польше и Прибалтике, и маневры, и увеличение мобильных сил, и создание военной инфраструктуры, и усиление враждебности во всех областях взаимоотношений с Россией — от спорта и туризма до торговли. Враждебность — как отношение — закладывается в качестве политического условия формирования МО, а не только СО.

Сказанное означает, что война и военные конфликты между ЛЧЦ уже стали неизбежными атрибутами, правилами, по которым формируется и развивается МО в регионах и во всем мире. И не только потому, что ежегодно происходят десятки войн и конфликтов, а потому, что война изначально становится частью внешней политики: формирование той или иной СО сознательно и органично входит в формирование сценария МО, — т. е. СО с самого начала планируется как часть МО и с участием военных специалистов. После взрывов в Нью-Йорке в 2001 году, как известно, в Стратегии национальной безопасности США утвердилось положение о возможности «превентивного» удара по противнику, которое стало впоследствии частью не только внешней, но и всей военной политики и политической практикой западной ЛЧЦ.

Конкретной формой такого изначально органичного участия СО в формировании МО становится сетевая война, в которой задействованы все институты и средства не только государства, но и мобилизованные им негосударственные институты и организации. Прежде всего, зарубежные, а также такие, которые прямо не ассоциируются с государством. В некоторой литературе эту форму называют также «гибридной» войной, хотя, в конечном счете, эта война все равно остается войной¹⁸⁸. В частности в новой редакции Национальной военной стратегии США

¹⁸⁸ Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

прямо говорится о том что «вероятность военного столкновения США с великими державами растёт», а характер этого столкновения будет носить характер гибридной войны¹⁸⁹. Что хорошо видно из приводимой в Национальной военной стратегии США иллюстрации:

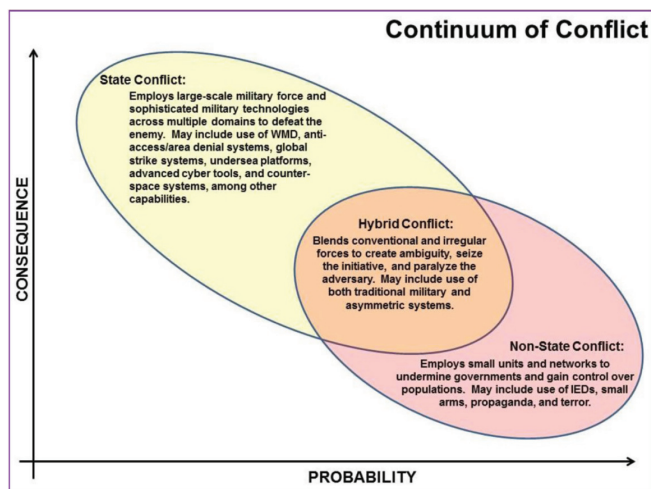

Рис. 2.18. Континуум конфликта

Как видно из рисунка официальной американской Стратегии, поле «гибридного конфликта» занимает место между межгосударственными и негосударственными участниками, что изначально стирает границу между военными средствами, силовыми средствами политики и просто средствами влияния. Развитие «либеральной парадигмы» в конкретной СО и войне приводит, таким образом, не только к неизбежности столкновения, но и заведомой неопределенности в выборе средства и способов силовых и военных действий. Ясно, как минимум, одно: либеральная парадигма в своем развитии

¹⁸⁹ The National Military Strategy of the United States of America. 2015. June. P. 4.

в военной области породила принципиально новое и более опасное явление «гибридной» войны, стирающей все грани между средствами, способами, жертвами. Так, соотношение между погибшими гражданскими лицами и военными, несмотря на появление ВТО, стремительно меняется в пользу гражданских лиц не только в Пакистане и Афганистане, но и на Украине. Это означает, что будущие конфликты и войны будут гораздо более циничными и жестокими, чем предыдущие. «Немыслимая» война в Европе во второй половине XX века, стала вполне реальной в Югославии и на Украине.

Подобное изменение роли идеологии, правящей элиты и инструментов политики в XXI веке совершенно по-новому ставит принципиально новые вопросы о:

- роли идеологии и пропаганды как инструментов политики и войны;
- роли либеральной идеологии в западнической трактовке как инструмента деформации российского общества;
- роли либеральной идеологии как инструмента, угрожающего суверенитету государства.

Очевидно, также, что наше военное искусство, опирающееся на традиционный опыт, к такой войне не готово, как не готова и военная организация, и ресурсы, и военная доктрина, и ОПК.

Эти качественные перемены в характере развития влияния либеральной идеологии и ее носителей на МО позволяют говорить о фактически начале во втором десятилетии XXI века формирования в мире такой стратегической обстановки, в которой отчетливо проявляется не только силовое, но и вооруженное противостояние западной ЛЧЦ, характерное для крупномасштабной войны, в котором важнейшая роль принадлежит либеральной идеологии и ее представителям. В отличие от «холодной войны», у этой СО отсутствует масса сдерживающих факторов, увеличивающих политические риски. Либерализм стал агрессивен и опасен

в качестве политического инструмента, а его представители — в качестве носителей этой идеологии. Относительное равновесие политических, экономических и финансовых сил, неизбежно приведет к военным попыткам его «исправить», когда стратегическое равновесие уже не сможет, как прежде гарантировать равновесия военного. Новые средства и способы ведения войны фактически девальвировали сдерживающий фактор СЯС, за которыми остался «последний аргумент» в политическом споре, но которые уже не предполагают политических полутонов и «серых зон». Но не только девальвируются СЯС. Отсутствует уже само точное понятие «война», которое вполне может быть заменено «миром», при котором, как на Украине, продолжают гибнуть десятки тысяч людей¹⁹⁰.

Ситуация и МО в мире обострила отношение к либеральной элите. В 2015 году противостояние России и Запада достигло критического уровня, когда политическое руководство России должно было делать принципиальный выбор либо в пользу сохранения остатков национального суверенитета, либо полного отказа от него в пользу признания приоритетов Запада, т. е. фактического признания политического поражения и полной зависимости. Примечательно, что часть правящей элиты в России, открыто, готова была это сделать, т. е. совершать предательство, а другая часть — пока что камуфлирует эту готовность. И первое, и второе — крайне опасно для России. Как показывает российская история, либералы часто предавали собственное государство и народ, даже не считая это предательством, в интересах других держав. Эти интересы очевидны. Этот выбор В. Путин обрисовал в своем послании ФС РФ в виде образа «Мишки в тайге, у которого хотят вырвать когти».

¹⁹⁰ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 27–33.

Переговоры в Минске между Россией и ЕС по поводу Украины в этой связи означали, что политико-дипломатические средства искусственно сохраняются в этом противостоянии, даже при понимании того, что они неэффективны. Война на Украине в 2014–2015 годах все более приобретала черты одного из региональных военных конфликтов на фоне контекста глобальной войны, имеющей новый сетевый, системный и гибридный характер¹⁹¹. «Военный мир» или «мирная война» на Украине в 2015 году — иллюстрация ведущейся против России войны.

Соответственно и характер будущих отношений России и Запада (в том числе и в военно-политической области) либеральный лагерь — в отличие от В. Путина и части его окружения — ассоциирует с откровенно подчиненной западной ЛЧЦ внешней и военной политикой России, которая, так или иначе, станет «частью западной системы ценностей» на условиях стран-лидеров глобализации, прежде всего США. Требование западников-либералов очевидно — по сути дела В. Путин должен вернуться к курсу М. Горбачева и Б. Ельцина, при котором сформировалось нынешнее поколение российской элиты, которое не только приспособилось к трудностям переходного периода, но и научилось извлекать из него немалую личную выгоду. Для большинства ее представителей «благо Родины» — отвлеченное понятие. Нравственные основы нынешней, либеральной элиты формировались не на преданности нации и государству, а на умении приспособляться к быстро меняющимся обстоятельствам и извлекать из этого материальную выгоду. В этой парадигме конфликт с Западом недопустим, ибо он лишает их многих возможностей, к которым они уже привыкли в последние годы. Каким образом совместить в этих условиях неизбежную борьбу

¹⁹¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 83–90.

ЛЧЦ и личную выгоду остается очень важным внутривнутриполитическим вопросом не только для В. Путина и его окружения, а для самой российской ЛЧЦ, будущее которой, по справедливому замечанию Н. Данилевского, будет зависеть от политического суверенитета государства.

В этом смысле не случайно, что вплоть до начала 2014 года будущая международная, военно-политическая и стратегическая обстановки рисовались правящей либеральной элите как относительно мирные и, как неизбежный результат постепенного «вползания России» в те правила игры и ту систему либеральных ценностей, которые были созданы на Западе. В соответствии с интересами западной локальной цивилизации и ее системой ценностей, вполне устраивающих российский западнический, либеральный лагерь.

2.9. Война как главное средство политики современного либерализма

Существует прямая и непосредственная взаимосвязь между ценностями либерализма (экономическими, торговыми, политическими, религиозными и пр.) правящими в ведущих странах западной ЛЧЦ элитами и политическими целями, которые формулируются этими элитами. В очередной раз, возвращаясь к известному рисунку, иллюстрирующему модель политического процесса, мы видим эту связь между группой факторов «А», характеризующих систему ценностей и интересов (в данном случае западно-либеральной ЛЧЦ) и группой факторов «Д», характеризующих правящую в этих странах элиту, и группой факторов «В», характеризующих политические цели и задачи правящей элиты.

Понятно (и видно на рисунке), что на формирование целей и задач влияют не только ценности и интересы ли-

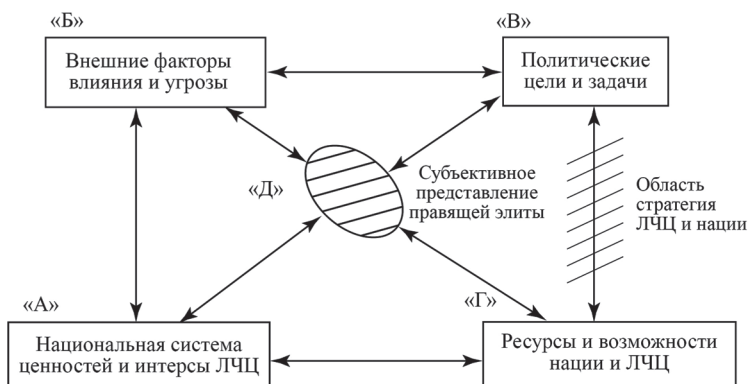

Рис. 2.19. Логическая абстрактная модель политического процесса

берализма, но и реалии МО (факторы «Б») и имеющиеся ресурсы (факторы «Г»), однако именно система ценностей и интересы правящей элиты являются базовым фактором, чье влияние, безусловно, доминирует. При этом следует понимать, что как ценности, так и интересы не являются постоянными, статичными. В том числе и либеральные ценности, и интересы в XXI веке, которые претерпели существенные изменения.

Выбор политических целей и определение основных средств их достижения является сутью стратегии. Война как главное средство обеспечения доминирования либеральной системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, стала достаточно новым явлением в стратегии западной (либеральной) ЛЧЦ, которая исторически стремилась использовать экономическую, финансовую и торговую экспансию, обращаясь к военной силе, в крайнем случае. В XXI веке, похоже, наступил именно такой «крайний случай», ибо финансово-экономическое влияние западной ЛЧЦ стало существенно слабеть. Поэтому важно понимать, что либерализм, как идеология и политика в XXI веке, радикально

отличается от изначального, традиционного, либерализма XVIII–XX вв., к которому многие привыкли, сохраняя, тем не менее, единственный общий и имеющий для России значение знаменатель — неприемлемость для русской цивилизации и государства. Не вдаваясь в детали и частности отличия либерализма XX и XXI веков, для нас важно обратить внимание на современную внешнеполитическую часть доктрины либерализма западной ЛЧЦ¹⁹², которая сводится, на наш взгляд, к следующим основным положениям:

- защита в глобальном масштабе системы ценностей западной ЛЧЦ, которой придается «универсальное», общемировое значение, в том числе и прежде всего с помощью военной силы. Более того, «продвижение» и навязывание этой системы ценностей в выгодном для лидеров западной ЛЧЦ понимании;
- отказ от признания суверенитета других государств и возможность навязывать им свою волю как важнейший принцип новейшей внешнеполитической доктрины либерализма. Приоритет придуманных норм международного права в их западно-либеральном толковании — лишь один из приемов обоснования этого принципа;
- защита всеми средствами и способами, включая военные, созданного мирового порядка и его институтов, состоящего из выгодных для западной ЛЧЦ подсистем:
 - финансово-экономических;
 - военно-политических;
 - гуманитарных;
 - морально-нравственных и др.
- формирование такой системы и норм международного права, которые будут подчинены и соответствовать системе ценностей, и интересам западной ЛЧЦ, а также

¹⁹² См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО-Университет, 2012. Т. 2.

соответствующих международных институтов, защищающих эти международные нормы.

Война, как известно, — высшая форма социально-политического кризиса в отношениях между государствами и акторами в мире. На рубеже 2014–2015 годов Россия столкнулась с таким очевидным внешнеполитическим кризисом в отношениях с Западом, с одной стороны, и с внутривнутриполитическим кризисом национальной идентичности, необходимостью выбора модели развития государства, экономики и общества, в т. ч. между укреплением суверенитета и его окончательной потерей, — с другой. Оба эти кризиса в своей основе являются политико-идеологическими (как и мировой кризис 2007–2013 гг.). И оба эти острейших кризиса решающим образом, но по-разному, оказывали влияние на формирование в 2013–2015 годах международной и стратегической обстановки в мире, в Евразии и в России. Другими словами в основе этих кризисов лежит идеология, точнее, — неприятие многими нациями в мире, включая Россию, «господствующей» и «единственно правильной» идеологии западной ЛЧЦ — либерализма. Этот мировой кризис похож на «слоеный пирог»: на самой поверхности виден финансово-экономический кризис, который уходит вглубь кризиса производственного и технологического, вытекающего из политико-идеологического и цивилизационного кризисов. Их частные проявления, «протуберанцы» — войны и конфликты, — ставшие характерной особенностью этого кризиса XXI века. Их локальный или даже региональный характер не должен никого обманывать — такие частные военно-силовые «всплески» на самом деле отражают тектонические изломы столкновения локальных человеческих цивилизаций. В конечном счете, споры вокруг продолжающегося с 2007 года мирового кризиса все чаще приводят к изменению формулировки вопроса «Будет ли война?» на вопрос «Когда она начнется?». Наконец, как

бы этого не хотелось признавать, правильным будет более точный вопрос: «Когда война началась?» и «Кто реально и действительно, воюет друг с другом?»

Ответы на эти вопросы могут лежать в анализе современной международной обстановки и ее конкретной военной части — стратегической обстановки, и отношений между локальными человеческими цивилизациями¹⁹³. Военно-силовое противоборство и военно-техническая политика, в отличие от политической риторики и даже экономических трендов, очень конкретны и количественно легко измеряемы. Численность ВС, количество ВиВТ, интенсивность боевой подготовки, наконец, активность специальных служб, манёвры, спецоперации и т. п. действия показывают не только направленность политики, но и неизбежно демонстрируют ее подлинный, а не мнимый или декларируемый характер.

Но даже такой прикладной анализ СО, характера конфликтов и войн не может быть однозначным по той причине, о которой много говорилось выше — влияния субъективного фактора в политике и сознательного искажения действительности. Приведем пример: в начале XXI века продолжают споры относительно численности участвовавших в Бородинском сражении 1812 года русских и французских войск, количестве погибших, в том числе офицеров и генералов (!), раненных, оставшихся резервах и пр. Порядка 50 ведущих историков по-разному дают оценки, включая самих участников. Так, Наполеон, говорил и о 80 тыс. французов, противостоявших «250 000 русских орд», и о соотношении 130–150 тыс. И это, при том, что по поводу этого сражения написаны сотни книг, имеются тысячи документов, памятников и воспоминаний, а «политическая целесообразность» не заставляет подгонять факты.

¹⁹³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Оценка СО и МО в XXI веке не проще, а сложнее, чем в начале XIX века в силу ряда объективных и субъективных причин. Прежде всего — множества появившихся новых факторов, которые лишают такую оценку однозначности. Они не могут быть однозначными и простыми — «Да» или «Нет». Характер современной МО и СО изменился настолько, что все традиционные положения о характере того или иного сценария и будущем развитии МО и ВПО требуют коренного пересмотра¹⁹⁴. Именно поэтому резко возрастает роль идеологии, в частности формирования концепции, гипотезы, наконец, теории и отношения, как избранной системы взглядов, т. е. опять же идеологии.

Не следует думать, что в общественных науках вообще, а в международной и военно-политической, в частности, «упрямые факты» и «объективные истины» будут все определять. Напротив, вопреки научным представлениям и логике, решать будет позиция, отношение, сформированные заранее, т. е., опять же идеология, и те конкретные люди, носители этой идеологии, которые будут принимать решения.

Применительно ко второму десятилетию XXI века сказанное означает, что с точки зрения господствующего вида либеральной идеологии XXI века западная ЛЧЦ во главе с США уже сформировала свое отношение к существующей и будущей МО, и в т. ч. с точки зрения усиления значения военной силы, которой возвращена главная роль во внешней политике. Остальное — детали, так, в частности, современный сценарий развития МО и вытекающая из него СО, и характер современной войны (в отличие от еще недавнего времени) характеризуются следующими (детальными) особенностями¹⁹⁵:

¹⁹⁴ Подберезкин А. И. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

¹⁹⁵ На этот счет в последнее время стало говорить немало. В частности: Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2-х томах. — М.: Синергия, 2013.

- современные конфликты и войны уже являются основным политическим средством либерально-западной ЛЧЦ для того, чтобы сохранить контроль над мировой обстановкой с помощью силы и, в т. ч. прямого вооруженного насилия. Эта главная цель — определяет характер и политическое содержание современных военных конфликтов и войн;
- войны и военные конфликты XXI века носят, как правило, цивилизационно-идеологический характер, даже если речь идет о внутренних войнах и конфликтах. Это означает, что система ценностей и интересы ЛЧЦ во многом, даже в основном, предопределяют внешнюю и военную политику государств и других акторов на международной арене, а сделанный ими цивилизационный выбор — предопределяет политическую позицию и участие в коалициях. Так, выбор Черногории в пользу ЕС и НАТО сделал ее участницей кампании антироссийских санкций в 2015 году;
- современные войны и конфликты могут быть (и, как правило) не привязаны к конкретной дате и прочим международно-правовым формальностям (включая дипломатические). Войны начинаются, идут и заканчиваются без объявлений, решений, конференций и прочих традиционных атрибутов, характерных для прошлых веков. Соответственно и формирование МО и ВПО происходит и будет происходить, все менее формализовано. Западная ЛЧЦ будет стремиться к тому, чтобы международно-правовая система (в т. ч. безопасности), а также международные институты, соответствовали ценностной системе и интересам западной ЛЧЦ, либо не мешали. Это означает, что возможны только два варианта их развития с точки зрения идеологии западной ЛЧЦ:
- эволюции в развитии системы и институтов в нужном для западной ЛЧЦ направлении (например, расширении членства Совета Безопасности и ликвидации права «вето»);

- деформации и ликвидации элементов этой системы и институтов (например, договоров по ПРО, ДОВСЕ, или трансформации ОБСЕ).

Современные войны чаще всего и в дальнейшем, все меньше будут связаны международно-правовыми формальностями. Объявлять войну, как прежде, невыгодно в информационно-пропагандистском и международно-правовом аспекте. А наоборот, выгодно сознательно и заранее формировать «ложную» виртуальную реальность и затем «под нее» подгонять действительность. Собственно это уже стало правилом, устойчивой тенденцией, сформированной во время войны с Югославией и Ираком. США, например, ни разу за последние десятилетия не объявляли войны, хотя и участвовали, и развязывали десятки войн и конфликтов¹⁹⁶, заранее объявляя «врагов человеческой цивилизации» в качестве целей войны;

- современные войны и вооруженные конфликты не определяются конкретными средствами ведения войны. Конечно же, остаются традиционные представления о ВиВТ для Сухопутных сил, ВМС и ВВС, но они все менее определяются родами и видами ВС. Так, созданные 1 августа 2015 года в России Воздушно-космические силы (о необходимости создания которых А. И. Подберезкин писал за три года до этого), по сути, объединяют не только ВВС, ПВО и ВКО, но и в будущем должны будут включать РВСН¹⁹⁷.

Кроме того, к современным ВиВТ могут относиться не только ОМУ, но и нелетальные, а также даже гражданские средства ведения борьбы: биты, дубинки, взрывпакеты, пестарды и т. д. — все то, что может быть использовано в «асимметричном конфликте»;

¹⁹⁶ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

¹⁹⁷ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона М.: МГИМО–Университет, 2013.

- войны и конфликты не определяются прежними (традиционными) политическими и военными целями: уничтожением ВС противника, оккупацией его территории, занятием столиц, контрибуциями и т. д. Сегодня главная политическая цель войны — заставить правящую элиту делать то, что необходимо победителю, сохранив ей (при необходимости) все атрибуты и внешние, формальные признаки, льготы и доходы власти, но лишив ее реального суверенитета, которым определяется способность управлять. Многие современные государства, например, включая развитые, уже не обладают реальным фактическим суверенитетом, но сохраняют все внешние его атрибуты;
- войны не характеризуются исключительно военными способами ведения противоборства и достижениями собственно военного искусства. Вооруженная борьба становится нередко достоянием отдельных социальных групп и гражданских слоев населения и организаций, которые ведут ее по-своему, нетрадиционно. Это очень хорошо было видно на примере военного конфликта на Украине, где собственно военное искусство было сведено к тактике управления отдельными батальонами, в разных случаях, бригадами;
и т. д. и т. п.

В силу этих и других качественных изменений в анализе МО и СО, войн и конфликтов требуется попытаться по-новому, в том числе с разных углов зрения объяснить развивающуюся международную ситуацию, которая стремительно меняет традиционные представления о МО и ВПО, сложившиеся в последние десятилетия. В частности, если прежде военно-политическая обстановка нередко была частью международной обстановки на протяжении длительного мирного периода времени, а стратегическая обстановка возникала как «частный случай» войны или военного конфликта, то сегодня

мы наблюдаем феномен, когда СО изначально становится составной частью современной МО, т. е. вооруженная борьба в том или ином виде присутствует и планируется всегда. Причем не только в форме информационной или кибервойны, но и в форме прямых военных действий, которым, естественно, стараются не придавать, до поры, публичного характера. Это отчетливо просматривается, например, во всех современных стратегиях национальной безопасности США.

Сегодня нужно изначально признать необходимость критического анализа предыдущего опыта и «авторитетов» в политике и военном деле для того, чтобы добиться эффективной политики в будущем. В том числе и самых «неоспоримых». Так, с последней четверти XX века и до начала второго десятилетия XXI века многие ведущие политики и эксперты в России вообще не рассматривали всерьез (более того, мешали это делать другим) сценарии и прогнозы усиления конфронтации России с Западом до уровня военных конфликтов и войны (а некоторые «эксперты» отказываются делать это и теперь). Можно сказать, что целое поколение политиков, ученых и экспертов (не говоря уже об «общественных деятелях») сделало себе имя, карьеру и положение при Брежнев–Горбачеве–Ельцине–Путине, утверждая «невозможность войны» и конвергенцию интересов, т. е. фактический отказ от системы национальных интересов и ценностей. «Советский Союз распался не в декабре 1991 года, а в декабре 1988 года, когда в выступлении Михаила Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН прозвучало: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес»¹⁹⁸.

Фактически еще при М. Горбачеве и А. Яковлеве были запрещены любые исследования, а не только публикации,

¹⁹⁸ Цит. по: *Воронин С. А.* Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015. С. 4.

направленные на трезвый анализ МО под предлогом «де-идеологизации». Любая попытка такого анализа рассматривалась как «антиперестроечная», «не соответствующая линии партий».

Разве что, такой закрытый анализ происходил в тех специальных структурах, где были вынуждены разрабатывать сценарии «на все случаи жизни» или у отдельных политологов¹⁹⁹, хотя уже после конфликта на Кавказе в августе 2008 года стало ясно, что могут получить развитие самые разные военные сценарии отношений с Западом.

Реалистические варианты развития МО даже не рассматривались, а их авторы сознательно оставались на периферии общественно-политического внимания. «Либеральная парадигма» существовала в исторической России с очень древних времен, вполне выживая и при монархах, и при коммунистах. Абсолютное большинство современных «экспертов» — политиков, комментаторов и журналистов — вполне успешно существовали при Советской власти (даже в ЦК КПСС), при М. Горбачеве, — в период пропаганды «общечеловеческих ценностей», при Б. Ельцине, — при «демократах». Существуют они и сегодня — в Государственной Думе, Совете Федерации, Администрации, Правительстве, — причем вполне успешно. Это необходимо иметь ввиду, так как ресурс влияния и приспособления этих представителей элиты — огромен.

Противоположные сценарии усиления противоборства (которые в том числе предлагались А. И. Подберезкиным в 1980-е — 1990-е годы) даже всерьез не рассматривались, хотя эти сценарии, как оказалось, не такие, уж, «далекие» и не такие, уж, «невероятные». Более того, в случае с Подберезкиным, существовала явная запретительная цензура в самом либеральном ИМЭМО РАН, где ему были запрещены

¹⁹⁹ Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение. 2011.

некоторые публикации. В этом смысле либерализм и свобода слова отнюдь не синонимы.

Можно сказать, что процесс «протрезвления» и отхода от наивного либерального западничества во внешнеполитическом и военном мышлении российской элиты стал ускоряться в начале XXI века под влиянием западной ЛЧЦ, хотя еще далеко и не закончился. Это объясняется не глупостью или умом отдельных представителей либеральной правящей элиты, а их личной аффилированностью с интересами западной ЛЧЦ: там, где такая вовлеченность была глубока, началось примитивное бегство на Запад (В. Гусинский), где она была меньше — вывод капиталов, где еще меньше — приспособление к реалиям. Это, освобождение от либерализма, естественно, сопровождалось неизбежными практическими усилиями в области укрепления обороноспособности, реанимации ОПК и возрождения военной науки²⁰⁰, т. е. признанием объективных интересов государства. Но — приходится признать, — что эти усилия по «возвращению государства» развиваются еще в русле старых внешнеполитических и военных парадигм, сформированных в 1980-е годы и последующие десятилетия. Политического отказа от прежнего, либерального курса так и не произошло. Отход от него похож на медленную эволюцию, движение в верном направлении, а не на смену идеологических и политических парадигм, хотя события на Украине показали, что требуется именно это. В отличие от М. Горбачева и Б. Ельцина В. Путин явно не является сторонником качественных, революционных изменений, запаздывая в своих решениях на несколько лет. Даже вполне конкретные и заметные усилия в области реализации Государственной программы вооружений РФ несут в себе характеристики, которые вполне вписываются в рамки

²⁰⁰ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

прежних парадигм и уже не годятся в условиях фактически ведущейся против России войны²⁰¹.

Осознание того, что западный политический либерализм предпринял в начале XXI века решительное наступление с целью подчинить себе окончательно остальные ЛЧЦ, — не произошло еще в мире. До сих пор еще не произошло осознание того, что борьба между двумя основными течениями либерализма — капитализмом и коммунизмом — в XXI веке закончилась не просто победой капитализма, а укреплением либерализма как такового, который воспринимает остальные идеологические и религиозные доктрины и системы враждебно. Ни о какой «политической толерантности» в идеологии, либералы говорить не в состоянии. Тем более о нормах, реально гарантирующих эту толерантность. Также как, либерализм воспринимал чужие нормы и идеи враждебно за всю человеческую историю. Либерализм не может сосуществовать с другими системами ценностей в мире — религиозными, цивилизационными, национальными. Он должен принудить их носителей подчиниться себе. Не случайно Папа Римский Пий IX был очень категоричен, когда — еще в 1864 году в своей книге «Перечень наиболее важных заблуждений нашего времени» причислял к этим заблуждениям либерализм, отделение церкви от государства и взгляд на государство как источник права²⁰².

Сторонники другой, государственнической, точки зрения (в том числе и авторы этой книги) считают, что события на Украине стали одним из очередных звеньев не только неизбежно нарастающей конфронтации между двумя ветвями

²⁰¹ См., например: Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации: аналитич. доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015.

²⁰² Воронин С.А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015. С. 4.

христианской цивилизации — локальными цивилизациями Запада и Востока, между либерализмом, а традиционализмом, но и внутри правящих элит этих ЛЧЦ. Эта нарастающая конфронтация внутри правящей элиты России, таким образом, стала следствием либеральной доктрины Запада, поставившей цель сохранить за собой глобальный контроль над сложившейся финансово-экономической и политической, а также ценностной системой и глобальными процессами в мире военными средствами, где либеральная часть правящей российской элиты стала фактически военным союзником западной ЛЧЦ уже не только в идеологическом, но и в политическом аспекте.

Учитывая, что в современном политическом конфликте, а тем более войне, идеология стала играть основную роль, либеральная часть правящей элиты становится союзником нападающего. Применительно к современной части правящей российской элиты это означает, что эта часть уже превратилась в инструмент чужой политической воли и силовое средство политики оппонента. Причем эта констатация, применительно к сегодняшнему дню, означает признание не только политического предательства, но и откровенной измены в условиях военного времени, когда нахождение в системе управления (а тем более военной организации) таких лиц недопустимо.

2.10. Российская либеральная элита и современная война

Ключом к пониманию наукой эффективности всех российских стратегий и решений является осознание того, что значительная (либеральная) часть правящей элиты сознательно противодействует их реализации. Речь идет даже не о саботаже, а о прямом противодействии.

Уже говорилось, что главная политическая цель современной войны заключается в том, чтобы принудить правящую элиту противника действовать в рамках системы ценностей и соответствовать интересам нападающей стороны. Применительно к современному состоянию МО это означает, что западная ЛЧЦ стремится, прежде всего, заставить правящую элиту России действовать в ее, либерально-западнических интересах и в соответствии с ее интересами. Очевидно, например, что такие интересы предполагают раздел территории и ресурсов России в будущем, как это было всегда, начиная с раздела Македонии римлянами во II в. до н.э. на четыре региона, которым запрещалось даже торговать друг с другом (постоянное падение объемов торговли России с Украиной и другими частями бывшей советской империи наглядно иллюстрирует современную актуальность этого примера)²⁰³.

Эта конфронтация между ЛЧЦ стала реакцией части правящей элиты России на растущий откровенный гегемонизм Запада, угрожающий существованию суверенитета и непосредственно самой российской нации. Не только одной части элиты, тогда как другая, либеральная, отнюдь не считает себя находящейся в состоянии противоборства. Получается как в борьбе, когда у одного из противников одна рука и нога не просто не задействованы, а помогают врагу.

К началу второго десятилетия конфронтация между ЛЧЦ уже фактически вылилась в силовую внешнюю политику, которая совершенно по-новому сформировала МО и ВПО в мире. События в Северной Африке, Сирии, а затем и на Украине это лишь подтвердили. А именно, когда собственно подготовка войны и формирование необходимой для международной обстановки СО изначально сопровождается, параллельно достаточно активными си-

²⁰³ См. подробнее: Всемирная история войн. — М.: АСТ, 2006. С. 56.

ловыми и даже вооруженными действиями²⁰⁴. Так, как она 25 лет сопровождалась на Украине, в Прибалтике, Польше и бывших республиках СССР.

Можно сказать, что внешняя политика США и Запада в XXI веке перешла из одного своего качества в другое, а именно: из качества общепринятой силовой политики в качество политики вооруженного насилия (которой обычно, в «нормальных условиях», страны пытаются избегать), когда граница между вооруженными способами и «просто» силовыми способами достижения политической цели фактически исчезла. Произошла смена политических парадигм, но произошло это вслед за сменой идеологических парадигм. Проблема в том, что далеко не все это заметили, а те, кто даже и заметил, не захотели это публично признать. Именно это и произошло в российской правящей элите, где значительная ее либеральная часть сделала вид, что ничего радикального не произошло, а другая либеральная часть по привычке быстро «встроилась в новую линию партии».

По сути же дела в мире была официально утверждена новая политическая модель поведения США, которую Б. Обама назвал в февральской (2015 г.) речи, посвященной «Стратегии национальной безопасности США», «...моделью американского лидерства, основанного на экономических и технологических преимуществах и ценностях американского народа»²⁰⁵, т. е. — для тех, кто не понимает в России, — на идеологическом лидерстве. Модель, которую США готовы защищать и продвигать силой, включая военную силу. Иными словами политическая доктрина либерализма стала изначально предполагать одностороннее применение силы в международных отношениях не только против отдельных (террористических)

²⁰⁴ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

²⁰⁵ Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / <http://inosmi.ru/>

организаций, но и суверенных государств и наций, исходя из своих идеологических предпочтений. Более того, такое применение силы, в соответствии с новой либеральной доктриной, предполагает не простое военное поражение того или иного государства, но смену в нем всей системы ценности, а если необходимо, — замену правящей элиты на ту, которая будет соответствовать их представлениям.

Хотят это признать или нет, но к правящим элитам других государств западная ЛЧЦ во главе с США предъявляет набор жестких требований, несоответствие которым влечет за собой целый набор санкций — от экономических и финансовых ограничений (как в случае с Россией) до демонстративного и цинично-жесткого уничтожения членов правящей элиты и даже их семей (вспомним Чаушеску, Хусейна, Каддафи и пр.).

Фактически, любые силовые действия (даже чисто экономические) стали официально признаны одной из легальных форм вооруженного насилия, составляя единую внешнеполитическую стратегию западной ЛЧЦ, в основе которой лежит либеральная доктрина. Военная сила, формально и официально, вновь, как и в период холодной войны, стала главным инструментом американской внешней политики, который используется по своему усмотрению, и в самых разных целях. Как, например, на Украине. Как заявил по этому поводу еще в октябре 2014 года С. Лавров, «Наши партнеры, которые фактически ввели санкции, не скрывают, что цель этих мер — не Украина. По сути, в их заявлениях и поступках постоянно сквозит истинная цель рестрикций — переделать Россию, изменить ее позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада. Это прошлый век, прошлая эпоха, колониальное инерционное мышление»²⁰⁶.

²⁰⁶ Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>

В основе изменения такого подхода США к военной силе лежит осознанная политика отказа от признания объективных, но неудобных мировых реальностей, а именно того, что мир в XXI веке уже вступил в эпоху «фазового перехода», множества качественных изменений, одним из которых является ликвидация однополярности и монополии на власть США, а либерализма — как единственно верной доктрины. Осознание и признание этого факта — объективная необходимость, — альтернатива которой только одна — попытка военной силой остановить эти качественные, революционные изменения в мире. В том числе в политической идеологии, и среди носителей этой идеологии в элите, хотя это и противоречит всем законам.

К сожалению, именно это и произошло в американской политике, что неизбежно будет вести к обострению противоборства в будущем. Именно эта политическая альтернатива сегодня стала господствующей во внешней политике США. Как очень точно описал ситуацию бывший начальник департамента внешнеполитического планирования МИД РФ А. Крамаренко, «Этот уход от действительности, который, возможно, не столь институционализирован, как это было в случае с Австро-Венгрией, все же является врожденной характеристикой американской политической элиты. И здесь опять, похоже, поперек стоит Россия». Как писала об иллюзиях Вирджиния Вулф, «тот, кто отнимает у нас наши мечты, лишает нас жизни». Том Грэм (в своей статье в газете «Интернешнл Геральд Трибюн», как она тогда называлась) объяснил, почему Россию винят во всех бедах Америки. Предполагалось, например, что мы «должны признать свое предполагаемое поражение в «холодной войне», которое является полным лишь тогда, когда потерпевшие поражение воспринимают внутреннюю и иную политику своих победителей (т. е. капитулируют идеологически. — *Авт.*). То есть отказываются от своего неотъемлемого права на свободу решать за себя

и, в итоге, на свободу мысли». Лоуренс Фридман в своей книге объясняет эту интуитивную приверженность Запада простым понятиям, не идущим дальше элементарной математики. Порочность этой привязанности (к простым понятиям. — *Авт.*) мы доказали в 1812 и 1945 гг. Почему сейчас должно быть иначе?²⁰⁷.

Иными словами, политическая элита России должна была, по мнению США:

- окончательно проиграть в «холодной войне»;
- полностью признать свой проигрыш и победу США;
- воспринять систему ценностей и интересы своих победителей.

Именно на этом, третьем этапе осознания результатов «перестройки» и «реформ», похоже, часть либеральной правящей российской элиты окончательно поняла, что ее система ценностей и интересы не полностью тождественны с западно-либеральной. Если на первом этапе осознания своей роли правящая либеральная элита СССР–России уже разделилась, по нашим оценкам, только 30% ее представителей оказались готовы «окончательно проиграть», т. е. пойти на все уступки, западной ЛЧЦ, и еще меньше — «полностью признать» свое поражение, то сменить свою систему ценностей — не более 15% правящей российской элиты. Но и эта доля — не такая, уж, маленькая, если учесть, что представители этой доли занимают ключевые должности в финансах, экономике и медийной сфере России.

Начало второго десятилетия XXI века, таким образом, объективно означает завершение периода относительно мирного господства США, основанного на идеализированной либеральной доктрине и экономическом и политическом могуществе, который вызвал определенную «стратегическую

²⁰⁷ Александр Крамаренко: Ответ Стивену Сестановичу / Эл. ресурс: «Официальный сайт посольства России в Великобритании». 2014. 18 ноября.

паузу», с одной стороны, и начало периода открытого военного реванша со стороны США, — с другой. Реванша, прежде всего, военно-силового. Не случайно, поэтому, в конце 2014 года именно Б. Обама заявил, что ему «удалось вернуть мировое лидерство США», подразумевая, что с помощью военной силы ему удалось резко обострить МО и повысить уровень конфликтности.

Второе десятилетие, на наш взгляд, — именно тот период, когда США показали, что не готовы отказаться от выгодной для них политической монополии на военную силу и власть в условиях изменения глобального соотношения сил. Это означает, что для США и Запада в целом, по сути дела, стало неважно какими способами заставить правящую элиту России принять навязываемые ей «правила игры» и поведения в мире. Когда речь идет о готовности использовать любые средства, это означает только одно: готовность использовать, в том числе любые военные средства. В том числе и против представителей правящей элиты. Причем в массовом, тотальном масштабе. Финансовые, экономические, иные санкции — как демонстрируют США — могут быть только началом полномасштабного процесса санкций против самых разных представителей правящей элиты: политической, промышленной, финансовой, гуманитарной, спортивной и пр. Причем границы, которые обозначаются для элиты, могут расширяться. В «список» может быть включено 100, 1000, 10 000 и даже миллионы представителей элиты и самых широких слоев общества. Эскалация санкций против элиты и расширение перечня до бесконечности создает в новых условиях политической борьбы исключительные возможности для давления и шантажа. И либерализм, как идеология и политика, всю свою историю оправдывал это.

Спектр этих средств в наше время не просто достаточно, но чрезвычайно широк. По сути дела границы между военными и мирными средствами уже не существует, а значит,

нет и границы между войной и миром. Нет четкой границы между МО и СО, что, конечно же, требует своего политического признания, ибо находится далеко от традиционных политических представлений о политике, дипломатии и войне. Прежде всего, потому, что либеральная доктрина — как набор ценностей, идей и концепций — стала сама уже таким же оружием. Когда Б. Обама говорит о том, что будет защищать права секс-меньшинств на однополые браки во всем мире, — речь идет именно об этом.

Достижение Западом заявленной политической цели — сохранение полного контроля в мире (естественно, «в интересах свободы и торговли») — означало бы окончательную капитуляцию нашей страны, равноценную полному политическому и военному поражению. Хуже того: этот результат означал бы смену системы ценностей, подмену национальных интересов и замену правящей элиты на ту, которая будет «воспринимать систему ценностей победителей». Эта капитуляция должна была бы зафиксировать формальное международно-правовое положение, которое сохраняет новое соотношение сил в мире в XXI веке, сложившееся в 90-е годы XX века.

Но не только. Она должна означать формальное признание российской элитой и обществом господства политической воли и идеологии Запада. Что выглядит не так, уж, и фантастично, ведь именно это в своей массе и произошло на Западе. Не случайно С. Лавров выразил надежду, что сейчас западные страны осознали «пагубность нынешнего курса, направленного на то, чтобы наказывать Россию». «Нет никакого результата, потому что они хотят изменить нашу позицию, — сказал он. — Но в какую сторону? Нам говорят — „если вы поможете урегулировать кризис на Украине, мы отменим санкции; давайте мы вам выставим критерий: сделайте один шаг, обеспечьте, чтобы ополченцы пустили наблюдателей на границу с Россией“. Мы отвечаем очень

просто — никакие критерии и условия такого рода выполнять и согласовывать не будем»²⁰⁸.

Таким образом, можно констатировать, что в начале XXI века произошла радикальная корректировка, фактически смена парадигм либеральной доктрины Запада: силовая политика этой ЛЧЦ по отношению к России переросла в откровенную и публичную политику вооруженного насилия, в которой отчетливо присутствовали элементы шантажа, угроз и прямого применения военной силы. Прежде всего, сателлитами Запада в Европе. Созданные за последние годы в интересах Запада неформальные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские организации стали массово использоваться против интересов безопасности России уже не только на периферии России — на Кавказе и Средней Азии, но и на ее европейской части. По сути дела нападение на юго-восточные регионы Украины стало нападением на Россию, что хорошо понимали на Западе, но всячески, подчеркивая независимость Украины, представляли это как украинский конфликт, в который вмешивается Россия. Тем самым уровень и масштаб войны против России искусственно снижался до рядового регионального вооруженного конфликта, чьи последствия долго скрывались, а масштабы — уменьшались. Этот факт позволяет снизить политические издержки для правящих элит не только Украины и России, но и всей западной ЛЧЦ, уменьшить масштаб военной угрозы до приемлемого уровня опасности.

Происходит своего рода игра, когда правящие элиты скрывают от общественности масштабы угроз, вытекающих из своей деятельности, не называя вещи своими именами и не давая им четких определений и характеристик. Эта игра на «убаюкивание» элит ведется, естественно, по договоренности,

²⁰⁸ Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>

когда все стороны сознательно занимают масштабы и уровень опасности: кто-то на 70%, а кто-то — на 150–300% или даже больше. Этот процесс обратно пропорционален уровню ответственности правящих элит — чем больше ложь, «убаюкивание», тем меньше ответственность.

Но это только до определенного предела. В правилах, разработанных для правящих элит, существует «красная черта», переступать через которую нельзя. И именно эту «красную черту» можно двигать так же свободно, как и оценки угроз: важно, чтобы это было сделано в соответствии с договоренностями, желательно без видимого обмана. Эта процедура объясняет во многом, например, логику «минских договоренностей», которая внешне абсолютно нелогична, противоречива и откровенно строится на обмане.

Незаметно, для мирового общественного мнения, но на Украине произошло главное: новая либеральная доктрина стала носить откровенно антинациональный характер. Военная сила в полномасштабном формате стала применяться против русских и России, т. е. началась прямая война с Россией. И не важно, что вооруженные силы Украины не состояли из профессиональных военных США и НАТО, а из бывших военных. Они управлялись, т. е. действовали в интересах и подчинялись руководству США и НАТО, в соответствии с нормами и правилами новой, асимметричной войны. Проще говоря, во втором десятилетии XXI века на Украине война против России фактически началась, хотя формально ее никто и не объявлял. Впрочем, США только в последнее десятилетие воевали более 10 раз против 7 государств, не объявляя войны, а Б. Обама в августе 2015 года даже признался, что отдавал приказ бомбить другие государства 7 раз за свое президентство. Наглядный пример военных действий США против ИГИЛ, которые велись с августа 2014 года. Письмо к конгрессу США об их санкционировании было направлено только через 6 месяцев, а ответ не получен до сих пор, в конце

2015 года. Этот атрибут — объявление войны — стал, как уже говорилось, устаревшим атрибутом военной истории прошлого, как и многие другие особенности традиционной войны.

Вместе с тем вряд ли можно смириться с ситуацией, когда из-за лицемерия, страха и обмана элиты, мы не знаем, что нас ждет в будущем и к чему готовиться. Тем более что готовиться «ко всему», готовиться отражать «все угрозы» просто невозможно по политическим и экономическим соображениям. Необходимо, в конечном счете, выбрать некие сценарии и их варианты, обосновать их, и попытаться добиться их реализации. Собственно эта работа и является одной из таких попыток, которую можно назвать попыткой «сценарного программирования» внешней и военной политики России в XXI веке, опираясь на анализ множества факторов формирования международной и военно-политической обстановки в мире и в Евразии²⁰⁹, а не позицию (и ее анализ) правящих элит.

В настоящем исследовании, не исследуется собственно либеральная доктрина и позиция элиты. Она предполагает более конкретный, и даже прикладной стратегический прогноз развития наиболее вероятных сценариев МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу, где, естественно, не обойтись без обсуждения теоретических вопросов, которые в той или иной степени выступают обоснованием прогноза.

²⁰⁹ Подберезкин А. И. Евразийская система воздушно-космической обороны (ЕвразВКО) М.: МГИМО–Университет, 2013; Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; Подберезкин А. И. Борошполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015; Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014 и др.

Глава III
Идеология правящей
элиты как важнейший
фактор формирования
международной обстановки

Идеология, как система определенных взглядов, изначально предполагает выбор той или иной системы ценностей, представлений и идей, точнее — систем идей и ценностей тех или иных наций и ЛЧЦ, находящихся в постоянном противоборстве²¹⁰. На этот счет написано очень много, но для нас важно, что это постоянное противоборство вытекает из сути самой идеологии, которая является системой концептуально оформленных идей, выражающих:

- интересы тех или иных наций, локальных цивилизаций, классов, социальных групп, отдельных людей. Эти интересы изначально не могут совпадать, как и их вторичные проявления — потребности²¹¹. Так, интересы и потребности европейцев; проживающих на севере и юге, не совпадают. Тем более они не совпадают с интересами и потребностями граждан других стран, цивилизаций и континентов;
- мировоззрение и идеалы, системы ценностей и их приоритеты различных субъектов и акторов мировой политики — ЛЧЦ, наций, партий, социальных групп и т. д.;
- форму сохранения (или изменения) существующей системы МО или государства и общества — политическую, правовую, философскую, нравственную и т. д.²¹²

²¹⁰ См., например: Философская энциклопедия / Идеология / <http://dic.academic.ru/dic.nsf>...

²¹¹ Краткая российская энциклопедия. — М.: БРЭ, «Оникс 21 век», 2003. С. 995.

²¹² Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

Совпадение интересов (потребностей), мировоззрений, идеалов, приоритетов и форм их реализации невозможно в принципе. Поэтому в практических, политических целях важно определить, где средства обеспечения этих интересов и ценностей угрожают (в т. ч. в военном плане) тому или иному субъекту или актору МО. В этом случае каждый раз возникает проблема адекватной оценки объективных и субъективных реалий, формирующих МО. Так, если объективные интересы и потребности ЛЧЦ, нации, государства и даже основных социальных групп можно выделить и проанализировать, то субъективные интересы и потребности правящей элиты того или иного государства анализировать (а тем более прогнозировать) крайне трудно. Они идеологичны, субъективны и зависят от множества, в т. ч. неизвестных факторов, но именно они с политической и военной точек зрения имеют особенно важное значение, ибо отражают реальную политику; в конце концов, для других субъектов МО не столь уж и важно, насколько объективны потребности этого субъекта (например, Германии «в жизненном пространстве» в 30-е годы XX века), но очень важно, что этот субъект МО собирается делать в международной и военной политике. А это уже в основном зависит от идеологии правящей в этой стране элиты (в данном случае — нацисткой). Но не только. Разницу между подходами в рамках одной идеологии в одной стране — России — можно проиллюстрировать на следующем примере (табл. 3.1).

Иначе говоря, состояние, оценка и стратегический прогноз развития МО и ее различных сценариев являются нередко не столько научной, сколько идеологической, а, точнее, — политико-идеологической категорией, хотя это утверждение сегодня многими и оспаривается. Это происходит потому, что основываясь в той или иной степени на реальных и объективных фактах и критериях, оценка общественно-политического процесса, а тем более его прогноз,

Таблица 3.1. Соотношение объективных и субъективных интересов (потребностей) и систем ценностей (на примере СССР начала 20-х гг. XX в.)

Объективные интересы (потребности) и системы ценностей	Интересы, поднимаемые правящей элитой в начале 20-х гг.	Интересы, поднимаемые правящей элитой в конце 30-х гг.
Национальные интересы:		
восстановление в естественных границах России до Брестского мира	всемирная революция, экспорт революции, отсутствие границ	восстановление контроля над утраченными территориями в Финляндии, Польше, Румынии
Экономические интересы:		
расширение производства и торговли	экспорт революции, помощь рабочему классу за рубежом	индустриализация, импорт технологий

зависят вместе с тем от целого ряда субъективных факторов, которые нередко частично или даже полностью искажают научную картину мира.

В частности, например, можно выделить некоторые из таких важнейших, субъективных идеологических факторов, изначально искажающих объективные реалии, характеризующие современную международную обстановку²¹³:

- профессиональную подготовку того, кто анализирует и дает оценку этим объективным реалиям когнитивную способность того или иного субъекта к анализу и прогнозу. История человечества знает множество примеров того, как субъективная неадекватность представителей

²¹³ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

элиты являлась главным двигателем развития международной обстановки. Мы и сегодня, в частности, знаем как не только прежде, но и сейчас, такие оценки даются людьми, которые «по определению» — профессионально и в силу своих слабых когнитивных способностей — не способны адекватно оценить то или иное общественно-политическое явление. Проблема в том, что к власти часто приходят не самые адекватные люди. Их мы наблюдаем ежедневно не только в эфире СМИ, но и на политических трибунах, на кафедрах и т. д. К сожалению, мы особенно часто сталкиваемся, за последние 30 лет, с такими людьми. В том числе на самом «верху» властной пирамиды. И не только в СССР и России, но и за рубежом;

- сознательно занятая, ложная, идеологическая позиция, влиявшая на адекватность оценки и принятие решения, которая в современной политической истории России часто встречалась и хорошо известна. Так, по признанию А. Чубайса, приватизация в России делалась исходя из идеологических мотивов²¹⁴, а не из экономической и социальной целесообразности. Ее результаты для экономики страны хорошо известны, но то же самое в полной мере можно сказать и об абсолютном большинстве областей деятельности российской правящей элиты в современной политической истории. М. Горбачев, А. Яковлев и Б. Ельцин имели абсолютно неадекватную политическую идеологию, не соответствовавшую реалиям. К сожалению, не вполне понятна программа и идеология В. Путина, которая очевидно незакончена концептуально;
- существенно искажает реальный анализ изначально известный корыстный, личный, либо корпоративный интерес, который часто присутствует для обоснования той

²¹⁴ Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А. Приватизация и приватизаторы. — М.: 2004.

или иной групповой, либо ведомственной позиции. Так, приватизация в министерстве обороны, имевшая место при А. Сердюкове, — представляла собой совпадение личных, корпоративных и ведомственных, корыстных интересов, что является отличным примером негативного влияния субъективного фактора на развал ОПК, научных школ и ВС России²¹⁵.

Эти и другие субъективные идеологические факторы необходимо обязательно учитывать при анализе, оценке, а тем более прогнозе развития различных сценариев МО, когда требуется дать максимально точную реальную картину мира, которая в минимальной степени зависит от субъективных пристрастий и интересов. Другими словами, идеология не плоха или хороша «сама по себе», а относительно хороша или плоха представленная ею система социально-политических и иных взглядов. Так либеральная идеология, как система взглядов, очень хороша для анализа и прогноза в интересах западной ЛЧЦ. В частности, в феврале 2015 года частная научно-прогностическая корпорация США сделала, безусловно, политико-идеологический стратегический прогноз до 2040 года, в котором подчеркивалось:

- усиление дезинтеграционных процессов внутри Европы и в странах ЕС;
- «разлом» России по национальным окраинам (Кавказ, Карелия, Поволжье и т. д.);
- сохранение динамизма в развитии мирового лидерства США.

Позже, в августе 2015 года, в журнале «National Interest» был опубликован другой политико-идеологический прогноз, основанный на анализе действия «сегментов влияния» США в России. Из этого прогноза также следует углубление кризиса в нашей стране и ее «разлом» уже в недалеком будущем.

²¹⁵ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Научная обоснованность подобных прогнозов имеет мало значения. Это объясняет то обстоятельство, что они, как правило, делаются неизвестными и частными организациями, естественно, не несущими за такие прогнозы ответственности. Тем не менее, в этих прогнозах видна очевидная политико-идеологическая суть политики западной ЛЧЦ и США в отношении России: дестабилизировать, дезинтегрировать и, в конечном счете, уничтожить Россию в качестве суверенного государства.

Субъективность таких идеологических систем и прогнозов очевидна, однако пытаться их «исключить», «деидеологизировать» идеологию, как предлагал А. Яковлев, — также невозможно. В силу двух основных причин: во-первых, интересы и ценности, идеи, приоритеты должны быть концептуально так или иначе оформлены. Даже если правящая элита (как российская) какое-то время и отрицает эту необходимость.

Во-вторых, эти интересы, потребности, приоритеты и ценности должны быть оформлены в некую систему (концепцию, стратегию, программу и т. п.) с учетом влияния внешних факторов и имеющихся ресурсов. Отсутствие у России идеологии, например, объясняет не только отсутствие у В. Путина внятной национальной программы (которую пытаются регулярно заменить разного рода концепциями и сериями президентских указов), но и соответствующей команды исполнителей, реализующих такую программу. Одно тесно связано с другим, а именно: самый эффективный инструмент управления — идеология. Именно с помощью этого инструмента подбирается команда и ведется постоянное управление и контроль.

Отсутствие внятной идеологии означает: отсутствие системы взглядов, устранение противоречий в интересах и отсутствие системы управления, и команды исполнителей. В этом случае доминировать будет одна «неофициальная»

идеология, как это было в «деидеологизированной» России в 80-е и 90-е годы XX века, когда в ней господствовала фактически либеральная идеология, как набор несвязанных западных антироссийских идей. Роль идеологии в анализе и прогнозе МО — исключительно важна. Идеология, как система взглядов, во многом предопределяет не только целые направления в научном и объективном анализе развития государства и общества, но и является важнейшим и изначально самым первым условием точной оценки и стратегического прогноза развития МО в XXI веке. Более того, в условиях развития средств и способов ведения силовой и вооруженной войны в XXI веке идеология сама становится эффективным средством ведения политического противоборства и даже войны, о чем подробнее говорилось ранее²¹⁶, а также фактически самостоятельным и влиятельным фактором формирования международной обстановки.

3.1. Роль идеологии в анализе и прогнозе развития международной обстановки

Исследование развития тех или иных сценариев и вариантов МО и ВПО предполагает, как уже говорилось выше, изучение трех основных, объективных групп факторов и субъективной группы факторов, формирующих МО–ВПО, а также возникающих между ними взаимосвязей и взаимозависимости. Это исследование предполагает, что у его авторов уже есть некий научный теоретический и методологический подход, концепция и методы, которые, как правило, объединены в некую общую систему взглядов и идей, т. е. идеологию. Таким образом, идеология сама становится

²¹⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

предметом исследования, без чего невозможно системно изучать развитие международной и военно-политической обстановки. Особенно тех взаимосвязей, которые возникают между отдельными факторами, тенденциями и акторами, которые их формируют.

Последняя задача представляется особенно сложной потому, что если анализ развития факторов, мировых тенденций и акторов, формирующих МО, уже достаточно известен и освоен, то взаимодействие между этими факторами представляет собой не только сложный, но и малоизученный системный процесс²¹⁷. Так, например, можно проанализировать, как будут развиваться в ближайшие годы такие факторы, как США и Россия и даже отношения между ними (хотя здесь уже прогноз носит совсем вероятностный характер), но как на эту систему будет влиять развитие фундаментализма и экстремизма — предположить исключительно сложно. Более того, в данном случае допускаются прямо противоположные выводы. Избежать этого можно только при построении некой идеологической концепции, в которой рассматривается взаимодействие всех этих групп факторов, акторов и тенденций.

Так, если вы используете либеральную идеологическую концепцию развития глобализации, со всеми вытекающими из нее последствиями, то ваши представления о будущем МО и ВПО будут формироваться под этим углом зрения, а именно удержания лидерства либеральной (западной) ЛЧЦ в мире, в том числе силовым и даже вооруженным путем. Этот идеологический подход может противоречить (и, в действительности, противоречит) объективным потребностям всех ЛЧЦ и научным оценкам, но именно он и будет господствовать при формировании МО. Вот почему бессмысленно изучать только существующие и будущие

²¹⁷ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

реалии — важно исследовать отношение к ним правящей элиты той или иной ЛЧЦ. Так, для оценки будущей ВПО мало знать сколько и какого качества есть ВиВТ у того или иного государства, важно понимать, как планируется их использовать, какие цели преследуются, какие ресурсы готова направить правящая элита на достижение этих целей, чем пожертвовать и т. д. и т. п.

В СССР почти весь XX век считалось, что в противовес буржуазной идеологии, социалистическая идеология есть «сознание научное, правильно раскрывающее закономерности общественного развития»²¹⁸. В действительности спор шел не об обоснованности «научности» той или иной идеологии, а, о её «правильности», «справедливости». Острая идеологическая борьба обозначала, что победа в ней обещает политическую и даже экономическую победу. И это было абсолютной правдой до тех пор, пока одна из сторон (СССР) не решилась на «деидеологизацию». По сути же две разновидности либеральной идеологии и их представители в мире — две основные социально-экономические и военно-политические системы — боролись за лидерство до тех пор, пока одна из них, причем добровольно, не уступила своего идеологического лидерства, а вместе с этим и лидерства политического, что очень быстро привело к изменению всей геополитической карты мира — образованию новых союзов, расширению и распаду прежних, а, в конечном итоге, к перераспределению контроля над финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире. Другими словами добровольное поражение в идеологическом противостоянии (в данном случае СССР и его союзников) привело к политическому, экономическому и военному поражению.

²¹⁸ Русаков К. В. Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся. — М.: Политизд, 1982. С. 5.

Можно спорить о том, насколько идеологическое лидерство является обязательным атрибутом лидерства политического и необходимым условием финансово-экономического лидерства, но очевидно, что такая связь есть. И такая связь прослеживается через всю историю человечества: не случайно завоеватели, как правило, несли с собой своих богов, идеи, принципы и технологии. Все то, что можно объединить в некую нематериальную мировоззренческую и идеологическую систему.

На наш взгляд, в современную эпоху, когда исчезли редкие исключения «неидеологических» войн (ради наживы, террора и т. п.), лидерство в идеологии стало важнейшим условием политического и экономического лидерства и военной победы. Отказываясь от претензий на такое лидерство, нация изначально соглашается на роль ведомого в политике, экономике и даже науке и технологиях. Поэтому есть основания для того, чтобы вернуться не только к признанию влияния идеологии на формирование МО, но и учету роли идеологии в мировой политике и формировании международной и военно-политической обстановки. В научном исследовании и политическом анализе важно не отбрасывать изначально как «вредное» и «несуществующее» само понятие «идеология» (которое означает, прежде всего, ту или иную систему взглядов, как правило, оформленных в некую концепцию). Более того, она означает также четкие алгоритмы политических действий, а, нередко даже и конкретную модель таких действий (скажем, поведение СССР в условиях начала мировой революции). Так, господствовавшая в начале 1990-х годов в России либеральная идеология потребовала четкого политического алгоритма действий во внешней политике (последовательных и необоснованных уступок России), приватизации (во внутренней политике) и реализации модели «антисоциального» рыночного государства, построенного на принципе «рынок все урегулирует».

Изучение идеологии при анализе МО, кроме того, необходимо потому, что идеология является фундаментом национальной программы и национальной и государственной стратегии (может быть и программа, и стратегия социальной группы), без которого любые попытки построить сколько-нибудь эффективную политику, государственную политику обречены изначально на провал. Это, в частности, подтверждают российские попытки создать «деидеологизированную стратегию», которые ведут только к хаотичному, непоследовательному, а нередко и противоречивому движению в политике, целеполаганию, определению приоритетов и распределению ресурсов. Что, опять, же, наглядно видно на современном российском примере.

С точки зрения формирования того или иного сценария МО, выбор любой идеологии правящим классом в любой стране означает:

- выбор системы доминирующих политических взглядов, отражающих представления об интересах и ценностях для ЛЧЦ, нации, страны или класса;
- выбор алгоритма политических действий, т. е. поведения и стратегии правящей элиты в мире;
- модели государственного устройства и модели формирования МО.

Без понимания идеологии того или иного субъекта (актора) формирования МО, анализ поведения и ресурсов этого субъекта будет представлять собой простой набор факторов и показателей. Так, например, можно знать сотни показателей развития США до 2050 года, предполагать развитие отношений этого государства с другими субъектами и акторами МО, но не увидеть как, в конечном счете, будет выглядеть это государство (прежде всего, с точки зрения его национальных интересов и системы ценностей) в будущем, какова будет его внешнеполитическая и военная стратегия. Сам по себе факт, даже конкретный интерес без понимания механизма

его реализации бывает чаще всего бесполезен. Он нужен в некой системе, взаимосвязи с другими фактами, субъектами и тенденциями. Как справедливо заметили ученые МГИМО, «взаимодействие новых явлений, возникающих в процессе исторического развития, и системы международных отношений определяет закономерности её эволюции»²¹⁹.

Естественно, что все эти слова имеют прямое отношение не только к формированию МО, но и к внешней и военной политике России, прежде всего их роли для будущей МО, которая неизбежно вытекает из идеологии, а та, в свою очередь, — является наиболее эффективной системой управления обществом и государством, в т. ч. внешней и оборонной политикой. Она предполагает, что нация и её управленческий аппарат и все общество изначально знают конечные цели, и конкретные задачи развития, средства и способы их решения, не требуя ежеминутного вмешательства органов управления в текущую деятельность, и пресловутого «ручного управления». Иными словами, не только военная политика и стратегия, но и военная организация государств и ЛЧЦ зависят от идеологии.

Этот вывод принципиально важен для эффективного стратегического планирования, которое также маловероятно без идеологического обоснования, ибо предполагает максимальное использование творческого потенциала нации. Соответственно отсутствие в России идеологической основы ее внешней политики неизбежно ведет не только к ошибкам, но и крупным провалам, о которых не принято говорить публично со времен СССР потому, что они являются прямым следствием решений первых лиц государства. Между тем невнятная позиция России по Югославии, Ливии, Ираку, расширению НАТО и прочим акциям Запада во мно-

²¹⁹ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2006. С. 21.

гом стала следствием именно отсутствия у правящей элиты идеологической системы взглядов на внешнюю политику страны и политику вообще.

Важно иметь в виду, что идеология (если она эффективна) — лучший способ мобилизации и использования национальных ресурсов, без чего невозможно добиться поставленных целей и решить конкретные задачи при сознательном формировании будущего сценария МО²²⁰. Но именно этого и не происходит. И не только в финансовой, экономической и промышленной, но и во внешней политике, где из-за отсутствия четкой позиции мы потеряли многих союзников и партнеров. Хуже того, нам перестали верить даже бывшие союзники. Мы растратили бездарно огромный советский внешнеполитический потенциал, бездумно поддерживая Запад и даже тогда, когда нас об этом не просили;

Идеология — основа для национальной стратегии. Именно идеология (точнее ее отсутствие) привели к тому, что во внешней политике мы остались без стратегии, которую заменил некий «прагматизм» и «разновекторность», хотя каким образом бессистемность может заменить системный подход остается не ясно до сих пор.

Таким образом, роль наиболее адекватной идеологии в XXI веке — во многом определяющая и решающая, в национальном и государственном строительстве вообще и во внешней, и военной политике, в частности. В конечном счете, она превращается в эффективную стратегию и политику. Она стремительно повышается в еще большей степени в XXI веке по мере усиления значения и роли национально-человеческого капитала и его институтов. Эта растущая взаимосвязь очевидна и является во многом определяющей в стратегическом прогнозе и планировании в XXI веке: чем

²²⁰ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

качественнее человеческий капитал и эффективнее его институты, например, тем эффективнее политическая стратегия страны и военное планирование²²¹. Чем качественнее и больше НЧК — тем больше перспектив и сильнее влияние на развитие МО у нации или ЛЧЦ²²².

И, наоборот, идеологические шарахання, выбор неверной идеологии предполагает выбор ложной системы политических и военных взглядов, не являющихся адекватным отражением действительности. Но не только: неверная идеология означает и выбор неверной стратегии, неверного алгоритма действий и модели государственного и общественного развития. Именно к такому результату привел выбор правящей элитой либеральной модели и либеральной идеологии.

Оставаясь в рамках либеральной идеологической парадигмы в XXI веке невозможно в принципе выработать эффективную стратегию внешней и военной политики потому, что она должна ориентироваться на либеральные интересы и ценности западной ЛЧЦ, а не на российские ценности и интересы. В самом общем виде этот выбор можно продемонстрировать следующим образом:

Рис. 3.1. Идеологический выбор российской правящей элиты и общества в XXI веке как выбор:

²²¹ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 187–295.

²²² Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 25–78.

Не трудно увидеть, что каждому из этих основных выборов в XXI веке соответствует та или иная ЛЧЦ и господствующая в ней система ценностей и понимания национальных (цивилизационных) интересов, а также способ управления и система взглядов, на те, или иные процессы и даже факты в мире. Это объясняет, например, почему одни и те же факты, события и процессы описываются в СМИ и политических кругах западной ЛЧЦ, российской ЛЧЦ и других ЛЧЦ совершенно по-разному. Это же объясняет нам, что не стоит ждать от западной ЛЧЦ, например, «объективного» освещения событий на Украине, «непредвзятого» подхода и — что особенно важно — одинаково — равноправного отношения к вопросам безопасности. Их просто не будет — слишком разный идеологический «угол зрения».

Во многом этот субъективный выбор сегодня объясняет, например, учет и использование в развитии такого решающего фактора как национальный человеческий капитал и его институты. К сожалению, это влияние идеологии — сознательно или по недомыслию — нередко недооценивается, хотя история человечества и международных отношений свидетельствует о том, что растущее значение качества НЧК и его институтов во многом предопределяют развитие того или иного сценария МО и внешнеполитической стратегии государства. Так, низкое качество и эффективность управления СССР при М. Горбачеве, в т. ч. «деидеологизация идеологии», которые стали во многом причиной провала его политики, привели к катастрофическим последствиям не только для СССР и России, которые сказываются и сегодня, но и развалу ОВД, потере Россией своих союзников, изменению соотношения сил в мире, развалу внешнеэкономических и гуманитарных связей и т. д. Иными словами сценарий «победы» западной локальной человеческой цивилизации был реализован, прежде всего,

вследствие низкого качества НЧК СССР и его институтов, кризиса его идеологии, что привело, как следствие, к управленческому кризису во внешней и внутренней политике. Высокому уровню качества НЧК соответствовала, до определенного времени (начала 70-х гг. XX в.), коммунистическая идеология. Но когда, после смены власти в СССР, вместо того, чтобы в приоритетном порядке сделать идеологический выбор в пользу ускоренного развития НЧК и его институтов, идеологический выбор был сделан в пользу «рынка», «либерализма» и пр. материальных атрибутов благополучия, произошло именно то, что и должно было произойти, а именно нарастающее отставание в темпах развития НЧК СССР, т. е.:

- кризис в области науки, культуры, образования;
- социально-экономический кризис;
- демографический кризис;
- кризис в развитии институтов НЧК, которые были заменены «внешними» суррогатами общественных и политических организаций.

По большому счету произошло именно то, о чем предупреждал в конце 40-х годов XX века И. Ильин, когда говорил о последствиях посткоммунистического развития России в случае, если к власти не придет национально ориентированная правящая элита, но о чем сегодня крайне редко и неохотно вспоминают.

Сохранение основ идеологии либерализма в современной политике России неизбежно сказывается на приоритетности развития НЧК и его институтов. Особенно в периоды кризиса и стагнации, когда социально-экономическое положение становится заложником политики макроэкономической стабилизации. В 2014–2015 годы, например, это привело к тому, что уровень бедности стремительно увеличивался и достиг 16%, т. е. 22 млн человек жили на доходы менее 10 000 рублей. Это при том, что в те же годы доходы

богатых и число представителей России в списке «Форбс» тоже росло²²³.

Таким образом, оказалось, что именно отказ от идеологического выбора в пользу развития качества НЧК, государственного управления и эффективности внешней и военной политики оказал в период конца 1980-х — начала 1990-х годов решающее значение на формирование МО в 1990-е годы в мире. В значительно большей степени, чем привычные и традиционные факторы, влияющие на формирование МО. Иными словами, субъективный фактор — идеология правящей элиты СССР — оказался более сильным, чем все объективные факторы.

Это обстоятельство предполагает, что в XXI веке в случае адекватной идеологии возможно не только дальнейшее усиление влияния НЧК на формирование сценариев МО, но и вероятное появление качественно новых политических рисков, связанных как с НЧК, так и с растущей ролью его институтов. Решающую роль в этом будет играть идеология. Что не признается большинством, но находит множество конкретных подтверждений. В частности, в успехах ИГИЛ.

Очевидно и другое: без глубокой теоретической и методологической проработки, а также идеологического обоснования любой анализ международной или стратегической обстановки теряет всякий смысл, превращаясь, в лучшем случае, в набор эмпирических, порой противоречивых данных, которые, как правило, трактуются субъективно в чьих-то личных интересах и, в конечном счете, неверно. Тем более этот вывод справедлив, когда речь идет о стратегическом прогнозе таких сложных явлений, как международная, военно-политическая или стратегическая обстановка, влияние

²²³ Число бедных в России достигло критического значения / Ведомости. 14.07.2015 / <http://www.vedomosti.ru/>

на которые оказывают тысячи факторов — как относительно стабильных, так и переменных и очень динамичных. Даже тщательно собранные и систематизированные огромные объемы информации сами по себе окажутся бесполезными, если нет, как минимум, анализа политико-идеологических и общественно-политических проблем, опирающегося на цивилизационно-ценностные, мировоззренческие и гуманитарные знания.

В анализе и прогнозе общественно-политических процессов требуется не простое механическое моделирование развития уже известных факторов, но и использование качественных методов, опирающихся уже не только на сознание, но и как говорил академик А. Сименов, на подсознание и сверхсознание, которые предлагают «неожиданные и даже невероятные» решения²²⁴.

И здесь роль идеологии, как системы теоретических и научно-методических, а также религиозных взглядов, чрезвычайно важна, ибо именно идеология закладывает базовые, мировоззренческие основы научного анализа, задает основные направления исследования, открывает новые парадигмы. Применительно к военно-политической проблематике, которая во многом является следствием развития процессов социально-политического, финансово-экономического и иного порядка, этот вывод принципиален и бесспорен. Именно он и лежит в основе данной работы.

«Идеология» анализа и стратегического прогноза развития МО, таким образом, предоставляет собой систему взглядов на развитие не только отдельных факторов, формирующих различные сценарии МО в настоящем и будущем (государства, организации, мировые тренды и тенденции), но и на их взаимосвязь между собой. Именно такая взаимосвязь

²²⁴ Савушкин Р.А. Что или Кто стоит за сознанием человека? / Эл. ресурс: «Viperson». 2015. 8 июня / <http://viperson.ru/>

позволяет говорить о существовании системы, а не о простом наборе информации о различных факторах и тенденциях в МО и ВПО. Как справедливо заметили эксперты МГИМО, «... международные отношения, это не просто совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т. п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»²²⁵.

Представление о такой системе взглядов может давать не отдельно взятая наука, в т. ч. теория или история международных отношений, а идеология, которая выходит далеко за пределы отдельных наук и создает именно связанную логическую систему.

В нашем случае такой идеологией, на основе которой происходят все логические и теоретические построения и осмысления эмпирических фактов, является идеология анализа интересов нации, государства и — что становится особенно важным в XXI веке — локальных человеческих цивилизаций. Некоторые теоретические основы этой идеологии были описаны в ряде работ ЦВПИ, опубликованных в последние годы. Например, в достаточно объемной (но не претендующей на законченность) работе «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики»²²⁶ и серии аналитических докладов и книг²²⁷. Фундаментом этих работ стали исследования профессоров МГИМО М. Хрусталева, Н. Злобина и других, которые в 1970-е и 1980-е годы

²²⁵ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеина. — М.: Аспект-Пресс, МГИМО-Университет. 2014. С. 14.

²²⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

²²⁷ Подберезкин А. И. [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

достаточно подробно сделали анализ такой категории как «национальные интересы (потребности)» и «государственные интересы (потребности)».

Эта идеология, как система взглядов на развитие МО, в нашем случае также предполагает некую концепцию анализа и логическую модель, принципы и закономерности формирования и развития различных сценариев МО в XXI веке. Огромное количество самых разных фактов из разных областей человеческой деятельности — страноведческих, политических, экономических и др. — должны быть объединены в некую систему и встроены в некую логическую модель развития сценария МО, которая должна позволить максимально приближенно к реалиям и подробно ответить на вопрос о будущем сценарии МО, стратегиях отдельных субъектов и акторов международных отношений. В нашем конкретном случае речь идет о попытке стратегического прогноза развития сценария противоборства западной ЛЧЦ с другими цивилизациями, эволюции этого сценария из силового в вооруженное противоборство в 2020 годы и обоснования его характерных черт и особенностей, из которых уже изначально видно, что в его основе находится цивилизационно-идеологическая система взглядов значительной части правящей элиты Запада.

Очевидно — и это подтверждается всеми событиями и дискуссиями в России в последние 25 лет, — что в зависимости от политико-идеологической позиции, а не научной или практической целесообразности, принимается большинство решений правящей российской элитой. Самые правильные и обоснованные аргументы, как правило, уступают идеологической позиции (ангажированности). Поэтому необходимо не только выдвигать и обосновывать научно ту или иную концепцию, но и отстаивать ее политико-идеологически, принуждать правящую элиту «идеологизировать идеологию».

3.2. Идеология как средство формирования реального и виртуального представления о современном состоянии международных отношений

Неудовлетворительное состояние уровня современного анализа, прогноза и планирования в России объясняется как всегда многими причинами, но главная из них заключается в отсутствии ясной идеологии у правящего класса, как системы взглядов на цели развития нации, общества и государства, а также, на основные средства и ресурсы обеспечения достижения этих целей. «Разброс» таких целей в существующем сегодня у правящей элиты политическом восприятии крайне (даже недопустимо) широк — от «обеспечения демократического развития» до «сохранения макроэкономической стабильности» и пр. приоритетов, оформленных в Конституции РФ, законах и различных нормативных актах. Путаница, существующая в этих документах, в конечном счёте, ведет к их игнорированию самой правящей элитой.

Если вернуться к логической схеме, воспроизводящей политический процесс, к которой мы не раз уже прибегали, то сразу же видно, что результаты анализа, прогноза и планирования будут зависеть не столько от объективных реалий, сколько от восприятия правящей элитой этих основных, объективных реалий: — во-первых, системы ценностей и национальных интересов; во-вторых, оценки и использования национальных ресурсов и возможностей; в-третьих, международных реалий²²⁸. Отсутствие идеологии у нации и ее элиты предопределяет разные, порой полярные оценки

²²⁸ См. подробнее: Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015.

всех основных групп факторов. Эта полярность достигает недопустимых значений, не позволяющих осуществлять эффективное управление государством и обществом. Что, собственно говоря, и наблюдается в современной России.

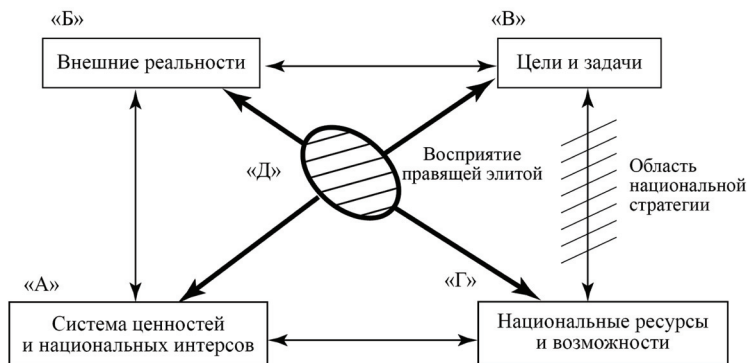

Рис. 3.2. Логическая схема (модель) политического процесса

Из рисунка 3.2, например, видно, что именно восприятие правящей элитой («Д») международных реалий, т. е. система взглядов на существующие объективно международные реалии, определяет, в конечном счете, политику государства. Это особенно справедливо для формулирования политических целей и задач (вектор «Д» — «В») и оценки распределения ресурсов (вектор «Д» — «Г»)²²⁹.

На самом деле во втором десятилетии XXI века радикальные расхождения в оценке этих международных реалий в правящей элите продолжают сохраняться лишь с некоторыми поправками по сравнению с концом XX века. Так, наиболее радикально-демократическая группа в правящей элите воспитанников М. Горбачева — А. Яковлева — Э. Шеварднадзе — А. Козырева потеряла многие (но далеко не все) позиции

²²⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. Т. 1–3.

в формировании внешнеполитического процесса. Достаточно посмотреть на список и биографии тех, кто отвечает за реализацию внешней политики России сегодня: все те же фамилии, должности, звания. Разве только их радикальное западничество сменилось на «равноудаленность» и даже «евразийство».

«Государственники», к которым было принято относить Е. Примакова (на деле бывшего просто западником-прагматиком), отнюдь не усилились, но их голос стал заметнее в государственной политике и дипломатии, уступая, однако, в решительные моменты «генеральной линии».

Наконец, в правящей элите появилась незначительная и маловлиятельная, но все-таки отдельная социальная группа «евразийцев», которая искренне пыталась отстаивать интересы СССР–России, но голоса представителей, которой не было слышно.

Особенно важно отметить, что как всегда самой влиятельной группой политиков и экспертов осталась группа «профессиональных конформистов». Они успешно делали карьеру при М. Горбачеве, Б. Ельцине, Д. Медведеве и В. Путине. Когда надо, они были «радикалами-западниками», когда надо — стали «евразийцами». Очень легко их судьбу проследить по биографиям и источникам финансирования — от Сороса, Государственного департамента и российских олигархов до президентских грантов и вечного членства во всех «экспертных советах».

Современное печальное состояние анализа и перспективы развития МО в России во многом объясняется именно тем идеологическим хаосом, который возник в СССР в конце 1980-х годов и во многом сознательно продвигается и сегодня, силами этой наиболее влиятельной конформистской группы правящей элиты.

В результате такого идеологического хаоса были потеряны и выведены из научного оборота ценностные и национальные ориентиры, а политика вырабатывалась как сиюминутная

«очень субъективная реакция на «возникающие обстоятельства». Постепенное «затухание» этого хаоса и выкристаллизовывание подобия идеологической системы в России началось только во второй половине первого десятилетия, но этот процесс, очевидно, сильно затянулся, что хорошо видно как на крайне медленной эволюции различных редакций Стратегии (концепции) национальной безопасности, Военной доктрины и др. документов, не успевающих отражать новые реальности, так и собственно персонального состава правящей элиты, где по-прежнему ведущая роль принадлежит группе «западников-конформистов». Такое отставание, о котором напомнил еще раз В. Путин, возможно в том случае, когда отсутствует принципиальная система взглядов (т. е. идеология), при которой основные оценки — продуманные, просчитанные и прописанные — не носят конъюнктурного или временного характера.

Сказанное означает, что без полноценной и обоснованной идеологической системы взглядов (как это есть, например, в США и КНР) не получится стройной системы политических и военных взглядов, а значит и анализ, и оценки будут носить чрезмерно субъективный и конъюнктурный характер. Не сложится и той критически важной социальной группы идеологически ориентированной элиты, которая будет отстаивать эту систему ценностей, целей и стратегию. Так, если в идеологической и политической системе взглядов отрицается претензия России на роль глобальной державы, то в частной военной политике вряд ли обосновано будет строительство гигантских авианосцев и соответствующей для них инфраструктуры.

Отсутствие этой системы политико-идеологических взглядов у правящей элиты, ее «отказ от идеологии» в пользу некой «прагматичности», «разновекторности» и прочих необъяснимых в политике дефиниций, наносит сильнейший удар по теории и методологии исследований в области международных и военно-политических отношений. Поскольку

все, что было связано с «марксистским тяжелым прошлым» в теории международных отношений и военной теории было начисто отмечено, то осталось либо непрактическое заимствование у западных политологов (чем с садистским удовольствием занимались последние 25 лет российские политологи), либо слабые и непоследовательные попытки немногих попытаться сделать нечто свое. В советской и российской литературе существует, следует признать, очень мало работ, посвященных теории и методологии анализа международной обстановки и международной ситуации. К ним следует, прежде всего, отнести работы профессоров МГИМО: М. Хрусталева, А. Злобина, Т. Шаклеиной и ряда других авторов²³⁰. В последнее время к ним добавились работы Центра военно-политических исследований МГИМО²³¹, а также фундаментальная работа А. Владимирова²³².

В целом, однако, российских работ, посвященных вопросам методологическим и теоретическим анализа МО и ВПО за последние 30 лет появилось очень немного, что было вызвано, очевидно, кризисным состоянием российской гуманитарной науки в последние годы существования СССР и постсоветский период. Причем этот кризис объяснялся не только материальными обстоятельствами, но и политико-

²³⁰ Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. С. 208. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеина. — М.: Аспект-Пресс, МГИМО-Университет. 2014.

²³¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. 796 с. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. 722 с.

²³² Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. 973 с. Часть II. Теория национальной стратегии. М.: Синергия, 2013. 976 с.

административным давлением, связанным с общим подходом правящей элиты по «деидеологизации» (а, в действительности, либерализации) гуманитарной науки, которая была принуждена адаптироваться к либерально-западническим идеологическим нормам, понятийному аппарату и концепциям. Следует отметить, что этот процесс набрал такую силу, что продолжает доминировать и сегодня: «моду» в российской политологии определяют те ученые, которые «состоялись» в качестве кандидатов и докторов наук во второй половине 90-х годов XX века и в начале нового столетия.

Другая сторона проблемы — политическая практика, которая основывалась на субъективном и полуграмотном отношении к внешней и военной политике, традицию которой заложили М. Горбачев и Б. Ельцин. Научные и дипломатические школы, связанные с внешней и военной политикой, уничтожались, радикально сокращались, «перепрофилировались» и просто вымирали, а новые, нарождающиеся, очень часто не имели необходимой фундаментальной подготовки. Вдруг, «на плаву» оказалось множество случайных ученых, экспертов и политиков, что, в принципе, отражало общую в то время в России тенденцию. В результате не только в научных учреждениях, но и в министерствах и других правительственных организациях резко снизился научный уровень (а кое-где и вообще исчез), что привело, в конечном счете, к появлению в процессе принятия решений такого массового явления как непрофессиональный субъективизм и коррупция.

Таким образом, ко второму десятилетию XXI века, когда фактически, началась информационно-идеологическая война против России в рамках системной сетецентрической войны²³³, в России:

²³³ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

- не оказалось идеологически ориентированного не только правящего класса, но даже отдельной его социальной группы;
- сколько-нибудь оформленной национальной идеологии;
- идеологических институтов, школ и компетенций;
- идеологических органов и структур военной организации не только у общества и нации, но даже у государства.

Отсутствие такой системы и институтов привело к общему упадку теоретических и методологических основ гуманитарной науки. Анализ и стратегический прогноз предполагают описание реалистической картины действительности, которая (во всяком случае, сознательно) не искажается, а субъективные факторы (включая симпатии руководства) сводятся к минимуму. Это возможно только при условии существования некой рамочной системы взглядов и приоритетов, выход за пределы которой требует особенно аргументированного обоснования.

На самом деле, сегодня в России, говоря об анализе МО и ВПО, это не является нормой. Очень часто встречаются не просто противоречивые, а абсолютно полярные политические суждения, включая публичные, недопустимые в развитых странах и обществах, которые дезориентируют элиту и общественность. Примеров — не счесть. Поэтому изначально следует провести четкие различия между анализом подлинных реалий международной, военно-политической и стратегической обстановки, существующей в действительности, и отдельными субъективными представлениями об этих реалиях, той «виртуальной реальностью», которая по разным причинам часто становится подлинной реальностью в российских условиях и влияет на процесс подготовки и принятия решений.

Как правило, такую верификацию между реальностью и субъективным мнением сделать трудно, а иногда и невозможно в политике. Достаточно сказать, что о начале Первой

мировой войны и о Бородинском сражении, как кажется на первый взгляд хорошо известно и много написано, однако единства мнений у политиков и ученых до сих пор нет. Тем труднее говорить о современных реалиях, когда, например, о ситуации на Украине спорят часами одни и те же эксперты, придерживающиеся полярных точек зрения.

Более того, современная виртуальная реальность теперь уже сначала искусственно и умышленно создается с помощью информационных технологий (что опять же хорошо иллюстрирует ситуация на Украине), а затем уже становится реальностью. Поэтому очень важно не только точно знать военно-политические реалии и уметь их анализировать, но и сознательно формировать адекватные представления о них у правящей элиты. Такие представления, которые порой могут существенно, даже радикально, отличаться от навязываемого извне восприятия реалий.

3.3. Военная организация России и идеология

Военная организация России, очевидно, не соответствует масштабам и наличию современных угроз, прежде всего, потому, что в ней не предусмотрены функции идеологического противоборства и защиты правящей элиты и всего общества, от идеологических угроз. Если в СССР, например, существовало не только 5-е Управление КГБ СССР и Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС (со всеми идеологическими институтами государства и партии), то в современной структуре военной организации РФ таких органов и институтов нет вообще за исключением, может быть, отдельных элементов «политико-воспитательной» работы в МО, РПЦ и недавно созданных «неидеологических» структурах — Россотрудничества и др.

Отсутствие этих органов и даже самой постановки такой задачи неизбежно ведет к тому, что в развернутой идеологической борьбе против России западной ЛЧЦ мы не можем выстроить сколько-нибудь эффективной идеологической стратегии, роль которой выполняет, по сути, пресс-служба Президента РФ и соответствующие подразделения администрации, аппарата правительства России и ряда министерств. Пресловутый «PR», а, точнее, — «паркетный PR» заменяет собой соответствующие институты и пытается выполнять несвойственные функции.

Известно, что политология и социология могут служить не только средствами выяснения общественного мнения, но и инструментами его формирования. В этом качестве они используются достаточно часто, в особенности в процессе избирательных кампаний, когда у общественного мнения необходимо заранее сформировать готовящийся результат, либо в качестве средств внешнеполитической пропаганды. В этом случае, в частности, могут, как завышаться, так и занижаться рейтинги. Причем неоднократно, в процессе нескольких месяцев. Манипулирование происходит масштабно и в других областях внешней, военной и внутренней политики.

Существует и другая, политическая задача, в таких соцопросах: формирование необходимой идеологически «картинки ожидания», когда части общества или правящей элиты заранее приписываются те настроения и в тех масштабах, которые не существуют в реальности, но хотят увидеть. Так, например, в аналитическом докладе клуба «Валдай» в 2013 году приводился соцопрос представителей российской элиты, из которого вроде бы следует, что российская элита за последнее десятилетие решительно ограничила свои интересы за рубежом, собственно российскими интересами, а интерес за пределами российских границ свелся к минимуму. В этих целях предлагается подборка, из которой следует, что внешние интересы российской элиты действительно вроде бы

радикально ограничиваются собственно внутривнутрироссийскими. Тем самым фактически «подсказывается» России ограничение своих внешнеполитических амбиций.²³⁴

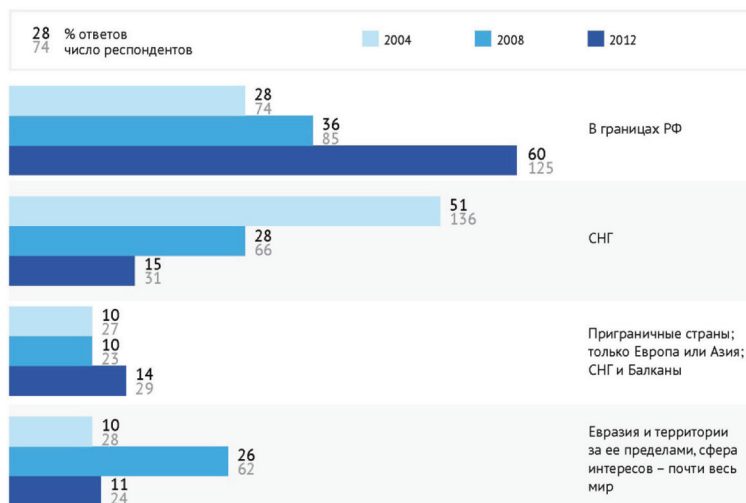

Рис. 3.3. Сфера интересов России по опросам социологов в 2010 г.

На самом деле эти выводы не основаны на серьезном анализе. Во-первых, количество отобранных представителей элиты чрезвычайно мало, т. е. нерепрезентативно. Во-вторых, принцип их подбора (выборка) неизвестен. В-третьих, — и это главное — мнение российской общественности и элиты сознательно формируется в интересах не существующей и будущей международной и стратегической обстановки, а желаемой. В частности, речь может идти о том, чтобы предупредить правящую элиту России «не высовываться» и не пытаться противоборствовать на-

²³⁴ Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2013 / http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf. С. 24.

чавшейся силовой экспансии США в мире, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке, Севере Африки и в восточной Европе.

Иными словами не только в США создавалась идеология силового сохранения сложившегося миропорядка, создавались новые и совершенствовались прежние силовые институты, но и вовне США, за пределами национальных границ и границ НАТО закладывались предпосылки будущей силовой политики западной ЛЧЦ, которая все четче приобретала черты сетецентрической войны.

Очевидно, что вряд ли анализ и прогноз, построенный на этих посылах и данных, может быть полезен реальной политике. Их публикация всего лишь свидетельствует о характере PR-акции, основанной на выделенном бюджете. Реалистичность таких выводов на самом деле никого не беспокоит. Нужен импульс, посыл, демонстрация изменений в политической идеологии и начало кампании в поддержку таких изменений в России. Собственно, уже события в Крыму в 2014 году, т. е. всего лишь через два года после соцопроса, продемонстрировали, что большинство общества и значительная часть элиты поддерживали официальную позицию В. Путина, выразив полную заинтересованность в расширенном толковании национальных интересов РФ и более значительном — вовлечении России в мировые дела.

Для анализа МО и ВПО и эффективности военной организации России важно другое: формирование «научного обоснования» будущей идеологии, выстраивание ее концепции и последующая реализация лежат в основе будущих «PR»-компаний и акций, планируются задолго до их начала в рамках достаточно жесткого процесса политического планирования специальными политико-идеологическими органами военной организации США с привлечением всего спектра возможных негосударственных организаций.

Резкое обострение политической и военной обстановки в 2014–2015 годах не только планировалось задолго администрацией Б. Обамы, как признавал позже в 2015 году Г. Киссинджер, это был «политический выбор» президента США, вслед за которым была начата полномасштабная политико-идеологическая кампания лишь частично связанная с событиями на Украине.

Другими словами в XXI веке — не только в России, но, прежде всего, в мире — сложились две реальности в анализе и прогнозе МО — формально-практическая и виртуальная, — которые не соответствуют друг другу и нередко открыто противоречат. И западная ЛЧЦ умело использует эту особенность МО в XXI веке. В отличие от предыдущих периодов человеческой истории, однако, неясно какая из этих двух реальностей «более реальна»: нередко «виртуальная реальность» оказывается более реальной. Из этого вытекает вывод о том, что, как правило, политическая цель сначала превращается в «виртуальную цель». Так, война на Украине — публичная демонстрация борьбы западной ЛЧЦ за «виртуальную цель» — суверенитет и независимость Украины, которая никого на Западе не интересует. Что действительно интересует, так это существование суверенной России и поведение России в мире, степень ее готовности противоборствовать стратегии западной ЛЧЦ. Но, если не признать такое противоборство ЛЧЦ главным противоречием в современной и будущей МО, т. е. не сделать политико-идеологического обоснования для подобного вывода, то и ситуация на Украине и в современной МО может быть описана, исходя из каких угодно соображений, в том числе сознательно искажающих действительность:

- «агрессивности» России;
- «амбициозности» Путина;
- интриг Януковича;
- «революционного настроения» украинцев и т. д.

Война на Украине и ведущаяся война против России 2014–2015 годов ярко продемонстрировала, что у западной ЛЧЦ и руководства Украины существуют на самом деле две политики и две стратегии, как и вытекающие из них политические практики, — реальная и виртуальная, идеолого-пропагандистская. Причем нередко оказывается, что виртуальная политика и стратегия важнее, чем реальная, т. е. публичные, заведомо пропагандистские, заявления становятся реальной политикой, а не наоборот. Заявленная идеологией цель может становиться реальной политической целью.

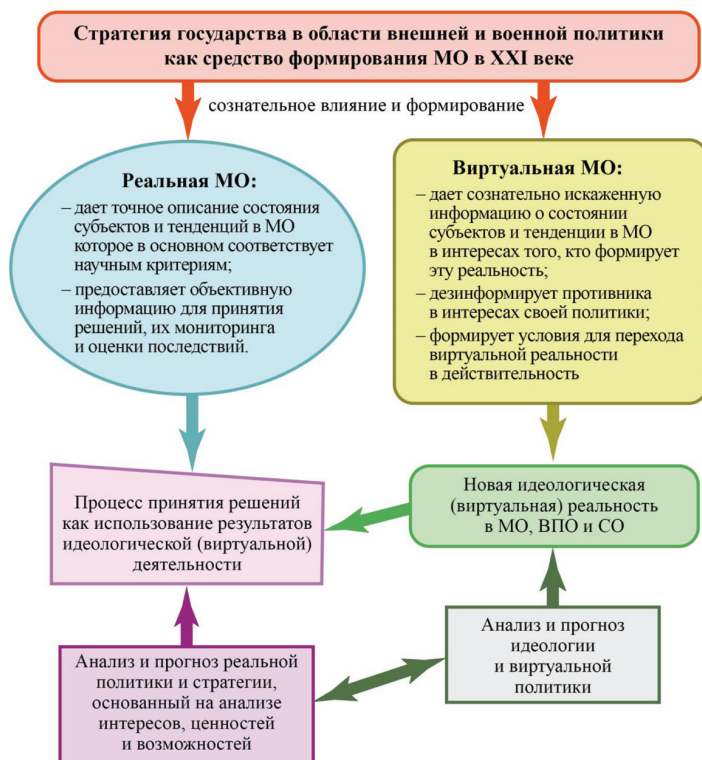

Рис. 3.4. Анализ и прогноз реальной и виртуальной политики

Задача практического анализа и прогноза в области МО и ВПО лежит в плоскости учета этой важной современной особенности, в частности, понимания роли «виртуальной стратегии» и целеполагания в политике страны. Выделение ложных целей в этом процессе — не единственная задача. Важно увидеть, как они сосуществуют с реальными. В самом общем виде эту разницу в политике можно было бы показать следующим образом, что следует иметь ввиду, при политическом анализе и прогнозе (рис. 3.4).

Как видно из рисунка, формирование МО в XXI веке существенно происходит по двум направлениям — реальному, — политическому, и виртуальному, — идеологическому, причем нередко трудно определить, какое из них является наиболее приоритетным и будет в будущем реальным. Обычный традиционный анализ текстов, выступлений и деклараций политиков, дипломатов и ученых в этой ситуации мало помогает. Такие заявления и оценки перестали отражать реалии. Они выполняют некую идеологическую функцию, нередко очень далекую от действительности, лучшей иллюстрацией которой являются бесконечные заявления украинских политиков, Д. Псаки и др.

Фактически это означает, что отношение к традиционной публичной политике в XXI веке полностью изменилось: никто уже в действительности не заботится ни об имидже, ни о впечатлении общественности, ни даже о точности высказываний и замечаний. Достаточно напомнить о десятках «оговорок» Буша-младшего, Обамы, Меркель и пр. политиков. Взвешенные и — главное, ответственные — формулировки стали не модной редкостью. Примеров такой политики — множество. Наиболее яркий и масштабный, — когда США публично заявили о наличии ОМУ у Ирака и это послужило основанием для уничтожения режима Саддама Хусейна. «Новая реальность», созданная по инициативе США в Ираке, не имела ничего общего с действительной

реальностью, однако полностью соответствовала интересам США, что и являлось конечной политической целью, т. е. реальностью. Эта ситуация регулярно повторяется, как и «оранжевые» революции, что вносит очень серьезную поправку в любой политический анализ.

Точные знания о политике и войне в истории человечества нередко означали возможность национального выживания, предопределяли будущее народов и цивилизаций, а иногда даже само их существование. На протяжении веков и тысячелетий в войнах решались судьбы народов и государств, решалась судьба самих локальных человеческих цивилизаций. Некоторые из них после поражения в войнах, как, например, Карфаген, исчезали из политико-экономической жизни и даже из истории человечества. Другие — на годы и даже десятилетия становились зависимыми государствами и народами. А иные — были вытеснены на обочину истории, где и остались забытыми навеки. Именно поэтому точность анализа и прогноза развития современной международной и военно-политической обстановки повышается вместе со ставкой в соревновании ЛЧЦ. Эта точность во многом предопределяется способностью военной организации государства к ведению идеологического и информационного противоборства. И уже даже не только государства, но и военной организации нации и всей локальной человеческой цивилизации по простой причине: только институты военной организации государства уже не способны эффективно выполнять функцию информационно-идеологического противоборства, которая переходит с государственного на цивилизационный и национальный уровень (рис. 3.5).

В XXI веке наблюдается отчетливый перенос центра тяжести с 1-го уровня на 3-й уровень даже в относительно мирное время, что позволяет говорить об условности понятия «мирное время» в условиях сетецентрической войны.

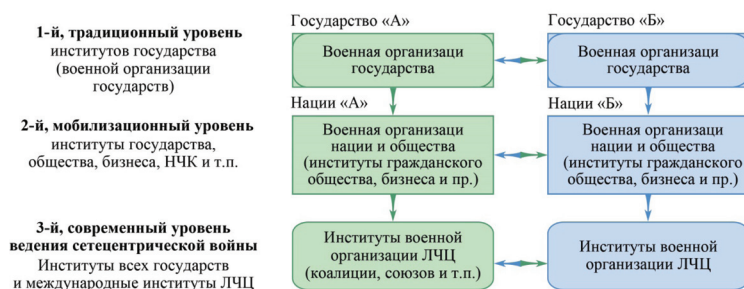

Рис. 3.5. Уровни информационно-идеологического противоборства двух условных государств в XXI веке

Таким образом, современная военная организация России не соответствует требованиям ведущейся против нее информационно-идеологической войны в силу, как минимум, трех причин:

- во-первых, адекватность противодействия в идеологической области может быть достигнута только при наличии, собственной идеологии — системы концептуально связанных идей и ценностей. Против идеологии можно бороться только идеологией;
- во-вторых, должна быть создана военная организация не только государства, но и нации и ЛЧЦ, противостоящая на том же цивилизационном уровне западной ЛЧЦ. Так, идеологические и информационные институты НАТО, получившие развитие в 2013–2015 годах (Радио «Свобода», Центр стратегических коммуникаций и т. д.) очень наглядно это подтверждают;
- в-третьих, должны быть созданы институты и органы для такой идеологической, а не только информационной борьбы, в государстве и ЛЧЦ. При этом решающее значение приобретает роль идеологов, т. е. профессиональных политиков, военных и ученых, которые могут руководить в таких идеологических победах. Их значение для своих

и чужих ЛЧЦ и наций становится особенно важным, а роль — огромной, иногда даже решающей. Их знания, способности и искусство идеологов со временем оформляются в теорию и практику политики, военной науки и военного искусства, т. е. происходит своего рода трансформация идеологии в политические результаты.

3.4. Значение идеологии современной России для формирования международной обстановки

При отсутствии сколько-нибудь оформленной политической идеологии правящей элиты чрезвычайно большое, даже гипертрофированное значение приобретает такой субъективный фактор как частная позиция, оценки и решение того или иного представителя правящей элиты. Естественно, что чем выше положение этого лица во властной иерархии, тем сильнее, даже «абсолютнее» его влияние, но и грубее просчеты и ошибки.

На уровне бытовом, а не политическом, мы ежедневно это видим на экранах телевидения и в электронных СМИ: непрофессиональные, а, порой, и неграмотные, оценки и суждения встречаются ежедневно, точнее — из них состоит целиком собственно весь процесс принятия решений — от заявлений Д. Медведева образца 2010 г. о рубле как резервной и надежной валюте, до безостановочной инфляции и обесценения этого рубля.

На политическом уровне, особенно в области внешней политики, ошибки не столь заметны, хотя несколько признаний президента РФ о том, что его решения выполняются на 10 (15; 20) процентов уже сами за себя говорят. Проблема в том, что отсутствие политической идеологии предполагает не только отсутствие системы взглядов, эклектику, но

и отсутствие стратегии (т. е. четко сформулированных целей и ресурсов), последовательности, а также исполнителей этой «политической воли». Остается «ручное управление», т. е. откровенный волевой субъективизм, когда даже гениальный руководитель не может быть гарантирован от ошибок. Тем более — субъективных ошибок исполнителей.

«Подставлять себя со своей субъективностью на место субъектов прошлого — форма антропоморфизма»²³⁵, писал Б. Поршнев. Еще необоснованнее пытаться представить «себя в будущем». Если что-то и меняется быстро в этом мире, так это человек и общество. Это значит, что в 2030 году изменится, прежде всего, человек и все общество. Именно это обстоятельство — самое трудное в стратегическом прогнозе.

Слова С. Караганова, вынесенные в эпиграф этого раздела, интересны тем, что они коротко характеризуют суть стратегического прогноза развития МО на 10 лет (т. е. с 2008 по 2018 годы) — «приспособление субъектов» к той миросистеме, которая образовалась к этому времени, сделано за несколько месяцев до радикальных перемен.. Далее авторы прогноза раскрывают подробнее содержание этого тезиса в восьми основных тезисах, характеризующих отдельные аспекты этого процесса «приспособления». Примечательно, что все эти 8 тезисов частично и полностью не подтвердились к 2015 году. Проиллюстрируем эти тезисы:

- «не случится масштабных войн или вооруженных столкновений» (хотя, надо признать, пока что прогноз в отношении Ирана подтверждается);
- сохранится «стабильность поставок энергоносителей» и «приемлемый диапазон цен на нефть от 50 до 75 долл.;
- «мировая валютная система не подвергнется потрясениям»;

²³⁵ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О. Т. Вите. СПб., 2007. С. 13.

- будут совершенствоваться «механизмы регулирования мировых финансовых потоков»;
- «инновационное развитие ускорится ... за счет втягивания национальных экономик»;
- «экономические ограничения не станут критическими»;
- «прирост населения в мире замедлится»...
- «интенсивность миграционных потоков ... будет сдерживаться ... позитивными изменениями в ряде стран».

Как результат этих прогнозов повторяется вывод о том, что «имеющиеся проблемы и сложности глобального и регионального масштаба ... не содержат явных зачатков серьезных потрясений»²³⁶. Все — история заканчивается. Либерализм — идеологически, политически и экономически — победил!

Эти выводы интересны тем, что С. Караганов в 2008 году представлял позицию большинства членов Совета по внешней и оборонной политике, куда входили не только бывшие, но и действующие во власти высокопоставленные представители российской правящей элиты. В целом благодушно-уверенная оценка и долгосрочный прогноз отражают именно доминировавшие в то время настроения: кризис (который грянет через несколько месяцев) никто не ожидает; конфликт с Грузией и обострение отношений с Западом еще впереди (хотя это тоже скоро произойдет); падение цен на нефть, обострение отношений с мигрантами, экологические катаклизмы и пр. — все еще впереди, хотя (книга подписана в печать в конце декабря 2007 г.) и очень скоро.

Этот достаточно наглядный и подробный пример свидетельствует, на наш взгляд, прежде всего, о том, что (хотя именно это на протяжении многих лет в России и не хотят признавать): ничто в мире не меняется так быстро как человек и общество. Соответственно и прогнозы мирового

²³⁶ Караганов С.А. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет которые могут все изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. — М.: АСТ, 2008. С. 70–71.

общественного, экономического и иного развития зависят от скорости изменения социальной сущности и поведения человека. То есть наиболее динамичный фактор в МО не финансы и экономика, а человек, управляемый идеологией.

Без признания этого невозможно понять радикальное изменение общественно-политической ситуации на Украине и на Западе за одно–два десятилетия, что означает и радикальное изменение МО и ВПО.

Сегодня, как оказалось, профессиональные и достаточно субъективные знания и способности играют еще большее значение, чем прежде, хотя и в прошлые периоды истории человечества субъективный фактор в политике и в военном деле всегда был чрезвычайно важен. Связано это, прежде всего, с резко возросшей ролью личности, национального человеческого капитала и его институтов в экономике, политике и военном деле, а также огромной ролью, которую приобрело государственное и общественное управление, от эффективности которого стали зависеть уже не только темпы социально-политического и экономического развития страны, но и само будущее нации²³⁷. Это влияние субъективного фактора — личности и изменений в ней — в истории человечества неохотно признавали не только марксисты, но и либералы, которые апеллировали, прежде всего, к «объективным» законам развития общества (классово-социальным — одни и макроэкономическим — другие). Об этом, как о самой большой ошибке в стратегии развития России, говорилось, например, в раскрытой переписке государственных чиновников США в августе 2015 года.

Это отношение выглядит странным, хотя достаточно привести примеры в советской и российской истории, когда

²³⁷ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Н. Хрущев, М. Горбачев, И. Сталин (а до этого Иван Грозный, Петр I, Александр I, Николай I и др.) радикально меняли не только настоящее, но даже далекое будущее страны. Ни в одной стране мира, пожалуй, не замечена такая роль субъективного влияния ее лидеров на нацию.

Значение этого влияния сегодня, в современной политической истории, отнюдь не уменьшилось. Более того — возросло. Достаточно вспомнить роль М. Горбачева и Б. Ельцина во внешней и военной политике России, или роль В. Путина, и министров: А. Козырева, П. Грачева, А. Сердюкова. Эта роль, как и значение идеологии (о чем старательно умышленно умалчивают), оказывается в некоторые периоды сильнее течения объективных мировых и национальных тенденций. Так, политическая бездарность и непрофессионализм М. Горбачева и сформированной им наспех правящей элиты привела к геополитической катастрофе, затронувшей не только СССР и страны социалистического лагеря, но и большинство стран на планете. Это обстоятельство в политике отнюдь не соответствовало развитию объективных глобальных, в частности, гуманистических тенденций, а тем более общечеловеческих тенденций, как пытались об этом говорить.

Есть и другие примеры, когда победы или поражения великих политиков и полководцев (которые были следствием, прежде всего, качественного интеллектуально-волевого превосходства нередко над многократно превосходящими силами противника), — стали лучшими свидетельствами огромного значения субъективного фактора в политике и военном деле.

Все это изначально предопределяет особую и нарастающую роль личности, знаний о политике и войне и, соответственно, военно-политической мысли как совокупности идей, взглядов, концепций, отражающих динамику, сложившихся в данную конкретную историческую эпоху характера и содер-

жания военно-политических отношений²³⁸. Эти знания и опыт, объединенные в некую политико-идеологическую систему, могут стать основой для национальной стратегии. Отсутствие этой системы означает и отсутствие стратегии, когда ошибка той или иной личности умножается на скорость исторического процесса. Иными словами растущая роль субъективного личностного фактора в политике может быть канализирована рамками политической идеологии, как системы взглядов, сочетающей в себе логические взаимосвязи и взаимозависимости. Если бы у М. Горбачева или Б. Ельцина была такая политическая идеология, то была бы и стратегия, и план (хотя бы, самый общий) действий, и самый общий прогноз развития ситуации.

Сказанное в полной мере относится к анализу и стратегическому прогнозу, который делается в настоящее время. Не имея политической идеологии, мы не можем анализировать и прогнозировать поведение отдельных политических субъектов — представителей правящей элиты России, — которые, как показывает опыт последних 30 лет, могут легко пойти по «коммунистическому», «либерально-демократическому» или «государственно-патриотическому» пути в зависимости от личностных или конъюнктурных обстоятельств.

В отличие от КНР и США, где есть достаточно жесткие рамки такой политической идеологии, что, кстати, позволяет им строить не только прогнозы, но и заниматься долгосрочным стратегическим планированием.

Эти знания, совмещенные с опытом, искусством, становятся бесценным, незаменимым национальным ресурсом, а их отсутствие или недостаток — общенациональной трагедией. Как справедливо заметил А. Кокошин, говоря о разгроме школы Свечина, «Порой действительно складывается впечатление, что они (акции разгрома. — *Авт.*)

²³⁸ Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ. 2013. С. 5.

были не только продуктом внутреннего соперничества..., но и чем-то иным...»²³⁹.

Рост значения субъективно-личностного фактора в политике России происходит на фоне деградации политической культуры. Современные гуманитарные знания в России об обществе политике и войне, к сожалению, очевидно, деградируют, что ведет к ухудшению качества российской политической и военной науки и искусства политики. Если прежняя элита в российской империи проходила достаточно жесткую школу естественного отбора и воспитания, то при советской власти в результате революции эта традиция прервалась. Но только на время. Вновь она прервалась в 1990-е годы, когда во власть буквально хлынул поток нравственно ущербных и непрофессиональных кандидатов.

В результате в конце XX века в России оформилась даже некая политическая закономерность: чем сложнее становились проблемы, тем хуже, менее профессиональна и нравственна, — правящая элита. И соответственно — хуже варианты решения этих проблем. Эта тенденция наблюдалась везде. В том числе, когда речь шла об уровне анализа и прогноза международной и военно-политической обстановки. Состоявшаяся в России последние 30 лет «деидеологизация», вкупе с развалом науки и образования привели, к тому, что современная правящая элита страны не только не готова сама к качественному анализу и стратегическому прогнозу, но и не обеспечена достаточным количеством качественных экспертов и исследователей. Более того разрушены целые исследовательские школы, от которых остались в лучшем случае отдельные небольшие группы исследователей: деградирует академическая наука, полностью ликвидирована отраслевая, а остатки ведомственных коллективов практически не

²³⁹ Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: МГУ, 2013. С. 9.

пополняются молодыми исследователями. Тому есть несколько субъектных политико-идеологических причин, у которых, как говорится, есть имя, фамилия, отчество и должность:

Во-первых, последствия борьбы с идеологией вообще и с «этатизмом», в частности, начатой еще А. Яковлевым как главным «архитектором» и двигателем перестройки, сказываются и сегодня. Прежде всего, потому, что у него есть идеологические последователи, отстаивающие и сегодня «необходимость отсутствия» идеологии. На эту тему регулярно проводятся даже целые мероприятия не только на экспертном, но и политическом уровне.

Роль идеологии и ее институтов до сих пор пытаются настолько умышленно дискредитировать, что даже сегодня, во второй половине второго десятилетия XXI века, попытки ее восстановления мало результативны. Идеология, как логически обоснованная система взглядов, конечно же, сохранилась, но в виде нескольких неформальных школ, не имеющих сколько-нибудь существенной материальной, организационной и кадровой базы, а уж, тем более не оказывающей общенационального влияния.

Вместо этого, спохватившись, начались поиски «смыслов» и написание «текстов», не связанных между собой, т. е. отсутствие системы заменили эклектикой. Идеология, как система, исчезла. Она превратилась в отдельные философские направления, перестав быть отраслью знаний профессиональной науки. Что, естественно, сказывается на качестве концептуальных материалов. Простой пример: министерство по развитию дальневосточных регионов предложило сделать летом 2015 года комплексный (!) НИР, посвященный социально-экономической стратегии развития дальневосточных регионов России до 2030 года. Такая стратегия, очевидно, должна отражать общенациональные приоритеты, которые необходимо четко сформулировать, что является именно политико-идеологической задачей. Но именно этой обще-

национальной задачи так до сих пор и по сформулировано, поэтому стратегия социально-экономического развития в очередной раз (как и другие предыдущие такие стратегии, подготовленные за последние 10 лет) будет носить регионально-отраслевой характер. Как и многие другие стратегии и концепции она останется абстрактным, не требующим соблюдения, документом, слабо отражающим реалии. Между тем, опрос, проведенный РАГС в августе 2015 года, показал не только сокращение доли тех руководителей, которые следуют таким концепциям, но и, одновременно, увеличение доли тех, кто заинтересован в стратегическом планировании.

Любой субъективизм имеет в политике конкретный характер — политический, экономический, финансовый, военный или другой. Для того чтобы он «вписался» в эту систему, он должен видеть ее целиком с политико-идеологической точки зрения. Не случайно, что в стратегическом планировании США именно за политическим и идеологическим планированием (не случайно было и объединение Госдепа и ЮСИА) сохраняется, безусловно, главная, не подлежащая оспариванию ни ЦРУ, ни КНШ роль.

В области формирования ВПО, а тем более МО именно политико-идеологическая система уравнивает все остальные интересы. В качестве конкретного примера, иллюстрирующего взаимосвязь политико-идеологических приоритетов с другими приоритетами и политическими целями, можно привести ход размышлений сотрудника РИСИ Л. Абаева относительно «дерева целей» российской внешней политики в отношении Японии, из которого видно, что главная задача — именно политико-идеологическая — «отобрать» наиболее приоритетные цели для России, которые затем уже расставляются в определенном порядке, «делятся» и т. д.²⁴⁰

²⁴⁰ Абаев Л. Ч. О некоторых аспектах аналитического обеспечения стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации / Слушания в Общественной палате РФ. М. 2013. С. 36.

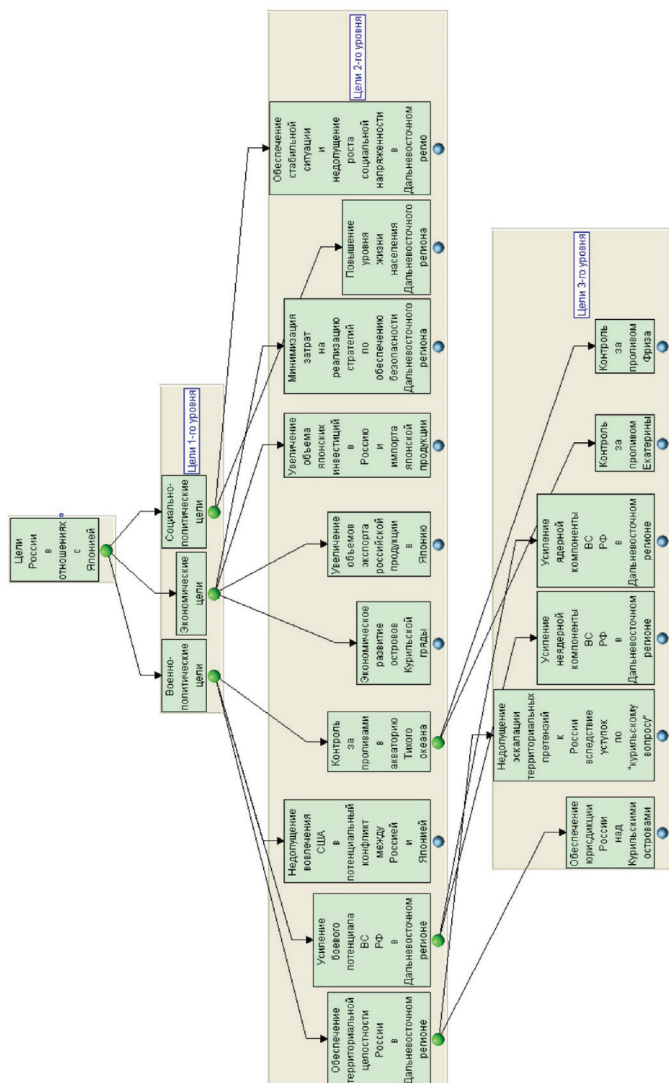

Рис. 3.6. Система политико-идеологической балансировки стратегии в отношении одного государства

«Деидеологизация», начатая А. Яковлевым и продолженная «макроэкономистами» и «менеджерами», «вымыла» из политики, административных органов и управленческих структур идеологов. Сегодня — это главная проблема путинской политики. В свою очередь это привело к кадровому голоду, когда в России вдруг исчезли не только политики-идеологи, но и чиновники, способные широко (политико-идеологически) посмотреть на ту или иную проблему. Востребованы оказались «практики», которые в подавляющей массе составляют категорию безмолвных, безропотных и безынициативных исполнителей, хорошо ориентированных в «решении конкретных» вопросов. Главное требование к качеству человеческого капитала в XXI веке — креативность, способность к творчеству, оказалось невостребованным властью. Как следствие — идеологов нет ни в руководстве страны, ни в ее управлении, ни в экономике, ни в образовании. Их место занимают «менеджеры», — специалисты по всем вопросам управления, точнее по управлению финансовыми потоками. А. Сердюков, А. Чубайс — яркие этому примеры, но таких примеров в управленческом звене — абсолютное большинство. Все это лишает управление, анализ и прогноз, творческого подхода, а значит и эффективности. Только хороший исполнитель не способен сегодня к творческому решению, научному поиску, инициативе. Поэтому в управленческом звене в России сформировался «идеальный» тип: безынициативный, лояльный, исполнительный. Другими словами, возник кадровый кризис, в котором власть не отдает себе отчета.

Даже попытки единственного идеолога в стране — В. Путин (в частности, на Селигере и других неформальных идеологических встречах, а также в последних Посланиях Президента РФ), ни к чему не привели. Системы политико-идеологического управления так и не появилось. Точнее — система сложилась как «идеологическая антисистема», которая требует ежечасного вмешательства, «ручного управления».

Во-вторых, на усиление субъективного влияния на политические процессы сказалось фактическое разрушение национальной гуманитарной науки, причем не только в фундаментальной, но и прикладных областях. Были уничтожены целые институты и школа РАН. Но не только. «Исчезла» отраслевая наука, которая обеспечивала органы управления информацией и аналитикой, «захирели» научные школы в университетах и вузах, которые были вынуждены зарабатывать только на образовании. Все это привело к резкому снижению качества специалистов самого разного звена. Это отбросило эффективность управления страной на десятилетия. Некоторые научные школы в отдельных отраслях экономики вообще исчезли, а некоторые сократились до вымирающего минимума. Так, на одной из идеологических кафедр Военного Университета вместе 80 профессоров, доцентов и преподавателей осталось... восемь. Очень сильный удар по военным научным школам нанес А. Сердюков, но его действия, на самом деле, вполне типичный пример «отраслевого» управления наукой²⁴¹, «деидеологизированными» менеджерами. Это свидетельствует о резком усилении существовавшего прежде кризиса научных школ и направлений, которые сознательно уничтожаются в соответствии с идеологией рынка, не требующей от России наукоемкой продукции. Как справедливо отметил в своей фундаментальной работе А. Владимиров, «Мы уже хорошо прочувствовали на себе, что попытки власти, государства или всей нации жить без собственной идеологии, не только не дают хоть какого-то положительного результата, но и ввергают их в идеологическую зависимость от чуждых идеологий...»²⁴²

²⁴¹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

²⁴² Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 54.

Таким образом, качественным анализом и прогнозом общественно-политического развития в России заниматься в настоящее время практически некому, а его политическая востребованность только-только стала возникать в директивных органах, о чем свидетельствует возросший «портфель заказов» на частные гуманитарные исследования. Фактически к 2015 году Россия в этой области оказалась в ситуации, которую можно охарактеризовать как почти «нулевая» — нет ни долгосрочных научных, крупных заказов, ни научных школ, ни серьезных кадров. То немногое, что еще существовало в СССР, за последние 30 лет было практически уничтожено, а остатки этого человеческого капитала продолжают вымирать.

И, наоборот, в конкурирующей с российской ЛЧЦ западной ЛЧЦ за эти годы было сделано очень многое, что существенно повысило качество анализа и прогноза, а также уровень принимаемых решений. Для России это означает, что во втором десятилетии XXI века мы имеем такой же разрыв с США, как и в области технологий.

Эти и другие причины привели к тому, что как во внешней, так, и в военной политике реальная научная база фундаментальной и прикладной науки «сжалась» до того уровня когда ее качественное воспроизводство фактически прекратилось. Попытки власти последних лет воссоздать через научно-координационные советы и пр. общественные институты связь высших звеньев управления с наукой оказались малоэффективными, а реанимация научных коллективов из советского прошлого и использование в этой области советского наследия стала практически бессмысленной.

Естественно, что эти и другие причины позволяют скептически оценивать не только уровень принятия и реализации политических решений (о чем не раз говорил Президент РФ, в частности, упоминая то о 10%, то 15% реализуемых

его решений), но и качество этих решений. Яркий пример — четыре (!!!) раза пересмотренный краткосрочный прогноз МЭР РФ роста ВВП в 2014 году. С точки зрения эффективности управления это означает катастрофу.

Такая оценка в полной мере относится как к качеству подготовки, так и принятия решений, что, естественно, в полной мере относится к качеству анализа и прогноза. По сути дела возникли две большие группы субъективных проблем (по большому счету политико-идеологических), связанных с анализом, прогнозом развития МО и принятием необходимых решений в области стратегического планирования²⁴³:

Первая группа связана с катастрофически низким качеством лиц, отвечающих за подготовку и принимающих политические и другие важнейшие решения, т. е. качеством человеческого потенциала правящей элиты, в частности:

- образованием;
- опытом;
- способностью к анализу и прогнозу;
- нравственными качествами.

Быстро решить эти проблемы не удастся: требуется идеологическое воспитание и профессиональная подготовка экспертной и правящей элиты. Так, как это делается на протяжении десятилетий в США. Опыт показывает, что там существуют фактически обязательные ступени в карьере, которые позволяют политической системе не только «защититься от дурака» (в нашем случае, не пропустить к власти М. Горбачева и К), но и обеспечить высокое качество элиты. По нашим наблюдениям эти обязательные ступени (которые невозможно обойти, избежать и пр.) таковы:

- престижный университет;

²⁴³ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015

- участие на старших курсах в общественно-политической деятельности;
- участие в работе органов власти штата (помощник конгрессмена и т. д.);
- выход на уровень работы в каком-то штате, как правило, в качестве конгрессмена штата;
- выход на федеральный уровень;
- выдвижение в «первые ряды» федерального уровня;
- стажировки в министерствах, ведомствах, участие в кампаниях, командировках и т. д. «по кругу»;
- заметный пост в федеральных органах власти (сенатор, зам. секретаря / министра и т. д.);
- стажировки, обмены и т. д.;
- выход на первые роли — министров, руководителей комитетов, палат Конгресса и т. д.

Вторая группа проблем повышения эффективности связана с развитием научных школ, коллективов, институтов, естественным уходом ученых и переориентацией научных кадров в области социальных и гуманитарных наук, отсутствием наработанных теорий, методик, концепций и пр. аппарата научных исследований. Эту группу проблем необходимо срочно решить, посредством воссоздания старых и создания новых научных школ и направлений, понимая, что потребуются годы для решения этой проблемы.

Между тем, предпринимаемые в последние годы амбициозные усилия руководством страны в области внешней и оборонной политики требуют не только быстрой, но и очень точной оценки и анализа, а тем более прогноза. От этого зависит как эффективность принимаемых решений (скорость реализации, стоимость, полнота), так и сама их целесообразность. Это — общее современное требование. Как подчеркивается в Докладе о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки от 13 июня 2013 года, «важнейшей частью процесса формулирования

указаний по использованию ядерного оружия является всесторонняя оценка стратегической обстановки»²⁴⁴. Особенно, если речь идет о крупных национальных программах, требующих больших затрат. Собственно именно этой проблеме и посвящена настоящая глава, в которой делается попытка осмысления логики практического, политического и военного процесса, включая его современное состояние.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что современное состояние человеческого потенциала и качество анализа, прогноза и принятия качественных решений в России оказывается ниже критического уровня. Существующих человеческих ресурсов совершенно недостаточно²⁴⁵:

- ни с точки зрения наработанного аппарата для анализа и прогноза, теоретической и методологической проработки этих проблем и разработки частных методик и концепций;
- ни с точки зрения кадров, способных сделать такой оригинальный анализ и прогноз;
- ни с точки зрения лиц, принимающих важнейшие решения в стране, которые в настоящее время не только не способны выполнить эту работу, но даже осознать ее масштаб и значение.

Это означает только одно: эффективность государственного, общественного и экономического управления в России будет оставаться крайне низкой по двум основным причинам:

- низкому качеству НЧК и его институтов, обладающему устойчивой тенденцией к ухудшению, снижению общего научного и культурного уровня в стране и уровня экспертизы;

²⁴⁴ Доклад о Стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки (направлен в Конгресс США в соответствии с положениями раздела 491 тома 10. Свода Законов США 13 июля 2013 г.). С. 3 / <http://www.defense.gov.publ>

²⁴⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

- продолжающемуся ухудшению качества правящей элиты, когда остатки профессиональной советской элиты заменяются новым поколением непрофессиональных сотрудников, обладающих низким качеством нравственного потенциала.

3.5. Идеология и дезинформация при анализе и прогнозе развития международной обстановки

Очень часто оценка или даже прогноз политических событий в международной области основывается просто на заявлениях и публичных декларациях политиков, оценках экспертов и выводах журналистов. Причем без какого-либо серьезного исследования. Между тем, как известно, существует большая разница между публичными намерениями и декларациями, с одной стороны, и реальными действиями, с другой. Очень часто, даже, как правило, эта разница умышленно камуфлируется с целью дезинформации противника относительно своих истинных намерений. Особенно если речь идет о будущих намерениях. Это и понятно, ведь в политике и военном деле противной стороне нужно знать только то, что вы хотите знать. Проблема, однако, заключается в том, что публичная международная политика не может строиться на дезинформации: важно, чтобы не только ваши союзники, но и оппоненты понимали цели и мотивы ваших действий.

С этой точки зрения идеология, как оформленная концепция и система взглядов, не может вводить в заблуждение ни союзников, ни противников в долгосрочной перспективе. Возможные тактические уловки, приемы и хитрости не могут изменить политико-идеологическую суть внешней политики также как украшения на фасаде дома не могут повлиять на

фундамент и основные несущие конструкции. Вот почему анализ политики должен основываться не только на традиционном политическом анализе: публичных заявлений и действий, а также изучении реальных интересов (потребностей) правящего класса и его возможностей (ресурсов), но и на тщательном изучении концептуально-идеологических основ политики, отражающих субъективные взгляды представителей правящей элиты. Если вернуться в очередной раз к модели политического процесса, то это означает, что анализу должны подвергнуться: рис. 3.7.

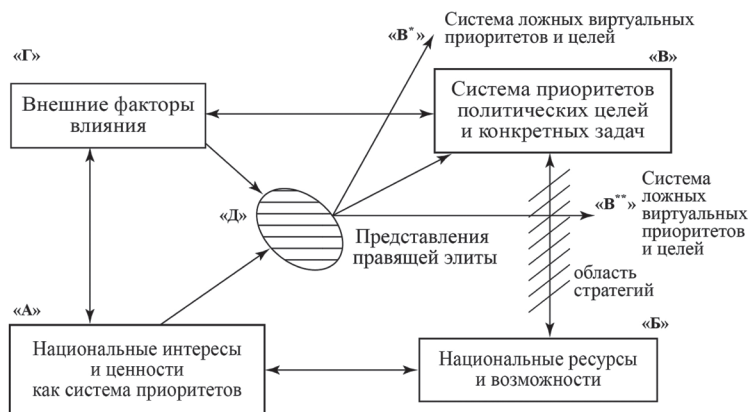

Рис. 3.7. Модель политического процесса применительно к механизму формирования «виртуального» сценария МО в будущем

- традиционные заявления и публичные декларации, в которые оформляются цели и задачи политики (группа факторов «В»);
- национальные ресурсы и возможности (группа факторов «Б»);
- национальные ресурсы и интересы (группа факторов «А»);
- влияние внешних факторов (группа факторов «Г»).

Но не только! Анализу должны подвергнуться их взаимосвязи в представлении правящей элиты страны и общества (группа факторов «Д»), т. е. идеология!

При таком анализе окажется невозможным спутать подлинные и декларируемые в целях дезинформации политические цели. Также невозможно, как и скрыть конструкцию здания и его основные параметры за внешним декором.

Представляется, что в XXI веке такая разница между декларируемыми намерениями и реальными действиями стремительно увеличивается. Более того, политические декларации и их комментарии экспертами, журналистами и блоггерами нередко сознательно преследуют цель ввести в заблуждение. При этом, похоже, что ответственность за такое поведение становится все более актуальной, задача отделить в анализе и прогнозе развития МО и ВПО реальность от вымыслов и дезинформации, что позволяет делать традиционный анализ, основанный не столько на изучении заявлений и намерений (*intentions*), сколько на анализе, во-первых, возможностей и ресурсов (*capabilities*), а также, во-вторых, анализе идеологии, как системы взглядов, идей и ценностей, отказ или игнорирование которых полностью невозможен даже в интересах дезинформации противника²⁴⁶. Таким образом, самый общий теоретический подход к анализу развития МО и ВПО предполагает:

- традиционный для политических ведомств анализ намерений, заявлений, комментариев и пр. (*intentions*);
- анализ реальных возможностей и ресурсов (*capabilities*), который в большой степени относится к компетенции спецслужб;

²⁴⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 64–73.

- анализ идеологии (концепций, идей, ценностей), который является редко предметом тех, кто склонен к научным исследованиям;
- анализ развития НЧК и его институтов на уровне как ЛЧЦ, так и наций, и государств, и международных акторов.

Эту мысль можно сконцентрировать в следующую логическую картину методологии исследования, исходя из предыдущей логики обсуждения: рис. 3.8.

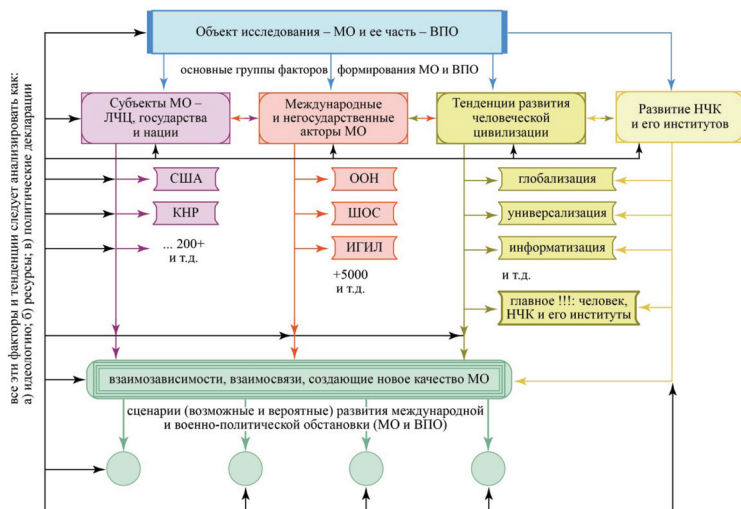

Рис. 3.8. Анализ развития МО и ВПО во взаимосвязи основных групп факторов и идеологии

Как видно из рисунка, идеологический аспект анализа и прогноза присутствует не только в качестве важнейшего, самостоятельного подхода, но и присутствует в том числе в анализе ресурсов/возможностей и политических деклараций, потенциала ЛЧЦ и ее институтов.

Этот подход к анализу и прогнозу МО позволяет, в конечном счете, отличить реальные планы и действия от мни-

мых — надуманных или разработанных в целях дезинформации, — что всегда было важнейшей задачей политики и лиц, принимающих политические, военные или иные важнейшие решения. Известно, что успешная кампания по дезинформации приводила не только к проигранным сражениям и даже войнам, но и краху государств. Речь идет в данном случае не столько о конкретных деталях, пусть даже очень важных, а о понимании сути политики и стратегии оппонента.

В условиях ведущейся сетецентрической войны против России исключительно важным становится точное понимание политики противника, которое возможно только на основе идеологической, адекватной оценки всей суммы идеи, концепций и «смыслов», — собственных и чужих — которые, так или иначе, используются в этой войне локальными цивилизациями и нациями. Это возросшее значение идей определяется как минимум, двумя обстоятельствами: во-первых, объективно возросшей ролью в политике и стратегии государств, информационно-коммуникационных средств, вытекающих, в свою очередь, из роста значения НЧК и его институтов²⁴⁷, а, во-вторых, в качественно новых научных, образовательных, технических возможностях влиять на другие ЛЧЦ, государства и коалиции, прежде всего, на формирование общественного и элитарного сознания этих стран.

Особенное значение, изменения в этих возможностях имели для политики откровенной дезинформации и создания ложных «виртуальных реалий» в МО, которая стала повсеместной практикой в начале XXI века, более того, будет ведущей тенденцией в будущем. Так, мысль о «вине» коммунизма и «покаянии», которая активно используется с конца 1980-х годов, «плавно» переросла в «вину СССР», а затем уже и в «вину России». В том числе и за

²⁴⁷ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

то положительное, что еще совсем недавно признавалось за ней бесспорно. Так, «вина» коммунистов и И. Сталина превратилась через несколько итераций в «вину России» перед всей Европой, а недалеко, возможно, и то время, когда эта вина трансформируется в «вину перед Германией». А затем и пересмотр результатов войны, отрицание итогов послевоенного мироустройства, что, в конечном счете, может привести уже к «законному» пересмотру сложившихся границ и переделу природных ресурсов и контролю над транспортными коридорами.

Не случайно, что этот процесс «деидеологизации» в СССР и России совпадает с политическим процессом формирования новой «виртуальной реальности» — положительного значения усиления лидерства «миролюбивой» — демократической Германии в конце XX века. С политической точки зрения это означает, что Германия стремительно превращается уже не только в лидера ЕС, но и в самостоятельную военно-политическую силу, которой очень мешает недавнее прошлое, чтобы было можно повторить сценарий развития МО накануне Первой и Второй мировых войн. Иными словами, идеология, пропаганда и манипулирование общественным сознанием стали реальными политическими инструментами, альтернативными объективным знаниям, к которым прибегают традиционно при анализе МО и ВПО. В отличие от прежних лет это явление уже стало важным реальным фактором мировой политики, который требуется учитывать при анализе, а тем более стратегическом прогнозе. Можно, например, предположить, такую картину: сформулируется некий ложный образ в качестве «виртуальной реальности», а в результате целенаправленных усилий сформируется такая МО, которая будет соответствовать этому образу уже в реальности. Примеры уже существуют — «поиск» химического оружия в Ираке, «ядерная угроза» Ирана, «имперские амбиции России» и т. д.

Другой пример реализованной «виртуальной реальности» — создание атмосферы русофобии на Украине, которая привела, в конечном счете, к незаконной смене власти. Образ «империалиста», из русского, начал сознательно формироваться еще в СССР, когда всячески стало выпячиваться «украинство» и подчеркиваться «экономические издержки» союзного государства. В итоге произошло, казалось бы, невероятное — часть русского народа «осознала себя» самостоятельной нерусской этнической общностью, противопоставив основную часть нации. И все это за какие-то 25–30 лет²⁴⁸.

На самом деле быстрое изменение МО предполагает, прежде всего, быстрое изменение социальной сущности человека, институтов его развития, т. е. НЧК и его институтов. На рисунке, указанном выше, этот фактор обозначен среди прочих в группе глобальных тенденций развития человеческой цивилизации, но именно он и является самым динамичным фактором в изменяющейся МО: демографические, природные, экономические и иные факторы меняются не только медленнее, но и менее радикально. Тем сильнее их влияние и в конкретной МО и ВПО, и даже СО²⁴⁹.

Сказанное означает, что идеологическое и дезинформационное значение при формировании (и, следовательно, прогнозе) МО — чрезвычайно высоко и стремительно повышается. Что, кстати, очень хорошо поняли на Западе еще в последней четверти XX века, когда подписали Заключительный Акт в Хельсинки 1 августа 1975 года, который стал фактически правовой и политической основой для всего диссидентского движения и последующего развала Социалистического содружества.

²⁴⁸ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 27–47.

²⁴⁹ : Подберезкин А. И. Долгосрочный сценарий развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 22.

Развитие современного сценария МО характеризуется еще более быстрой искусственной виртуализацией действительности, когда сознательно создается некая нереальная виртуальная (выгодная западной МО) реальность, которая начинает все сильнее влиять на сценарий развития МО. И объективные реалии и знания в этом процессе играют подчиненную идеологии роль, т. е. сознательно подгоняются под необходимую субъекту МО реальность. Сегодня, например, можно выделить ведущую виртуальную реальность, созданную США, под которую тщательно и настойчиво подгоняется реальная МО. Эта реальность — «агрессивная «Россия», «угрожающая цивилизованному человечеству», которую требуется всеми способами (включая военные) уничтожить. Такая «идеологическая картинка» является уже не виртуальной, а реальной политической основой для анализа современной МО и будущих сценариев.

Эту идеологическую особенность важно сознавать в реальной политике потому, что именно настойчивое отстаивание «виртуальной реальности» превращается в реальную политическую практику. Это особенно отчетливо было видно в процессе освещения конфликта на Украине, когда собственно медийный процесс превратился в самостоятельную политику. И этот же процесс стал фактором сознательного формирования сценария МО в еще большей степени в будущем. Механизм создания такого «виртуального сценария МО» можно представить следующим образом (рис. 3.9), разбив его (в целях выделения отдельных функций) на два этапа, которые означают этапы сознательной политики дезинформации и создания ложного сценария развития МО²⁵⁰.

²⁵⁰ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Рис. 3.9. Шесть этапов создания нового реального сценария международной обстановки (МО) и новой политики на базе политических интересов «виртуальной МО»

Как видно из рисунка, будущий сценарий МО во многом предопределен теми идеологически обоснованными «виртуальными образами», которые сознательно заранее создаются оппонентами. Если проиллюстрировать эту формальную логику примером, то хорошо подходит пример с Украиной, полностью соответствующий всем этапам развития (табл. 3.2).

Реальные объективные знания не только в отношении фактов, но и идеологии необходимы для того, чтобы отделить «виртуальные» цели от реальных и спрогнозировать конечные, реальные политические цели и будущий реальный сценарий развития МО. В частности, реальный сценарий развития МО после 2020 года представляется как один

Таблица 3.2.

I этап (1970–1980-е гг.)	— Реальность существования ОВД и СССР. Идеологическая «постановка задачи» развала Социалистического содружества.
II этап (1975–1989 гг.)	— «научное» обоснование, формирование концепции «независимого» от империи, «демократического» государства.
III этап (1989–2013 гг.)	— Продвижение «образа независимости» и «демократичной» (в отличие от «ватников») Украины
IV этап (10.2013–2014 гг.)	— Создание «политической реальности» в соответствии с виртуальным образом.
V этап (2014–2015 гг.)	— Формирование новой реальной, враждебной России МО и политики на Украине, ее трансформация в военно-политическую реальность
VI этап (2015 г. —)	— Реализация новых политических установок, прежде всего, формирования устойчиво враждебной России стратегической обстановки.

из вариантов сценариев военно-силового и вооруженного противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской. Однако его «виртуальный образ», который готовится в настоящее время в США и НАТО, существенно отличается от реального. Он акцентирует внимание не только на силовом, но и на вооруженном противоборстве ЛЧЦ, что очевидно следует из ставших известными в 2015 году Стратегии национальной безопасности и Военной стратегии США²⁵¹. Это сознательно дезориентирует общественность и лиц, принимающих политические решения.

²⁵¹ National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015; а также: The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : DOD, 2015.

Надо понимать, что существует и дезинформационный процесс формирования «виртуального образа» — процесс, занимающий определенное время и усилия не только в СМИ, но и в политических и дипломатических, и экспертных кругах, которые — это важно подчеркнуть — специально готовятся и для них выделяются специальные ресурсы. Другими словами, это достаточно ресурсный процесс дезинформации, требующий времени. Он необходим для формирования у оппонента «ложной цели» и неэффективной траты ресурсов. Так, очевидной «ложной целью» для СССР многие годы являлась возможная война в Европе с помощью массовых сухопутных армий по аналогии с войной 1941–1945 годов. В результате СССР создал огромное число бронетанковых и пр. сухопутных соединений, которых надо было поддерживать в мирное время вне зависимости от степени военной угрозы. Позже, десятками тысяч, эти самолеты, танки и пр. техника утилизировались, что, впрочем, также потребовало крупных затрат.

Яркий пример этому — создание иллюзии стратегического наступления, когда в процесс включены в т. ч. и реальные ВС, а также ВиВТ. В политике происходит примерно, то же самое: тратятся не только виртуальные и медийные, но и материальные ресурсы. В т. ч. создается, возможно, иллюзия развертывания подразделений ВС, создаются новые ВиВТ. Это необходимо иметь ввиду при анализе и стратегическом прогнозе развития сценария МО после 2020 года.

Следует понимать, что такие дезинформационные «виртуальные акции» не только могут, но обязательно будут предприниматься в будущем. Они уже стали частью внешнеполитического планирования западной ЛЧЦ. И задачей научной экспертизы является вычленение таких ложных «виртуальных акций», в т. ч. из всего спектра возможных сценариев развития МО в будущем. Отличать возможные от реальных сценариев, включая искусственно культивируемые

возможные сценарии развития МО, является очень важной функций органа, участвующего в подготовке и принятии решений. По сути дела — это важнейшая задача, стоящая перед всей военной организацией нации.

Известно, что в современной истории существует много практических примеров такого процесса сознательного искажения объективных реальностей в целях дезинформации. Например, через все шесть стадий этого этапа прошло формирование «виртуального» политического облика НАТО в 1990–2000 годы — от искажения реального военно-политического союза, которым он является, и попыток представить его в виде некой «невоенной, политической», чуть ли не гуманитарной организации, до дезинформации относительно сворачивания его военной деятельности и даже роспуске блока. Надо признать, что для большого числа представителей советско-российской правящей элиты эта дезинформация сработала. Более того даже высшие представители правящих кругов России включая президента Б. Ельцина, поддержали идею расширения НАТО на восток.

Очень важно понимание значения именно идеологического этапа формирования сценария «виртуальной МО» потому, что он представляет собой не только будущую научную основу идеологии, ее базовую логику всего политического процесса, но и нередко сам механизм реализации всех последующих стадий формирования «виртуального» сценария МО. Общую логику и взаимосвязь всех звеньев политического процесса можно лучше представить себе на основе рисунка (рис. 3.10), составленного по исследованиям профессора МГИМО М. Хрусталева²⁵².

Из рисунка видно, что объективные (базовые) интересы и ценности, проходя через «линзу» восприятия националь-

²⁵² Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015.

Это означает, что и внешнеполитическая стратегия и военная политика будут больше ориентированы вовне, что позволяет делать соответствующие выводы о характере будущего сценария развития МО. В качестве примера можно привести политику Японии и прогноз ее стратегии, а также сценарии развития МО в 30-е годы XX века для США, которые колебались от изоляционизма к глобальной или региональной вовлеченности.

И, наоборот, вектор «Д» — «В*» свидетельствует о целях и стратегии, ориентированных в значительной степени на изоляционизм, как это было в США в 30-е годы XX века. Но это разделение, естественно, справедливо только для логической модели. На практике это слишком явное разделение отсутствует.

3.6. Национальный человеческий капитал, его институты и идеология

Взаимосвязь проблем развития МО, национального человеческого капитала и идеологии, впервые была достаточно подробно рассмотрена А. И. Подберезкиным в специальной работе²⁵³. Главный практический вывод, вытекающий из анализа этой взаимосвязи можно сформулировать коротко следующим образом: в стратегии формирования МО и проведении эффективной внешней политики в XXI веке решающее значение приобретает эффективность управления (ЛЧЦ, нацией и государством), которая определяется, прежде всего, наличием адекватной идеологии, а та, обеспечивается в свою очередь, качеством НЧК и его институтов.

²⁵³ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. Книга первая: Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России. — М.: МГИМО-Университет, 2012.

Иными словами эффективная национальная стратегия, влияющая на степень благоприятности для нации и государства той или иной МО, является конечным результатом развития адекватной, соответствующей современным мировым реалиям, идеологии, обеспеченной эффективным национальным человеческим капиталом и его институтами.

Этот вывод означает, что без такой идеологии (как национально ориентированной и научно обоснованной системы взглядов) говорить об эффективной национальной стратегии бессмысленно. И так же бессмысленно говорить о количественном и качественном увеличении НЧК, рост которого в России в последние годы объясняется многими, но отнюдь не политико-идеологическими причинами: депопуляция страны в общих чертах прекратилась, но и говорить о «демографическом ренессансе», очевидно, преждевременно, так как Россия по-прежнему остаётся среди стран, чей ИРЧП не относится к показателю «очень высокий».

Вместе с тем можно говорить и о постепенной, пусть медленной и недостаточной, но смене курса в сторону развития НЧК. Причем в самых различных областях — от демографии до создания национального индекса культурного наследия²⁵⁴.

Таким образом, если вы хотите обеспечить ЛЧЦ, нации или государству максимально благоприятную для них МО, то решение этой задачи возможно в определенной строгой последовательности, которая изначально определяется наличием общенациональной (поддерживаемой в основных рамках большинством социальных групп) идеологии, которую можно разделить на этапы: рис. 3.11.

Обязательная последовательность в решении задачи усиления эффективности внешнеполитической стратегии, отнюдь не означает, что эту же задачу нельзя решать и одно-

²⁵⁴ Кулешова М. Эпикриз околонаучных интенций // Независимая газета. 2015. 11 сентября.

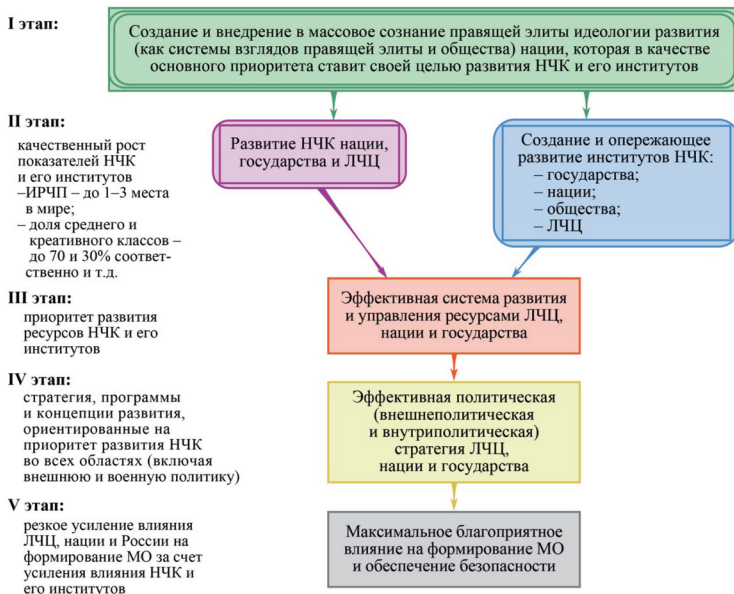

Рис. 3.11. Последовательность решения задачи создания благоприятной МО

временно, и параллельно с решением главной, идеологической задачи. По мере формирования и внедрения идеологии национального развития (на первом этапе) можно и необходимо одновременно внедрять и развивать ее элементы на всех этапах — от 2-го до 5-го. Так, например, развитие институтов НЧК в качестве инструментов внешней политики (5-й этап) может и должно происходить уже сегодня. Отчасти это и происходит, если говорить о таких удачных примерах, как «Россотрудничество» и «Россия сегодня», но масштаб и динамика развития подобных институтов должны быть серьезно, качественно усилены, не дожидаясь пересмотра основных приоритетов на общенациональном уровне (например, в Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности и др.).

В настоящее время, прежде всего, важно максимально точно определить реальный вектор российской политики, ее цели и стратегию, как отдельного субъекта МО, так и коалиции, союза или ассоциации, но прежде всего, локальной человеческой цивилизации. В том числе и для того, чтобы не быть дезориентированным относительно их подлинности и отличия от ложных или заведомо виртуальных целей и стратегий, которые могут быть навязаны извне. Это происходило очень часто в прошлом и происходит — сознательно или нет — особенно часто сегодня. Как уже говорилось в предыдущем разделе, этого можно избежать, если анализировать не только отдельные группы факторов, формирующих политический процесс (цели, интересы, ресурсы, угрозы), но и концептуально-идеологическую взаимосвязь между ними, т. е. политическую идеологию. В этой связи особенно важно понимать значение правящей элиты и ее взаимоотношение с творческим («креативным») классом и его институтами. В этих целях обратимся в очередной раз к модели политического процесса (рис. 3.12).

Из нее видно, что на адекватность восприятия правящей элитой оказывает влияние много факторов, но прежде всего группа внешних факторов (группа факторов «Б»), которые

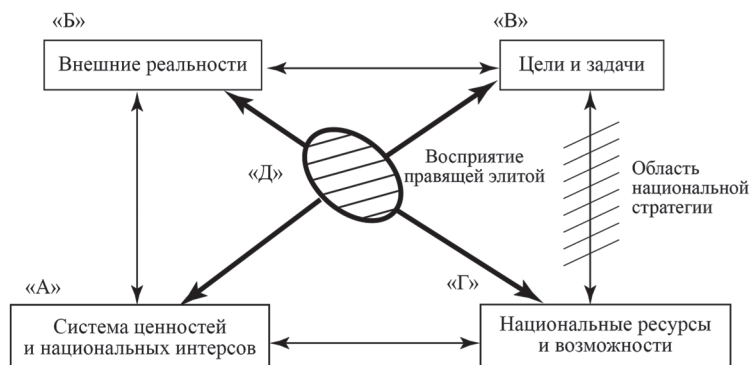

Рис. 3.12. Логическая схема (модель) политического процесса

могут, как прямо влиять на правящую элиту, так и через корректировку национальных целей и задач внешней политики (группа факторов «В»). Это внешнее влияние — его сила, а также способность преодолевать различное сопротивление, быстрота реализации и т. п. — зависит не только от, собственно, способностей самой правящей элиты и ее личных качеств, но и от состояния нации, всего общества, точнее, — качества общества (его НЧК) и его институтов, — государственных, политических и общественных. Именно по этому качеству общества, его способности защищать свою систему ценностей и национальные интересы (группа факторов «А»), и по его институтам (КПСС, КГБ, МВД и др.) был нанесен удар в 1980-е годы, с тем, чтобы внешнее влияние стало эффективным, что, в конечном счете, привело к отсутствию у нации сколько-нибудь общих представлений об обществе и государстве, целях и средствах внутренней и внешней политики, приоритетах и ценностях²⁵⁵. Не случайно, например, что РПЦ и Министерство культуры РФ, и их руководители (патриарх Кирилл и министр В. Мединский) стали в последние годы главными объектами критики извне и оппозиции.

Во второй половине 80-х и в 90-е годы XX века на правящую группу М. Горбачева — А. Яковлева — М. Шеварднадзе, а затем и Б. Ельцина — А. Козырева и руководимую ими элиту, очевидно, оказывалось не просто сильное внешнее влияние, и дезинформация, но и порой откровенное, прямое, а иногда и грубое давление: политическое, экономическое, дипломатическое, психологическое. И это давление было эффективным в т. ч. и потому, что национальные институты НЧК, прежде всего государства, были до этого сознательно ослаблены и разрушены. Прежде всего, развязанной против них кампанией. Это давление, в конечном

²⁵⁵ Подберезкин А.И., Макаров В.В. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 2000. С. 3–4.

счете, привело к радикальной деформации целеполагания, внешнеполитических целей и задач СССР, а затем и России, фактическому отказу, более того, сознательному разрушению существовавшей военно-политической и экономической, под эгидой российской ЛЧЦ, коалиции социалистических государств не только в Европе, но и во всем мире. Именно идеологическая деформация правящей элиты СССР (которая стала возможной в результате развала институтов НЧК государства и общества) стала главной причиной радикального изменения МО, которая не имела под собой серьезных объективных оснований²⁵⁶, более того, прямо противоречила таким основаниям.

В этой связи, можно полагать, что в XXI веке политическое значение качества НЧК, его институтов и, как следствие, правящей элиты, ее роль, в том числе в военном искусстве, станут еще более важными, даже решающими факторами в политической и военной победе той или иной ЛЧЦ или нации. Этот вывод подтверждается примерами прихода к власти, в XXI веке, в мире, целой плеяды сильных харизматических личностей, изменивших, иногда радикально, внешнеполитический курс своих стран и даже ЛЧЦ — в России, Китае, Сингапуре, Венесуэле, Бразилии, Аргентине и т. д. Соответственно резко повышается и значение внедрения ложных идеологем и прямой дезинформации этих лидеров и правящих элит, которая превращается, как правило, в самостоятельную, публичную, системную политику²⁵⁷. «Виртуальная реальность», создаваемая в результате такой политики, может полностью дезориентировать общественное мнение или создавать условия для проведения нужной внешней политики. Именно так происходит сегодня

²⁵⁶ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

²⁵⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

на Украине, где создана абсолютно ложная «виртуальная реальность» — «российский агрессор», которая положена в основу всего стратегического курса США:

- по отношению к другим членам западной ЛЧЦ;
- своим союзникам по НАТО;
- странам Ближнего и Среднего Востока;
- беженцам из Сирии, Ливии и др. стран и т. п.

Этот вывод также является прямым следствием, прежде всего, резко возросшей роли и решающего значения национального человеческого капитала и его институтов на новом этапе развития человечества, которые нередко сводятся к появлению «креативного класса». Этот фактор, как уже говорилось выше, превратился в решающую мировую тенденцию формирования МО²⁵⁸. Но он также является и главным ресурсом, в т. ч. идеологическим, на который делает ставку западная ЛЧЦ.

Появление массового «креативного класса» в развитых странах существенно изменило в них всю экономическую, социальную и политическую ситуацию.

С точки зрения экономической, — «креативный класс» стал основным производителем нового прироста ВВП (до 95%), что, естественно, отразилось на его месте в структуре общества, но пока что никак не проявилось политически. Его идеологическое влияние будет стремительно нарастать и неизбежно превратится в решающее для формирования МО. Уже сегодня активные социальные группы не только в развитых, но и в развивающихся странах становятся главными носителями моды, идеологием, политических требований.

С точки зрения социальной, «креативный класс» — наименее зависимый от государства и наиболее независимый политически и экономически класс, обладающий огромной

²⁵⁸ Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 2. — М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 119–162.

социальной и логистической мобильностью. Это обстоятельство полностью используется западной ЛЧЦ для политико-идеологического воздействия. В частности, все основные акции, особенно протестные, ориентированы именно на креативный класс, т. е. пока относительно узкую прослойку общества, но наиболее мобильную и активную ее часть. Интернет — среда обитания для креативного класса и главное средство идеологической борьбы и дезинформации, которое массово используется западной ЛЧЦ.

С точки зрения политической, «креативный класс» вынуждает правящую элиту считаться с ним, не претендуя вместе с тем на свою самостоятельную роль в политике государства. Но это, очевидно, временное явление.

В любом случае появление такого феномена как «креативный класс» требует от противоборствующих ЛЧЦ и наций самого пристального внимания, что проявляется уже, в частности, в резком усилении активности в социальных сетях и других явлениях, недооцененных прежде. Важно одно — появление и быстрое усиление значения «креативного класса» дает средствам дезинформации огромные преимущества по созданию ложных образов, политических целей и сценариев развития МО, т. е. деформирует всю МО.

Этот процесс имеет под собой долгосрочную и фундаментальную основу, вытекающую из роста значения НЧК, а в области международных отношений — его институтов. Причем не только государственных, но и общественных, и международных. Именно человек, его знания и творческий потенциал, стали не только решающим фактором экономического развития²⁵⁹, но и главным критерием в оценке политической эффективности и военной мощи. Именно качество личного состава, индивидуальное качество личности конкретного

²⁵⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I–III. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

представителя Вооруженных Сил, — от главнокомандующего до рядового, — качество управления ВС и ВиВТ станут в XXI веке решающими факторами в войне. Об этом же свидетельствует опыт последних войн в Сирии и на Украине, когда военные результаты обеспечивались, прежде всего, качеством личного состава (НЧК) противоборствующих сторон и их командования. Так, на Украине в 2014 г. в большинстве боестолкновений соотношение сил было 1 : 3 или даже 1 : 5 не в пользу ополченцев, что, однако, не помешало им проводить не только оборонительные, но даже наступательные операции²⁶⁰.

В этой связи особенно важное значение приобретают личностные возможности лидера — политика и военного, — во многом определяемые его мировоззрением, идеологией, способностью к научному (понятийному) анализу: отличать реалии от «виртуальных реалий», осмысленно и адекватно делать анализ, выстраивать стратегические прогнозы и сценарии развития международной и стратегической обстановки по возможности, точно определять будущий характер войн и военных конфликтов, а значит решающим образом адекватно влиять на процесс стратегического планирования и программирования. В конечном счете — оказывать решающее влияние на формирование будущих стратегических реалий: стратегической обстановки, войны и конфликта. Системный понятийный взгляд, основанный на идеологии, позволяет максимально снизить внешнее воздействие дезинформации. Именно для такого подхода необходима не только достоверная эмпирическая информация, но и идеология, и вера, и нравственность. Все эти качества стали в XXI веке обязательными и для лидера. Они являются «обязательным минимумом» идеологии управления и формирования управленческих кадров.

²⁶⁰ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 79–110.

Но что особенно важно, так это то, что в XXI веке лидер должен обладать высоким профессионализмом, а также другими качествами которые в обязательном порядке включают «креативность» (творческие способности) и отдельно личную способность к стратегическому прогнозу. Личность в XXI веке, на любом месте, должна превратить простой управленческий процесс, из преимущественного процесса «угодническо-исполнительского», в процесс творческий. Формированию этого творческого процесса в военно-политической области может помочь политическая и военная наука, которые выработали определенные методики и приемы анализа и прогноза. Это означает, что «абсолютный субъективизм», господствующий в политической и стратегической области, не является таким уж абсолютным и таким уж субъективным, если сознательно не игнорировать объективные реалии и данные науки, избегать научного анализа²⁶¹, основанного на системе взаимосвязанных взглядов, т. е. идеологии.

К сожалению, современные политики и военные нередко именно это и делают по самым разным причинам: из-за непрофессионализма и амбициозности (как М. Горбачев и Б. Ельцин), из-за неграмотности и волюнтаризма (как Н. Хрущев), из-за корысти и из-за плохого образования — как в современной России, да и по многим другим причинам. В результате происходит целая эпидемия ошибок политического характера. Прежде всего, из-за дезинформации — внешней или внутренней, которая сознательно искажает действительность. С этим бороться может только опытный и профессиональный политик.

При этом надо помнить, что цена персональной ошибки в анализе и прогнозе международной и военно-политической обстановки и характера войны — чрезвычайно высока.

²⁶¹ Подберезкин А.И. Эволюция идеологии российской политической элиты / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. С. 119–153.

Иногда эта цена — независимость государства и сохранение нации. До сих пор спорят не только историки и политики, но и самые разные люди о том, насколько точен был Наполеон в оценке ВПО после Бородинского сражения, И. Сталин перед началом войны, Ф. Рузвельт перед нападением Японии. Поэтому, кстати, и цена дезинформации очень высока. Она стоит больших денег, времени и даже человеческих жизней.

Наука, конкретные данные, теория и методики, но прежде всего, идеологический анализ, должны страховать от политического субъективизма, и дезинформации, которые неизбежно бывают в этой области, но которые критически опасны в большинстве случаях. Достаточно вспомнить известные в истории субъективные ошибки политиков, полководцев и просто командиров, которые были в их деятельности — будь то великие Ганнибал, Наполеон или Сталин. Или наших современников — М. Горбачева, М. Каддафи, Б. Ельцина и пр. Это ставит особенно остро практический вопрос об эффективных и надежных способах и методах анализа и прогнозирования МО, и характера будущих международных и внутренних войн, и конфликтов, которые позволят минимизировать субъективные ошибки политиков и полководцев (следует, правда оговориться с самого начала, что качественные научные рекомендации и их использование — совершенно разные области процесса подготовки и принятия решений).

Система, составляющая полноценный набор таких способов и методов, страхующих от дезинформации и ошибок в выборе приоритетов, является, прежде всего, идеологической системой взглядов, объединенной единой логикой и концепцией, на то, каким образом, в каких целях и с помощью каких способов развивается современная МО. Эмпирические и фактические данные, добытые легально или другими способами, очень важны, но они лишь укладываются своего рода «кирпичиками» в общий идеологический каркас. Ошибка в выборе приоритетов политиками, военными,

вполне сопоставима по своим последствиям с решениями, принятыми в результате дезинформации. В конечном счете, неважно, почему было принято то, либо иное решение; важны его последствия. И ложный выбор идеологического приоритета предполагает неизбежные системные идеологические последствия. Так, идеология неконтролируемого рынка начала 90-х годов XX века привела в России к социальному и экономическому катаклизму. Это была ошибка в выборе идеологического приоритета, что подтвердил в то время А. Чубайс, когда говорил о приватизации как идеологическом решении.

Идеология, как самое начало процесса подготовки и принятия решения, далеко не всегда вызывает внимание. Но именно на этих, самых ранних стадиях, фактически формируются основы будущей политики. Этот процесс, как правило, рассматривается как единый и последовательный, во многом личностный процесс, но на практике это далеко не всегда соответствует действительности. В идеальном, самом общем и простом, виде, эта модель подготовки, принятия и реализации решения может выглядеть следующим образом: рис. 3.13.

Уже на самых первых двух, «не идеологических» стадиях сбора и обработки информации, однако, уже участвует

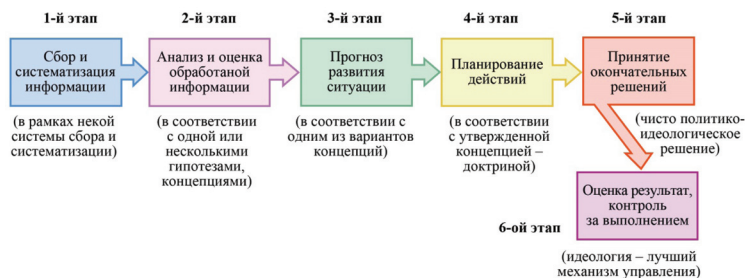

Рис. 3.13. Общая логическая модель подготовки, принятия и реализации политического решения в классическо-традиционной форме

идеология: по каким-то причинам обращается внимание на одну информацию и пропускается другая, выделяется в приоритет третья и т. д. Так, действительное значение НЧК и его институтов, их роль в формировании МО может недооцениваться и даже не замечаться. Именно так и происходило при формировании внешней политики России, когда прагматизм, подчеркнуто, вытеснил идеологию. Но именно идеологическое лидерство позволяло СССР долгое время выживать и, позже, развиваться в условиях радикального несоответствия соотношения сил в мире между Востоком и Западом.

Поэтому для того, чтобы этот процесс подготовки и принятия решений в области МО был эффективным, не зависящим от попыток дезинформации и создания «виртуальной реальности», необходимо, чтобы он одновременно проходил, как минимум, на всех четырех уровнях (выше об этом уже говорилось, когда рассматривалась логика общей методологии исследования). В этом случае акцент делается даже не на традиционных объектах и предметах исследования (субъектах и акторах МО, мировых процессах), а на самом подходе, а именно:

- необходимо анализировать идеологические и концептуальные основы политики субъектов и акторов МО;
- реальные ресурсы и возможности всех субъектов и акторов МО включая: нематериальные, духовные, идеологические ресурсы;
- политические цели, задачи, оформление в декларации и историю вопроса, обязательно акцентируя внимание на политико-идеологических целях и задачах;
- влияние внешних факторов, в том числе (а, в условиях XXI века, прежде всего) — борьбы за системы ценностей и т. д.

Примечательно, что на всех этапах и на всех уровнях, включая заключительный этап, широко практикуются методы политико-идеологической дезинформации — умышлен-

ной или случайной, — которые в XXI веке приняли масштабный и долгосрочный характер целенаправленной стратегии государства по созданию «виртуальной реальности», ложного представления о МО и политике государств.

Искаженный сценарий развития МО сознательно формируется годами, иногда десятилетиями, постепенно добиваясь признания абсолютной реальности искусственного образа. Этот искусственный образ, «виртуальная политическая реальность» должны быть обязательно некой идеологической концепцией, фундаментом, а не просто идеологемой. Так, для десятков миллионов граждан Украины удалось последовательно создать сначала образ «Украины — не России» и «русского — врага нации», принесшего все беды — экономические, социальные, культурные и пр. проблемы народу Украины, а, уж, потом зафиксировать антироссийскую политику. Не случайно зачатки русофобии существовали десятилетиями, которые были идеологически оформлены в середине XX века, превратились в доминирующую идеологию на рубеже XXI века и оформлены в русофобскую военную доктрину в августе 2015 года. При этом, как уже говорилось выше, способность противодействовать массовой кампании дезинформации зависит от степени развития НЧК государства и общества, и его институтов: чем выше качество НЧК и эффективнее его институты, тем сложнее их дезинформировать. Именно поэтому на Украине были разрушены те институты государства и общества, которые противодействовали новой идеологии, и тщательно уничтожаются любые попытки создания новых общественных институтов: запрет на деятельность политических партий, общественных организаций, журналистов, любых структур, противодействующих «свидомитной» политике.

На практике подобный управленческий процесс в идеологии, о котором говорилось выше, редко бывает реализован полностью — от первого до шестого этапа. Как правило,

«выпадают» не только целые этапы, но и даже несколько этапов, что делает потребность соблюдения идеологических принципов особенно важной. Более того, в определенные периоды времени политические решения огромной важности принимаются (по разным причинам) с откровенным нарушением даже этих банальных правил. В том числе и те, которые имеют стратегический характер.

Мы знаем, например, что Беловежские соглашения были составлены и подписаны наспех узкой группой людей, имеющих сомнительные полномочия и незначительный политический опыт. Из процесса подготовки и принятия решений были сознательно исключены практически все этапы, за исключением собственно политического решения о развале СССР, принятого наспех и некомпетентно. Но этому решению, надо признать, предшествовала вся предыдущая «нарастающая» практика принятия решений М. Горбачевым и Б. Ельциным, которая отрицала саму мысль об объективном анализе ситуации и прогнозе последствий принимаемых решений, они сознательно игнорировали экспертизу и мнение других руководителей. Более того, не исключается и внешнее вмешательство.

Аналогичная ситуация повторилась и в сентябре 1993 года с Указом Б. Ельцина №1400. Который был подготовлен втайне, в одном рукописном экземпляре, помощником Президента.

В этой связи, как представляется, требуется законодательно утвердить алгоритм подготовки и принятия важнейших военно-политических решений, который минимизировал бы негативное влияние случайно субъективных факторов. Для этого, кстати, у США можно было бы перенять опыт подготовки и принятия стратегических решений о развитии ВС и ВиВТ, который законодательно закреплён в соответствующей процедуре. Пока что в России мы не застрахованы от того, что такие решения могут иметь характер крупных

ошибок. И не только в военном строительстве, но и в военно-политической области. Очевидно, что такой алгоритм должен строиться на четком идеологическом фундаменте — в данном случае приоритете национальных интересов и системе национальных ценностей.

3.7. Роль идеологии в сценарии «Глобального военно-силового противоборства цивилизаций»

Идеология, придает внешней политике не только легитимность и публично-политическую последовательность, но и обоснованность, а также предохраняет от влияния дезинформации. В конечном счете — идеология делает внешнюю политику более эффективной — реалистичной и реализуемой. Совершенно справедливо и обратное утверждение: если ваша политика неэффективна, то следует искать ее ошибки, прежде всего, в идеологии, концептуальном подходе, а не в отдельных деталях и конкретных людях.

Примеры внешней политики СССР и России последних десятилетий очень ярко иллюстрируют этот тезис. Можно выделить несколько наиболее выраженных примеров, демонстрирующих идеологическое доминирование во внешней политике СССР и России в последние 50 лет (табл. 3.3).

Как видно из сопоставления изменений в идеологемах и их политических проекциях — внешнеполитических парадигмах, — происходит почти полное совпадение их хронологических рамок. Более того, изменения в политических парадигмах всегда являлись следствием изменений в парадигмах идеологических.

Если согласиться с этим выводом, то неизбежно придется сделать вывод о том, что новое изменение политической парадигмы, включая изменения в МО, должно

Таблица 3.3

Этапы	Идеологема	Внешнеполитическая парадигма
Военно-силового противоборства	Идеология развития социалистической системы в условиях враждебного окружения (1945–1975 гг.)	Холодная война и военное противоборство социалистической и капиталистической систем (1945–1975 гг.)
Противоборства и конкуренции при минимуме силового противоборства	Этап мирного сосуществования и сотрудничества («разрядка международной напряженности») (1975–1980 гг.)	Стратегический паритет как основа для взаимоотношений двух систем и мирного сосуществования (1979–1982 гг.)
Обострение МО как следствие обострения противоборства	Обострение идеологического противоборства в борьбе за мировое лидерство («империя зла») 1980–1986 гг.)	Перенос силового противоборства из военной в идеологическую и экономическую области (борьба с агрессией СССР в Афганистане, Польше, РСМД, Олимпиада, сбитый «Боинг» и т. д.) (1980–1986 гг.)
Отступление одной (коммунистической) идеологии	«Поражение коммунизма» и «победа демократии» (1987–1990 гг.)	«Победа» и изменение мироустройства в интересах западной ЛЧЦ как следствие политической победы (1987–2000 гг.)
Победа идеологии западной ЛЧЦ	Упрочение идеологического лидерства западной ЛЧЦ (1990–2015 гг.)	Закрепление силовыми способами сложившихся финансово-экономических и военно-политических результатов «победы» Запада (2001–2015 гг.)

быть следствием изменений идеологием. Так, идеологема западной ЛЧЦ на сохранение, более того, упрочение своего лидерства в мире, неизбежно ведет к появлению и закреплению соответствующей внешнеполитической парадигмы и военно-политической стратегии. Такой новой стратегией с начала второго десятилетия XXI века стала стратегия «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ».

Признание этой логики очень важно для правящей элиты современной России, многочисленные представители которой сохранили не только иллюзии прошлого, но и наивную веру в искренние намерения Запада к сотрудничеству. Это означает, что в России произошел очень глубокий, часто не афишируемый и не признаваемый раскол в правящей элите на сторонников прежней идеологемы («сотрудничества любой ценой») и новой идеологемы — «противодействие» силовому давлению западной ЛЧЦ.

Такое состояние для правящей элиты в принципе нормальное, обычное.

Политическая борьба, в т. ч. в области внешней политики, это всегда идеологическая борьба между отдельными группами общества и правящей элиты, даже когда (как в современной России) пытаются отрицать саму идеологию и такую борьбу. Отрицая идеологию, на самом деле, отрицаются не только перечисленные ценные качества политики (о которых говорилось выше — системность, последовательность и т. д.), но и само ее будущее: стратегическое прогнозирование и планирование, последовательность и преемственность, которые без идеологии невозможны в принципе²⁶². Без идеологии, как фундамента политической доктрины, невозможна и последовательная внешнеполитическая и военная стратегии.

²⁶² Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

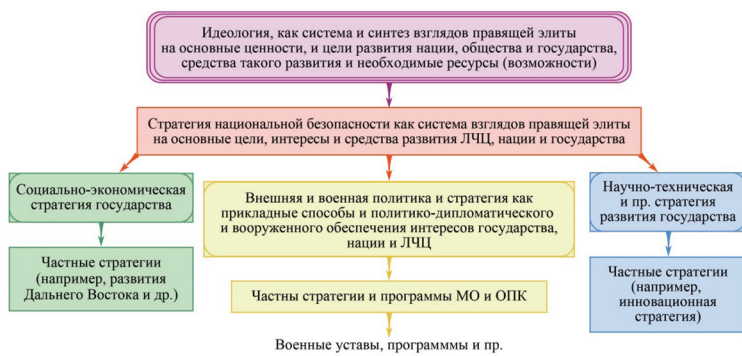

Рис. 3.14. Логическая последовательность формирования внешнеполитической и военной стратегии государства в XXI веке

Эту логическую последовательность (признаваемую, кстати, в США) можно выразить следующим образом (рис. 3.14)²⁶³.

Не трудно обнаружить, что у России нет «верхнего этажа» политики и стратегии — системы идеологических взглядов и ценностей, — что сказывается ежедневно и ежечасно, как на уровне развития менее приоритетных стратегий, так и на эффективности управления, но более всего — на монолитности правящей элиты страны. Отсутствие «идеологических рамок» для правящей элиты ведет не просто к идеологическому многообразию и хаосу, но ценностной дезориентации. Что очень хорошо понимают не только в США и других западных странах, но и на Украине (где силовым способом формируется общая ценностная база на искусственном фундаменте), где очень жестко отстаиваются допустимые для правящей элиты идеологические границы.

Примерно аналогичная, но еще более жесткая, идеологическая логика присутствует и в США, где Стратегия наци-

²⁶³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

ональной безопасности (02.2015)²⁶⁴ предшествует Военной стратегии (06.2015)²⁶⁵, а частные планы МО США вытекают из этих двух основных документов, причем в Стратегии национальной безопасности формулируются и главные политико-идеологические цели развития. В частности, в последнем варианте в качестве такой главной цели объявлялось «... укрепление и поддержание американского лидерства»²⁶⁶..., а по сути — сохранение и укрепление контроля США над мировыми процессами и сложившимися к началу XXI века финансово-экономическими и военно-политическими системами²⁶⁷. Эта цель, которая в дальнейшем развивается в соответствующих документах Белого дома, Конгресса США, Государственного департамента, Министерства обороны и Комитета начальников штабов и др. органов, можно попытаться показать на следующем рисунке (табл. 3.4).

Как видно логика и последовательность развития политических целей, приоритетов и соответствующих стратегий очевидна и не требует особых комментариев. За исключением, пожалуй, одного: современная политическая идеология США требует усиления противоборства с новыми центрами силы — ЛЧЦ, прежде всего, китайской и российской, — перенося центр тяжести такого противоборства все более из политико-силовой области в политико-вооруженную область противостояния²⁶⁸. В основе такого противоборства ЛЧЦ, по логике Запада, выступает борьба за продвижение ценностей западной ЛЧЦ, «выдавливания»

²⁶⁴ National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015.

²⁶⁵ The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : DOD, 2015.

²⁶⁶ National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015.

²⁶⁷ Достаточно подробно о принципиальном значении идеологии для военной политики и безопасности написано: *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Т. 2. — М.: Синергия, 2013. С. 52–63.

²⁶⁸ *Подберезкин А. И.* [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Таблица 3.4. Общая идеология, объединяющая «Дерево целей» и основных стратегий США в XXI веке

Главная цель: сохранение контроля над сложившимися к XXI веку в мире системами:	Главное средство (глобальная стратегия): сохранение и укрепление американского лидерства в мире
— финансово-экономической;	
— военно-политической;	
— гуманитарно-ценностной;	
— торговой.	
Частные политические цели:	Частные политические стратегии:
— сохранение технологического лидерства;	— военно-технического превосходства;
— сохранение и создание новых союзов;	— расширения НАТО, ТАП и ТТП и др.;
— сохранение американских ценностей в качестве универсальных и т. д.	— противоборства с конкурирующими ЛЧЦ.
Конкретные политические цели:	Конкретные военно-политические стратегии:
— укрепление союзов;	— развитие ВТО и ПРО;
— сохранение международных организаций, контролируемых США;	— расширение специальных силовых операций;
— ослабление конкурирующих союзов и организаций.	— создание «опорных баз» внутри стран-конкурентов и т. д.

и замены чужих ценностных систем и навязывания своего понимания национальных и государственных интересов. Это означает, как минимум, два принципиальных последствия для понимания перспектив развития международной обстановки в будущем:

- во-первых, основной центр борьбы между ЛЧЦ переносится в сферу идеологической и ценностной борьбы правящих элит этих цивилизаций, от результатов которой, в конечном счете, зависит политическая и военная победа или поражение ЛЧЦ. Собственно средства такой борьбы, включая военные, рассматриваются, прежде всего, как средства угрозы, давления и принуждения правящих элит изменить свои ценностные и идеологические ориентиры;
- во-вторых, в качестве системного средства такой идеологической борьбы между ЛЧЦ сформулирована стратегия «Глобального военно-силового противоборства», являющаяся системой самых разных силовых средств воздействия — от гуманитарно-образовательных до масштабированного применения вооруженного насилия, — используемой сетецентрическим образом, т.е. параллельно из разных центров и разными средствами и способами.

Это говорит об особом значении идеологии, которое она приобретает, в частности, в критические для ЛЧЦ или нации периоды развития — кризисы, войны, революции. Учитывая, что в XXI веке западная ЛЧЦ сознательно создает кризисы и дестабилизирует МО в целях «распыления контрольного пакета» мирового влияния, сказанное означает, что роль идеологии и идеологического лидерства будет еще больше повышаться. Отсюда, например, и такая болезненная реакция США на рост авторитета В. Путина в мире, представляющего как Россию, так и ценности, отстаиваемые чужой правящей элитой. Соответственно и развитие сценария МО, в котором применяется стратегия «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», неизбежно повышает значение идеологии, более того, сам сценарий и стратегия во все большей степени становятся идеологией. В том числе и важнейшим ресурсом такой стратегии западной ЛЧЦ, а именно — идеологическим ресурсом.

Борьба внутри правящих элит за лидерство идеологии в такие кризисные периоды превращается в борьбу за политические приоритеты, управление и ресурсы, а победа той или иной фракции элиты в такой борьбе, означает неизбежное изменение национальной стратегии. Нередко победа другой фракции в идеологической борьбе ведет к победе или поражению в войне с внешним противником. Так, приход к власти в России Петра III привел к прекращению войны с Пруссией, а Павла I — к изменению политики по отношению к Франции, М. Горбачева — к развалу ОВД, СЭВ и СССР.

Именно поэтому исследование идеологических основ политики правящих элит становится важнейшей задачей, которая может быть практически решена. Сегодня уже есть основания, предположить, что теоретически существуют адекватные методы и даже некоторые политические исследования, а также варианты стратегических прогнозов развития возможных сценариев международной обстановки, которые базируются на изучении и прогнозе уже существующих, в т.ч. идеологических и концептуальных, объективных реалиях человеческой цивилизации, которые в решающей мере влияют на формирование конкретной международной обстановки²⁶⁹.

Это, прежде всего, национальные интересы и система национальных (цивилизационных) ценностей, интересы правящих элит субъектов МО и ВПО, а также основные тенденции мирового развития и взаимоотношения между ними, формирующие МО и ВПО²⁷⁰. Их изучение позволяет создать серьезную объективную научную основу для исследования существующей и будущей конкретной СО, которая в любом случае будет логическим продолжением, следствием существующих процессов в международной обстановке. Так,

²⁶⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

²⁷⁰ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

набиравшая силу в XX веке западная локальная цивилизация привела к соперничеству ее основных представителей за лидерство — англосаксов и немцев, — которое вылилось в две мировые войны. Других цивилизационных соперников не было. Поэтому борьба внутри одного вида — западной локальной цивилизации — приобрела крайнюю форму войны.

В то же самое время подобная детерминированность борьбы ЛЧЦ не исключает субъективных толкований иного рода. Причем эти субъективные предположения иногда могут ложиться (и ложатся) даже в основу реальной политики. Наиболее яркий пример — теория конвергенции, — которая в том или ином роде повлияла на советскую правящую элиту, «впавшую в романтизм» в 80-е гг. XX в. Необоснованная (и даже необъяснимая) вера в «человеколюбие европейской цивилизации» значительной части советской элиты привела к краху ОВД и СССР. Этот пример интересен и тем, как сознательно насаждавшаяся А. Яковлевым и М. Горбачевым идеология капитуляции перед западной ЛЧЦ, получившая приторно-бессмысленное название «Новое мышление», стала политической основой для смены стратегии и последующего кризиса. Именно на основе этой «деидеологизированной» (по-Яковлеву) идеологии принимались решения о политических, экономических и военных односторонних уступках Западу, которые привели к краху ОВД и СССР.

3.8. Влияние идеологической борьбы внутри правящей элиты на формирование международной обстановки

Известно, что различные лагеря или фракции (партии и т.п.) правящей элиты оказывают в разное время разное по своей силе влияние на формирование политики и — через это влияние — на формирование всей МО и ВПО в мире.

Поэтому существует реальная проблема того, чтобы точно определить силу влияния того или иного лагеря (партии) правящей элиты. Иногда эта проблема, на наш взгляд, искусственно преувеличивается. Так, относительно политики США существует еще с советских времен школа (представленная, прежде всего, институтом США и Канады РАН), которая преувеличивает разницу в оценках и подходах между различными лагерями истеблишмента и партиями в США, а также влиянием западноевропейских лидеров.

На наш взгляд, для анализа и прогноза политики и стратегии того или иного государства важнее знать соотношение сил и влияния различных групп в правящей элите, представляющих различные идеологические подходы, выраженные в разных политических концепциях. Так, разница в подходах к Германии в конце 1930-х годов, в Великобритании персонафицировалась, в конечном счете, в разнице концепций безопасности Чемберлена и Черчилля, отражавших не столько разницу в их идеологическом отношении к коммунизму и нацизму, сколько разницу в реализме и понимании сути национальной безопасности.

Другими словами, в политике, говоря об идеологии, не следует говорить о личных симпатиях и идеологических предпочтениях. Идеология в политике — это система политических взглядов на обеспечение безопасности и благоприятных условий развития государств. И с этой точки зрения следует относиться к оценке, анализу и прогнозу субъективно-идеологического влияния на политику государств, ЛЧЦ и наций. В самом общем виде это представлено на следующем рисунке (рис. 3.15).

Таким образом, из логической схемы видна не только иерархия и структура развития сценариев МО, ВПО и СО, войн и конфликтов, но и то, что на каждом из этапов ее элементы подвергаются субъективной оценке, анализу и трактовке. Оценка, которая происходит в острой идеологической

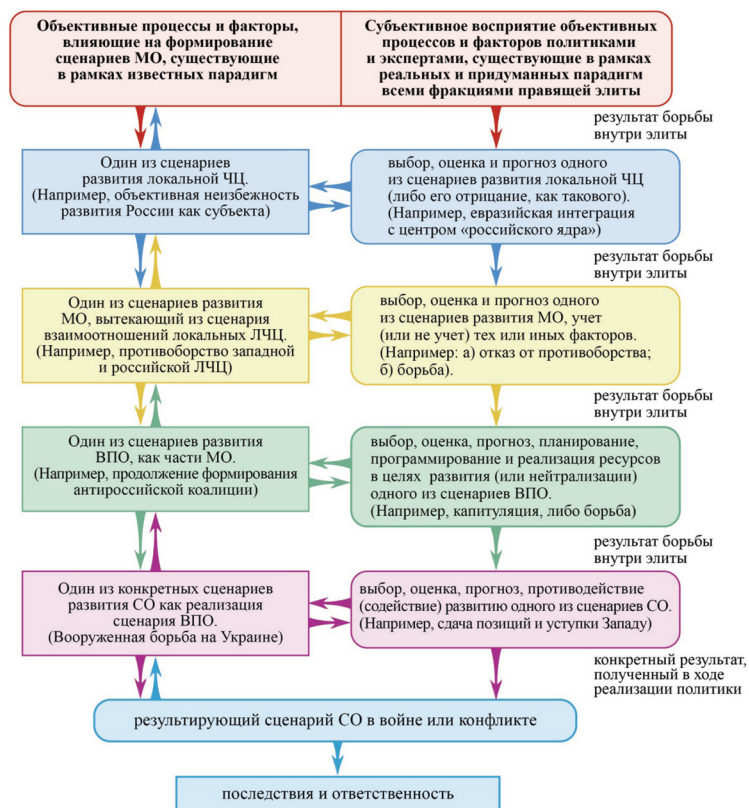

Рис. 3.15. Логическая схема объективного влияния и субъективного восприятия этого влияния на формирование МО, ВПО, СО

и научной борьбе, но результаты которой, как правило, зависят не от качества аргументов и доказательств, а от того, кто обладает властью или другими ресурсами. В итоге таких споров побеждает не «научная истина», «вера», «принципы» и др. идеологические атрибуты, а контроль над властным ресурсом. Иногда такой субъективный результат оказывался положительным, но чаще — конъюнктурно-отрицательным,

даже вредным. «Победа» в идеологическом споре узкой группы партийных начальников во главе с М. Горбачевым дорого стоила не только элите и обществу, но и всей нации и стране.

Причем чем выше в иерархии находится тот или иной сценарий идеологической борьбы, тем фундаментальнее его значение и влияние для последующих сценариев. Так, процесс национальной самоидентификации на Украине (самый верхний уровень рисунка) стал первопричиной дальнейших сценариев развития МО, ВПО и даже СО, что особенно ярко проявилось в конфликте «Правого сектора» и Порошенко в июле 2015 г.

Искаженное субъективное восприятие реальной МО или ВПО не только в результате идеологической борьбы отдельных социальных групп, но и личностей, не такая уж, редкость, которая, как правило, объясняется очень упрощенно — определенными личными интересами — идеологией, деньгами и т.д. Приведем пример того как субъективно и заведомо ошибочно некий политик (И. Рыбкин) выбрал и стал реализовывать на практике сценарий, исключающий возможность вооруженного противоборства локальных цивилизаций и наций, а также наличие внешней угрозы России (именно так было сказано, в частности, в первой редакции Концепции национальной безопасности России 1996 г.). В соответствии с этим субъективно-позитивным сценарием, потребности у России в средствах вооруженного насилия исчезают: прекращается финансирование, закупка и НИОКР, ВиВТ, производство, модернизация, обслуживание и т.п. (что и было с большинством систем в 1990-е гг.). Через некоторое время оказывается, что таких средств уже либо нет вообще, либо осталось ничтожно мало. Именно так и случилось к началу 2000 года.

Конкретные примеры развития такого сценария — Россия до начала XXI века и Украина до 2014 года — настолько убедительны, что возникает единственный вопрос об ответственности тех лиц, кто лично отвечал за такой анализ оценки, прогноз и принятие решений.

К сожалению, именно вопрос ответственности конкретных лиц за принимаемые решения является наиболее трудно решаемым, хотя провести простейшее расследование совсем несложно: у всех документов есть подписи, даты, резолюции. Для целей же нашего исследования важен вывод, который, к сожалению, может быть очень пессимистическим: можно сделать блестящий научный анализ и соответствующий стратегический прогноз, но это отнюдь не гарантирует, что принимаемые решения будут вытекать из такого анализа и прогноза. Субъективная политическая воля может (и, как правило, так и делает) перечеркнуть все научно обоснованные рекомендации. Но нередко бывает и так: научная экспертиза отражает ложные идеологические послы. Так было, например, во второй половине 1980-х годов, когда по поручению А. Яковлева и М. Горбачева институты РАН усиленно разрабатывали все более изощренные способы уступок Западу, а в МИД допоздна трудились, чтобы «к утру» придумать очередную уступку США.

Ниже мы увидим, что на формирование МО, ВПО и СО влияют не только объективные, но и субъективные процессы, а также как эти субъективные оценки, сделанные политиками, экспертами и военными, влияют на формирование МО и даже СО. Рассмотрим подробнее один уже вскользь упоминавшийся пример. Так, к перечню (важнейших) особенностей развития отношений в треугольнике США–РФ–КНР А. Арбатов и В. Дворкин относят то, что «Российско-американские стратегические отношения основаны на паритете ядерных вооружений, взаимном ядерном сдерживании и сорокалетнем опыте соглашений об ограничении и сокращении вооружений»²⁷¹.

С этим положением согласиться, безусловно, нельзя. Ядерные проблемы отношений остались в прошлом. Думать

²⁷¹ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

так сегодня — сознательно вводить в заблуждение свою политическую элиту. Строго говоря, достигнутый ядерный паритет ничему не мешает и не помогает — ни санкциям, ни вооруженной борьбе, ни изоляции России. Может быть, только США мешает использовать ЯО. Характер противоречий между Россией и США и двусторонние отношения в XXI веке основываются на фундаментальных разногласиях, которые прежде носили идеологическую форму (разногласия либеральной и коммунистической системы ценностей), а теперь политическую и цивилизационную форму. В их основе — и прежде и сегодня — находятся геополитические противоречия, во-первых, и мировоззренческие, ценностные, во-вторых. Любопытно, но острота этих противоречий, как оказалось, во втором десятилетии XXI века может быть даже больше, чем во второй половине XX века. О чем прямо говорил Б. Обама в своем выступлении «О стратегии национальной безопасности» в феврале 2015 года²⁷².

Думается, на наш, взгляд, что российско-американские отношения в международной и даже стратегической области в XXI веке:

- в последнюю очередь основаны на ядерном паритете;
- меньше всего зависят от ядерного сдерживания;
- фактически игнорируют «опыт» сорока лет переговоров об ограничении СЯС.

Таким образом, существует, как минимум, две точки зрения на характер российско-американских отношений, существенно отличающих друг от друга. Одна — А. Арбатова и А. Дворкина — основана на примере положительного опыта ядерного противостояния, другая — на геополитическом и ценностном противостоянии. Главное политическое значение этих точек зрения заключается в том, что «ядерные

²⁷² Обама Б. Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / <http://inosmi.ru/>

приоритеты», о которых говорят эксперты, никоим образом сегодня не влияют не только на политико-экономическое поведение США в отношении России, но даже и на военную составляющую — СО. Никто не планирует использовать СЯС ни в каком из вариантов развития СО до тех пор пока США, во всяком случае, не создадут потенциал неядерного ВТО и эффективную систему ПРО. Во всех уравнениях отношений «США–Россия» СЯС выведены «за скобки».

Другая странная особенность, подчеркнуто выделяемая указанными выше экспертами в отношении «стратегического треугольника» Россия–Китай–Америка, заключается в «отсутствии информации о ядерных силах» со стороны КНР: «В отличие от российско-американского подхода к стратегической стабильности китайский подход не основан на ракетно-ядерном паритете и взаимном ядерном сдерживании. КНР — единственная из «Большой пятерки» ядерных держав, которая не предоставляет информацию о своих ядерных силах»²⁷³, пишут авторы. Вряд ли оправданно противопоставлять позиции КНР–США и США–РФ таким образом: отсутствие легальной и полной информации о ядерных силах не является основанием для серьезной политики. Это просто отсутствие легальной информации, не более того, которое может быть компенсировано разными способами, но отнюдь не объясняет наличие фундаментальных геополитических, экономических, мировоззренческих противоречий в «треугольнике»²⁷⁴.

Еще менее оправданно связывать небольшую численность СЯС КНР с намерением нападения, а значительные СЯС — как потенциал сдерживания. Связь представляется очень сомнительной. Если исходить из такой посылки, то

²⁷³ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

²⁷⁴ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

и незначительные ядерные потенциалы Израиля предназначены для нападения, а Франции — «для резерва». «Если ядерные силы КНР столь ограничены, как считается, то они не способны к ответному удару и, очевидно, рассчитаны на упреждающий удар. Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в случае существования скрытого резерва»²⁷⁵. Пишут авторы.

Подобные псевдостратегические размышления российских экспертов абсолютно беспочвенны. И не только потому, что в официальных доктринальных и нормативных документах и реальной военно-технической политике не находят своего подтверждения, но и противоречат здравой логике, ведь таким образом можно объявить агрессивной любую сторону, у которой появляется оборонительный потенциал. На самом деле — хотят того эти эксперты или нет — они просто выражают систему идеологических взглядов близких западной ЛЧЦ.

Более того, в XXI веке сложилось устойчивое представление о необходимости иметь оборонительный потенциал на разных уровнях эскалации военного конфликта — от самого низкого до самого высокого, получившего оформление в последней редакции Военной доктрины России от 19 декабря 2014 года, — системы неядерного сдерживания, как комплекса внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии...»²⁷⁶.

Основания для беспокойства А. Арбатова и В. Дворкина, базирующиеся на отсутствии информации о китайском потенциале и намерениях, вряд ли достаточны и справедливы. В этой связи очень неубедительными выглядят следующие

²⁷⁵ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

²⁷⁶ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

политические рекомендации А. Арбатова и В. Дворкина: «Необходимо учитывать китайский фактор при разработке новых российско-американских инициатив по ограничению и сокращению вооружений»²⁷⁷, а также предположения российских экспертов, которые больше похожи на пожелания китайской стороне: «Пекин может присоединиться к процессу разоружения, если...»²⁷⁸. Каких инициатив РФ и США? Какая может быть реальная основа для продолжения ограничения СЯС США и РФ?

В конечном счете, не так, уж, и важно, что предлагают российские эксперты конкретно. Важно то, что их субъективное представление о характере внешних угроз для России очень далеко от реальности, но зато очень близко к позиции западной ЛЧЦ. Важно и то, что эта и любая иная субъективность политиков и экспертов, нередко зафиксированная в политических документах и решениях, не отражает реальных тенденций в развитии ВПО и СО.

Приведенные примеры нужны не только для того, чтобы проиллюстрировать как авторитетные и известные эксперты субъективно понимают реальную МО и ВПО, но, прежде всего, для иллюстрации разницы в оценке МО у представителей разных политических элит в России, в контроле над которыми заинтересованы в западной ЛЧЦ. Подобный разброс мнений и субъективных подходов при оценке МО — та реальность, с которой сталкиваются политики все последние столетия, когда пытаются оценить не «возможности» («capabilities»), а «намерения» («intentions»), когда избегают «идеологизации» политики. Если возможности меняются относительно медленно (на чем мы специально остановимся ниже), то намерения — очень быстро. Так, экономические,

²⁷⁷ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

²⁷⁸ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

финансовые и иные возможности России за 2013–2015 годы изменились незначительно. Эти изменения можно оценить в нескольких процентах, даже долях процентов по ряду направлений, да и то, далеко не в лучшую сторону. Но политико-идеологические намерения изменились существенно из-за радикально изменившихся внешних условий, что позволяет надеяться, что в главном противостоянии ЛЧЦ — идеологическом — сможет победить российская ЛЧЦ. Сначала идеологически, а затем и политически.

3.9. Влияние правящей элиты на формирование международной обстановки в условиях сетцентрической войны

Усиление значения субъективных факторов для анализа и прогноза развития МО и ВПО в XXI веке, о котором коротко говорилось выше, требует более детального исследования, ибо без этого не вполне ясно каким образом могут реализовываться будущие сценарии развития МО и ВПО в условиях сетцентрической войны. В этой связи необходимо напомнить, что главной целью системной сетцентрической войны против российской ЛЧЦ является российская правящая элита, точнее — ее способность адекватно воспринимать национальные ценности и интересы, формулировать точные цели и задачи и эффективно использовать имеющиеся национальные ресурсы²⁷⁹. И первое, и второе, и третье — достаточно субъективно оцениваемые функции управления, результаты которого не зависят по большому счету от объективных критериев (которых уже разработаны

²⁷⁹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. 169 с.

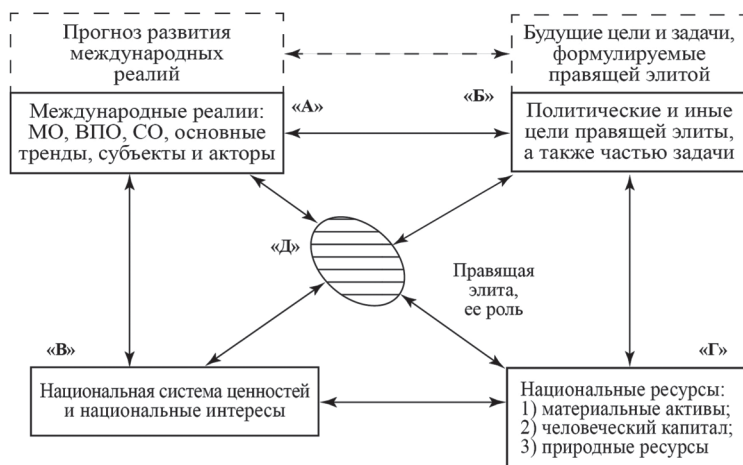

Рис. 3.16. Логическая схема политического процесса и взаимодействия основных групп факторов с группой субъективных факторов в условиях сетецентрического противоборства

сотни)²⁸⁰, а трактуются также субъективно. Иными словами, эти результаты могут быть не менее виртуальными, чем виртуальны политические цели в XXI веке.

В этих целях предлагается вернуться к общей логической схеме политического процесса, о которой уже не раз говорилось выше, для того, чтобы попытаться рассмотреть влияние решений политической элиты в условиях сетецентрической войны.

Изначально видно, что в XXI веке требования к профессиональным и управленческим навыкам правящей элиты стремительно возрастают, а ее субъективное положение и качество становится нередко решающим фактором политического успеха. Особенно резко возросла ответственность элиты: Это видно, если прежде ошибки правящих элит могли быть исправлены

²⁸⁰ См. например: *Каница Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО, 2008. 352 с.

и не имели таких драматических последствий (за редким исключением стратегических ошибок), то в XXI веке правящие элиты превратились не только в главный субъект, но и главный предмет, например, из следующего рисунка (рис. 3.16), на котором описана реальная роль современной правящей элиты и ее субъективно-решающее значение. Причем это объективное значение резко возрастает в связи с новыми внешними условиями, формируемыми сетцентрическим системным противоборством.

Из этого рисунка в частности видно следующее:

1. Сетцентрическое системное противоборство предполагает не только усиление прямого внешнего воздействия на правящую элиту (по оси «А» — «Д») в форме влияния, угроз, шантажа, санкций и пр., но и усиление косвенного внешнего давления через все группы факторов, участвующие в формировании политики:
 - деформацию системы ценностей и национальных интересов («универсализацию» и «гуманизацию» ценностей и приоритета прав человека над национальными интересами и пр.);
 - искажение политических целей и задач (по оси «А» — «Б»), когда политические цели, формулируемые правящей элитой, во многом искажены под внешним влиянием, что хорошо было видно в 90-е годы XX века в России;
 - неэффективным использованием национальных ресурсов и транспортных коридоров. Таких примеров внешнего влияния на группу факторов «Г» известно множество — от попыток «обосновать» бесперспективность развития Сибири и Дальнего Востока, до современных попыток рейтингования университетов и уничтожения образования и НЧК России²⁸¹.

²⁸¹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1—3. М.: МГИМО—Университет, 2011—2013.

2. Сетецентрическое и системное противоборство с Россией предполагает одновременное использование всех инструментов влияния и средств не только внешней, военной, но и внутренней политики, синхронизированное в режиме on-line, что дает дополнительный синергетический эффект влияния. Государство — объект внешнего воздействия сталкивается одновременно с экономическими и финансовыми трудностями, социальной напряженностью, ростом оппозиции, внешнеполитической изоляцией и т.п.
3. Базовые, объективные факторы в XXI веке (прежде всего система ценностей и национальных интересов) не только влияют на элиту, но и сами все сильнее начинают находиться под ее влиянием и последствиями проводимой ею политики (вектор «В» — «Д»). Можно сказать, что в XXI веке влияние элиты уже существенно усилилось на эту группу факторов. Настолько существенно, что уже можно говорить о радикальных сдвигах в общественном сознании, которые занимают не столетия и несколько десятилетий, как прежде, а несколько лет. Это нашло свое отражение, в частности, в новой редакции «Национальной военной стратегии США», в которой подчеркивается Консенсус правящей элиты относительно необходимости мирового лидерства США²⁸². Яркий пример — деформация системы ценностей у значительной части граждан Украины.

Именно это явление мы наблюдаем в других бывших советских республиках — странах, входивших в СССР, где благодаря телевидению и интернету произошел практически мгновенный переход от идеологии коммунизма к православию и исламу, от интернационализма — к шовинизму и русофобии.

²⁸² The National Military Strategy of the United States of America. June, 2015. Wash. : DOD, 2015. P. 3.

Вероятнее всего эта тенденция усиления субъективного влияния политики элиты на базовые ценности в XXI веке не только сохранится, но и усилится. Особенно, если государство будет активнее в ней участвовать. Конечной целью такой деформации систем ценностей и интересов является приведение их к некой универсальной системе «мировых ценностей», которая автоматически означает и создание универсальной мировой системы правовых норм, которыми должны в обязательном порядке руководствоваться государства, даже если они и противоречат их ценностям и интересам. Об этом, в частности, откровенно говорится даже в последней (июнь 2015 г.) «Национальной военной стратегии США», где подчеркивается, что Вашингтон берет на себя обязательство «возглавить процесс адаптации, формирования и ... установления правил и норм, создания институтов, являющихся базовой основой для мира, безопасности...»²⁸³ и т.д.

4. Институты «мягкой силы», создаваемые государством, для воздействия на системы ценностей, могут уже успешно конкурировать даже с государственными институтами. Как показал пример с Исламским государством, в течение всего лишь нескольких месяцев можно создать международную военно-политическую организацию, охватывающую десятки стран на нескольких континентах. Это означает, что у государств появляется новое средство силового и военного давления на своего оппонента — негосударственные (национальные и международные) организации, которые становятся вполне равноправными акторами с государствами при формировании МО и ВПО, если получают соответствующую поддержку извне.

Нередко такие акторы могут появляться и активизироваться по вполне субъективным и даже личным причи-

²⁸³ The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : DOD, 2015. P. 2.

нам. Если в XXI веке такие случаи были редкостью (вспомним, например, высадку группы Ф. Кастро на Кубе с яхты в 1956 году), то в XXI веке они стали правилом. Более того — частью системной стратегии противоборства.

5. Формирование международных реалий пока что находится еще только отчасти под субъективным влиянием политики правящей элиты ведущей ЛЧЦ. Объективное влияние на элиту международных факторов в XXI веке очень сильно и продолжает оставаться решающим (вектор «А» — «Д»). Но и в этой области мы наблюдаем усиление субъективного фактора влияния политики правящей элиты ведущей ЛЧЦ даже на глобальные тенденции. Так, масштабы финансирования отдельных областей человеческой деятельности (науки, образования, экологии и др.) или направлений деятельности, а также административные решения могут ускорять или тормозить их развитие. Мировой тренд развития здравоохранения, а также образования, например, во многом был обеспечен объявлением этих областей наиболее приоритетными областями экономики еще в 80-е годы XX века в странах западной ЛЧЦ.

Но особенно важную роль субъективный фактор может оказать на развитие существующих или создание новых международных (государственных и общественных) институтов. И не только политических, но и иных, чье влияние, однако, сравнимо с политическими. Во многом успех или неудачи в этой области связаны с личностями тех политиков, которые стоят у истоков такой политики и их возможностями. Особенно важное значение приобретает например, политическая стратегия США по созданию новых коалиций государств — как политических, так и экономических, — а также «обновлению альянсов от Европы до Азии»²⁸⁴ (Б. Обама).

²⁸⁴ Обама Б. Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / <http://inosmi.ru/>

6. Наличие национальных ресурсов во многом детерминирует возможности правящей элиты, но история показывает, что и сама элита оказывает на их развитие сильное влияние. Так, И. Сталин смог за 10–12 лет фактически создать промышленный и оборонный потенциал СССР, а М. Горбачев — развалить ОПК всей ОВД и СССР. Сегодня огромное значение имеет, например, потенциал НЧК²⁸⁵, который, однако, очень слабо учитывается, развивается и используется правящей российской элитой (вектор «Г» — «Д»).

Огромное значение приобретает в XXI веке не только НЧК как таковой — «сам по себе», но и его институты, которые становятся движущей силой экономического и социально-политического развития. Более того, они становятся влиятельным ресурсом для формирования МО и ВПО. Их развитие во многом зависит от субъективного фактора — позиции правящей элиты, — которая может законодательно и финансово, а также медийно, существенно ускорять или замедлять этот процесс. Так, в США, где сознательно развивают эти институты, фонд развития университета может составлять 50 млрд долл., а в России — самый крупный (у МГИМО) — 0,03 млрд долларов. Соотношение этих цифр говорит о многом, но прежде всего о тех возможностях институтов развития НЧК и их влияния в мире, которые есть у США и России.

Не секрет, что во многих странах правящие элиты (и не только финансовые, но и политические) сознательно управляют этим процессом. Новые организации создаются и развиваются, как правило, под контролем или даже при непосредственном участии власти. Соответственно и «конечный продукт» — будь то ИГИЛ, талибы, либо УНА-УНСО, будет результатом такой работы.

²⁸⁵ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

7. В XXI веке, как и прежде, политические цели и задачи (группа факторов «Б») прямо формулируются правящей элитой, однако сама эта элита существенно сужается, а влияние общества и даже правящего класса сходит на нет. Вместе с тем у этого узкого слоя правящей элиты появляется новый «абсолютный» инструмент влияния на общество и особенно на «креативный класс» — социальные сети, позволяющие манипулировать общественным сознанием.

При этом решающее влияние на процесс формирования цели и задач оказывают три группы факторов:

- Группа факторов «А» — (международные реалии: соотношение сил, содержание МО и ВПО и т.д.);
- Группа факторов «Г» — (существующие национальные ресурсы и эффективность их использования). Совершенно очевидно, что национальные ресурсы (демографические, экономические и др.) могут либо прирастать, причем быстрыми темпами, как в современной КНР или Индии или в СССР в 50-е гг., либо стагнировать, как в современной России, когда демографические и экономические ресурсы за 2007–2015 годы остались в лучшем случае на прежнем уровне. От этого зависят, прежде всего, реальные возможности государства участвовать и влиять на формирование МО;
- Группа факторов «Д», характеризующая качество (адекватность, профессионализм и подготовленность) самой правящей элиты. Именно от субъективного качества правящей элиты зависит, прежде всего, реалистичность формируемых в Группе факторов «Б» (цели и задачи политики)²⁸⁶.

²⁸⁶ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Для целей анализа и стратегического прогноза развития сценариев МО и ВПО очень важно не допустить недооценки влияния этой группы субъективных факторов на формирование соответствующей МО, особенно, если речь идет о долгосрочной перспективе. Конкретно, когда речь идет о развитии важнейших групп факторов, формирующих МО: субъектов международной обстановки, мировых тенденциях и негосударственных акторах.

Значение субъективного фактора в условиях глобального противоборства ЛЧЦ — прежде всего политики правящей элиты — выражается, в частности:

- в ее непосредственном влиянии на международные реалии, которые может быть очень сильным, даже радикальным. Достаточно вспомнить Наполеона или Гитлера, чье субъективное влияние на формирование МО в XIX и XX веках было огромным, но в еще большей степени это влияние стало в XXI веке: лидерство США в западной ЛЧЦ предопределяет во многом весь ход мирового развития, а не только конкретные исторические периоды;
- в создании «мнимых» политических целей и «виртуальных реалий» вместо реальных, с тем, чтобы сначала дезориентировать, а затем и разгромить противника. Так, заявленной мнимой, «виртуальной» целью США на протяжении многих лет в отношении СССР была «демократизация», а реальная — расчленение, установление контроля над ресурсами и политикой страны.

Нередко политика, «сеть» сознательно пользуется разницей между субъективными и объективными оценками, либо даже искусственно их создает. Что характерно для современной науки и журналистики в общественно-политической области. Это влияние «сети» на сознательное искажение реальности в полной мере недооценивается, хотя нередко «сеть» сама и становится этой реальностью. Более того программирует возникновение этой реальности.

Очень наглядно этот феномен, характеризующий радикальное расхождение между реальностью и виртуальностью, описали талантливые футурологи, на примере катастрофы в Чернобыле в 1986 году (Для понимания ведущейся против России системной сетецентрической войны на этом феномене следует остановиться подробнее). Они, в частности, пишут следующее: «Мы уже отмечали, что взрыв реактора в Чернобыле совершенно по-разному выглядит в материальном и в информационном измерениях. Другими словами, между реальной катастрофой и ее отражением в зеркале общественного мнения нет почти ничего общего»²⁸⁷. (Именно так, кстати, произошло в 2008 году в ходе осетино-грузинского конфликта и в 2014–2015 годах на Украине). В качестве примера приводится следующая матрица (табл. 3.5), которую полезно составлять, на наш взгляд, в целях лучшего понимания МО.

Можно было бы составить аналогичную таблицу для сравнения реальных событий на Украине 2014–2015 годов и их восприятием в медийном пространстве, общественном и политическом сознании, контролируемом «сетью» на Западе и частично в России. Приведем лишь несколько примеров (табл. 3.6).

Основываясь на принципиальной разнице в оценках и анализе между виртуальной реальностью, «сетью» и политической конкретной реальностью, политики нередко формируют такие сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО, которые изначально соответствуют их целеполаганию. Именно это происходит, например, в США, где конгрессмены, сенаторы, пресс-секретари сознательно и целенаправленно формируют новую реальность в отношении России и Украины, равноценную военной реальности, реалиям сетецентрической войны.

²⁸⁷ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 48–51.

Таблица 3.5. Реальность и мифы Чернобыльской катастрофы

Оценка общественного мнения		Реальная оценка
Дата и место катастрофы	26 апреля 1986 г., г. Чернобыль	26 апреля 1986 г., г. Припять
Характер катастрофы	Взрыв ядерного реактора	Взрыв гремучего газа с разрушением корпуса ядерного реактора и выбросом наружу радиоактивных материалов
Количество погибших	Более 100 000 человек, не считая врожденных уродств (еще около 100 000), некоторые оценки — до миллиона	Не более 711 человек: 3 погибли при взрыве (погибшие), 28 умерли в течение трех месяцев (пострадавшие), 10 человек погибли от рака щитовидной железы, вызванного Чернобылем (косвенные потери). Остальные 670 человек — это оценка сверху возрастания смертности в течение 30 лет — до 2016 года (статистические или демографические потери). Из общего числа в 711 человек 237 были госпитализированы с диагнозом лучевая болезнь, причем у 134 зарегистрирована острая форма
Прямые материальные потери	Триллионы долларов, «невозможно подсчитать»	250 миллиардов долларов в мировых ценах 1986 г. В долларах 2010 года по расчетам «калькулятора инфляции» (США) — около 500 миллиардов долларов

Оценка общественного мнения		Реальная оценка
Масштаб катастрофы	Крупнейшая техногенная катастрофа в истории человечества, сравнимая с самыми серьезными природными катастрофами и даже превосходящая их	Крупнейшая ядерная катастрофа в истории человечества. Заметно уступает по масштабу ряду других промышленных катастроф, по числу человеческих жертв — многим катастрофам на транспорте, по материальным потерям — экономическим кризисам. С природными катаклизмами ни по числу жертв, ни по материальным последствиям не сравнима
Основная причина катастрофы	Порочная конструкция реактора	Грубые ошибки операторов
Экологические последствия	Глобальная экологическая катастрофа, влияние которой будет ощущаться в течение столетий по всему земному шару	Локальная катастрофа, приведшая к гибели т.н. «рыжего леса», эвакуации города и временному выводу из эксплуатации ряда пахотных земель. По истечении двадцатилетнего срока каких бы то ни было экологических последствий, даже на территории, непосредственно примыкающей к станции, не наблюдается
Социальные последствия	Демографическая деградация (депопуляция) Украины и Белоруссии, огромное количество хронически больных и больных от рождения	Возникновение «иллферства» — «синдрома хронически большого». Катастрофа сыграла определенную роль в процессе распада СССР, в частности, вызвала расторжение союза России и Украины. Энергетическая катастрофа в Армении в начале 1990-х годов

Таблица 3.6. Реальность и мифы войны на Украине в 2014 г.

Событие	Оценка в «сети»	Реальная оценка
21 февраля 2014 г.	Революция против коррупции и авторитаризма	Военный переворот
Военные действия на юго-востоке	Вторжение и агрессия российских войск	Гражданская война
Противостояние в стране	Борьба против коррупции и ставленников России	Террор против оппозиции и политических противников
Борьба с вооруженной оппозицией	Антитеррористическая операция (АТО) в некоторых районах страны	Политическое и военное противостояние по всей стране
Экономический и финансовый кризис	Временные трудности в финансах и экономике, вызванные российской агрессией	Неуправляемость экономикой и финансами, их подчиненность решению политико-идеологических задач
Численность погибших	5 тыс. убитых и 10 тыс. раненых	50 тыс. убитых и около 100 тыс. раненых

На примере таких оценок применительно к Чернобылю, российские авторы показывают, как далеко могут зайти эти искусственно построенные сценарии по своим последствиям. Пример с Чернобылем убедителен еще и тем, что он внешне никак не политизирован и достаточно удален по времени на большое расстояние, что позволяет более объективно отнестись к последствиям искусственной оценки «сети». Другими словами последствия создания виртуальной реальности для стратегии развития страны еще больше, чем для современности. Это и понятно, ведь в стратегическом

прогнозе на 10–20, а тем более 30–50 лет можно сознательно допускать еще большие искажения, чем в создании виртуальной реальности.

В частности, российские авторы выделяют:

Долгосрочные технологические последствия Чернобыля заслуживают того, чтобы перечислить их отдельно.

«РАЗ. Согласно прогнозам МАГАТЭ середины 1970-х годов к рубежу тысячелетий в мире должно быть около 4500 ядерных реакторов. В действительности на сегодня в мире 439 функционирующих реакторов, еще 27 находятся в постройке, то есть проектные намерения были выполнены менее чем на 10%. Это позволяет оценить как „эффект Чернобыля“, так и реальность барьерного торможения»²⁸⁸.

Другими словами программы ядерной энергетики были свернуты в 10 раз(!), что имело, в конечном счете, огромное политическое и экономическое значение.

«ДВА. Количество вводимых ядерных мощностей резко сократилось, а цена энергоблока резко возросла в связи с новыми требованиями к безопасности. Это привело к кризису национальных и международных компаний-производителей ядерного оборудования. В конечном итоге, даже такой гигант, как Westinghouse, потерял коммерческую самостоятельность»²⁸⁹.

Не трудно оценить эти последствия для СССР и России, которые изначально ориентировались на экспортные возможности нашей страны. К этому следует добавить, что с точки зрения научно-технической и технологической атомная энергетика была одной из немногих областей, где СССР и Россия являлись бесспорными мировыми лидерами. Во многом кризис советской и российской науки

²⁸⁸ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 50.

²⁸⁹ Там же.

и промышленности 1990-х годов объясняется кризисом в атомной промышленности.

Наконец, снижение экспортного потенциала СССР и России из-за кризиса в атомной промышленности значительно повлияло на степень внешнеполитического влияния России в мире. Известно, что строительство и обслуживание АЭС — огромный многомиллиардный проект, от развития которого зависят многие политические и экономические условия формирования внешней политики страны.

Далее авторы рассматривают более широкий экономический контекст аварии в Чернобыле:

«ТРИ. Остановка развития ядерной энергетики опосредованно привела к торможению во всех секторах энергетики. Как следствие, возник дисбаланс между ростом потребностей на электроэнергию и темпами ввода в строй энергетических мощностей. Эта проблема усугубилась в начале 2000-х годов, когда в ряде стран ускорился процесс выбывания энергоблоков, выработавших свой ресурс. Желание продлить эксплуатационный и межремонтный период работы генерирующих систем, причем в технологически неадекватных, но коммерчески привлекательных режимах, привело к ряду аварий. Самой тяжелой из них была катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 года»²⁹⁰.

Известно, что в целом ряде стран эта проблема имела катастрофические последствия. В частности, в Армении, Болгарии, Германии. Но в еще большей степени она повлияла на общеполитическую и экономическую обстановку в мире.

«ЧЕТЫРЕ, — пишут авторы. — В ряде стран ядерная энергетика была законодательно запрещена. В тех странах, где ее роль в общем энергетическом балансе была значи-

²⁹⁰ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 51.

тельной, возникла острая нехватка электроэнергии, как для промышленного, так и для бытового потребления. К наиболее тяжелым последствиям это привело в Республике Армении»²⁹¹. Политические последствия, например, сказались даже в 2015 году и, наверное, еще не раз скажутся.

«ПЯТЬ. Цена на природный уран за 1986 год упала в четыре раза. В результате данный ресурс оказался сильно недооцененным, что привело к социосистемно неэффективной ядерной энергетике²⁹², причем вплоть до сегодняшнего дня все попытки перейти к рециклингу урана наталкиваются на сопротивление экономистов»²⁹³.

«ШЕСТЬ. Резко замедлился технический прогресс в ядерной энергетике. На сегодня функционирует только один реактор на быстрых нейтронах — БН-600 на Белоярской АЭС, введенный в строй в 1980 г. С момента Чернобыльской катастрофы и по сей день не введена в коммерческую эксплуатацию ни одна инновационная ядерная энергетическая установка».

«СЕМЬ. Оказался вне закона с вечным клеймом «чернобыльского» весьма эффективный реактор РБМК».

Этот пример с Чернобылем очень убедителен хотя бы потому, что в нем изначально явно не просматривается политическая заданность, хотя очевидно, что она была и играла решающую роль. Тем яснее становится политическая

²⁹¹ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 51.

²⁹² Социосистема, как и любая экосистема, тем эффективнее, чем более она замкнута по веществу и энергии. При низкой цене на природный уран коммерчески невыгодно перерабатывать ядерные отходы для повторного использования урана (замкнутый ядерный топливный цикл, урановый рециклинг). Возникает противоречие: социосистемно необходимое действие оказывается коммерчески неэффективным. Это и означает неоцененность используемых ресурсов.

²⁹³ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 51.

заданность оценок, анализа и прогноза «сети» в случаях, когда рассматриваются сценарии военно-политической и стратегической обстановки. Причем не только с точки зрения контроля и управления над формой — субъектами и факторами формирования МО и ВПО, — но и с точки зрения контроля над их содержанием, направленностью и характером (т.е. основными особенностями). Так, с этой точки зрения «сеть» сознательно и целенаправленно формирует последовательно иерархию, структура которой предопределяет содержание будущей СО²⁹⁴. В ее основе лежит один из сценариев развития локальной (западной) человеческой цивилизации, которая объявляется «эталонной», «самодостаточной системой ценностей», «образцом» для подражания и, может быть, главное — той «абсолютной» международной нормой, которой должны соответствовать другие локальные цивилизации, нации и страны. В любой области — от соблюдения прав ЛГБД-сообщества, которое обещал Б. Обама, до сохранения финансово-экономической системы.

Соответственно будущая система МО и ВПО должна либо соответствовать этой «идеальной «международной» норме», либо приспособиться к ней на определенных, выработанных Западом условиях. В противном случае эти цивилизации оказываются «нецивилизованными», «недемократическими» и т.д. и в их отношении формируется неблагоприятная МО и ВПО с соответствующими последствиями для СО. Это и есть та «содержательная» характеристика для изначально формируемых будущих сценариев развития СО, которые могут в некоторых деталях отличаться друг от друга, но сходиться в общем — установлении контроля западной локальной цивилизаций над всеми основными

²⁹⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

субъектами и факторами развития МО, ВПО и СО в мире. Причем не только с формальной, но и, главное, содержательной стороны²⁹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что традиционно существующий подход в анализе МО и ВПО, и характера будущих войн и конфликтов основанный на анализе объективных факторов в XXI веке уже становится недостаточным. Даже с учетом его более совершенных методик. Он позволяет в лучшем случае анализировать и прогнозировать существующие количественные и декларативные факторы и тенденции, определяющие развитие ВПО в мире — субъекты МО и мировые процессы, — но не их содержание, качество и политическую направленность, формируемые теми, кто контролирует политико-информационную мировую структуру «сети». Этому мало помогает и анализ, который делается внешнеполитическими службами, ибо он опирается, прежде всего, на анализ официальных документов. Поэтому, рассматривая существующие и будущие сценарии развития МО и ВПО требуется акцентировать внимание, прежде всего, на содержании идеологии, концепций и субъективных оценок в политике «сети», а не на ее формальных моментах: сетцентрическая стратегия не просто допускает, но и планирует массовый вброс информации.

Сказанное имеет прямое отношение к СССР — России, против которой не прекращалась «холодная война», начатая после Второй мировой войны (а на деле — всего лишь «замороженная» на период 1941–1945 годов). Эта война, получившая мощный импульс в начале 1980-х годов при Р. Рейгане, отнюдь не закончилась с ликвидацией коммунистической власти. Просто борьба против коммунизма в СССР была заменена борьбой против русских и России как центра, «ядра»

²⁹⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

евразийской цивилизации, геополитического пространства и концентрации природных ресурсов. Теперь уже Россия рассматривалась в качестве цивилизационного и геополитического противника. Во всяком случае, до тех пор, пока ее элита не приняла правила игры, навязанные Западом. Что и является важнейшей субъективной особенностью формирования МО и ВПО в условиях сетецентрической войны.

Война в XXI веке против России уже приобрела отчетливые сетецентрические очертания — системное навязывание антинациональной системы ценностей и ложного понимания национальных интересов, деградация национального человеческого капитала, обрабатывающей промышленности, — что неизбежно должно было привести уже в среднесрочной перспективе до 2021 года к двум важнейшим геополитическим последствиям:

- потере влияния России на постсоветском пространстве и в Евразии и переход к контролю над ним к США и НАТО (что и произошло во многом с расширением НАТО);
- ослаблению политического, идеологического и экономического влияния федерального центра в российских регионах страны, разрушению транспортных коридоров, что означало подготовку к дезинтеграции территории страны.

3.10. Влияние национального человеческого капитала на субъекты международной обстановки

XXI век вносит очень существенные изменения в процессы развития человеческой цивилизации, которые можно сформулировать как стремительное усиление влияния субъективного фактора на МО и ВПО, прежде всего

влияния человека, его потенциала вообще и институтов человеческого потенциала в частности, на все процессы, происходящие в мире. Эта объективная тенденция усиливает и без того значительное субъективное влияние на все социальные и общественные процессы, включая, естественно, процессы формирования МО, существующее в социальной деятельности²⁹⁶.

Если согласиться с уже не раз используемым в работе определением, что МО — это такое состояние международных отношений в определенный период времени, которое определяется тремя основными группами объективно существующих и развивающихся факторов и отношениями между ними, как:

- субъектами МО (цивилизациями, нациями, государствами);
- ведущими мировыми тенденциями;
- негосударственными акторами — союзами, коалициями, организациями и т.д.²⁹⁷

То мы, неизбежно, вскоре обнаружим, что на все эти три группы объективных факторов в XXI веке в возрастающей степени воздействует субъективный, человеческий фактор, формально относящийся к подгруппе мировых тенденций. Настолько сильно, что возникает вопрос о его реальном месте в МО среди этих трех основных и других групп формирующих МО. Это происходит потому, что социальные отношения между людьми, обществами и государствами с появлением электронных СМИ и ИКТ превратились в самостоятельную политическую силу, фактор, поддающийся влиянию субъективной воли, который, в конечном счете, и формирует «виртуальную», а затем и «реальную» МО.

²⁹⁶ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

²⁹⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

В качестве примера можно привести войну США в Ираке против С. Хусейна, которая началась после создания с помощью СМИ и других институтов НЧК «виртуальной» МО и ВПО, где Ирак, по мнению США, угрожал использованием химического оружия. Интересно, что другие три группы приоритетных факторов, формирующих конкретную МО (субъекты МО, ведущие мировые тренды и негосударственные акторы) в наименьшей степени повлияли на этот процесс. Не только позиции отдельных ЛЧЦ и стран, но и ведущих мировых акторов, наконец, сложившаяся мировая система безопасности, не помешали, а фактически поддержали процесс «виртуальной провокации» США, который оказался возможным в силу очевидного превосходства США в НЧК и влиянии его институтов, прежде всего СМИ и «экспертного сообщества».

Таким образом, мы можем констатировать, что благодаря НТР в конце XX — начале XXI века появился новый влиятельный фактор формирования МО — субъективная политическая воля, опирающаяся на НЧК и, выраженная через СМИ и социальные сети. Это можно, также, проиллюстрировать следующим образом на рисунке (рис. 3.17), условно изображающем известные основные группы факторов формирующих МО, дополненные новым, формально субъективным фактором, который можно обозначить как концептуально-информационное влияние.

Из рисунка, например, видно, что в XXI веке уже существуют не только три группы объективных факторов, формирующих МО, но и одна группа субъективных факторов — концептуально-информационная, — которая самостоятельно и через традиционные факторы влияния формирует МО. При этом «виртуализация» реальности в обязательной мере присутствует при таком формировании, но в разной степени — от «обычной», до гипертрофированной. Ниже мы подробнее рассмотрим (когда будем говорить о конкретном сценарии развития МО) способы формализации влияния

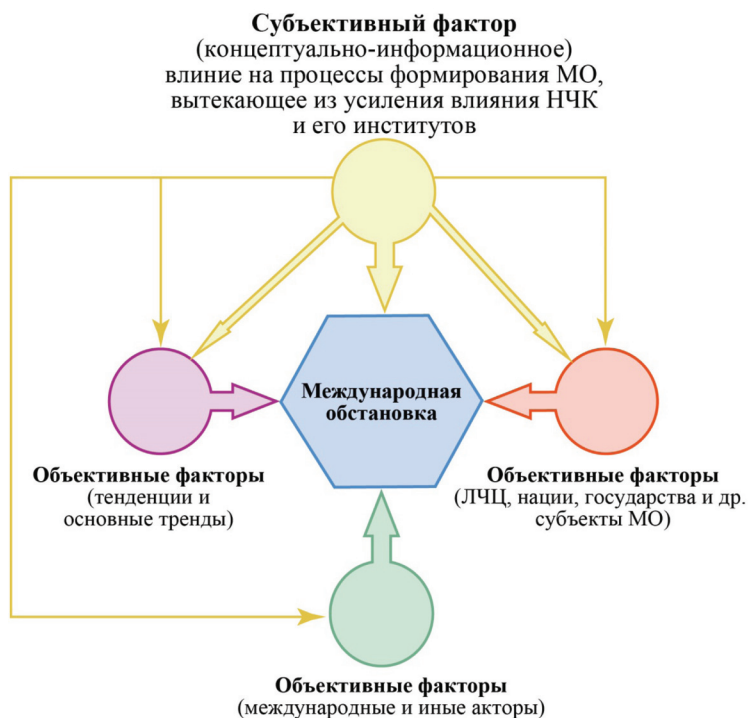

Рис. 3.17. Объективные факторы, формирующие международную обстановку (МО)

количественных, а также качественных оценок трех групп объективных факторов. Здесь же важно подчеркнуть, что воздействие на МО группы субъективных факторов влияния (чье значение в XXI веке существенно возрастает) может быть измерено, прежде всего, качественно, хотя количественные измерения (тиражи, индексы цитирования и пр.) наиболее привлекательны потому, что доступны и легко используются. Не случайно, например, то, что рейтинги банков, университетов и даже государств являются не только средством оценки этих субъектов, но и инструментом их

использования, управления. Так, основные рейтинги (банков, государств, университетов и пр.) придуманы и управляются западной ЛЧЦ. Это — политические намерения («intentions»), идеологические симпатии, предпочтения, системы ценностей и личных интересов отдельных личностей, политических лидеров и других представителей правящих элит.

Это создает объективные трудности для анализа МО и ВПО: если три группы объективных факторов можно систематизировать анализировать, а их развитие прогнозировать, то растущее влияние целой группы субъективных факторов необходимо учитывать какими-то иными способами, требующими самостоятельного теоретического и методологического обеспечения, которого пока что не существует вообще.

Очевидно, что даже официальные взгляды, какими являются, например, Военная доктрина РФ, выражают в лучшем случае более точный и обоснованный (на самом деле — формализованный и нормативный) подход, который, однако, является всего лишь точкой зрения, позицией части правящей элиты в конкретный период времени. Причем не всегда сколько-нибудь значимой. Так, уточненная Военная доктрина, принятая в декабре 2014 года, является именно уточненным вариантом Военной доктрины 2010, а та, в свою очередь, — Военной доктрины 1999 года. Примечательно, что между двумя последними вариантами Военной доктрины прошло чуть более 4 лет, однако развитие ВПО потребовало новой редакции. Не случайно, кстати, и то, что в новой редакции наибольший приоритет уделен описанию «мирового развития» и «глобальной конкуренции», «перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения», а также «соперничества ценностных ориентиров»²⁹⁸. Иными словами существует проблема учета

²⁹⁸ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

и оценки влияния всей массы таких субъективных факторов, как взгляды правящей элиты, которая пока что поддается только социологическому анализу. Этот анализ получил стремительное развитие в XXI веке, но пока что еще не стал инструментом оценки реальных факторов формирования МО. Причем выбор этих факторов делается произвольно.

В действительности суть процесса формирования МО и ВПО является результатом противоборства (иногда сотрудничества) локальных цивилизаций и формирования соответствующих сценариев развития будущей МО и ВПО, и будущих войн. Она имеет мало общего в XXI веке с прежними представлениями об отношениях наций и государств в XX веке и, тем более, попытками их прогноза в качестве экстраполяции на будущее. Эта новая, цивилизационная суть МО прямо вытекает из признания качественно нового характера военно-политической и международной обстановки, а также принципиально новых средств и способов вооруженного насилия. Признания того, что МО и ВПО в XXI веке качественно, радикально отличаются от обстановки в XX веке. Эта новая суть требует рассматривать новую парадигму развития МО, а не механически экстраполировать МО, сложившуюся в XX веке, на XXI век. Это особенно заметно на той части МО, которая относится к ВПО, в частности:

- соотношение и расстановка сил в мире (включая военных) стала совершенно иной, а именно: налицо безусловное доминирование западной ЛЧЦ и стремление сохранить эту ситуацию в будущем;
- произошла революция в средствах ведения войны (ВиВТ), которые сделали войну, по сути, продолжением технологического развития ЛЧЦ;
- радикально изменились способы ведения войны — военное искусство, которое перестало быть только военным искусством, превратившись в искусство системного применения всех видов насилия;

- появились совершенно новые пространства для ведения войн, прежде всего, воздушно-космическое, глобальное пространство на море и суше, глобальное информационное пространство;
- изменилось представление о времени, необходимом для начала и ведения войны, которое сократилось до режима «on-line»²⁹⁹.

Эти и другие радикальные изменения привели к качественному изменению всего характера МО и ВПО, войн и конфликтов, сделав их частями, производными от глобальных цивилизационных факторов, что ярко проявилось в концепции «сетевой войны». Это же, в свою очередь, стало мощным стимулом для усиления влияния субъективного фактора на формирование МО. Война — как высшая форма социального конфликта — обладает множеством решающих субъективных особенностей, которые затем влияют уже на более высокие уровни формирования ВПО и МО. Достаточно привести примеры войны 2014 года на Украине, где эти особенности проявились очень ярко. Так, появление небольшой патриотической группы решительных людей во главе с И. Стрелковым в Славянске привело к началу вооруженного восстания. И, наоборот, отсутствие такой группы в Харькове и Одессе не позволило «сепаратистам» оказать сопротивление³⁰⁰.

В итоге формирование всей СО, а затем и ВПО и МО вокруг восточных регионов Украины стало во многом следствием субъективного частного случая — решимости нескольких десятков людей, возглавлявшихся И. Стрелковым. Более того, до этого, в Крыму, произошло ровно то же самое: несмотря на противодействие объективных факторов (власть, ресурсы, вооруженное насилие и т.п.), субъективная воля отдельной

²⁹⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

³⁰⁰ Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

группы граждан Крыма в короткие сроки изменила стратегическую обстановку, затем — военно-политическую обстановку и, наконец, международную обстановку вокруг Крыма, втянув в себя все сколько-нибудь влиятельные субъекты, объективно формирующие МО.

Субъективность, таким образом, выражается в сознательном приближении, даже интеграции особенностей стратегической обстановки (т.е. конкретных условий силовой и вооруженной борьбы) с международной обстановкой. В XXI веке прежняя, жесткая логика и иерархия МО–ВПО–СО меняется на «смыкание флангов» — МО и СО. Средством для этого становится сетевая и сетецентрическая война. Суть современной «сетевой войны» (которая не имеет начала и конца, ведется постоянно, без формального объявления войны и соблюдения каких-либо договоренностей) заключается в использовании любых средств — политических, экономических, информационных, военных и других для достижения конечной и глобальной геополитической цели. Эта суть также выражается в том, что силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся системно, одновременно и скоординировано на всех уровнях, и, как правило, планируются с самого начала. В самом общем виде эта суть может быть выражена в следующей матрице «сетевых войн», где масштабы и интенсивность применяемых средств условно распределены от 1 до 20: табл. 3.7.

Из этой матрицы видно, что собственно военные и военно-технические средства используются параллельно и в разных масштабах с другими силовыми средствами, прежде всего, субъективно-личностными, что отражало суть сетевой войны против России на данном (2014 г.) этапе. Главный объект — В. Путин и правящая элита. Соответственно и эскалация войны возможна по всем направлениям ведения войны, но прежде всего финансово-экономическим и военным, направленным лично против представителей правящей элиты.

**Таблица 3.7. Суть современной «сетевой войны»
(на примере войны США против России на Украине)**

Используемые средства	Масштабы и интенсивность						
	1	2	3	5	10	+15	+20
1. Политические							
2. Дипломатические							
3. Информационные							
4. Экономические							
5. Финансовые							
6. Общественные							
7. Гуманитарные							
8. Военные							
9. Военно-технические							
другие							

Надо сказать, что подобная матрица применима ко всем потенциальным противникам США, которые уже (и в этом весь секрет) перешли из категории «потенциальные» в «реальные». Главная цель сетевой войны — обеспечить тем, кто ее ведет (США), способность, в конечном счете, всестороннего и абсолютного контроля и управления всеми существующими ресурсами и силами человечества: государствами, нациями, организациями, а также глобальными тенденциями — политическими, финансовыми, транспортными и пр., т.е. всеми процессами, формирующими МО и ВПО. Не случайно в декабре 2014 года Б. Обама заявил о том, что «в 2014 году США

укрепили свое лидерство в мире», прямо связывая этот результат с «победами» в Ливии, Ираке и на Украине, а в феврале 2015 года заявил об «обязательном лидерстве» США.

Поэтому сценарий доминирования США в любой СО, а затем и МО, является главным, доминирующим и имеющим точную антиэлитную направленность. Доминирование, как известно, очень трудно сочетается с равноправием и нормами международного права, обеспечением всеобщей безопасности и другими атрибутами суверенитета и международно-го сотрудничества. Эта политика — стратегический выбор США и военно-политической коалиции возглавляемой ими в мире. Прежде всего, в форме НАТО, а вскоре и ТТП и ТАП. Не случайно в новой редакции Военной доктрины России активизация НАТО была поставлена в качестве главной угрозы для нашей страны. Именно этот субъективный политический фактор — внешняя политика США — противопоставляют объективным факторам, формирующим МО.

Доминирование в мировой политике и укрепление контроля над всеми субъектами МО, а также развитием основных мировых тенденций не является единственной задачей США и возглавляемого ими союза западной локальной цивилизации. Такой «чисто» формальный контроль уже потерял в XXI веке значение. Подчинение государств, оккупация территории, даже военная победа — все эти атрибуты победы — в XXI веке потеряли свое значение. Более важным полагается создание условий для контроля над содержанием состояния субъектов МО и мировых тенденций, направленностью и темпами их развития: прежде всего формированием внутри этих субъектов, соответствующих представлениям победителя, системы ценностей и интересов. Так, на протяжении более 25 лет США формально практически контролировали правящую элиту Украины (как субъект МО), включая государственные и общественные институты этого субъекта (партии, министерства, администрации), но в еще

большей степени они стремились к установлению контроля над содержанием процессов, происходящих внутри этих субъектов и акторов политической, экономической и медийной деятельности на Украине. Это выражалось в политике искажения системы ценностей, определялось, прежде всего, русофобской, антироссийской направленностью, ориентацией на западную систему ценностей и интересов, отказ от действительно национальных интересов. Ставится задача изменить сознание если не у всей нации, то у наиболее активной ее части, которая и будет обеспечивать развитие нации в нужном направлении. В этом смысле пример Украины достаточно типичен, но наиболее ярок: процессы изменения сознания и национальной системы ценностей были запущены активно еще в начале 80-х гг. XX века, когда, как казалось, господствовала коммунистическая идеология. Именно тогда, по воле части правящей партийной элиты Украины стали возникать отдельные социально-активные группы людей, ориентированных на «украинство».

Этот тип «украинства» западноукраинского происхождения активно продвигался во власть на важные, но не публичные позиции. Поэтому «перестройка» М. Горбачева позволила легализовать эту идеологическую диверсию очень быстро и в течение всего лишь нескольких лет превратить во влиятельный политический фактор. После февраля 2014 года эта политика стала официальной доктриной той части правящей элиты Украины, которую западная ЛЧЦ поставила у власти. «Ярлык» на княжение в Киеве предполагает не просто сохранение формального контроля, но и развития содержательных процессов «украинизации», т.е. превращение Украины во врага — не только государственного, но и национального, этнического — России.

Иными словами контроль над содержанием, сутью субъектов МО, основными трендами мирового развития рассматривается западной ЛЧЦ как наиболее приоритет-

ная задача по отношению не только к международной, но и военно-политической обстановке. Контроля только над развитием ВПО и СО уже недостаточно. Недостаточно контроля уже и только над финансами. Необходим контроль над социально-политическими и культурно-образовательными процессами, проходящими в зависимых субъектах МО.

В этих целях не только создаются в массовом порядке лояльные НПО, фонды, но и псевдоинституты развития национального человеческого капитала — университеты и другие образовательные учреждения, системы кинопроката, театры и т.д.³⁰¹ Гуманитарные аспекты политики выходят на первый план, а их носители — творческие личности («креативные личности») — становятся важными субъектами, формирующими международную обстановку. Эти субъекты МО и акторы участвуют в формировании МО как лично, так и через свои институты. Учитывая резко возросшее значение «креативных слоев» и их институтов, влияние этих акторов на МО становится просто подавляющим. Именно эти искусственно созданные Западом институты, объединившие различные небольшие, но активные организации от фанатов-болельщиков до студентов университетов, стали той социальной силой, которая не просто сотворила «революцию Майдана», но и стала носителем идеологического и мировоззренческого мейнстрима на Украине в 2014 году. Произошло то, что казалось прежде невероятным, массовый сдвиг в общественном сознании, который перевернул веками формировавшуюся систему ценностей. И сделали это не финансовые вливания Запада (которые, естественно, были), не военная сила, а воспитанная определенным образом достаточно узкая социальная группа «пассионариев», которая смогла превратить субъективный фактор в политическую силу.

³⁰¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал Т. II. — М.: МГИМО-Университет. 2012 г.

Естественно, что все прежние инструменты политики, основанные на объективных возможностях западной ЛЧЦ, были использованы. Активно в целях «сетевцентрической войны» был задействован контроль США над мировой финансовой системой, мировыми сетевыми ресурсами, рейтингами — финансовыми, социальными, университетскими — международными и национальными негосударственными институтами.

Контроль «над содержанием» в отличие от «контроля над формой» субъектов политического процесса, осуществляемый с помощью «сети», как видно принципиально разный. Для контроля над содержанием по большому счету не важно, какая партия, например, будет находиться у власти в Раде, какой президент или премьер, будет возглавлять исполнительскую власть, какие партии и общественные движения будут формировать политическую систему («регионалы», «коммунисты» или «националисты»). Для контроля сети над содержанием важно, имеют ли эти структуры проамериканский, антироссийский и русофобский характер, насколько они последовательны и успешны в такой политике, насколько управляемы в этих целях. Соответственно большинство ответов на эти вопросы лежат в субъективной области.

Контроль «сети» над МО означает, что «сеть», в конечном счете, формирует и осуществляет контроль над будущими сценариями развития не только МО и ВПО, но и СО, отмечая (блокируя развитие, тормозя) с самого начала все те варианты и сценарии, которые противоречат содержанию проводимой политики. При этом «сеть» «не цепляется» за контроль над формой или конкретными субъектами. Тем более над формальными признаками. Этот контроль для нее менее важен, чем контроль над содержанием. Поэтому «сеть» легко жертвует ненужными субъектами и делает ставку на самые разные факторы. Политика «сети» настолько гибка, что говорить о ее принципах бессмысленно, кроме одного — вписываться в обозначенную политическую стратегию. Не случайно в нор-

Изменение механизмов внешнего контроля в XXI веке по сравнению с XX веком

Общая характеристика контроля XX в.	Общая характеристика контроля XXI в.
Внешнее влияние стремится к переходу к внешнему контролю над важнейшими областями государственной деятельности: — внешней политикой; — военной политикой; — финансами; — международно-коалиционной и дипломатической деятельностью	Внешне влияние стремится к переходу к содержательному внутреннему контролю через организованные группы правящей элиты не только в государственной, но и в большей степени в общественной деятельности на следующие объекты: — группы правящей элиты и общества в высших эшелонах власти, управления обществом и государством; — группы творческих деятелей и представителей «креативного класса» в общественных организациях, культуре, науке, образовании, СМИ; — группы лиц, контролирующих экономическую и финансовую жизнь
Основной объект влияния — институты государства	Основной объект влияния — институты общества, формирующие национальную систему ценностей
Пример: «перестройка» М. Горбачева, когда главными объектами для дезинтеграции стали армия, органы безопасности и правопорядка	Пример: трансформация общественного сознания на Украине

мативных наставлениях армии США четко отдается приказ сопоставления любых действий (информационных, военных, подрывных и т.д.) политическим намерениям США, которые четко формулируются Государственным департаментом страны.

Для анализа возможных сценариев развития МО и СО очень важно понимать, что традиционный анализ и прогноз в военно-политической области — это не только анализ состояния и развития субъектов, акторов и факторов (государств, численности ВС, ВВП и т.д.) МО и ВПО, а анализ и прогноз сохранения мировых тенденций и направленности их развития. Причем все эти факторы, акторы и тенденции должны быть:

- во-первых, рассмотрены в своей взаимосвязи;
- во-вторых, оценены с точки зрения влияния группы субъективных факторов МО.

Поэтому и в анализе, и в стратегическом прогнозе развития ВПО и СО в России требуется сосредоточиться не только на конкретных деталях и факторах (позиции «республиканцев», «демократов», конкретных конгрессменов, сенаторов, министров и т.п.), анализом деятельности которых привычно занимается большинство наших экспертов, а на системном анализе всего процесса сетецентрической войны, ведущейся против России, изначально включая два важнейших условия анализа:

- во-первых, признания самого факта такой войны и ее начала;
- во-вторых, признания ее конечной политической бескомпромиссной цели — уничтожения российской цивилизации.

Признание этих двух условий анализа современной МО обязательно просто потому, что оно делает изначально субъективные оценки близкими к объективной реальности. Нет смысла анализировать МО, если вы изначально исходите из горбачевских идей, которые не имеют под собой реальной основы. Также как и при постановке диагноза — будь то человек, автомашина или международная обстановка — нужна трезвая реальная оценка, а не субъективные пожелания «всего хорошего» для всех на этой планете. Реальность, к сожалению, такова. Эта реальность означает, что повсеместное внедрение

«сети», в конечном счете, представляет собой не только лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было действительной самостоятельности и суверенности, но и превращение их в жестко управляемые, запрограммированные, заранее заложенным и контролируемым содержанием, механизмы. Это в целом известный, но широко не признаваемый факт. «За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» («Операции базовых эффектов» — Effects-based operations — ЕВО. — *Авт.*), например, разработанной в США, стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе»³⁰², — справедливо пишет К. Мямлин. Не случайно политика В. Путина системного противодействия вызвала такую резкую и глобальную реакцию США. Она также системно противодействует системе «сети».

К сожалению, надо признать, что большинство существующих субъективных оценок в России МО и СО далеки от этих предположений. Более того, настолько далеки, что можно констатировать, что они просто не соответствуют реалиям. По самым разным, чаще всего субъективным, а иногда просто корыстным причинам. Поэтому когда происходят «неожиданные» радикальные изменения в МО они встречают «удивленную реакцию» со стороны, в том числе и тех авторов и институтов, которые составляют актуальные анализы и прогнозы. Так абсолютное большинство прогнозов, сделанных вплоть до декабря 2013 года в России, исключали обострение отношений с Западом в 2014 году. О чем сохранилось немало письменных свидетельств. Было немало и таких, которые прямо ориентировались на Запад.

³⁰² Мямлин К. Сетцентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

Расхождения в субъективных оценках существующих реальных сценариев СО в общественном сознании России, — катастрофические. Именно это, сплошь и рядом, наблюдается в реальной общественной и научной жизни и реальной политике. Там, где эти расхождения между надуманными или устаревшими оценками СО и реалиями больше, — там и крупнее трагедия. Пример — в оценках последствий «демократизации» СССР и случившейся реальной геополитической катастрофе, постигшей нашу страну. Их просто невозможно понять, если не принимать во внимание долгосрочного стратегического планирования, основанного на возможностях «сети» и ее содержательном контроле. Объяснение может быть только одним: правящая элита СССР и России не обладала необходимыми субъективными качествами для адекватной оценки и прогноза развития политической обстановки в мире. Эти минимальные, субъективные качества (о чем не раз уже писал А. И. Подберезкин)³⁰³, должны соответствовать следующим критериям:

- профессионализму и образованию;
- нравственности, патриотичности;
- способности к стратегическому прогнозу и оценки последствий принимаемых решений;
- творческому («креативному») принятию неординарных и инициативных решений.

К сожалению, не только «брежневская», но и последующие правящие элиты, не соответствовали этим минимальным критериям. Более того, сложилась закономерность, о которой говорилось не раз выше: чем сложнее становились проблемы в СССР и России, тем хуже становилась правящая элита, тем меньше оставалось уже субъективных возможностей для управления.

³⁰³ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал Т. I. — М.: МГИМО–Университет. 2012 г.

Список используемых сокращений и аббревиатур

АНБ	Агенство национальной безопасности США.
АТР	азиатско-тихоокеанский регион.
БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка.
ВВП	валовой внутренний продукт.
ВиВТ	вооружение и военная техника.
ВКО	воздушно-космическая оборона.
ВПК	Военно-промышленная комиссия.
ВПО	военно-политическая обстановка.
ВС	вооруженные силы.
ВТО	высокоточное оружие.
ГВП	Государственная программа вооружения.
ГОЗ	Государственный оборонный заказ.
ДОВСЕ	Договор об обычных вооружённых силах в Европе.
ЕАЭС	Евразийский экономический союз.
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество.
ЕС	Европейский союз.
ИВ	информационное влияние.
ИГИЛ	Исламское государство Ирака и Леванта.

ИРЧП	индекс развития человеческого потенциала.
КПРФ	Коммунистическая партия Российской Федерации.
ЛПР	лицо, принимающее решение.
ЛЧЦ	локальная человеческая цивилизация.
МАИ	метод анализа иерархий.
МО	международная обстановка.
МЭР	Министерство экономического развития РФ.
НАТО	Организация Североатлантического договора.
НПСР	Народно-патриотический союз России.
НЧК	национальный человеческий капитал.
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.
ОБЭ	Операции базовых эффектов.
ОВД	Организация Варшавского Договора.
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности.
ОМУ	оружие массового уничтожения.
ООН	Организация Объединенных Наций.
ООЭ	операция на основе эффектов.
ОПК	оборонно-промышленный комплекс.
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития.
ПАСЕ	Парламентская ассамблея Совета Европы.
ПО	программное обеспечение.
ПРО	противоракетная оборона.
ПРООН	Программа развития ООН.
РВД	революция в военном деле.
РГНФ	Российский Гуманитарный Научный Фонд.
РСМД	Российский совет по международным делам
СБУ	Служба безопасности Украины.
СМП	Северный морской путь.
СНВ	стратегические наступательные вооружения.
СО	стратегическая обстановка.

СССР	Союз Советских Социалистических Республик.
СЭВ	Совет экономической взаимопомощи.
СЯС	стратегические ядерные силы.
ТАП	Трансатлантическое партнерство.
ТВД	театр военных действий.
ТС	Таможенный союз.
ТТП	Транстихоокеанское партнерство.
ЦВПИ	Центр военно-политических исследований МГИМО.
ЧВК	частная военная компания.
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества.

Понятийный аппарат

Алгоритм политической стратегии — точная последовательность действий власти ЛЧЦ или государства, необходимых для получения необходимого политического результата.

Внутренний военный конфликт — внутреннее вооруженное противоборство, преследующее политические, экономические и идеологические цели.

Внутренняя война — конфликт в форме вооруженного противоборства между двумя (или несколькими) политическими субъектами.

Военно-экономический потенциал — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.

Военный потенциал — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Локальная человеческая цивилизация — уровень развития духовной, социальной и материальной культуры определенного общества, проживающего на конкретной тер-

ритории, объединенного общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

Международная война — одна из форм международного конфликта с участием, как минимум, двух государств и их вооруженных сил.

Международная обстановка — состояние системы международных отношений в определенный период времени, характеризующее состав акторов мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства.

Сетецентричность — подход к организации внешней и военной политики, который связывает все элементы системы в единую интегрированную систему управления, сбора, обработки и передачи информации.

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Современная локальная человеческая цивилизация — уровень развития духовной, социальной и материальной культуры конкретной части общества, проживающего на определенной территории в современный период.

Стратегическая обстановка — конкретное состояние участников военно-политической обстановки и их положение в определенный период времени накануне и в ходе конкретного военного конфликта или войны.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Факторный анализ — метод, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями переменных. Предполагается, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки.

Список используемой литературы

Абаев Л. Ч. О некоторых аспектах аналитического обеспечения стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации / Слушания в Общественной палате РФ. М. 2013.

Алешин Б. С. Вступительное слово / *Алексашин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. — М.: МГУ, 2011.

Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. С. 7.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.

Боришполец К. П. Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. — М.: «Аспект Пресс», 2010. 230 с.

Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013.

Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеиной. — М.: Аспект-Пресс, МГИМО-Университет. 2014.

Вернадский В. И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>.

Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2-х томах. — М.: Синергия, 2013.

Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В., Ручкин Г. Р., Жуков А. В., Русакова Ю. А., Подберезкина О. А. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Воронин С. А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015.

Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. — ЦАСС, 2015.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. А–З. М.: Терра, 1995.

Джонстоун Д. Замороженная война Вашингтона против России / «Counterpunch», USA. 2014.20 December / Цит. по: <http://eurasian-defence.ru/>

Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО, 2014.

Зеркалов Д. В. США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>.

Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность. М.: МГИМО, 2014.

Зиновьева Е. С. Международное управление Интернетом: конфликт и сотрудничество : учеб. пособие / Е. С. Зиновьева; под науч. ред. А. В. Крутских. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

Зиновьева Е. С. Российские интересы в сфере управления интернетом / Е. С. Зиновьева // Международные процессы. — 2009. — №1 (19).

Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е. С. Зиновьева // Индекс Безопасности. — 2013. — №1(104). — С. 213-229.

Иванов В. Миролюбие Поднебесной. Пекин сформулировал новые военно-стратегические установки // Независимое военное обозрение. 2015. 28 июля.

Ильин И. О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007.

Ильин И. А. О возрождении государственности / Эл. версия: Viperson. 2005. 9 марта / <http://viperson.ru/>

Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. — РСМД, 2013. — №10.

Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад / А. М. Шмелев, А. И. Подберезкин. М.: МГИМО, ЦВПИ, 2014.

Капица Л. М. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО, 2008. 352 с.

Караганов С. А. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет которые могут все изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. — М.: АСТ, 2008.

Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. — М.: МГУ, 2013.

Колеров М. Создатели гуманитарной катастрофы: евразийская риторика Москвы и Приднестровье / Эл. ресурс «OSTKRAFT» 06.10.2013 / <http://ostkraft.ru/ru/documents/1188>

Коротков А. В. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве / А. В. Коротков, Е. С. Зиновьева // Вестник МГИМО–Университета. — 2011. — №4. — С. 154-162.

Кортунов С. В. Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. №5 / <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225>

Крутских А. В., Зиновьева Е. С. Информатизация и макротехнологии: новое лицо мировой политики // Международные процессы. №1 -2, 2014. С. 20 — 32

Крылова С. Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx.

Кувшинова О., Лютова М. Для России напишут новую стратегию развития до 2020 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

Кулешова М. Эпикриз околonaучных интенций // Независимая газета. 2015. 11 сентября.

Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>

Лебедева М. М. Мировая политика. Учебник. — 3-е изд. стер. — М.: КНОРУС, 2014.

Ленин В. И. Полн. СОБР. Соч. — М.: Политиздат, 4-е изд. 1980. Т. 19.

Мунтян М. А., Подберезкин А. И. и др. Приватизация и приватизаторы. — М.: Евразия+, 2005.

Мямли К. Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

Нариньяни А. С. Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм / Вопросы философии. 2011. 22 февраля / <http://vphil.ru>

Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб: «Азбука-классика». 2008.

Обама Б. Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / <http://inosmi.ru/>

Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Подберезкин А. И. Долгосрочный сценарий развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад. / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. 175 с.

Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона М.: МГИМО–Университет, 2013.

Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

Подберезкин А. И. Национальная доктрина России. — М.: РАУ-корпорация.

Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

Подберезкин А. И. Русский Путь. — М.: РАУ-корпорация, 1996.

Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО–Университет, 2013.

Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Подберезкин А. И. Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология. — М.: МГИМО–Университет.

Подберезкин А. И. Эволюция идеологии российской политической элиты / *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

Подберезкин А. И., Макаров В. В. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ–Университет, 2000.

Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А. Приватизация и приватизаторы. — М.: Книга. 1995.

Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014. 167 с.

Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Долгосрочный сценарий развития международной обстановки / Вестник МГИМО–Университета, 2015. №2(45). С. 127–132.

Подберезкин А. И. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии): науч. ред. О. Т. Вите. СПб.: Алетея, 2007.

Рубцов С. В. Прощание с будущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января.

Русаков К. В. Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся. — М.: Политиздат, 1982.

Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение. 2011.

Савушкин Р. А. Что или Кто стоит за сознанием человека? / Эл. ресурс: «Viperson». 2015. 8 июня / <http://viperson.ru/>

Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2006.

Сизов В. Ю. О создании системы долгосрочного прогнозирования угроз национальной безопасности России в интересах принятия решений органами государственного управления в сфере национальной безопасности.

Симония Н. А. Избранное. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

Симония Н. А. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер. — М.: Восточная лит-ра, 1984 г.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Теория международных отношений — учебник для академического бакалавриата / под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Изд-во «Юрайт», 2015.

Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО–Университета. 2014. №2. С. 22–29.

Харкевич М. В. Глобализация и высшее образование: возможности для России // Вестник МГИМО–Университета. 2012. №6. С. 270–276.

Харкевич М. В. Государства-изгои как образ «другого» в мировой политике / М. В. Харкевич // Полис. — 2009. — №4. — С. 99–110.

Харкевич М. В. Усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. 2012. №5. С. 122–129.

Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf.

Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: «Аспект Пресс», 2015.

Чубарьян А. О. Всемирная история: взгляд из XXI века / Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян, Ин-т всеобщ. ист. РАН. — М.: Наука, 2011.

Шеремет И. Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н. [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Congressional Budget Office based on data from the Department of the Army // «The Congress of the United States, Congressional Budget Office. The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives». С. 10.

National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015.

Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDJ, 1997.

Strategic Trends Programme Global Strategic Trends — Out to 2045. London, Ministry of Defence. 2015.

The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash.: DOD, 2015.

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович
Соколенко Владимир Григорьевич
Цырендоржиев Самбу Рабданович

**Современная международная обстановка:
цивилизации, идеологии, элиты**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *Ю. Г. Кучмаева*

Подписано в печать 10.12.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 29,1. Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 100. Заказ № 1442

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76